

ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ)

ВОЙЦЕХ ВЖОСЕК

КЛАССИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ (НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ) ИДЕИ

В нижеследующих размышлениях мы будем искать ответ на вопрос, почему национальный взгляд на мир (его прошлое, настоящее и будущее) служит столь прочным фундаментом нашего современного мышления, и не только исторического. Ответ мы находим в характерных чертах исторического мышления, которое в определенной степени несет за это ответственность. Историография создает благодатную почву для упрочения национального мировосприятия. И не только историография последних двух веков.

Традиционный исторический дискурс опирается еще со времен Геродота на поиск тождеств и различий для «Мы» и «Они». Идея «мы» и «они» реализуется в Новое Время в форме повествования о судьбах наций. Оно заменяет и дополняет описания судеб этносов, государств, монархий, династий, а также людей из плоти и крови. Все эти исторические сущности, трансцендентные и земные, становились предметом исторических сочинений. При этом, как отмечает Аристотель, повторяет Вико, анализирует Козеллек, сущности эти подвержены спонтанной антропоморфизации, приобретают вид человекообразного действующего субъекта, который составляет понятийную суть, организующую историческое мышление, и основную ось исторического нарратива. Так нация, становясь главным героем историографических повествований, легитимирует, распространяет и укрепляет в коллективном сознании националистическую идею.

Конкретные национальные историографии, как и нации, рассматривают Других и Себя в рамках стереотипов. Стереотипные

представления, принадлежащие к коллективному сознанию, определяют основные смыслы исторического мышления, причем как обыденного, так и признаваемого профессиональными историками.

Понятие стереотипа, которым мы будем пользоваться, отличается от общепринятого, а оно более или менее таково: стереотип — это противоречащий реальному положению дел взгляд, упрощение, неглубокое, опрометчиво сделанное обобщение, иногда просто ложь.

Мы же иначе понимаем сущность стереотипных представлений. Под стереотипом мы понимаем закрепленные в групповом сознании (и отсюда распространяющиеся на каждого члена группы) синтетические (лаконичные) представления о некотором устоявшемся культурном феномене, причем эти представления обычно не подвергаются рационалистической верификации.

Стереотип — с точки зрения своего статуса в мышлении — устойчив по отношению к переменам.

Стереотип — это фундамент мыслительного порядка: упорядочивающая и систематизирующая составная часть мышления. Своего рода аксиома стихийно формирующегося вокруг него видения мира или одного из его фрагментов.

Стереотип — это категория мышления, понятие, значение которого, в отличие от других понятий или категорий, не подлежит стандартной верификации (фальсификации). Стереотип функционирует в дискурсе как нечто само собой разумеющееся; его значение легко и надолго становится общепринятым, часто превращаясь в догму. Кроме того, опирающееся на стереотип представление о миропорядке оказывается покрытым защитной аксиологической оболочкой. Стереотип защищается от посягательств критического мышления комплексом не всегда осознаваемых оценочных убеждений. Значение стереотипа, как кажется, организуется скорее вокруг пары хороший/наш — плохой/чужой, чем пары правда-неправда.

Стереотипы выступают чаще всего в обыденном мышлении, коллективном сознании, но также и — это подчеркнем особо — в так называемой науке.

Глубинные стереотипы

Мы выделяем два вида стереотипов. Первый функционирует на самом глубоком уровне мышления. В каком-то смысле он даже яв-

ляется его основанием. Можно согласиться с теми, кто полагает, что стереотипы этого вида (назовем их глубинными) — это убеждения, функционирующие на уровне подсознания или неосознанно. Благодаря им решается вопрос о том, что есть (существует), и каково то, что существует. Они приобретаются стихийно в процессе социализации, приобщения к культуре. А значит, такие стереотипы специфичны для определенной профессиональной компетенции, образования. Те из них, которые составляют фундамент познания и исторического мышления, мы ранее называли историографическими метафорами или стереотипами исторического мышления¹. В литературе предмета их называют символическими парадигмами, архетипами, *roots metaphors* и т.д.².

Именно стереотипы исторического мышления приводят к тому, что историки, описывающие данную историческую эпоху, представляющие определенное течение в историографии или историческую школу сходным образом интерпретируют прошлое, понимают друг друга и беспрепятственно могут прийти к согласию. Наличие таких стереотипов становится особенно очевидным, когда происходит обратное: когда мы не можем понять друг друга или тогда, когда знакомимся с поразительно отличающимся от нашего взглядом на прошлое. Тогда мы поражаемся: как можно (можно было) так думать?!

Именно эти глубинные структуры исторического мышления являются, среди прочего, предметом историософской и методологической рефлексии. В свою очередь, историкам они не представляются достойными анализа, более того — они признаются специфическим объектом (мягко говоря) философии, а точнее — спекуляцией метафизического характера. Происходит это потому, что сами историки мир своих глубинных стереотипов считают данностью, чем-то истинным и очевидным. Оттого чаще всего они этого не замечают. Если же замечают, то нередко пренебрегают из-за интуитивного опасения подвергнуть сомнению свои и общепринятые исследова-

¹ *Wrzosek W.* History — Culture — Metaphor. The Facets of Non-Classical Historiography. Poznań, 1997. P. 28-29; *Black M.* Models and Metaphors. Studies in Languages and Philosophy. Ithaca, N.Y., 1962; *Ricoeur P.* La métaphore vive. Paris, 1975; *Wrzosek W.* О мышлении историческим. Bydgoszcz, 2009 (здесь наиболее полно представлена данная проблематика).

² *Beardsley M.C.* Aesthetics. New York, Harcourt, Brace and World, 1958.

тельские принципы. Историки, как правило, не интересуются эпистемологическими основаниями своего собственного мышления.

Базовые глубинные стереотипы исторического мышления — идея генезиса и идея движения (развития, динамики)³. Без них сложно представить историческое мышление. Лишив историка привычки устанавливать генезис явлений (событий) и производить их генетическое упорядочивание, а также отбросив идею об изменчивости, движении, становлении, мы лишили бы историю историчности. Таким образом, можно сказать, что эти два стереотипа в их историческом воплощении и культурном колорите — это, безусловно, основополагающие черты исторического мышления. Им сопутствуют другие, производные от них и технически с ними связанные. Так возникает понятийная сеть исторического мышления.

Согласно нашим определениям, традиционная историография, которую мы назовем классической, отличается от неклассической, в частности, тем, что опирается на другие глубинные стереотипы. Неклассическая историография по-новому рассматривает стереотипы, присутствующие в классической историографии, и модифицирует их. Предложения новых историков, как это обычно бывает в таких ситуациях, подвергаются критике приверженцами прежних стереотипов, которые защищают их как несомненно правдивые.

В ходе конфликта новых и старых стереотипов исторического мышления выявляется мыслительный статус фундаментальных основ природы истории, их историческая и культурная конвенциональность. Попутно раскрывается значение прежних идей. Они подвергаются своего рода верификации и начинают конкурировать с новыми. После того, как новые стандарты мышления приобретают известную популярность, отчетливо обнаруживается стереотипный статус прежних. «Старые» убеждения, с точки зрения «новых», становятся теперь уже очевидными стереотипами традиционного мышления, также и в популярном значении этого понятия.

В типичном историческом дискурсе факт существования глубинных стереотипов отмечается явно и публично именно в моменты

³ Nisbet R. L'Histoire, la sociologie et les révolutions // L'Historien entre l'ethnologue et le futurologue. *Actes du séminaire internationale pour la Liberté de la culture*. La fondation Giovanni Agnelli et la fondation Giorgio Cini, Venise, 2-8 avril 1971. Paris, 1972.

так называемых кризисов в науке или в пору бурных изменений. Обычно историки их не замечают, не чувствуют их существования, как все мы не ощущаем факта дыхания. Историки «дышат» стереотипами своей профессии и осознают факт дыхания тогда, когда условия меняются. Современная история историографии занимается именно историей того, чем и как дышали и дышат историки.

Предметные стереотипы

Историки, вероятно, чаще думают о стереотипах, которые мы бы назвали (в отличие от рассмотренных выше), эпистемологическими, предметными. Они принадлежат не столько к глубинным канонам профессии, сколько являются составной частью исторического коллективного сознания и предметного исторического знания.

Некоторые из них введены в профессиональный обиход, другие же существуют только в обыденном сознании. Историки и производят их сами, и воспринимают уже созданные ранее в публичном дискурсе. Этот своеобразный обмен доказывает, что история находится в тесном контакте с окружающей ее культурой.

К важнейшим профессиональным стереотипам относятся, по нашему мнению, такие, которые присущи историкам безотносительно их этнической (национальной) принадлежности. Таким образом, это глубинные стереотипы. Именно они объединяют историков независимо от национальности. Разделяют же историков, вероятно, среди прочего, различные этнические стереотипы, укорененные в национальной традиции, в частности — в национальной историографической традиции. Стереотипы второго рода представляют собой идеи, выросшие из культурной традиции: национальной памяти, литературной, религиозной традиции.

Стереотипы этнические. Стереотипы национальные

Таким образом, наряду с глубинными стереотипами функционируют стереотипы, сохраняющие прочную связь с национальным (этническим) началом. Историография, в том виде, в котором она известна в антично-западноевропейской культурной традиции, связана с европоцентризмом и отдельными национальными этноцентризмами. Подавляющее большинство предметных стереотипов — это собственно свидетельство этих культурных и исторических свя-

зей истории. Этническая перспектива, а начиная с Нового Времени — национальная, становится неотъемлемой чертой историографии. Одни с этим соглашаются, другие этого не замечают, считая национальную точку зрения объективной. Третьи, в свою очередь, хотят ее преодолеть и построить историю, свободную от этнических стереотипов. Мы рассмотрим эти точки зрения подробнее.

В самой простой, с точки зрения познания, ситуации находятся те историки, которые пребывают в наивно-романтическом убеждении, что их точка зрения не является национально эгоцентричной. Они продолжают, как и прежде, искать истину, полагая, что, поскольку они, как и их предшественники, стремятся к объективности, достаточно, чтобы их исследования были свободны от этнических предубеждений. Методологическая наивность такой позиции становится очевидной в том случае, если данная исследовательская позиция проявляется в полемике с литературой этноса, нации, государства, взаимоотношения с которым носили драматический характер. Сложно найти исключение из этой, как представляется, врожденной черты национальных историографий.

Историография нации этноцентрична по определению. Нужно особо подчеркнуть, что она является таковой не столько по причине тесной связи с национальными ценностями, сколько в силу самой своей сути: она занимается судьбами своей нации, и это именно она оказывается в центре мышления и исследования. Эта нация, или государство, или династия становятся героями драмы, главная роль в таком повествовании отводится именно им. Национальная историография — своего рода «биография» нации (или государства). Судьба этого субъекта истории становится основным сюжетом, главной линией интерпретации исторического нарратива. Национальная интрига, в понимании Поля Вена и Поля Рикера⁴, устанавливает порядок и определяет смысл событий с точки зрения доминирующего субъекта: нации, государства, этноса. Интрига повествования закручена вокруг главного действующего лица драмы.

Национальная историография чаще всего является фактически автобиографией народа. Другие участники истории оказываются для

⁴ *Veigne P.* Comment on écrit l'histoire suivi de Foucault révolutionne l'histoire. Paris, 1978. P. 35-38; *Bugajewski M.* Historiografia i czas. Paula Ricoeura teoria poznania historycznego. Poznań 2002. P. 115-120.

нее лишь фоном, контекстом. Это, собственно, предопределяет тот факт, что национальная история этноцентрична. В результате национальные историографии состоят в многовековом диалоге (споре, иногда конфликте) этноцентризмов. И никак (на уровне историографического повествования) этого не избежать.

Этноцентрическая перспектива навязывает своеобразный тип устройства описываемого мира. Проследить национальную судьбу, как и человеческую жизнь в автобиографии, — основная задача данного жанра исторической литературы. Остальные субъекты политической истории в таком случае наделяются стереотипным статусом Соседа, Чужака, Другого, иногда Врага или Союзника.

Национальная историография — как правило, все же политическая, — идя по пути стереотипов, грешит схематичностью. Она наделяет участников политической игры конкретным стереотипным, квалифицирующим и классифицирующим смыслом. Такие меры делают интригу прозрачной, смысл хода событий — очевидным, выявляют намерения действующих лиц драмы и место в ней статистов. Так происходит потому, что (как отмечал еще Аристотель и описывал Вико) мир истории антропоморфен. Само вычленение исторических реалий/существ, таких как государство, этнос, нация, народ и т.п., по образу и подобию человека делающего и мыслящего, мы некогда назвали перспективой непосредственной антропоморфизации. Собственно, такая перспектива восприятия предопределяет глубинную связь классической истории и национальных ценностей. Это непосредственно связанные с ценностями отдельных людей так называемые Национальные Ценности. Поскольку нация рассматривается антропоморфно, ее ценности тоже похожи на человеческие. Если бы было иначе, они не складывались бы тогда в единую, однородную картину, не были бы доступны для сознания отдельных людей. Перспектива отдельного человека, горизонт индивида является одновременно перспективой как описания (например, Хронист, историк), так и восприятия этого мира (читатель исторических трудов, заказчик хроники Королевства...).

Стереотипные представления о субъектах истории

Собственно, здесь видна решающая роль глубинных стереотипов в формировании предметных стереотипов, в т.ч. национальных.

То, как толкуются субъекты политической истории в традиционной историографии, демонстрирует это особенно наглядно. Это представление о прошлом как о действиях людей и человекоподобных субъектов (этносов, государств, империй, церквей и т.п.), которым присущи устремления, подобные человеческим. Им не чужды ситуации, в которых оказывается человек из плоти и крови, они мыслят, стремятся к цели, интригуют, предают, ведут себя благородно... Эти субъекты истории — так называемые единичные действующие субъекты. Они творят историю, действуя подобно людям. Этот способ мышления и повествования — распространенная и имеющая долгую традицию практика написания истории.

Стереотипное представление о таких исторических сущностях как государство, нация, церковь, институт, и даже культурная, профессиональная, общественная группа, подобно активному человеку вводит в мир истории человеческие цели, ценности, мотивации и т.п. В результате исторические реалии оказываются уподобленными человеку, мир истории именно поэтому (если не благодаря этому) также является миром человека. История потому является дисциплиной гуманитарной, что все уподобляет человеку, даже те сущности, которые, по мнению историков, людьми не являются.

Подведем итоги: историкам присущ глубинный стереотип, состоящий в восприятии субъектов истории, не являющихся людьми, по образу и подобию человека. Тем самым они оказываются вовлеченными в аксиологические и психологические контексты человеческой деятельности, что приводит к тому, что контексты видения других субъектов — соседей, чужаков, других — также тесно связаны с человеческими ценностями. Как следствие, как бы естественно возникают предметные стереотипы, о которых спорят историки, публицисты и обычные носители исторического сознания.

Для исследователя историографии из вышеуказанного представления следуют определенные директивы. Для исторической идентификации определенного исторического видения прошлого, в том числе и творчества историка или исторической школы, принципиально важным представляется выявление того, какие базовые историографические стереотипы она претворяет в жизнь, какие фундаментальные метафоры историографии определяют устройство представляемого мира. Для классической истории принципиальным

является указание, вокруг какого антропоморфного героя развивается драма истории, кто выступает в главной роли. Несомненно, для указанных фаз развития историографии такой субъект истории, герой исторического повествования имеет определенный исторический смысл и установление того, кем является герой повествования Длугоша, Макиавелли, Лелевеля, Мишле, Ранке имеет принципиальное значение. Анализ примененных, рассмотренных в конкретном историческом контексте значений узловых понятий, описывающих основные исторические субъекты, позволяет, например, проследить преемственность или непреемственность идеи этноса — народа — нации, или же, например, идеи государства, смысловое наполнение которой в X веке явно отличается от XVIII века.

Практические пути решения этой задачи подсказывают нам исследования, предложенные Козеллеком, или превосходный анализ Кангиллема. Они позволяют избежать ошибки неисторичности, или презентизма, проистекающего из рабского подчинения метафоре генезиса/телеолога. Не подчиненный принципу историчности ретроспективный метод является причиной критики адаптационных интерпретаций в историографических исследованиях. Так возникает история по заказу современности, так возникает презентистская история историографии. Историческая семантика Козеллека или история понятий Кангиллема могли бы помочь раскрыть суть наших современных ожиданий, в том числе мировоззренческих и политических, в отношении прошлого. Такой подход позволяет показать, что прошлое не укладывается в требования современности, оно было многосубъектным и многокультурным, это действительность, а не только выборочная история современности.

Перевод М.И. Хазановой

Рольф Тоштендаль

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЗМА? НЕО-ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И “ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ” В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

За последние 20 лет в социальных науках произошел «поворот» в сторону истории. Движущей силой этого тренда стал так называемый нео-институционализм. Существуют разные трактовки этого термина, но общее для них — признание особой роли социальных установлений для членов общества. «Социальные установления» в данном контексте означают некоторые ограничения или принуждения. Подразумевается, что люди не просто говорят: мне это нравится, и поэтому я выбираю именно это. Существуют социальные ограничения, принуждение к соблюдению определенных правил.

Люди действуют с оглядкой на общество, пытаясь понять, что от них требуется, какие ожидания на них возлагаются — со стороны работы, семьи, партии, церкви. Эти организации или институции формировались исторически, они предъявляют индивиду вполне ощутимые требования и их влияние сказывается на желаниях и приоритетах людей. Так история (прошлое) воздействует на поступки человека, совершаемые в настоящее время. Коротко говоря, в этих тезисах и заключается суть того явления, которое мы называем новым институционализмом или нео-институционализмом.

Следующие наблюдения призваны лишь очертить проблематику, которую трудно полностью раскрыть в небольшой статье. Итак, нео-институционализм и его следствие — поворот к истории в социальных науках — не лишены предшественников. Особенно любопытно, что нео-институционализм схож с некоторыми формами историзма как течения мысли, характерного для середины XIX века.

Леопольд фон Ранке и Дуглас Норт, эти ученые, казалось бы, настолько далеки друг от друга, насколько это вообще возможно представить. Ранке (1795–1886) воспринимается как достопочтенный «памятник» историографии. Согласно его воззрениям, история

дает ответы на хитросплетения, острые вопросы современности и раскрывает секреты жизни. Прежде, до Ранке, эти вопросы считались прерогативой философии, ее доменом. Философы начала XIX века с пренебрежением думали о современниках-историках.

Фихте считал историков, поглощенных работой с эмпирическими данными, неспособными к интеллектуальной рефлексии, которую может дать лишь философия. Ранке пересмотрел эту идею. Он начал критику гегельянства, представлявшего историю как логический процесс развития, описываемый как тезис — антитезис — синтез. Подобный схоластический подход разрушает все жизненное, говорил Ранке в лекциях, посвященных характеристике исторических эпох (лекции адресовались королю Баварии)¹. И уже с тех пор, после 1854 года, Гегель нередко характеризуется как скучный и тенденциозный мыслитель, представитель не яркой и живой мысли, но сухой теории, в то время как Ранке и историков его школы начинают воспринимать как обладателей ключа к пониманию истинной жизни и истории человечества. Этот ключ и представлял собой то, что позже было суммировано в концепте “историзм” или “историцизм”.

Второй из названных мной великих основателей двух направлений мысли, которые я хотел бы здесь обсудить, это Дуглас Норт². Норт (р. 1920) был награжден в 1993 г. премией по экономике, учрежденной в честь Альфреда Нобеля (хотя Нобель никогда не представлял себе возможности наградить призом экономиста). Норт получил образование как экономист, но уже в начале карьеры сделал главным направлением своих исследований экономическую историю. Он считал, что экономику следует изучать с точки зрения ее функционирования в обществе, а не по теоретическим моделям, как делали другие экономисты. Более того, полноценное изучение соци-

¹ *Ranke Leopold von. Aus Werk und Nachlass / Ed. by T. Schieder & H. Berding. Vol. 2, Über die Epochen der neueren Geschichte. München & Wien (Oldenbourg), 1971. P. 63-64.*

² Норт (North), Дуглас Сесил, американский экономист. Тесно связывал рыночную экономику с социальными и политическими институтами и считал, что изучение изменений последних должно быть неотъемлемой частью экономической теории. Первым в начале 1960-х гг. привлёк внимание к клиометрии, новому направлению в изучении экономической истории, основанному на статистическом анализе данных. *The Nobel Prizes 1993 / Ed. by Tore Frängsmyr. Stockholm (Nobel Foundation), 1994 (internet, <http://nobelprizeorg>).*

альных феноменов предполагает их углубление в прошлое — непосредственно близкое или отдаленное.

Норт заглянул глубоко в прошлое и почерпнул из истории, начиная с ее первоначальных стадий, некоторые наблюдения над экономическими моделями. Работая над этим, он обнаружил нечто, для названия чего использовал позаимствованный у Ричарда Хайека термин *collective learning*. Коллективное знание состоит в тех опытах, которые прошли проверку времени и уже вошли в наш язык, институты, технологии и способы действия, как сказал Норт в своей нобелевской лекции. Это коллективное знание является ядром его концепции института, который включает в себе фундаментальные для общества принципы и общественные идеи. Это, например, церковь в средневековой Западной Европе, точно так же, как рынок в настоящее время. Институты могут изменяться или исчезать, но их способы фильтрации нашего опыта меняются медленно. Благодаря такой «историзации» общества, Норт стал пророком для многих представителей социальных наук. В сущности, Норт придал новое значение концепту *path dependence*³.

Кажется, этот термин возник у него в книге «Институты, институциональные изменения и экономические представления» (опубликована в 1990 г.). Термин употреблен здесь Нортом только в паре случаев и не играет заметной роли. Это интересно, но в то же время

³ Речь идет о «зависимости от пройденного пути», т.е. от прошлого состояния вещей в изменившейся ситуации, когда прежние факторы влияния, уже не играющие никакой роли, продолжают приниматься во внимание как ныне действующие правила. Концепт был прежде использован экономистами для обозначения ограничения выбора, который является результатом использования специфической технологии для определенной цели. Излюбленный пример в этой связи — использование qwerty-клавиатуры компьютера. Клавиатура этого дизайна была присуща пишущей машинке, и ее хотели изменить исследователи новых и лучших форм клавиатур. Но ни производители, ни те, кто был знаком с прошлым типом печатания, не оценили бы перемены. Также те, кто нанимал специалистов по набору текстов, привыкших к старой системе набора, не были готовы к тому, чтобы купить клавиатуры нового дизайна. Таким образом, это типичный пример того феномена, который называется «зависимость пути». Этот пример часто обсуждается в Интернете в связи с проблемой экономической необходимости. Некоторые из выступавших подчеркивали, что на самом деле qwerty-дизайн был не хуже предлагаемых новых моделей.

не должно сбить с толку читателя: идея *path dependence* присутствует во всей второй части книги. Такие институты, как рынок и другие, понимаемые как системы правил, делают возможным создание организаций (например, торговых и промышленных компаний). Институты «погружают» эти организации в историю: решения принимаются по определенным правилам. Поэтому они нацелены на непрерывность и традицию в этой системе правил. Таким образом, даже когда Норт явно не пользуется понятием *path dependence*, он придерживается именно этой идеи.

Сказанное относится к книге 1990 года. Я не собираюсь углубляться в анализ изменений в размышлениях Норты. Здесь достаточно заметить, что для многих специалистов была неожиданной предложенная им интерпретация *path dependence*. Для понимания концепции Норты следует прояснить понятие «институт».

Норт является «институционалистом», а это означает, что он не разделяет позицию, подчеркивающую роль рынка и только рынка (во всех его ипостасях и проявлениях — экономической, политической, религиозной и других сферах) как фактора, который формирует условия, определяющие поведение человека. Сторонники классических теорий, приверженцы особой роли рынка развивают концепции о конкуренции товаров, идеологий и философий на уже упомянутых основаниях. Институционалисты же рассматривают как часть теории то, что было создано человеком в ходе истории и принесено в развитие социальных систем и норм. В этом случае история является фундаментальным основанием.

И последнее замечание вводного характера. Существуют две различные точки зрения относительно того, какого рода социальные установления следует включать в понятие «институт». Некоторые из них понимают под «институтами» и нормативные системы (рынок, политическую демократию), и такие организации, как, например, парламенты разных стран или же отдельные компании.

Норт делает различие между, с одной стороны, нормативными системами, к которым относятся институты, функционирующие в соответствии со специфическими целями, заложенными в самом определяющем их понятии, и, с другой стороны, организациями, созданными в соответствии с нормами, типичными для институтов как таковых. Я продолжу более подробное развитие аргументации как

одной, так и другой позиции, однако хотел бы подчеркнуть, что, по моему мнению, ни одна из названных позиций не является однозначно предпочтительной. В своей статье я буду употреблять те понятия и те их значения, которые использовал Норт.

Читатели могут возразить: Мы согласны с тем, что и Ранке, и Норт, а также их последователи подчеркивают значимость истории. Однако данный факт не является основанием для утверждения о сходстве их идейных позиций. Понимание истории может иметь различные интерпретации, и два мыслителя могут вкладывать совершенно разное содержание в историческое развитие человечества. Это, несомненно, так, поэтому в последующем изложении я более пристально проанализирую их аргументации, особенно аргументацию Ранке, которая относится к пониманию основ историзма.

Во введении к книге «История историзма»⁴ Ф. Егер и Й. Рюзен начинают со следующего заявления: «Историзм является специфическим стилем исторического мышления и соответствующего понимания исторической профессии. Это тип мышления, сосредоточенный на возможности познать специфику прошедших эпох как отличных от настоящего. В то же время этот стиль мышления направлен на поиск всеобъемлющих отношений между различными эпохами». Такая характеристика историзма является достаточно общепринятой, но ни в коей мере не единственной. О.Г. Эксле подчеркивает широкий диапазон использования и многозначность понятия историзма, так как он применялся представителями различных областей знания и в различные исторические периоды⁵.

С 1880-х гг. в Германии развернулась дискуссия по поводу понятия *Historismus*⁶. Само понятие имеет более раннее происхождение, но оно стало употребляться для обозначения определенной историографической школы с 1930-х гг., когда Фридрих Майнеке ввел его в том смысле, который и стал доминирующим в ходе названной

⁴ Jaeger F. & Rüsen J. *Geschichte des Historismus. Eine Einführung*. München, 1992 (в переводе я стремился быть как можно ближе к оригиналу, но не полностью передаю цитату — P.T.).

⁵ Oexle O.G. *Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus*. Göttingen, 1996. S. 41-53.

⁶ Iggers G. *Historismus im Meinungsstreit // Oexle O.G. & Rüsen J. (eds.). Historismus in den Kulturwissenschaften*. Köln etc., 1996. P. 7-27.

дискуссии в Германии⁷. Более ранним было понимание историзма как «фундаментальной историзации размышлений по поводу человечества, его культуры и ценностей», если заимствовать формулировку, предложенную Эрнстом Трельчем в 1922 г.⁸ Но если вернуться к Ранке и его взгляду на историю (который он еще не называл историзмом), то основные положения, как представляется, выглядят следующим образом: 1) европейские народы составляют специфическое сообщество в смысле общей идентичности, которая укреплялась ими в процессе войн и борьбы за превосходство; 2) государства представляют собой образования, которым присуще собственное (коллективное) понимание обязанностей их подданных; 3) нельзя рассматривать времена, события или ситуации только как средство достижения последующей фазы истории («каждая эпоха прямо связана с Богом»⁹, — говорил Ранке, — и это означает, что она имеет свою собственную особую ценность); 4) непрерывность (и отсутствие резких скачков) создают историю человечества.

В современных работах, особенно в исследованиях Рюзена, заметна тенденция рассматривать *Historismus* как способ или метод организации знания. Для него особое значение имеет то, **как** Ранке и последующие историцисты учились извлекать знание о прошлом, нежели **что** они считали наиболее важным в прошлом как суть историзма. Рюзен назвал это *Wissenschaftsparadigma*, парадигмой научного знания. Таким образом, он подчеркивает беспристрастность историка и значимость работы с первоисточниками как основные составляющие понимания историзма Ранке. В этом отношении нет единства мнений. Так, для Трельча решающим был имевший философскую основу вопрос **что**: Что было важным в концепции истории Ранке? Что составляло основу исторического развития? Что представляла собой мотивация поступков человека в прошлом? Многие следовали за Трельчем, рассматривая поставленные вопросы как фундаментальные для понимания историзма Ранке.

Дж. Иггерс обратил внимание на то, что за пределами Германии в академическом сообществе конца XIX столетия не было общепри-

⁷ Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. Vol. 1-2, München, 1936.

⁸ Der Historismus und seine Probleme, Gesammelte Schriften 3 (1922/1977). P. 9.

⁹ Ranke, Leopold von. Op. cit. P. 59-63.

нятым связывать с именем Ранке разрыв с предшествовавшей традицией. Габриель Моно видел в нем одного из тех историков, которые способствовали трансформации исторической дисциплины к середине столетия. Неверно было бы, как справедливо отмечает Иггерс, полагать, что Ранке сформировал традицию профессиональной подготовки историков, за которую впоследствии его превозносили американские, немецкие и не-немецкие европейские историки.

Немецкие неоранкеанцы (особое направление исторической мысли, расцвет которого приходится на рубеж XIX и XX вв.) преодолели некоторые метафизические предположения, из которых исходил Ранке. Как подчеркивал Иггерс, «для Ранке государство — это “идея Бога”, соединявшая в себе идеальное и реальное, и это теоретическое наследие было впоследствии развито нео-ранкеанцами»¹⁰.

Невозможно решить, что «в действительности» представляет собой историзм. Есть ряд различных интерпретаций, основанных на разных текстах, относящихся к разным периодам. Если оставаться в рамках творчества Ранке и его времени, то тогда мы должны отказаться от признания историзма как методологии. Для Ранке другие аспекты были гораздо более важными, чем метод, даже если он и делал свои комментарии относительно него. Он, возможно, и обучал своих учеников методам (наряду с другими вещами), но наиболее значимыми для него в процессе обучения были идеи государства и континуитета, идеи, которые оказали глубокое воздействие на всех его учеников и последователей и имели фундаментальное значение для формирования исторического сообщества, состоявшего из тех, кто разделял эти взгляды и нормы¹¹. Это сообщество разделяло идеи европейской исторической идентичности, непрерывности всего процесса развития и божественной коллективной природы государства. Идеалистически-реалистическая (*real-geistlich*) природа государства, понимаемая как божественная идея (*die Gedanken Gottes*), распространялась и на все государственные институты.

¹⁰ Iggers G. The crisis of the Rankean paradigm in the nineteenth century // Iggers G.G. & Powell J.M. (eds.). *Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline*. Syracuse (Syracuse U.P.), 1989. P. 170-179.

¹¹ Я разберу позже в краткой форме вопрос о важности научного сообщества для развития профессионализма.

В контексте философии периода Романтизма не следует понимать термин «божественное» слишком буквально. В основном, он служит раскрытию особой природы тех явлений, которые характеризует, и которые находятся над уровнем повседневности, творений рук человеческих, и имеют отношение к вечности. Идея «круга» или цикла в интерпретации Ранке акцентирует возможность для историка рассматривать каждый период и общество как обладающее собственными целями, но не как ступеньку к чему-то еще.

Если следовать Рюзену, то нет ничего удивительного в обнаружении сходства между историзмом и экономическим институционализмом. Развивая различные интерпретации по поводу исторического места *Историзма*, Рюзен придерживается идеи об отсутствии противоречий в истории. По его мнению, *Историзм* не заменил философию Просвещения, а вобрал ее в себя. Поэтому философия Просвещения не возродилась в идее «современности» (модерне) и модернизации в XX в., а, скорее, все разрывы между эпохами стерты, и нет конца *Историзму*¹². *Историзм*, таким образом, оказывается способным выживать в новых формах.

В Германии состоялась бурная дискуссия по этому поводу. Обсуждался вопрос о том, принадлежит *Историзм* определенному периоду развития историографии или нет. Позиция Рюзена представляется привлекательной, но слишком упрощенной. Предполагается, что различные позиции в истории идей способны выжить в новых формах внутри последующих, успешно конкурировавших с ними направлений науки и философии. Противоречия, таким образом, полностью исчезают. Очевидно, что Рюзен не это имеет в виду. Однако если считать, что содержание понятий «модерн» и «прогресс» вбирает в себя концепт *Историзма*, толкуемый в этом духе, то такой взгляд на историю представляется весьма перспективным¹³.

¹² *Rüsen J. Historismus als Wissenschaftsparadigma. Leistung und Grenzen eines strukturgeschichtlichen Ansatzes der Historiographiegeschichte // Historismus in den Kulturwissenschaften. P. 126.*

¹³ Рюзен допускает амбивалентное высказывание по этому поводу. С одной стороны, он указывает, что *Historismus* — это эквивалент *Verwissenschaftlichung* истории (т.е. речь идет о профессионализации с упором на нормативную систему дисциплины). С другой стороны, Рюзен подчеркивает переломный момент от

Соблазнительно разрешить дискуссию о *Просвещении*, *Историзме* и *Модерне*, декларировав, что существует «встроенное» в человеческий разум неразрешимое противоречие между ретроспективной, исторической интерпретацией изменений в настоящем и в прошлом, с одной стороны, и проспективной их интерпретацией с точки зрения прогресса и пользы — с другой. Любое такого рода заявление является, однако, несерьезным, так как мы не знаем, существовало ли данное положение всегда и распространяется ли оно повсеместно. Кроме того, мы должны исключить возможность других альтернатив, что непросто. Представляется, что постмодернизм является попыткой сделать иной выбор, и эстетизм Хейдена Уайта и Фрэнка Анкерсмита, возможно, создает одну из альтернатив¹⁴.

Когда я говорил о том, что институционализм Норта является возвращением *Историзма*, я не имел в виду, что он включает в себя более ранние идеи научных школ, о чем было сказано выше. Напротив, я полагаю, что *Историзм* и родственные ему идеи умерли достаточно давно и не участвовали в формировании теорий социальных наук. Историзация человеческого опыта, предпринятая Нортом, вновь пробудила их к жизни. Это было сделано им не на индивидуальном уровне, что следовало бы ожидать от ученого, представляющего сциентистское направление экономической мысли, существенным элементом которой является методологический индивидуализм. Норт, совершенно так же, как Ранке и некоторые другие историки XIX столетия, являвшиеся представителями этой школы, воспринимает институты и коллективы как некие образования, аккумулирующие опыт. Отдельные люди, действующие внутри организаций, которые в соответствии с позицией Норта являются институтами, связаны коллективным опытом этих организаций.

XIX к XX в., когда парадигма *Historismus* отступает под влиянием социальных наук с их аналитическими методами. (Ibid. P. 129-30, 133-34).

¹⁴ White H. "Interpretation in History" and "The Historical Text as Literary Artefact" // White H. *Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism*. Baltimore & London (John Hopkins U.P.), 1978; Ankersmit Frank. *Historical Representation // History and Tropology. Rise and Fall of the Metaphor*. Berkeley, Los Angeles & London, 1994. См.: Анкерсмит Ф.П. *История и тропология: взлет и падение метафоры* / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Катаева. М., 2003.

Различие между *Историзмом* у историков XIX века и у Норта в основном состоит в том, что Норт редко рассуждает о действиях политиков и их окружения, а больше о менеджерах компаний или администраторах государственных учреждений и их окружении. Тем не менее, у них сходная проблематика: прошлое – не только база для интерпретаций актуальной ситуации, история накладывает свои ограничения на возможные действия акторов. В этом *Историзм* и неoinституционализм Норта совпадают.

Норт утверждает: «Теория *path dependence* является способом концептуально сузить диапазон выбора и связать во времени процесс принятия решений. Это не рассказ о неизбежности, при которой прошлое предрекает будущее... Мы можем теперь интегрировать изменения, связанные с *path dependence*, в институты, которые характеризуются устойчивыми моделями долговременного роста или упадка. Поскольку зависимое от пройденного пути направление развития уже определено, сеть внешних обстоятельств, процесс формирования организаций и исторически обусловленное субъективное моделирование результатов закрепляют это направление»¹⁵.

Фактически Норт разработал понятие *path dependence* и развил некоторые его аспекты достаточно недавно. Цитата из его книги «Понимание процесса экономических изменений», опубликованной в 2005 г., дает представление о этих новых аспектах. «Вопрос о том, как человеческие общества пытаются сформировать свое будущее, заставляет нас иметь дело непосредственно с фундаментальным аспектом процесса изменений, его исторической природой. Мы не в состоянии понять, куда мы идем, без понимания того, где мы находились. Как соотносится прошлое с настоящим и будущим — это и есть содержание понятия *path dependence* — понятия, которое используется, используется неверно и использованием которого злоупотребляют»¹⁶. В этой связи, Норт развенчивает суждение о том, что идея *path dependence* означает только то, что «выбор настоящего определяется системой институтов, унаследованных от прошлого».

¹⁵ North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge etc., 1990. P. 98-99.

¹⁶ Idem. Understanding the Process of Economic Change. Princeton & Oxford (Princeton U.P.), 2005. P. 51-52.

Смысл этого понятия значительно шире. Идея *path dependence* «в более всестороннем ее понимании» требует признания того, что институты порождают организации, «выживание которых зависит от увековечивания этих институтов». И эти организации, в свою очередь, предоставляют ресурсы для поддержания жизнеспособности соответствующих институтов. Однако Норт не удовлетворяется этим объяснением и предлагает еще более емкое понимание *path dependence*: «Взаимодействие убеждений, институтов и организаций во всеобъемлющей структуре артефактов, делает *path dependence* фундаментальным фактором непрерывности развития общества»¹⁷.

Таким образом, Норт выделяет три уровня понимания *path dependence*. Первый состоит в том, что мы постоянно обращаемся к прошлому, когда осуществляем свой выбор на будущее. Это объяснение было отброшено как неинтересное. Второй — предполагает, что организации (в понимании Норта) имеют законный интерес в континуитете институтов, унаследованных от прошлого. Организации не приемлют неожиданных изменений в обществе, а наоборот, заинтересованы в том, чтобы оно продолжало движение по избранному пути. Наконец, третий смысловой уровень включает также системы верований и убеждений, которые, как и организации и институты, призваны сохранять непрерывность социального развития. Сам человеческий разум — основной творец *path dependence*¹⁸. Общества, вместо того, чтобы впадать в зависимость от революционных изменений (их считал необходимыми во избежание жесткости социальной структуры Манкур Олсон¹⁹), приобретают «эффективный механизм адаптации», посредством которого они меняют или создают институты по мере возникновения новых проблем²⁰.

Норт защищает идеи, созвучные концепции исторического развития, которую Ранке надолго ввел в обиход историков. Эта идея

¹⁷ Ibid. P. 52.

¹⁸ Ibid. P. 83-85.

¹⁹ Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities. New Haven (Yale U.P.), 1982. На рус. яз.: Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998. См. также: Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

²⁰ North Douglass C. Understanding the Process of Economic Change. P. 169.

состоит в том, что изменения носят постепенный характер и зависят от предыдущего опыта и знаний, накопленных социумом.

Однако есть и весьма существенное различие между концепциями развития общества, предложенными Ранке и Нортом. Для Ранке государство всегда являлось несущей конструкцией общества, и все социальные организации, которые он считал достойными упоминания, были органами государства. Они являлись либо политическими организациями, имеющими собственные права (парламенты, государственные советы, правительства и т.п.), либо административными единицами, обеспечивающими поддержку монарха или другим акторам, принимающим политические решения. Для Норта же главная структура — это общество, и он редко упоминает о государствах, даже в части определения политической стратегии. Интересы Норта лежат в такой области, как процесс изменения в сфере общественной экономики; главные элементы, которые он признает и рассматривает, это те, что влияют на спрос и предложение.

Несмотря на фундаментальные различия во взглядах и оценках значимости изучения разных аспектов исторической жизни, в выборе тех из них, о которых стоит писать, оба исследователя демонстрируют глубокое согласие по вопросам исторического развития и понимания истории. Используя разные термины (это легко приводит к тому, что аналитик не улавливает сходство их идей), они описывали тот же континуитет и то же представление о коллективном опыте, который как бы накладывает история на общество и индивидов. Понимание мира, и для Ранке, и для Норта, определяется историческим развитием, аккумулируемым в социальных образованиях, которые окружают индивида. Представление о *path dependence* — это современная вариация, новый термин для обозначения понятия, которое всегда стремился акцентировать Ранке, речь идет о *Geschichtlichkeit* — историчности. Оба концепта опираются на представление о том, что социальная жизнь — не поле импровизаций; этот процесс развивается исторически, не становясь, однако, предсказуемым.

Перевод с английского
Н.А. Селунской

Ю.Л. Троицкий

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ДИСКУРС

Историческая компаративистика необходимо включает в себя три составляющих линии: *объект* и *предмет* компаративных штудий (явления, которые сопоставляются), компаративную *эпистемологию* (метод и аналитические процедуры) и компаративное *описание*.

Предмет компаративных исследований не может быть результатом произвольного выбора: необходимы критерии отбора, составляющие *принцип достаточного основания*. Здесь имеет смысл обратиться к такой «продвинутой» области гуманитарного познания как сравнительно-историческое языкознание, накопившее огромный опыт в подобных исследованиях. По свидетельству В.Н. Топорова, «одним из основных (хотя обычно и неформулируемых) постулатов сравнительно-исторического языкознания является необходимость проверки лингвистического материала на возможность применения операции сравнения, иначе говоря, необходимость доказательства принадлежности этого материала к родственным языкам»¹.

Разумеется, этот предварительный отбор артефактов уже неминуемо обусловлен исходными, зачастую неосознаваемыми принципами. Адекватной эпистемологической экспликацией такого отбора можно считать *гипотезу*. Другими словами, компаративное исследование нельзя начинать без такого предпосылочного знания, которое обосновало бы выбор объектов и границы предметно-проблемного поля. Корректный способ представления гипотезы — предположительная модальность, например, сослагательное наклонение.

Наиболее продвинутое компаративное направление в историографии — «имперские сравнительные штудии». В редакционной статье журнала «Ab impregio», открывающей цикл компаративных исследований, читаем: «эпистемологическая специфика “сравнения” не сводится к вопросу о том, *кто* сравнивает и *с чем*. Сам объект сравнения, воспринимаемый многими компаративистами как само-

¹ Топоров В.Н. Сравнительно-историческое языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 486.

очевидная данность, обусловлен фундаментальной ситуацией сравнения: “самодержавие” кажется однозначным определением политического режима только при эксплицитном или имплицитном противопоставлении “республике”, а “империя” — “национальному государству”... именно из этого обстоятельства вытекает специфическое понимание “имперскости” в рамках Новой имперской истории, когда “империя” рассматривается в роли идеальной модели, противоположной идеальной же модели “нации”: в промежутке, очерченном этими двумя полюсами, *по сравнению с ними* (ближе или дальше к одному или другому), и располагаются реальные исторические политические системы. Таким образом, объект не может существовать вне постоянного сравнения и противопоставления другим, что создает дополнительное напряжение, поскольку постоянно сохраняется угроза изменения статуса объекта и даже его границ в зависимости от изменчивого сравнительного контекста².

Но «дополнительное напряжение» создается и фактом многозначности тех наименований и дефиниций, которые используются в историко-компаративных исследованиях. Риски, проистекающие из нежесткости исторического номинативного дискурса, могут вести к неточности и даже подмене понятий. По мнению И. Шайтанова: «Семантическая история терминов чревата теми же сюрпризами, что и история слов: означающее порой теряет из виду свой объект или, напротив, означаемое приобретает новое имя, не сохранив памяти о прежнем. В этом втором случае мы начинаем писать историю явления как будто с чистого листа, не соотнося ее с предыдущим этапом, прошедшим под другим именем»³. Это означает, что одно из условий компаративных штудий — предварительное составление тезауруса понятий и определений, используемых в данном исследовании.

Эпистемологический статус компаративистики колеблется у разных исследователей от аналитического приема до методологии. Иногда компаративистика объявляется «сравнительной методологией», чему пример возникновение «философской компаративистики», ставшей методологической базой сравнительных исследований.

² Мнимая очевидность и очевидная неизбежность сравнения: сравнительное знание в имперской ситуации // *Ab Imperio*. 2007. № 4.

³ *Шайтанов И.* Триада современной компаративистики: глобализация — интертекст — диалог культур // *Вопросы литературы*. 2005. № 6.

Обычно выделяют два направления: первое — «горизонтальное» (культурно-географическое). основополагающим тезисом этого направления стали слова М. Бубера о необходимости диалога культур Востока и Запада. Задача этого направления, по мнению методологов, состоит в прояснении основных концептов *Восток*, *Запад*, *Север*, *Юг* как культурных феноменов, осознание их уникальности и поиск путей возможного диалога. Второе направление — «вертикальное» (историко-философское). Задача этого направления — проследить эволюцию формирования сравнительного метода в истории философии, а также выявить структуру сравнительной операции и дать анализ проблемы сравнимости философии Востока и Запада⁴.

Именно в области компаративистики обнаруживается известная эпистемологическая дилемма «вчитывания» и (или) «вычитывания» значений из того или иного предмета изучения. На мой взгляд, необходим баланс предметной и инструментальной линий в том смысле, что усиление (изошрение) инструмента (например, усложнение языка описания) может привести к «приборным помехам» и исказить полученный результат. Точно так же ослабление рефлексии при отборе и «подготовке» проблемно-предметного поля окажет «возмущающее воздействие» на процесс изучения и описания. Можно, вслед за Б. Гройсом, говорить об «эпистемологической подозрительности», которая особенно нужна при компаративном исследовании.

Интуитивным истоком начальной отечественной компаративистики можно считать наблюдение Карамзина о том, что «грубый ум ищет в различном общее, а тонкий — в общем — различное». Здесь подмечена врожденная особенность человеческой оптики акцентировать совпадение, но не различие наблюдаемых объектов. Сравнение как отождествление в логическом своем пределе приводит к симметрии, тождеству, тавтологии.

Что касается эпистемологии компаративного исследования, можно, на мой взгляд, выделить три основных уровня или языка:

1. «Наивная» (имплицитная) компаративистика, которая наиболее полно манифестируется в текстах иностранцев о чужих землях, когда описание наблюдаемой культуры осуществляется с помощью кодов собственной культурной среды.

⁴ Охотников О.В. Компаративистика. Национальная философская энциклопедия // <http://terme.ru/dictionary/183/word>.

С целью анализа компаративистского письма удобно рассмотреть такие исторические тексты, которые интенционально являются компаративистскими: записки иностранцев о другой стране, письма и дневники путешественников, паломников, дипломатов, травелоги. Подобные тексты можно назвать компаративистским «наивом», хотя бы потому, что сциентистская составляющая не является в них доминирующей, если вообще присутствует. Разумеется, в Новое и Новейшее время подобные нарративы уже не столь наивны, и возможны разнообразные случаи авторской игры в «наив» и стилизаций.

Для точки зрения иностранца характерен дифференциал несовпадения культурных кодов, и, как следствие, ошибки в прагматической линии их повествований. Нарративы иностранцев позволяют носителю описываемой культуры остраниться и тем самым по-иному увидеть собственную культурную ситуацию.

Непонимание прагматики чужой культуры приводит к порождению в описаниях иностранцев фиктивной событийности, которая совсем не присуща описываемой культуре. Подобная «текстовая событийность» превращает повествования иностранцев, пишущих, например, о России, в сложностроенный компаративистский дискурс⁵. Поскольку компаративистская оптика иностранца «вмонтирована» в самое сознание, полнее всего она явлена именно в его дискурсивных формах. Афанасий Никитин в своем «Хожении» описывает социальную стратификацию средневековой Индии с помощью номинаций русской социальной действительности.

Господствующей риторической стратегией текстов «наивной компаративистики», на наш взгляд, является *метафорическая стратегия*, представляющая перевод одной культуры на язык другой.

Что касается дискурсивной стороны записок иностранцев о чужих землях, то это, как правило, нарративы по преимуществу, но с вкраплением компаратива. Компаратив — вид повествования, противоположный нарративу и обслуживающий обобщающие высказывания⁶. Можно утверждать, что нарратив тяготеет к описанию событийных исторических феноменов, а компаратив — процессуальных.

⁵ Лотман Ю.М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 138-144.

⁶ Максимова Н.В. Чужая речь как коммуникативная стратегия. М., 2004.

При этом метафорическая стратегия проявляется не в том, что тексты иностранцев полны метафор, но в том, что стратегия текстопорождения сама метафороподобна, то есть соединяет в одном повествовании оппозиционные элементы «свой — чужой» в новые дескриптивные речевые формы тема-рематического типа.

Риски языка наивной компаративистики состоят, например, в буквальном понимании иностранцем некоторых «непрямых» выражений, особенно идиоматических. Неточность или неполнота перевода «с культуры на культуру» приводят к фактическим искажениям и ценностным абберациям: своя культура выступает как «правильная», наблюдаемая — как отклонение и более низкая в развитии.

2. Иной язык — сравнительные исследования, в основе которых заложен принцип «общее/особенное» (инвариант/трансформации). В рамках этого языка ставится задача реконструировать инвариант сопоставляемых объектов и описать веер несовпадений.

Когда В.Н. Топоров сравнивает два дневника: дневник Андрея Тургенева и японский дневник Исакава Токубоку, то такое сопоставление предполагает выделение некоего общего субстрата, характерного для личного дневника вообще, независимо от временной и культурной дистанции⁷. Возможные риски при компаративных изысканиях этого типа заключаются в том, что в качестве образца может быть взят один из сопоставляемых вариантов, что недопустимо как факт выведения метаязыка из одного объекта описания.

По словам Ю.М. Лотмана, если описывать историю русской литературы от Пушкина до Достоевского в терминах поэтики Достоевского, то независимо от субъективных установок автора подобной истории, мы получим четкое векторное описание, согласно которому Пушкин окажется слабым предтечей автора «Преступления и наказания», а вот сам Федор Михайлович возглавит рейтинг отечественных писателей, ибо принятый язык описания полнее всего манифестируется именно в произведениях Достоевского.

3. Третий возможный язык — когда в качестве эпистемологического основания выбирается та или иная *теоретическая модель*. Историю человеческого общества можно описать через марксистскую

⁷ Топоров В.Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исакава Токубоку) // Восток-Запад. М., 1989. С. 78-99.

формационную модель, через цивилизационные модели или ментальные структуры. Это зрелый метаязык, позволяющий достичь, в рамках избранной теоретической модели, целостной исторической картины. Другое дело, какова окажется цена этой целостности, как и уровень имманентной противоречивости.

Риски таких описаний могут заключаться в отрыве теоретической модели от эмпирического материала, что зачастую приводит к искажению этого материала в угоду избранному метаязыку. Я думаю, что способом минимизации этого риска может стать изменение статуса теоретической модели — не императивная посылка, но гипотетическое предположение.

Современная наука весьма осторожна с жесткими модальностями и предпочитает сослагательное наклонение. Самыми плодотворными оказываются модели «среднего уровня» (как они характеризуются в науковедении), а самый эффективный исследовательский вектор — челночное движение от эмпирического материала к модельному уровню (рефлексивная обработка данных с помощью теоретического инструментария) и обратно.

Отказ от жестких детерминистских установок благотворно влияет на эпистемологический климат исследования: появляется возможность альтернативных объяснительных схем, имеющих свое выражение в концепции «семантики возможных миров»⁸. Ограничителем пространства эпистемологической свободы мог бы стать эпистемологический анархизм в духе Пола Фейерабенда.

Проблема компаративного описания состоит в том, что полем эпистемологических опытов оказывается компаративистский текст, не являющийся «прозрачным стеклом» и имеющий собственное «тело», которое всегда значит больше, чем прямые значения авторского интенционала. Вот почему анализ компаративистских текстов позволяет не только реконструировать теоретические послышки автора в случае, если прояснится структура и характер самого описания, но и определить семантическую потенцию собственно текста⁹.

⁸ См., напр.: Руднев В. Семантика возможных миров // Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 390-392.

⁹ См.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. Особенно раздел: Обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью? С. 170-187.

Основной семантической единицей сравнительного исторического описания является историческая параллель. Сравнение событий, биографий, исторических процессов принадлежит, конечно, к фундаментальным эвристическим процедурам, так как приводит к порождению новых смыслов, которых не было в сопоставляемых феноменах в отдельности. Вероятно, приращение смысла происходит потому, что благодаря сопоставлению возникает новый контекст понимания за счет коннотативного шлейфа, который несут сравниваемые события и явления.

Историческая параллель как компаративистская единица находит свое адекватное воплощение в такой текстовой фигуре как метафора. Метафора оказывается идеальным способом схватывания сущности общего в различном и различного в общем.

Компаративистский дискурс, таким образом, соединяет референтные феномены (то, что сравнивается) с семантическими явлениями письма (риторическими фигурами), и репрезентируется в особом типе повествования, который можно обозначить как *компаратив*. Компаратив сочетает нарративные отрезки с генерализирующими описаниями, стремящимися к метафорическому типу семантической организации.

Сравнительно недавно лингвист Н.В. Максимова предложила новое понятие *ментатив* для обозначения теоретических повествований, например, философских¹⁰. При этом оказывается, что ментатив является противоположностью нарратива, а компаратив — разновидность ментатива. Интересно, что наиболее полно ментатив эксплицируется в сослагательном наклонении. Можно предположить, что ментативный дискурс в будущем станет основным способом не только компаративного повествования, но и исторического в целом, сочетаясь (противопоставляя себя) с анекдотической (казусной) коммуникативной стратегией историописания.

Актуальной становится разработка компаративного источниковедения, компаративистской историографии, как и компаративной эпистемологии.

¹⁰ Кузнецов И.В., Максимова Н.В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив — ментатив» // Критика и семиотика. Вып. 11. Новосибирск; Москва, 2007. С. 54-67.

В.А. Сомов

ПРИМЕНЕНИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОТИВАЦИИ ТРУДА

Сегодня, когда «важнейшим фактором удовлетворенности (неудовлетворенности) выступает оплата труда», одной из наиболее актуальных проблем становится выяснение комплексной зависимости мотивации труда и от иных факторов¹. Особенно важно выяснить характер де-мотивирующих факторов трудовой деятельности². Изучение мотивации труда остается актуальным направлением в экономических, социологических и психологических исследованиях³. Необходимость обращения к историческому опыту для решения практических задач, развитие новых тенденций в исторической науке, связанных с отходом от преимущественного внимания к материальным факторам, делают актуальным историческое исследование внеэкономических факторов трудовой мотивации.

Среди психологов нет однозначно устоявшегося мнения по поводу содержания понятий⁴. Слово «мотивация», по утверждению Е.П. Ильина, впервые было употреблено А. Шопенгауэром в статье «Четыре принципа достаточной причины». С тех пор мотивация как психическое явление трактовалась по-разному — и как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих, т.е. опреде-

¹ *Токсанбаева М.С.* Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М., 2006. С. 232, 245-246.

² *Андреева Т., Юртайкин Е.* Почему опадают яблоки или Внутренняя демотивация персонала (<http://www.kpd.ua/articles/article.php?id=156>).

³ *Попова И.М., Бессокирная Г.П.* Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследования // Мир России. 2005. № 4. С. 105-137. См. также: ecsosman.edu.ru/db/msg/281196.html.

⁴ «Понятие мотив деятельности многозначно и противоречиво. С одной стороны, по А.Н. Леонтьеву, мотив — это опредмеченная потребность в деятельности. С другой стороны, мотивы трактуются как побуждение к деятельности, что означает буквальный перевод с французского». — *Суходольский В.Г.* Основы психологической теории деятельности. Л., 1988. С. 27.

ляющих поведение, и как совокупность мотивов, и как побуждение, вызывающее активность организма⁵. В.Г. Асеев писал о мотивационной системе, которая определяет содержание видов деятельности, характерных для конкретного человека⁶. Так или иначе, оба понятия связаны с категориями потребности и побуждения к действию.

Мы сочли возможным опираться на характеристики, данные О.Г. Носковой: «Потребности — это состояние нужды человека в чем-то необходимом для его жизнедеятельности, источник активного поведения человека». «Мотив труда — это субъективный образ предмета потребности, побуждающий человека к трудовой деятельности как к форме активности, реализующей потребность... Побудительная сила мотива определяется его субъективной значимостью, или, другими словами, особым отношением субъекта к потребности и ее предмету в системе других потребностей». «Мотивация труда — это процесс побуждения себя и других к деятельности, направленной на достижение определенных результатов»⁷.

О непреходящей актуальности исследования стимулов и мотивов поведения говорят не только зарубежные, но, в последнее время все больше, и отечественные исследователи. Еще В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон писали: «понять историю — значит объяснить, почему люди делают так, а не иначе»⁸. Советский философ-диссидент А.А. Зиновьев утверждал еще более конкретно: «Меня не интересуют законы истории, историческая целесообразность и прочие объективные, не зависящие от воли людей явления. Меня интересуют мотивы поступков людей и их отношение к своим поступкам»⁹. Среди актуальных задач историка, отмечал Ю.Л. Бессмертный, «особое место занимает... изучение мотивов человеческих поступков, того, как изменялись эти мотивы, какую роль играли в них рациональные и эмоциональные стимулы. В этом смысле нет в истории ничего более важного, чем анализ императивов, руководивших действиями

⁵ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000. С. 65.

⁶ Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.

⁷ Носкова О.Г. Психология труда: учебное пособие. М., 2004. С. 85-86.

⁸ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 53.

⁹ Зиновьев А.А. Сталин — нашей юности полет: социологическая повесть. М., 2002. С. 177.

людей прошлого»¹⁰. «Целью истории не могут не быть мотивы каждого индивида; чтобы понять общество, нужно понять мотивы индивидов» – считает датский профессор Якоб Алстед¹¹.

Советская наука долгое время развивалась, основываясь на утверждении о детерминированности сознания бытием¹². В то же время, В.И. Ленин писал: «Различие субъективного от объективного есть, но и оно имеет свои границы»¹³, и особо отмечал слова Г. Гегеля: «Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны...»¹⁴. В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон подчеркивали: «Труд есть сознательная целесообразная практическая деятельность общественного человека, направленная на приспособление вещества природы к человеческим потребностям. А это значит, что *практическая деятельность есть единство объективного и субъективного*. В деятельности всегда присутствует субъект, и от него, от его целенаправленной активности, а не только от объективных условий зависят характер и результаты деятельности»¹⁵.

Одним из первых на объективные качества психических процессов, взаимообусловленность бытия и сознания обратил внимание С.Л. Рубинштейн: «Посредством психического в форме знания о бытии, о мире поведение людей детерминируется не только наличным, но и сейчас отсутствующим — не только ближайшим окружением, но и событиями, совершающимися в самых удаленных от нас уголках мира, не только настоящим и прошлым, но и будущим. Когда мы, познавая закономерности развития природы и общественной жизни, получаем возможность предвидеть дальнейший ход событий, мы вводим будущее в детерминацию нашего поведения. Всякий вообще акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения... В силу этого предметы и яв-

¹⁰ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 7.

¹¹ Алстед Я. Психология, социология, общество: модели мотивации // Социс. 2002. № 9. С. 17.

¹² Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. Т. 18. С. 50, 131.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 90.

¹⁴ Ленин отметил это выражение знаком NB (ПСС. Т. 29. С. 166).

¹⁵ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Указ. соч. С. 66.

ления внешнего мира выступают не только как объекты познания, но и как двигатели поведения, как его побудители, порождающие в человеке определенные побуждения к действию — мотивы. Таким образом, *психическое играет реальную, действенную роль в детерминации деятельности людей, их поведении и вместе с тем оно не является фактором, действующим обособленно от бытия. Сказанным намечаются некоторые общие философские предпосылки, обуславливающие возможность признания реальной действенной роли психического* (курсив мой. — В.С.)»¹⁶. Другими словами, сознание человека не только *отражает* реальность, но и обладает способностью определенным образом *формировать* ее¹⁷.

Вопрос о регулирующей функции психического неоднократно ставился представителями советской психологической школы. В частности, Д.И. Дубровский писал: «Вряд ли можно усомниться, что мысль, образ, волевое усилие действительно управляют телесными процессами, иницируют и регулируют наши действия и поступки. Эмпирические подтверждения этого мы получаем непрерывно»¹⁸. Идея, мысль, желание выступают «в качестве причинного фактора сложных и часто многоступенчатых, развертывающихся в течение длительного времени, действий личности», причем особо отмечается роль информации: «Мысль управляет в том же смысле, в каком управляет именно информация как таковая»¹⁹.

Эти положения позволяют проанализировать влияние информационно-идеологического фактора, эмоционального восприятия действительности на трудовое поведение человека. Это относится, например, к официальной и неофициальной информации, к слухам, которые, будучи результатом отображения в сознании определенных *образов* действительности, способны продуцировать определенные эмоции²⁰ и, как следствие, — материальные поведенческие результаты, выраженные в конструктивной либо деструктивной форме.

¹⁶ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 243-244.

¹⁷ Он же. Основы общей психологии. СПб., 1999. С. 10-11, 24.

¹⁸ Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М., 1980. С. 190.

¹⁹ Там же. С. 194-195.

²⁰ «Действуя, он (человек. — В.С.) не только производит те или иные изменения в природе, в предметном мире, но и воздействует на других людей и сам испытывает воздействия, идущие от них и от своих собственных действий и

Таким образом, можно говорить о познавательной ценности субъективных ощущений, вызываемых конкретными историческими условиями и нашедших отражение в источниках. Поэтому для реконструкции, например, влияния на трудовую поведенческую мотивацию информации и образов следует рассматривать, прежде всего, опосредованное *отношение к ним со стороны* трудящихся. Диалектический подход позволяет рассматривать трудовую мотивацию как сочетание и взаимодействие внешних и внутренних факторов, а трудовое поведение как результат их взаимовлияния.

Основатель ленинградской психологической школы Б.Г. Ананьев (1907–1972), уделявший большое внимание изучению человека как феномена исторического процесса, отмечал необходимость комплексного междисциплинарного подхода к его изучению: «Смежность» наук — явление историческое. Чем больше научное познание проникает в общие законы бытия, тем явственнее вырисовывается картина единства материального мира и умножается число смежных наук... «Смежность» представляет собой своего рода преобразование прикладных функций одной науки по отношению к другой»²¹. Касаясь вопроса изучения природы труда, он писал: «подход к человеку как субъекту труда требует разностороннего исследования морально-психологической стороны трудовой деятельности человека в конкретных условиях социалистического производства»²².

Сказанное позволяет историку оправданно заимствовать психологическую методiku изучения феномена человека трудящегося и приходиться к новым историческим выводам. Кроме этого, взаимопроникновение исторических и психологических методов и приемов исследования проявляется в применении в исторической психологии «различного сочетания генетического и структурного методов»²³.

О возможности «заимствования» историками методов и достижений психологии позитивно отзывались И.Г. Белявский и А.П. Пронштейн: «Обращение историков к психологии обусловлено

поступков, изменяющих его взаимоотношения с окружающими» // *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. С. 551.

²¹ *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб., 2001. С. 11.

²² Там же. С. 27.

²³ Там же. С. 205.

характером деятельности людей... конкретное поведение каждого индивида зависит от его субъективной направленности и от самостоятельного выбора форм деятельности. Опираясь на данные психологии, можно более точно понять особенности поведения каждого члена общества и степень его социальной обусловленности»²⁴.

Применение методов и результатов исследования психологии в историческом исследовании не должно быть «автоматическим» и бездумным. На опасность неправомерного применения методов психологии указывал В.А. Шкуратов: «Следует понять, что существующие теоретические средства истории и психологии не станут автоматически основой исторической психологии». В то же время такое взаимодействие возможно, когда «понятия и приемы другой научной сферы могут “браться напрокат” для решения определенной исследовательской задачи, минуя громоздкую апробацию и сложную систему методолого-теоретических допусков». Как считает ученый, залогом успеха является «высокая исследовательская культура и полное понимание каждой стороной собственных задач и функций»²⁵. На наш взгляд, саморефлексия является одним из главных условий «высокой исследовательской культуры» исследователя.

Метод историко-психологической реконструкции дает исследователю возможность восстановить характеристики мотивационной сферы трудового поведения. Серьезный вклад в теоретическое осмысление и практическое применение историко-психологических методов внесла Е.С. Сенявская. К разработке проблем военно-исторической антропологии она приступила с конца 1880-х гг., «когда историки вообще не интересовались «человеческим измерением войны», а психологи разрабатывали в основном узко прикладные, психолого-инженерные и утилитарно-воспитательные проблемы»²⁶.

²⁴ *Белявский И.Г., Пронштейн А.П.* Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. 1974. № 1. С. 14.

²⁵ *Шкуратов В.А.* Историческая психология на перекрестках человекознания // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 113-114.

²⁶ *Сенявская Е.С.* Военная антропология как новая научная дисциплина: перспективы развития и значение для обороноспособности России // Вестник Академии военных наук. 2004. № 3(8). С. 39.

Е.С. Сеньявская первой в отечественной историографии применила метод историко-психологического реконструирования (переживания) при изучении проблем Великой Отечественной войны²⁷. Сущность метода «состоит в понимании психики людей прошлого как целостного структурно организованного единства, подчиняющегося общепсихологическим закономерностям, и использовании для исследовательских целей психологических моделей (курсив мой — В.С.)»²⁸. Одним из действенных приемов историко-психологической реконструкции является метод «вживания». Реконструируя повседневную реальность, которая окружала трудящегося индивида, исследователь должен учитывать ее основные компоненты: материальные, политико-правовые и духовные. Только после этого можно попытаться определить, как индивид *воспринимал* эту реальность и как он *реагировал* на нее. Именно таким образом метод «вживания», в сочетании с другими методами, может стать действенным.

Безусловно, такой метод имеет свои недостатки, связанные, прежде всего с высокой степенью субъективности. Однако даже непризнание метода «вживания» не освобождает историков от его неосознанного применения. Анализируя историческую эпоху, историк «замещает» сознание исследуемого индивида или общества своим собственным, переносит на него собственные эмоции, мнения и оценки. Такой исследователь, по сути, ставит себя в конкретно-историческую ситуацию, оценивает исторические события и действия исследуемого объекта как свои собственные²⁹. Еще раз повторимся, что для минимизации негативного эффекта искажения исторического повествования необходимо четко рефлексировать по поводу своих исследовательских возможностей и возможностей источника. М.М. Бахтин писал: «Существенным (но не единственным)

²⁷ Сеньявская Е.С. 1941–1945 гг. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же*. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999 и др.

²⁸ Барская А.Д. Возможности метода психолого-исторической реконструкции при воссоздании психики человека времен античности (<http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/ei.html>).

²⁹ В.А. Шкуратов назвал этот эффект имитацией чужого сознания. Шкуратов В.А. Указ. соч. С. 111.

методом эстетического созерцания является вживание в индивидуальный предмет видения, видение его изнутри в его собственном существе. За этим моментом вживания всегда следует момент объективизации, т.е. положением понятой вживанием индивидуальности вне себя, отделение ее от себя, возврат в себя, и только это, возвращенное в себя сознание, со своего места, эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как единую, целостную, качественно своеобразную»³⁰.

Сочетание методов индукции³¹, историко-психологической реконструкции и локального подхода, попытка понимания и объяснения мотивов деятельности исторического персонажа и массы путем «вживания», наш взгляд, главный (хоть и не единственный) способ диалектического понимания эпохи «из нее самой».

Главной при этом, естественно, становится проблема репрезентации, отражения в источниках отношения к труду со стороны трудового населения. Но довольно скрытой стороной формирования трудовой мотивации является та историческая повседневность, которая отражала *борьбу мотивов*, соотношение конструктивных и деструктивных факторов, влиявших на альтернативу, сознательный выбор видов трудового поведения, свойственный индивиду³². Прямые свидетельства отношения человека к труду достаточно редки.

³⁰ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 92.

³¹ Известный русский философ И.А. Ильин в работе «Академическое несчастье молодых поколений» так определял роль индуктивного метода: «Настоящая наука начинается с **индукции**, т.е. с непредвзятого свободного наблюдения явлений, природы и людей... Настоящая наука углубляется **интуицией**, т.е. живым созерцанием, которое, во-первых, **вчувствуется в глубину единичного явления**, и, во-вторых, пытается **верно вообразить и восстановить целое**, распавшееся во время исследования на детали... Без интуиции индукция начинает смотреть поверху и упускает главное — **тайну индивидуальной жизни** // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 51.

³² Как писал С.Л. Рубинштейн, «Поведение разных людей и даже одного и того же человека во внешне одной и той же ситуации бесконечно многообразно. Механистическая попытка непосредственно связать поведение человека с внешней ситуацией по схеме стимул — реакция безнадежна». Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 243.

Даже анализ источников личного происхождения не всегда позволяет в полной мере восстановить структуру формирования мотивации трудового поведения. Поэтому в рамках историко-психологической реконструкции можно, на наш взгляд, применять метод изучения трудового поведения по принципу «от обратного». В источниках, фиксировавших девиантное поведение граждан (секретные донесения, доклады и т.п.), приводились примеры антисоциального характера. Нередко информация о таком поведении попадала в компетентные и контролирующие органы по инициативе самих граждан. Это позволяет реконструировать как те черты в поведении, которые осуждались обществом, так и те, которые считались *естественными*, и на них не обращалось исключительного внимания.

Таким образом, осознавая возможности историко-психологических методов и учитывая их недостатки, историк сможет эффективно «встроить» их в систему собственного исследования, обеспечив своим выводам научную значимость.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

АЛЛАН МЕГИЛЛ

ГРАНИЦЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Сеть границ, покрывающая сегодня земной шар, прочерчена иначе, чем в прежние времена. Возникающие тут и там ссоры по поводу возведения или разрушения границ заставляют предположить, что границы повсеместно являются проблемой, требующей серьезного обсуждения. Большинство современных границ признаны всеми сторонами и не создают серьезной угрозы насилия, даже в тех случаях, когда они оспариваются. Например, США и Канада долгое время не могут договориться по поводу точной границы между ними в четырех пунктах. Не случайно все эти спорные пограничные территории являются морскими: в устье реки Диксон, в Проливе Хуан-де-Фука, в Заливе Штата Мэн и в Море Бофорта. Разграничения в первых трех случаях настолько неважны, что, возможно, они вообще не будут проведены, поскольку это потребовало бы много времени и усилий. Нефтяные запасы в Море Бофорта делают обсуждаемую границу более важной. Но даже если в этом случае решение состоится, оно наверняка будет закреплено международным судом¹.

Настоящая статья не затрагивает такие «простые» споры, а направлена на выявление части исторического фона ряда «сложных» пограничных споров. Под таковым я понимаю пограничный спор,

¹ Один из электронных ресурсов для определения современных пограничных споров — *CIA World Factbook* (<<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>> (апрель, 2009 г.). Он содержит статистическую информацию по всем странам, признанным правительством Соединенных Штатов. Последняя категория в страничке каждой страны — «Межнациональные проблемы» (Transnational issues), а она содержит подкатегорию «Международные споры» (Disputes — International), где перечисляются пограничные споры (если таковые имеются).

который а) продуцирует насилие или его серьезную угрозу и б) его чрезвычайно сложно разрешить. На ум приходит граница между Израилем и тем, что может или не может стать Палестинским государством². Другие пограничные споры также имели, имеют или могут иметь в будущем ту же степень сложности, которая свойственна современным израильским границам. Однако в этой статье я не касаюсь никакого в настоящее время «сложного» пограничного спора. Задача, скорее, состоит в том, чтобы для лучшего понимания таких споров вписать их в более широкую историческую перспективу.

* * *

Для понимания современного пограничного режима необходимо задуматься о до-современных границах. Поразительно, но строго определенные границы национального государства являются недавним изобретением. В Европе такие границы появились в течение нескольких последних столетий. Далее, вопрос характера границ всегда связан с другим вопросом: что эти границы соединяют или разделяют? Нельзя серьезно размышлять о границах современного мира, не принимая во внимание изменения в системе государств за последние два столетия, особенно разрушение мультикультурных империй и сопутствующее появление унитарных национальных государств — два события, глубоко затронувших историю XX века³.

История до Новейшего времени позволяет нам представить разнообразие пограничных режимов. Это реальное разнообразие заставляет разнообразить и саму терминологию границ и говорить не просто о *границе*, но о *границе-border*, *границе-boundary* и *границе-frontier*. Для разведения *border* с *boundary* и *frontier* я рассматриваю *border* как общий термин, относящийся ко всем маркерам простран-

² Как подчеркивает Адриана Кемп, границы Израиля были спорными с самого начала. — *Kemp Adriana*. From Politics of Location to Politics of Signification: The Construction of Political Territory in Israel's First Years // *Journal of Contemporary European Studies* 6: 12 (1998). P. 74-101.

³ По этим двум проблемам появляется все больше работ. В качестве двух отправных см.: *Burbank Jane, Cooper Frederick*. Empire, droits et citoyenneté, de 212 à 1946 // *Annales HSS*. Mai-Juin, 2008. No. 3. P. 485-531; и *Weitz Eric D*. From the Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // *American Historical Review*. 114: 5 (Dec. 2008). P. 1313-1343.

ственного разделения территории между политическим государством и тем, что находится за его пределами. Что касается *boundary* и *frontier*, они могут быть рассмотрены в квази-диалектической оппозиции друг другу. Под *boundary* я подразумеваю строго определенную линию, отделяющую одну часть территории от другой: представьте себе границы земельных участков, отделяющие одно владение от другого, издавна существующие во всех густонаселенных местах западного мира (и не только западного). Граница-*frontier*, в том смысле, в котором я употребляю здесь это понятие, является по своему характеру больше «зональной», чем «линейной». Когда присутствует граница-фронт, *точно* установить, где именно проходит граница государства, невозможно. Действительно, если мы рассматриваем как минимальное условие существования государства то, что он успешно осуществляет “*innerhalb eines bestimmten Gebietes das Monopol legitimer physischer Gewalt*” (М. Вебер), во многих случаях фронтиров одно государство противопоставлено не другому государству, а территории, где монополия на применение силы, легальная или нелегальная, отсутствует⁴.

Проблеме границ-*frontier* посвящен большой массив литературы. Среди многочисленных авторов, внесших свой вклад в разработку этой темы, два историка оказали влияние далеко за пределами своих стран: американец Фредерик Джексон Тернер (1861–1932) и француз Люсьен Февр (1878–1956). В работе 1893 года «Значение фронта в американской истории» Тернер предположил, что фронт был наиболее важным фактором в становлении американской государственности (фронт в американской истории — постоянно перемещавшаяся линия, отделявшая завоеванные земли от «диких» — *прим. пер.*)⁵. Тернер написал свое эссе тогда, когда после победы Севера в Гражданской войне Соединенных Штатов, заложившей основы для объединения Соединенных Штатов в единое национальное государство, сменилось одно поколение. Тернер рассматривал процветание Соединенных Штатов как *telos* (букв. «цель, конец» (греч.): завершение; искомый результат; достижение цели —

⁴ Weber Max. Politik als Beruf (1918/19).

⁵ Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Rereading Frederick Jackson Turner: “The Significance of the Frontier in American History” and Other Essays / Ed. John Mack Faragher. New York: Henry Holt, 1994. P. 31-60.

прим. пер.) продвижения фронта. Его так называемый «пограничный тезис», предлагая вниманию национальный нарратив, преуменьшающий роль Гражданской войны, равно как и других разделяющих факторов американского общества (расовых, классовых), работал на идеологические потребности национального американского государства, начинавшего тогда играть роль на мировой арене.

Дискуссия по проблемам границ во Франции возникла в результате франко-прусской войны (1870–1871), когда только что созданная Германская Империя захватила Эльзас и северную Лотарингию, долго бывшие французской территорией. Хотя Февр, как ученый, сформировался через полтора поколения после этой войны, свою работу *La Terre et l'évolution humaine* («Земля и эволюция человека», 1922), большая часть которой посвящена проблеме границ, он написал на фоне неугасающей франко-немецкой вражды. Помимо этого, в 1928 г. он опубликовал глубокое эссе по проблеме границ *Frontière — le mot et la notion* («Фронтир — слово и понятие»)⁶. Поразительно, что, сосредоточив свое внимание на проблеме границ в раннее Новое время и раньше, Февр уклонился от рассмотрения проблемы границ в современном мире. И хотя Фредерик Джексон Тернер писал о недавней границе, современную ему государственную систему он не исследовал. В конце концов, фронтир Тернера был границей не между одним государством и другим, а между государством и тем, что Тернер считал «дикой территорией».

Проблемой границ занималось много других ученых. Современную дискуссию по проблемам границ можно приблизительно разбить на четыре (частично накладывающиеся друг на друга) вида исследований. Во-первых, проблеме границ посвящен на удивление обширный массив *научно-исторической литературы*, сосредоточенный преимущественно на исследовании границ до Нового времени⁷. Во-вторых, есть *критическая и рефлексивная литература*, рас-

⁶ *Febvre L. Frontière — le mot et la notion // Febvre L. Pour une histoire à part entière. Paris: SEVPEN, 1962. P. 11-24.*

⁷ *Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore: Johns Hopkins U. P., 1994; Whittaker C.R. Rome and Its Frontiers: The Dynamics of Empire. L.: Routledge, 2004; Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages / Ed. by Curta Florin. Turnhout, Belgium: Brepols, 2005; Medieval Frontiers: Concepts and Practices / Ed. by David Abulafia and Nora Berend. Aldershot, Hampshire: Ashgate, 2002; и Frontiers in the Middle*

смагивающая современные границы или границы в недавнем прошлом⁸. В-третьих, имеется *дескриптивная литература*, уделяющая внимание текущим проблемам, но не предлагающая конкретных рекомендаций⁹. Наконец, существует *формально-юридическая, прагматически-ориентированная литература*, сосредоточенная на том, «как» определять, разграничивать и обращаться с границами¹⁰.

В литературе о современном состоянии проблемы границ почти не было попыток серьезно проанализировать исторические предпосылки современного пограничного режима. Ближе всего к этой задаче подошел Февр в *La Terre et l'évolution humaine*. Но Февр сосредоточил внимание на том, как историки и географы ошибочно отождествляли современный пограничный режим с до-современным; он не осуществил обратного, не предпринял критическо-диалектического исследования современного пограничного режима в свете того, что он знал о до-современных границах. Он энергично критиковал тех историков и географов XIX – начала XX в., умы которых «будоражила» “l'idée toute politique d'une frontière linéaire, d'une ligne rigide de démarcation”¹¹. Он признавал, что “frontières nettement délimitées” иногда присутствуют в природе (напр., вокруг оазиса в пустыне), но добавлял, что оазис является “n'est nullement un corps politique”¹². Он отмечал, что при столкновении с соседями-кочевниками оседлые народы пробовали иногда установить пограничные барьеры, но эти барьеры были неопределенны и даже подвижны¹³. Наконец, он утверждал, что проблема границ является “le plus haut problème”, к которой должна обратиться историческая география¹⁴. Но дальше этого он все-таки не пошел. Возможно, он придавал слишком большое

Ages: Proceedings of the Third European Congress of Medieval Studies / Ed. by O. Merisalo with the collaboration of P. Pahta. Jyväskylä, 10-14 June 2003. Louvain-la-neuve: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales, 2006.

⁸ См.: European Journal of Social Theory 9: 2 (2006).

⁹ См.: Maritime Boundaries and Ocean Resources / Ed. by Gerald H. Blake. Totowa, NJ: Barnes & Noble, 1987 и некоторые другие работы того же автора.

¹⁰ См. вебсайт и множество публикаций Международного центра по исследованию границ при университете в Дареме. — <http://www.dur.ac.uk/ibru>.

¹¹ Fevre L. La Terre et l'évolution humaine, 87.

¹² Ibid. P. 279.

¹³ Ibid. P. 328-29.

¹⁴ Ibid. P. 352.

значение феномену национального государства (и «великой нации», в частности, Франции), чтобы критически подойти к пограничному режиму, который ограничивает наше видение вариативности границы и сводится к противопоставлению того, что находится по эту и по ту ее сторону, к разделению людей на граждан и не граждан.

* * *

Современную систему национальных государств иногда называют «Вестфальской системой», сложившейся после Вестфальского мира (1648), придерживающегося принципа *cuius regio, eius religio*. Это означало, что каждый правитель получил право определять, какой будет религия в пределах той территории, на которую распространялся его суверенитет. Тем не менее, наша современная система национальных государств очень сильно отличается от установленного в 1648 г. режима. В то время и еще в течение нескольких поколений понятия государства и лояльности еще рассматривались преимущественно в личностном и династическом ключе. Изменения действительно шли в направлении от «государства, основанного на личной лояльности» [*Personenverbandstaat*] к «территориально организованному государству» [*der institutionelle Flächenstaat*], но это были очень медленные изменения¹⁵. Еще в XVII в. путешественник, выезжающий из Парижа в восточном направлении, затруднился бы точно определить, когда именно он покинул Францию, поскольку ему предстояло двигаться через смешанную зону, в которой некоторые манориальные лорды находились в вассальной зависимости от короля в Париже, а другие — от императора в Вене. Пока понятие лояльности было личностным и династическим, понятие *территориальной* привязанности не имело практически никакого значения.

Основы современного пограничного режима заложила Французская Революция, а не Вестфальский мир. Существует соблазн сосредоточить внимание на начале Революции, принявшей в августе 1789 года «Декларацию прав человека и гражданина». В том, что современное национальное государство появилось в тигле Революции, несомненно, есть смысл. Примечательнее всего третья статья

¹⁵ Терминология Теодора Майера; смотри его полезную, но политически ангажированную статью: Die Ausbildung der Grundlagen des modernen Deutschen Staates im hohen Mittelalter // Historische Zeitschrift. 159 (1938–1839). S. 457-87.

Декларации, утверждающая единство и неделимость государственного суверенитета, заявляющая, что “le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la Nation” — а, стало быть, не в личности монарха¹⁶. Большинство статей отстаивают принципы либерального государства, подчеркивая верховенство прав, равенство перед законом, презумпцию невиновности, свободу слова и его выражения и контроль, осуществляемый гражданами или их представителями. Однако большая часть истории национального государства в XIX и XX вв. имела мало общего со свободой, как ее понимали авторы «Декларации»: в своем худшем варианте это была история серьезно оспариваемых границ, насильственных миграций и геноцида.

Предполагаю, что решающим для современного пограничного режима революционным моментом был не июль-август 1789 г., а август-сентябрь 1793 г. В январе 1793 года революционеры казнили Людовика XVI. К Австрии и Пруссии, уже находившимся в состоянии войны с Французской Республикой, присоединились Испания, Британия, Пьемонт и Объединенные Провинции Нидерландов. В последовавшем за этим кризисе Французский Национальный Конвент попал под контроль радикальных якобинцев, которые 23 августа 1793 г. издали декрет *levée en masse* (Декрет о массовом наборе в армию и революционной мобилизации всех граждан на защиту отечества. — Прим. пер.), направленный против внешних врагов Франции. Декрет постановлял “dès ce moment jusqu’à celui où les ennemis auront été chassés du territoire de la République, tous les Français sont en réquisition permanente pour le service des armées”, и далее определял, каким образом различные группы французского общества — старики и молодежь, женатые и одинокие, мужчины и женщины — должны служить французским армиям¹⁷.

Для нас важны два принципа, зафиксированные в этом декрете. Во-первых, декрет содержал в себе унитарную концепцию государства: все французы должны были служить военным целям, и их пре-

¹⁶ <http://www.textes.justice.gouv.fr/index.php?rubrique=10086&ssrubrique=10087&article=10116> (май, 2009).

¹⁷ Как отметил Алан Форрест, *levée en masse* был не столь далеко идущим, как «вспоминали» позже: Forrest A. L’armée de l’an II: la levée en masse et la création d’un mythe républicain // Annales historiques de la Révolution française. N 335 (<http://ahrf.revues.org/document1385.html>; май, 2009 г.).

данность должна была выражаться по отношению к *Нации*, а не к чему-либо еще. Во-вторых, декрет способствовал появлению *territories* республики, с которой должны были быть вытеснены все враги. Таким образом, там появилось то, что Чарльз Майер назвал “*anti-adversarial*” (направленным против соперников. — Прим. пер.) типом границы, который существует там, где «организованные империи или государства противостоят друг другу как потенциально враждебные державы»¹⁸. Едва ли случайно, что революционная песня «Марсельеза», ранее известная как «Военный марш Рейнской армии», была написана в апреле 1792 года в Страсбурге, главном городе погранично неопределенного района Эльзаса, находившегося в тот момент под угрозой вторжения. Во время проходившего в августе 1793 года *levée en masse* эта песня стала неофициальным гимном революционного государства. Ее волнующие слова хорошо выражают понятие территории, находящейся под угрозой извне.

Майер определяет и три других типа границ: *proto-territorial* (прото-территориальная), *anti-incursive* (граница, защищающая от набегов и вторжений) и *tributary* (граница, определяющая территорию сбора дани). Но нашей теме соответствует только *adversarial* граница — граница с соперниками (я модифицирую здесь терминологию Майера, поскольку его *anti-adversarial* граница фактически является *adversarial* границей). Начиная с 1793 г. и особенно с франко-прусской войны, идея и реальность территориально определенного, национально унифицированного и бюрократически эффективно государства-нации становятся все более сильными и значительными. Заметим, однако, что *la Nation* 1789 года не следует понимать в националистическом смысле. Революционная «нация» не имела никакого отношения к национальной идентичности. Членство в *la Nation* было вопросом не национальной или языковой принадлежности, а преданности принципам Революции, и на этом основании французское гражданство предоставляли пруссаку и датчанину Анакасу Клотсу и англо-американцу Тому Пейну. Но особенно после 1871 г. и преимущественно в центральных, восточных и южных частях Европы национальная идентичность пересилила (политическую) лояльность. Это было колоссальным сдвигом в сознании, который в

¹⁸ *Maier Charles S. Among Empires: American Ascendancy and Its Predecessors. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006. P. 100.*

XX в. оказался тесно связанным с насильственными миграциями и, в конечном счете, с геноцидом¹⁹. Эти практики исключения, деления на своих и чужих, можно рассматривать как внутренний эквивалент военным действиям, направленным против внешних врагов национального государства. Эквивалентность внутренних и внешних врагов имела место уже в 1793 г., поскольку за *levée en masse* от 23 августа последовало создание 5 сентября Режима диктатуры.

* * *

Ограниченные рамки статьи не позволяют в полной мере развернуть значение исторического прошлого. Но основной момент очевиден: неправильно ограничивать наш анализ современных «сложных» пограничных споров рамками государства-нации, сложившегося после 1871 года, поскольку унитарное национальное государство является только одной из ограниченных форм политической экологии. Несмотря на то, что в 1793 г. «Нация» все еще определялась лояльностью к управляющим государством принципам (а именно революционным принципам 1789 года), позднее принадлежность к нации стала определяться в соответствии с идеологией политического национализма. Политические националисты настаивали, что каждая «национальная группа» (особенно та национальная группа, с которой идентифицировал себя националист) должна иметь собственное государство. Политические националисты также настаивали, как правило, на том, что в пределах границ этого государства должна преобладать высокая степень этно-лингвокультурной гомогенности. От миноритарных групп внутри государства все больше ожидался выбор: либо принять язык и идентичность национального большинства (где это было возможно), либо удалиться (или быть удаленными) с территории национального государства.

Выдающимся апологетом нового, унитарного типа государства был антисемитски и про-нацистски настроенный немецкий политический и юридический теоретик Карл Шмитт (1888–1985). В *Begriff des Politischen* (1932) он заявил, что различие между другом и врагом (*Freund/Feind*) вообще является центральным в политике. С точки

¹⁹ См.: Weitz. From the Vienna to the Paris System (см. выше, примеч. 3); *Idem*. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation. Princeton, 2003; *Mazower Mark*. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. New York: Knopf, 2000.

зрения Шмитта, “der Politische Gegensatz ist der intensivste und äußerste Gegensatz und jede konkrete Gegensätzlichkeit ist um so politischer, je mehr sie sich dem äußersten Punkte, der Freund-Feindgruppierung, nähert...”²⁰. Далее Шмитт настаивал на унитарности (*Einheit*) государства, существующего по принципу друг-враг. По мнению Шмитта, «es gibt nur eine politische Einheit, eine politische “Gemeinschaft”. Die reale Möglichkeit der Gruppierung von Freund und Feind genügt, um über das bloß Gesellschaftlich-Assoziative hinaus eine maßgebend Einheit zu schaffen, die etwas spezifisch anderes und gegenüber den übrigen Assoziationen etwas Entscheidendes ist»²¹.

Шмитт утверждал, что он говорит о «государстве» и «политическом» в общем и целом. Но политическая теория, схематично изложенная им в *Der Begriff des Politischen*, была тесно связана с политической действительностью, появившейся в 1793 г., когда казнь Людовика XVI привела к всеобщей войне между французской Республикой, с одной стороны, и европейскими монархами, с другой. Это была ситуация, в которой не существовало никакого промежуточного правила или высшего авторитета. Компромисс был невозможен, единственным выходом был радикальный конфликт.

Позднее, в *Der Nomos der Erde* (1950), Шмитт утверждал, что существенная перемена произошла в конце XIX в., как побочный продукт экспансии европейской власти далеко за пределы европейского континента. Он полагал, что преобладавшая до этого относительно организованная система баланса сил в Европе не была успешно преобразована в глобальное равновесие сил, и старое понятие *Jus publicum Europaeum* постепенно исчезло. Согласно Шмитту, существовавшее до этого распределение власти предполагало «систему» государств — сообщество, состоящее из монарших домов, государств и наций, и лишь в период 1890–1918 гг. на смену этому порядку пришел «хаос» полностью гетерогенных государств, каждое из которых объявляло себя равно суверенным²².

²⁰ Schmitt C. *Der Begriff des Politischen*: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. S. 30.

²¹ *Ibid.* S. 38-45 (45).

²² Schmitt C. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus publicum Europaeum*. Cologne: Greven, 1950. Часть IV, Глава 2.

Расизм и авторитаризм Шмитта делают его сомнительным политическим мыслителем, но иногда он бывал точным диагностом политической действительности современного мира²³. Здесь важны два момента. Первый состоит в том, что Шмитт выделил унитаристские, авторитарные тенденции в современных политических государствах и выступил их сторонником (не случайно он стал «наследным принцем» нацистской правовой теории, поставленной на службу государству, служащему *ein Reich, ein Volk, ein Führer*). Действие сходных авторитарных тенденций на практике сегодня можно увидеть во многих национальных государствах либо эпизодически (в якобы либеральных государствах, когда происходят систематические нарушения правовых норм), либо в виде перманентного принципа правления (в некоторых других государствах). Второй заключается в том, что независимо от степени исторической точности его оценки развития международного права в век европейской экспансии, утверждения Шмитта о замене старой «системы» государств «хаосом» описывают некоторые аспекты современного мира, хотя точным описанием мира *в целом* это назвать нельзя. Представления Шмитта — пример того, как в экстремальном варианте может выглядеть мир абсолютно независимых суверенных национальных государств, если они не находятся под контролем власти на более высоком уровне. В таком мире все национальные государства стремились бы быть абсолютно унифицированными, воспринимать соседей как враждебно настроенных соперников по ту сторону определенной с абсолютной точностью границы, и некоторые из этих границ в любой момент могли бы быть оспорены.

В более широком временном диапазоне, принимающем во внимание положение с границами и государствами в до-современный период, нам, вероятно, могут открыться пределы пограничных режимов и государств, основанных на модели унитарного, независимого и полностью суверенного национального государства. Безусловно, то новое, что появилось в модели более унифицированного национального государства, дало ему преимущество перед основной конкурирующей формой того времени — мультикультурной империей. Конечно, коллапс Австро-Венгерской монархии и Османской

²³ См. разъясняющее критическое исследование: *Scheuerman William E. Carl Schmitt: The End of Law*. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 1999.

империи, равно как и Царистской империи, произошедший в результате первой мировой войны, не был случайностью. В конце концов, унитарное национальное государство действительно преуспело в сосредоточении власти и в том, чтобы приспособить ее для больших и малых свершений. Бесспорно, многие из них работали на благо человека. При прочих равных условиях более эффективное государство имеет больше преимуществ для выживания, чем менее эффективное. Равным образом, есть выгода от точно определенных границ: если все стороны договорятся о местоположении и действии границы, конфликт относительно нее будет устранен. Ясность зачастую имеет преимущества перед неопределенностью.

Тем не менее, необходимо принять во внимание модели, альтернативные унитарному национальному государству. Одна из них — модель *культурно неоднородного национального государства*. В этом типе национального государства компромисс между различными этно-лингвокультурными группами, достигается в результате *modus vivendi* (временного соглашения) этих групп. В современном мире есть примеры довольно успешно функционирующих государств этого типа. Характерно то, что в публичной жизни культурно неоднородных национальных государствах могут использоваться два или более официально признанных языка. Примером такого государства может служить Швейцария, имеющая четыре официально признанных языка и главу государства в виде коллективного Федерального Совета с семью членами. Другой пример — Канада: британское завоевание в XVIII в. так и не ассимилировало ее католическое франкоговорящее население. Третий пример — Испания, в которой Каталония дошла до высокой степени автономии.

Вторая альтернативная модель — *мультикультурное государство* или — осмелюсь применить столь устаревшее понятие — *мультикультурная империя*. Одна мультикультурная империя сумела пережить первую мировую войну, а именно наследник Царистской империи — Советский Союз. Ясно, что обширная территория СССР, наличие на ней более 100 разных этносов и факт, что русскоязычное население составляет только 50% населения, лишили центр возможности насаждать русский язык и культуру по всей стране. В условиях отсутствия павших империй, возможно, примечательным современным примером мультикультурного государства

является Индия с ее населением более миллиарда человек, говорящих на огромном множестве языков и диалектов.

Третья модель — скорее не альтернатива национальному государству, а дополнение к нему — *конфедерация как наднациональное государство*. Самый примечательный пример в настоящее время — Европейский Союз. Модель конфедерации обеспечивает наличие более «высокой» структуры, которая изменяет отношения между соперничающими национальными государствами, равно как и между регионами и национальными государствами²⁴. Общий эффект должен заключаться в смягчении «проблемы границ» через превращение их в менее спорные. Например, сегодня опыт пересечения границы между Францией и Германией едва ли отличается от опыта пересечения границы между одним американским штатом и другим.

Особенно поражает несколько неожиданный эффект, который оказал факт наличия Европейского Союза на статус регионов и на фактические или потенциальные требования меньшинств внутри составляющих ЕС национальных государств. Есть два типа регионов: регионы в пределах национальных государств (1-й тип) и регионы, соединяющие национальные государств (2-й тип). Каталония является регионом первого типа, в то время как Дания, Норвегия и Швеция составляют регион второго типа. Наличие ЕС позволяет регионам в пределах национальных государств иметь «внешние сношения» и непосредственно с ЕС, и с другими регионами в пределах ЕС. Далее, обеспечивая многоуровневую структуру, которая одновременно служит и «апелляционной инстанцией» для меньшинств, и смягчает отношения между национальными государствами, которые в ее отсутствие были бы напряженными, создание Европейского Союза имело два последствия, которые необходимо здесь отметить. Первое состоит в том, что он способствовал повышению уровня региональной (1-й тип) автономии внутри учредивших его национальных государств; в то же время, во-вторых, он ослабил сепаратистские движения (с нашей точки зрения, сепаратистское движение — это движение, реально нацеленное на *пересмотр границы*). Таким образом, в Британии можно увидеть более высокий уровень автоно-

²⁴ В этом смысле «наднациональная конфедерация» является коррективом к тому, что, по утверждению Шмита, происходит в современном мире, а именно к исчезновению *Jus publicum Europeaeum*.

мии, предоставляемой Шотландии. В то же самое время сегодня ясно, что давнее требование ирландских католиков объединить Ирландскую Республику и Северную Ирландию — равносильное требованию уничтожить границу между севером и югом национального государства и создать новую национальную границу между Северной Ирландией и Объединенным Королевством — не стоит больше на повестке дня. Несомненно, есть много причин, по которым «Ольстерский кризис», долгое время царивший в Ирландии, кажется, подходит сегодня к концу, но решающим фактором в этой перемене является появление в рамках ЕС более широкой структуры для контактов, переговоров и компромиссов.

* * *

Точно определенные границы, признанные всеми заинтересованными сторонами, уменьшают неопределенность и таким образом облегчают управление обществом и жизнью людей в целом. И, наоборот, *изменение* границ национального государства чревато трудностями, за исключением тех случаев, когда главные заинтересованные стороны способны заранее прийти к взаимному согласию по данному вопросу. Идеальной ситуацией для изменения границы национального государства является взаимное согласие. В начале XX в. Швеция добровольно отказалась от своей норвежской территории, в результате чего 7 июня 1905 года возникло национальное государство Норвегия. Распад 1 января 1993 года Республики Чехословакия на Чешскую и Словацкую Республики произошел с одобрения большинства как чехов, так и словаков.

Когда такие соглашения не достигнуты, изменения границы национального государства крайне проблематично. Один из моментов, обозначенных Февром в *La Terre et l'évolution humaine* — условный, а не естественный характер границ. Что и говорить, есть случаи, когда природный рельеф местности может служить границей национального государства — самым очевидным примером являются острова. Но статус острова ни в коем случае не решает все проблемы. Тот факт, что Ирландия является островом, не предотвратил длительного конфликта по проблеме ирландской границы, точно так же как не предотвратил его в Шри-Ланке или на Кипре. Короче, наличие острова не является оправданием для опровержения утверждения Февра о конвенциональном, а не естественном характере границ.

В любом случае, главное оправдание, выдвигаемое в современном мире для создания или пересмотра границ национального государства, состоит не в том, что та или иная территория обладает «естественной» когерентностью, а скорее в том, что отдельные «люди» (т.е. конкретная этническая / лингвистическая / расовая или религиозная группа) имеет право на «собственную» нацию. Это требование не вызвало бы никаких экстраординарных трудностей, если бы не тот факт, что та же самая территория очень часто занята людьми, которые считают себя принадлежащими к разным — возможно, глубоко конфликтующим — группам. Люди, знакомые только с теми национальными государствами, в которых почти все говорят на общем языке и проводится единая политическая идеология, часто полагают, что это и есть «естественное» состояние человечества — когда люди, занимающие общую территорию, говорят на одном языке и имеют одинаковый набор политических убеждений. Но этот вид культурного единства — чаще всего *результат*, а не *предтеча* существования унитарного национального государства. Например, Франция стала приближаться к состоянию относительной лингвистической гомогенности только после 1871 г., когда французское государство стало использовать систему государственных начальных школ для повышения культурного уровня населения²⁵.

Таким образом, мы еще раз возвращаемся к настойчивому утверждению Февра о конвенциональном характере границ, поскольку, когда дело касается установления границ, видимо, нельзя руководствоваться ни географией, ни предположительно уже существующей «нацией». Конвенция — конечно, не что иное, как соглашение. В отношении изменения границы соглашение должно быть достигнуто по двум проблемам: а) должна ли создаваться (новая или пересмотренная) граница национального государства и б) где эта граница национального государства должна располагаться? Даже если можно прийти к согласию по поводу создающейся «коллективной идентичности», заслуживающей собственного государства, это не решает вторую проблему — проблему расположения границы. Как правило, горячие головы националистов и расчетливые политики затребуют максимальной территории, а в процессе ее отвоевыва-

²⁵ Классическое исследование: *Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976.

ния всегда есть соблазн применить разного рода этнические чистки. Тем временем, их противники будут сопротивляться. Наличие этнической однородности облегчит проблему улаживания границы, но этническая однородность, достигнутая в результате изгнания, вызовет продолжительное возмущение. Наконец, существует серьезный вопрос: на каком основании группа людей может *в настоящее время* требовать для себя права установить *постоянную* границу? Всего несколько новых государств содержат в своих конституциях договоренность по поводу *еще одной* возможности изменения границы национального государства (например, решая двадцать лет спустя, что создание этой пограничной линии было ошибкой). Если новое государство не в состоянии учесть будущий пересмотр решения, то его создание должно быть расценено как недемократическое.

* * *

В начале статьи я указал на то, что сеть границ «всегда уже» прочерчена — людьми — на земном шаре. Хорошо, что это так. Перефразируя американского поэта Роберта Фроста, можно сказать, что «хорошие границы — это хорошие соседи». Происходит это благодаря тому, что хорошие границы — это ясное распределение ответственности и власти в пределах данной территории. Таким образом, мы знаем, что есть определенная территория, над которой имеют власть шведы, граждане одного суверенного национального государства, и есть другая территория, над которой властвуют норвежцы. Далее, хотя я не могу здесь развить этот аргумент, есть причина полагать, что без наличия границ (в американском варианте это границы административных округов, городов, избирательных округов, районов, штатов и национального государства в целом) было бы проблематичным, если не невозможным существование того, что мы называем политикой — поскольку она является деятельностью, которая зависит от института политического представительства, в свою очередь предполагающего наличие населения, которое и должно быть представлено в органах власти политиками²⁶.

Большая часть этих границ обладает статусом «фактов на местности», можно даже было бы считать их *квази-естественными*. Там,

²⁶ Тема репрезентации очень интересно осмыслена Фр. Анкерсмитом: *Ankersmit, Frank. Political Representation. Stanford: Stanford University Press, 2002.*

где границы существуют для удобства управления, вполне могут быть процедуры для их изменения, если люди сочтут лучшим их изменить. Но положение с границами национального государства иное. В условиях отсутствия соглашения между заинтересованными сторонами средства, при помощи которых можно изменить границы национального государства, обычно не определены, как и критерии для определения того, где должна располагаться измененная граница.

Вывод, таким образом, напрашивается сам собой: если нет широко распространенного согласия по поводу того, что изменение к лучшему, *границы национального государства не должны меняться*. Но это не означает, что *ничто* не должно меняться. По этому поводу могут быть сделаны два предположения. Первое состоит в том, что диалектической стороной в условиях неизменности границ национального государства является признание в его территориальных пределах культурной и политической автономии групп меньшинств в тех случаях, когда в ходе политического процесса становится ясным, что такая автономия — серьезное требование со стороны членов этой группы, и когда рассматриваемая группа обладает культурными ресурсами (например, языком и культурными институтами и практиками), позволяющими предположить, что она (как каталонцы в Испании или жители Квебека в Канаде) в состоянии творчески использовать эту автономию с пользой для себя и своих соседей. Второе заключается в том, что в отсутствие сегодня мультикультурных империй многое говорит в пользу модели наднациональной конфедерации. Если говорить абстрактно, благодаря таким конфедерациям мы не живем в мире, который представлялся Карлу Шмитту и «реалистической» тенденции в теории международных отношений в целом, а именно в мире остро враждующих, «реалистичных» национальных государств. (Как это ни странно, во многих современных контекстах «реалистический» взгляд на международные отношения не совсем соответствует действительности.) Если говорить конкретно, есть основания полагать, что такие конфедерации способны облегчить отношения между большинством и меньшинствами внутри национальных государств, проведение переговоров и достижение компромисса в спорах между национальными государствами и осуществление совместных проектов, находящихся вне компетенции действующих автономно национальных государств.

П.В. СОКОЛОВ

«ХРУПКИЙ АВТОРИТЕТ ДИАЛЕКТИКИ»

РОДЖЕР БЭКОН ПРОТИВ ПАРИЖСКИХ АВЕРРОИСТОВ*

С именем Роджера Бэкона (1219/20 – 1292/94) традиционно связываются многочисленные новации в интеллектуальной истории средневекового Запада. В числе прочего в его трудах находят один из первых опытов обоснования и применения экспериментального метода. Признание эвристической ценности эмпирического опыта и реабилитация эпистемологического статуса материального мира рассматривается как революционное открытие Бэкона, предполагающее отказ от традиционных для схоластической науки способов аргументации, основанных на формальной логике, и создание новой методологии научного познания — *scientia experimentalis*.

«Опытная наука» Роджера Бэкона традиционно привлекает внимание исследователей, однако основной акцент делается на историко-научном аспекте этого понятия. Реконструируя историю схоластической философии в соответствии с парадигмой, сложившейся в историографии естественных дисциплин, исследователи готовы видеть в английском францисканце предшественника другого Бэкона, основателя экспериментальной науки Нового времени¹. Однако одностороннее приложение историко-научного метода к трудам Бэкона неизбежно оборачивается редукцией, поскольку оставляет без внимания интериоризацию категории «эксперимента» в его сочинениях; богословское, а точнее, сотериологическое измерение термина *experimentum* у Бэкона тем самым элиминируется. Для того чтобы восполнить этот пробел, необходимо изучить исторические предпо-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Полемические стратегии в философии, богословии и науке Западной Европы XIII–XVI вв.» (09–09–0007).

¹ См., в частности: *Whewell W. History of the Inductive Sciences from the Earliest Times to the present Times*. N.-Y., 1859. P. 245; *Adamson R. The Philosophy of Science in the Middle Ages*. Manchester, 1876.

сылки и природу предполагаемого «эпистемологического переворота» у Бэкона. В настоящем исследовании мы рассмотрим полемический контекст употребления понятия *scientia experimentalis* у Бэкона и его место в научном мышлении францисканца.

Категория опыта как когнитивного инструмента и средства верификации полученного знания возникает в сочинениях Бэкона как орудие полемики против формально-логического способа рассуждения, традиционного для схоластической культуры диспута. Схоластическое рассуждение предполагает, в самом общем смысле, два способа аргументации: «от авторитета и согласно разуму» (*auctoritatibus et rationibus*)². Здесь мы обратимся к аргументации посредством рациональных доводов, предполагающей следование формально-логическим процедурам, предписанным аристотелевой силлогистикой. В «Топике» говорится о двух видах доказательства, посредством которых можно придти к истине. Первый вид — доказательство диалектическое (*συλλογισμὸς διαλεκτικός*), определяющее достоверность суждения на основании его возможности или правдоподобия (критерием правдоподобия выступает всеобщее мнение). Второй вид — доказательство аподейктическое (*συλλογισμὸς ἀποδεικτικός*), которое представляет собой правильно построенный силлогизм³. Схоластические мастера логики, заимствовавшие у Аристотеля классификацию способов доказательства, признавали вслед за Стагиристом приоритет демонстративного (аподейктического) доказательства перед диалектическим и объявляли его основанием всякого рассуждения, претендующего на аподиктическую достоверность.

Схоластическая истина в этом типе аргументации представляет собой не столько соответствие мысли предмету (*adequatio rei et intellectus*), сколько правильное выведение консеквента из antecedента⁴.

² Это разделение восходит к Августину: «Duplex enim est via quam sequimur, cum rerum nos obscuritas movet, aut rationem, aut certe auctoritatem» (De ordine libri duo. II 5, 16).

³ Аристотель. Топика // Сочинения в 4-х тт. М., 1978. С. 349.

⁴ Именно так рассматривает полемику Сигера с Фомой Аквинским и Альбертом Великим новейший исследователь ноэтики фламандского магистра Антонио Пентаджине: «полагая, что единство интеллекта представляет собой следствие, которое, с философской точки зрения, более всего соответствует принятым предпосылкам, Сигер ставит Альберта и Фому перед тем фактом, что, желая в одно и то же время принять и преодолеть позицию Аверроэса, они

В латинском переводе аристотелевского определения истины: «Veritas est syllogismus faciens scire» (букв.: истина есть силлогизм, который позволяет знать) — глагол *scire* непереходный. Свободу диалектического рассуждения от всякого внимания к референту высказывания можно проиллюстрировать на примере трактата *Questiones in Tertium De anima* (1269) Сигера Бранбургского. Его рассуждение представляет собой своего рода логическое упражнение: он должен, как магистр на ординарном диспуте, без противоречия привести вывод в согласие с предпосылкой. Пример такой операции в трактате: «Никакая нематериальная форма, единая по виду, не умножается по числу. Однако интеллект — это нематериальная форма, единая по виду. Следовательно, она не умножается по числу»⁵.

Перед нами классический пример дедуктивного силлогизма; составляющие его термины («материальная форма», «интеллект») не имеют референта, а только денотат. Именно по этой причине бессмысленно спрашивать, разделял ли магистр Сигер мнение Аверроэса о единстве интеллекта или же мнение св. Фомы о его множественности⁶. У него не было «мнения» относительно своего «предмета», поскольку самый «предмет» был лишь произвольной суппозицией, как «Сократ» или «Каллий» в логике Аристотеля. В полном соответствии со средневековым понятием об авторе как о действующей причине (*causa efficiens*)⁷ схоластический автор лишь актуализировал уже заложенные в той или иной философской программе (в нашем случае, в аристотелизме) логические процедуры.

оказываются парадоксальным образом вынуждены вновь подтвердить ее, поскольку, согласно Сигеру, их «антиаверроистские» выводы не согласуются с их «аверроистскими» предпосылками» (*Pentagine A. Aristotelismo difficile: L'intelletto umano nella prospettiva di Alberto Magno, Tommaso d'Aquino e Sigieri di Brabante. Milano, 2004. P. 163-164*).

⁵ «Nulla forma immaterialis, una in specie, est multiplicata secundum numerum. Sed intellectus est forma immaterialis, una in specie. Ergo non est multa in numero». — *Siger de Brabant. Questiones in Tertium De anima / Ed. B. Bazan. Louvain; Paris, 1972*.

⁶ Тезис о «криптомизме» Сигера иногда встречается в историографии. См.: *Palacios M.A. El averroismo teológico de Santo Tomas de Aquino // Homenaje a D. Francisco Cadera. Zaragoza, 1904. P. 271-331*.

⁷ *Minnis A. Medieval Theory: Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages. L., 1988*.

Вскоре «парижский способ рассуждения», устраняющий ответственность диалектика за содержание его рассуждения, стал объектом ожесточенной критики. Ее основания были различны. Наиболее очевидным было осознание доктринальной опасности этого способа рассуждения, предполагавшего некритическое изложение гетеродоксальных учений. Формально-логические операции с доктринальной и этической точек зрения были совершенно нейтральны, о чем не уставали напоминать сами парижские магистры, однако консервативные богословы и церковные власти держались иного мнения, и не без оснований. Богословский способ рассуждения, представленный, например, в «Беседах на декалог» св. Бонавентуры, противоположен философскому по направлению развертывания аргументации: если для философа критерием достоверности является правильное выведение следствия из предпосылок, то для богослова предпосылка рассуждения оценивается исходя из ортодоксальности следствия. Так, доктрина о вечности мира объявляется ложной на том основании, что «Полагать мир вечным — значит исказить все Священное Писание, ведь это все равно, что утверждать, будто Сын Божий не мог воплотиться»⁸. Несовместимость стратегий аргументации в теологическом и философском дискурсе привела к возникновению идеологически коннотированного фантома, получившего название «латинского аверроизма». Рассматривая философию как вид *богословия*, церковные власти не могли не усмотреть в ней *богословской* ошибки, т.е. ереси. Следствием этого «взаимного непонимания» был ряд цензурных актов, самым знаменитым из которых можно считать «Силлабус» Стефана Тампье от 7 марта 1277 г.

Другое основание этой критики было собственно эпистемологическим: силлогизм, истинность которого в логике Аристотеля обосновывается из самореференциальной непротиворечивости, не дает достоверного знания о внелогической реальности. Одним из наиболее последовательных критиков основанного на формальной логике способа рассуждения был Роджер Бэкон. В 1268 г. Бэкон посылает Папе Клименту IV, с которым он был знаком, когда тот еще был кардиналом Фуке, самый значительный труд своей жизни,

⁸ *Boulnois O.* La philosophie selon les théologiens et la théologie selon les artiens, de 1267 à 1300 // Was ist Philosophie im Mittelalter? / Hg.A. Speer. Erfurt, 1998. S. 456.

«Большое сочинение о тайных деяниях искусства и природы и о ничтожестве магии». Основной целью своего труда Бэкон объявляет пропедевтику моральной теологии, которую помещает на вершине выстраиваемой им иерархии дисциплин. Превосходство моральной философии в классификации наук⁹ обосновывается тем, что всякое теоретизирование подчинено задаче благополучия и спасения человеческого рода. Предпринимаемая Бэконом критика современного ему состояния теоретических наук имеет, таким образом, перформативную природу: ее назначение *in fine* заключается в том, чтобы побудить читателя к совершенствованию своего морального облика.

В связи с этим Бэкон предпринимает поиск такого способа рассуждения, который обладал бы наибольшей доказательной силой (*sermo potens ad inclinationem mentem*). Здесь он выступает наследником традиции, понимающей богословие как искусство убеждения. Непосредственным источником такого понимания теологии у Бэкона можно считать латинский перевод трактата мусульманского философа аль-Фараби «О науках» (*De scientiis*). Согласно аль-Фараби, *калам* — «способность, благодаря которой правоверный может защищать определенные положения или действия, предписанные основателем нашей религии, и опровергать все противоположное им посредством рассуждений (*sermonibus*)». Аль-Фараби видел назначение традиционного богословия (*калама*) в апологии ислама посредством риторических аргументов. В его сочинениях *калам* предстает как наука о средствах аргументации, к которым может прибегать правоверный для защиты своей религии; в полемике с многобожниками он, как на войне, может использовать любые средства, в том числе ложь¹⁰. Дополнительным основанием для синтеза риторики и богословия у латинских читателей Аль-Фараби был ошибочный перевод самого термина *'ilm al-kalam*, который в арабском языке означает богословие, а на латынь был переведен как красноречие (*scientia elocutionis*), вследствие чего соответствующий раздел из

⁹ «Эта наука повествует о спасении человека благодаря добродетели и обретении счастья, и она содействует этому спасению, насколько это возможно для философии, из чего в целом ясно, что эта наука благороднее прочих частей философии». БС. С. 349.

¹⁰ Rosier-Catach I. Roger Bacon, Al-Farabi et Augustin: Rhétorique, logique et philosophie morale // La rhétorique d'Aristote: Traditions et commentaires de l'Antiquité au XVIIe siècle / Dir. G. Dahan et I. Rosier-Catach. P., 1998. P. 90.

трактата «О науках» (глава V) получил название «О гражданской науке, правоведении и искусстве красноречия» (De scientia civili et scientia legis et scientia elocutionis).

Заимствуя у аль-Фараби представление о богословии как искусстве убеждения, Бэкон, однако, не приемлет его неразборчивости в выборе средств: здесь он выступает единомышленником Маймонида и св. Фомы. Христианское учение не должно дискредитироваться обращением к риторическим приемам аргументации, обесмысливающим само понятие истины. Именно в этом смысл борьбы Бэкона с общими причинами всякого зла¹¹, «четырьмя главными препятствиями для постижения истины, которые заграждают путь всякому любителю мудрости и редко позволяют кому-либо обрести славное имя истинного мудреца»: «пример ненадежного и недостойного авторитета, устойчивость обычая, мнение необразованной толпы, сокрытие собственного невежества под видимостью мудрости»¹². Общей чертой этих четырех препятствий выступает приоритет *мнения* над *истиной*, т.е. произвольность обоснования. Чтобы убедить сомневающихся в истинности христианского учения, необходима критическая ревизия существующих в богословской и философской традиции процедур доказательства и переоценка их статуса: в соответствии с этой задачей и строится «Большое сочинение».

Бэкон начинает свой труд с декларации ничтожества человеческого знания в сравнении с бесконечностью истин: всей человеческой мудрости недостаточно для того, чтобы разобраться в устройстве одной-единственной мухи¹³. Никакое философское учение не может претендовать на монопольное владение истиной, любое авторитетное мнение открыто для критики. Однако именно предпринятая Бэконом деконструкция традиционных оснований достоверности позволяет ему в дальнейшем восстановить достоинство разума.

Убежденность современных Бэкону ученых, характеризующих презрительной кличкой «философствующей черни» (*vulgus philosophantium*), в правоте их суждений основывалась, по мнению францисканца, на том, что эти суждения подкреплялись авторитетом традиции и разделялись большинством. Однако всеобщее мнение, т.е., в

¹¹ БС. С. 99.

¹² БС. С. 43.

¹³ БС. С. 83.

конечном счете, мнение толпы, «никогда не достигает совершенства, ибо ей неизвестно, как пользоваться вещами благороднейшими, а если иногда она и достигает их, то все обращает во зло»¹⁴; что же касается авторитета, то надлежит, во-первых, отделить истинный авторитет от ложного, а, во-вторых, даже величайшие мудрецы «были людьми и могли ошибаться»¹⁵. Естественной альтернативой диалектического доказательства для всякого ученого, знакомого с Аристотелевой силлогистикой, было доказательство аподиктическое, или демонстративное. Однако оно также полагается недостаточным для достижения истины¹⁶. В самом деле, подобное доказательство имеет дело лишь с формой, но не с содержанием высказывания. Наука, претендующая на предметное содержание, но довольствующаяся этим видом доказательства, обманывает сама себя.

Итак, после того, как была доказана недостаточность традиционных способов доказательства для достижения истины, Роджер Бэкон предлагает в качестве альтернативы опытное познание. Но что он имеет в виду под этим термином? В современной историографии уже не проводится аналогия между «опытом» английского францисканца и экспериментом в науке Нового времени. Еще в 1920-х гг. Линн Торндайк обратил внимание на долгую традицию, которую индуктивная наука Бэкона имеет в схоластической культуре: достаточно вспомнить Роберта Гроссетеста, Гильома Овернского, Альберта Великого¹⁷. В средневековой интеллектуальной культуре понятие опыта функционировало не только как научный термин: магическое значение слова *experimentum* было очевидно в то время для всякого, кто знакомился с научной и квазинаучной литературой, ко-

¹⁴ БС. С. 59.

¹⁵ Этого не мог отрицать даже такой последовательный аристотелик как Сигер Брабантский: «Однако и Аристотель был человек и мог ошибаться».

¹⁶ «Имеются два вида познания: с помощью аргументации и с помощью опыта. Аргумент дает заключение и вынуждает нас согласиться с ним, но он не дает твердой уверенности и не устранит сомнения так, чтобы разум успокоился в созерцании истины, если он не обнаружит ее опытным путем, ибо многие обладают аргументами в отношении познаваемого, но поскольку не имеют о нем опыта, его отвергают, а потому не следуют благу и не избегают вреда» (БС. С. 337).

¹⁷ Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science. N.-Y., 1929. Vol. 2. P. 650. См. также: *Idem*. Roger Bacon and Experimental Method in the Middle Ages // *Philosophical Revue*. № 23. 1914. P. 271-298.

торая переводилась с арабского, или же создавалась христианскими авторами под влиянием подобных переводов¹⁸.

Однако чаще всего опыт использовался как когнитивный инструмент в естественных науках (Роберт Гроссетест, Альберт Великий)¹⁹. В «Большом сочинении» Бэкона опыт как способ верификации рационального доказательства распространяется и на умозрительные науки: он прямо заявляет, что никакое теоретическое положение не может считаться истинным без опытной проверки²⁰. Такая позиция вошла в противоречие не только с общепринятыми в то время представлениями о построении доказательства, но и с мнением Аристотеля о превосходстве рационального познания над опытным (в первой книге *Метафизики* и во *Вторых Аналитиках*). Чтобы обойти это противоречие и обосновать превосходство опытного познания авторитетом Аристотеля, Бэкон ссылается на Никомахову *Этику*, где речь идет не о большей *достоверности* опыта в сравнении с рациональным познанием, а о большей *полезности* его в практических делах²¹. Далее оказывается, что ни один человек не может обладать познанием этого рода в отношении всех вещей, поэтому необходимым условием достижения истины является обращение к «опытным мудрецам» (*sapientes qui experti sunt*). Следовательно, никакой рациональный довод не имеет силы сам по себе, без поддержки авторитетного мнения; рассуждение *rationibus* предполагает рассуждение *auctoritatibus* в качестве своей предпосылки²².

Но наибольшим эпистемологическим достоинством обладает не опыт, обретаемый посредством чувственного восприятия и сообщ-

¹⁸ Boudet J.-P. *Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XIIe-XIIIe siècle)*. P., 2006. P. 417-423.

¹⁹ «Научное знание в собственном смысле этого слова представляет собой, таким образом, достоверное познание вещей через их причины, полученное посредством демонстративного силлогизма». Crombie A. *C. Robert Grosseteste and the Origins of Experimental Science*. Baltimore, 1931. P. 953.

²⁰ Duhem P. *Le système du monde: Histoire des Doctrines Cosmologiques de Platon à Copernic*. P., 1915. P. 442; Carton R. *L'Expérience Physique chez Roger Bacon*. P., 1924. P. 60.

²¹ Hackett J. *Roger Bacon on scientia experimentalis // Roger Bacon and the sciences: Commemorative Essays / Ed. by J. Hackett*. Chicago, 1997. P. 292.

²² «Et hoc necesse est per rationem haberi. Quae tamen ratio non debuit poni... ante philosophorum magnalium auctoritates, quae ad hoc idem introducuntur in hac scientia in loco eis proprio» (БС. С. 363).

щающий рациональным аргументам интуитивную достоверность. Здравый смысл и непосредственная очевидность служат лишь пропедевтикой на пути к откровению. Подлинным основанием истинного знания, по Бэкону, может быть только божественная иллюминация²³. В своем противостоянии парижским магистрам Бэкон занимает позицию, характерную для консервативных францисканцев-августинистов. Одной из центральных идей Бэкона была идея синтеза философии и богословия, которую он представлял себе наподобие *philosophia perennis* Фомы Аквинского. Как и Фома с его идеей *revelatum* и *revelabile*²⁴, Бэкон признавал приоритет знания, полученного из откровения, над положениями естественного разума. Однако, как для полноты чувственного опыта необходимо обращаться к «опытным мудрецам», так для полноты опыта духовного следует прибегать к христианским авторитетам. Таким образом, единственным подлинным источником всякого познания оказываются писания боговдохновенных мужей — христианских богословских авторитетов; недаром, формулируя конечную цель своего сочинения, Бэкон пишет: «я хочу обосновать всякое научное знание прочным авторитетом и мнением мудрецов и опытных людей» (*vellem omnia reduci ad auctoritatem solidam et sensum sapientum et expertorum*)²⁵. Наибольшим авторитетом для него обладают, конечно, авторы Священного Писания — именно поэтому Бэкон в «Большом сочинении» так подробно разрабатывает методологию буквальной экзегезы библейского текста. Напомним, что во второй половине XIII века в латиноязыч-

²³ Он пишет: есть «опыт человеческий и философский, обретаемый человеком настолько, насколько это дано ему по милости Божьей. Но этот опыт для человека недостаточен, поскольку он не дает полной достоверности относительно телесных вещей вследствие их сложности и не достигает вещей духовных. Поэтому необходимо, чтобы человеческий разум получал и иную помощь, и поэтому святые патриархи и пророки, которые первые дали науки миру ..., не останавливались на чувственном восприятии, но получали внутренние озарения (*illuminationes interiores*)... В соответствии с этим Птолемей говорит в «Стослове», что путь к знанию вещей двойствен: один — философский опыт, а другой — Божественное вдохновение (*per divinam inspirationem*), которое, по его словам, куда превосходнее» (БС. С. 341).

²⁴ Жильсон Э. Введение в философию св. Фомы Аквинского. М.; СПб., 1999. С. 10-32.

²⁵ БС. С. 99.

ной экзегезе наблюдается общая тенденция к отождествлению «буквального смысла» Писания с «интенцией» библейских писателей: достаточно указать на «Сумму теологии» Фомы Аквинского (*Summa Theologiae, I, I, 10*)²⁶. В свою очередь, «намерение» (*vouloir dire*) священных авторов полагалось тождественным воле Божьей, «воплощенной» в букве Писания. Следовательно, для совершенства познания необходимо личный духовный опыт дополнить опытом богопросвещенных библейских писателей. В этом — формула истины для Бэкона: «Вся философия дана в буквальном смысле Писания, украшенная святыми таинствами благодати и славы, как бы окаймленная некими благороднейшими цветами и картинами»²⁷.

Итак, мы видим, что *scientia experimentalis* Роджера Бэкона не открывает новых горизонтов в методологии естественных наук, а, напротив, возвращает ее к традиционным догматическим основаниям. Подвергнув критическому разбору традиционные способы аргументации, Бэкон действительно пересмотрел значение опытного познания для теоретических наук, но лишь для того, чтобы ограничить всеислие логического аргумента в схоластической науке. Именно в этом, на наш взгляд, заключается подлинный смысл и назначение его *scientia experimentalis*: не революционный научный метод, а действенный инструмент полемики.

²⁶ Medieval Literary Theory and Criticism c.1100 – c.1375: The Commentary Tradition // Ed. A.J. Minnis and A.B. Scott. Oxford, 1991. P. 242.

²⁷ БС. С. 123.

Л.В. СОФРОНОВА

«СОБОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ» ДЖ. КОЛЕТА

РЕФОРМА, РЕФОРМАЦИЯ,
ХРИСТИАНСКИЙ РЕНЕССАНС

*«...История показывает, что все то,
что уже было некогда осмыслено, еще будет
подвергаться дальнейшему осмыслению...»
(М. Фуко. Слова и вещи)*

Эти слова как нельзя лучше рисуют ситуацию, сложившуюся в современной историографии английской Реформации. Многие аргументы и факты, казавшиеся непреложно истинными, историки нового поколения объявили фикциями, измышленными их предшественниками. В последние десятилетия к числу таких вымыслов был отнесен народный антиклерикализм, ранее считавшийся важнейшей предпосылкой тюдоровской Реформации, но, как показали недавние исследования ревизионистского и постревизионистского толка, недостаточно подтвержденный источниками¹. Отказ от классической концепции антиклерикализма побуждает вновь обратиться к спорным проблемам, подвергая сомнению уже найденные исторической наукой решения. Деятельность христианских гуманистов круга Колета–Эразма, традиционно рассматривавшаяся в качестве идейной предпосылки Реформации² — одна из таких проблем. Возможность проверить адекватность такой оценки только одна, она не нова

¹ Scarisbrick J.J. *The Reformation and the English people*. Oxford, 1984. Chap. 1-3; Haigh C. *Anticlericalism and the English Reformation* // *History*. LXVIII. 1983. P. 391-407; *The English Reformation Revised* / Ed. C. Haigh. Cambridge, 1987; Duffy E. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400–c. 1580*. New Haven, 1992. Нам пока осталась недоступной новая книга К. Хэйга, основанная на архивах церковных судов: Haigh C. *The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England, 1570-1640*. Oxford, 2007.

² Dickens A.G. *The English Reformation*. Oxford, 1964; McConica J.K. *English Humanists and Reformation politics under Henry VIII and Edward VI*. Oxford, 1965; Elton G.R. *Reform and Reformation: England. 1509–1558*. Cambridge, 1977; Briden S. *London and the Reformation*. Oxford, 1989.

и связана с возвратом к первоисточникам — тем произведениям гуманистов, в которых антиклерикальные мотивы наиболее отчетливы.

Обращение с этой целью к «Соборной проповеди» Джона Колета (1466–1519) более чем оправданно. Ее автор — видный гуманист-теолог, известный проповедник и педагог долгое время считался «человеком одной книги», и этой книгой была именно *Oratio habita ad clerum in convocacione* — единственное опубликованное при его жизни сочинение, создавшее ему славу оппозиционера и реформатора. Проповедь была произнесена 6 февраля 1512 г.³ в соборе св. Павла, кафедральном храме Лондона, перед лицом 440 видных церковных деятелей Англии, съехавшихся в столицу на синод. В повестке дня конвокации стоял вопрос о программе борьбы с ересью лоллардов, возродившейся в первое десятилетие XVI в. По поручению архиепископа Уорэма настоятель собора Св. Павла Колет должен был открыть синод, прочитав вступительную проповедь соответствующего содержания. Гуманист же оставил без внимания проблему лоллардов, назвав порочную жизнь духовенства самым главным и наиболее опасным видом ереси. К борьбе с ней, к реформе католической церкви он призвал слушателей. Латинский оригинал «Соборной проповеди» вскоре попал в печать. Одновременно появился и английский, вероятно авторский, перевод⁴. По инициативе

³ Мы придерживаемся традиционной датировки выступления Колета, хотя заслуживают внимания аргументы некоторых исследователей в пользу более ранней даты — январь 1510 г. (см.: *Kelly M. J. Canterbury Jurisdiction and Influence during the Episcopate of William Warham, 1503–1532. Cambridge, 1963. P. 112; Gleason J.B. John Colet. Berkeley, 1989. P. 181, 370*) или 1511 г. (см. рецензию *Т.М. Паркер (T.M. Parker)* на издание источника в *English Historical Documents: Moreana. 18. March, 1968. P. 89-90*).

⁴ Оба издания 1512 г. не дошли до наших дней. Примечательно, что следующие издания на обоих языках, осуществленные учеником Колета Т. Лапсетом, вышли в свет в Лондоне в 1530 г. — в самый разгар подготовки тюдоровской Реформации. Интерес к *Oratio* не угасал и в XVII–XVIII вв., о чем свидетельствует новый перевод, выполненный в 1661 г. Т. Смитом, а также трехкратное его переиздание в 1701, 1708, 1724 гг. Латинская версия Лапсета была перепечатана С. Найтом в 1823 г. (*Knight S. The Life of Dr. John Colet, Dean of St. Paul's in the Reigns of Henry VII and Henry VIII, and Founder of St. Paul's School. L., 1724. P. 273-285. Во втором (Oxford, 1823) издании этой монографии текст источника см.: P. 239-250. Мы пользовались первым изданием; далее сноски на латинский вариант см. в тексте — ОСС); английская — Дж. Лаптоном в*

лондонского епископа проповедник на трехмесячный срок был отстранен от кафедры и обвинен в защите ереси⁵. Однако покровительство архиепископа Уорхема и расположение короля помогли Колету избежать инквизиционного суда⁶.

«Соборная проповедь» получила в историографии различные оценки⁷. Представители католического направления британской историографии акцентировали внимание на том, что проповедник не хотел разрыва с Римом, полагая возможным оздоровление церкви в рамках папства. Им «очевидно, что Колет был истинным католиком,

1887 г. (*Lupton J.H. A Life of John Colet, Dean of St. Paul's and Founder of St. Paul's School. L., 1909. App. C. P. 293-304*). К нему восходит последнее английское издание источника в 1967 г. (*English Historical Documents. V. 5. (1485–1558). Ed. by C.H. Williams. L., 1967. P. 652-660*). Далее сноски по тексту — CS). Русский перевод со вступительной статьей и комментарием см.: *Софронова Л.В. «Соборная проповедь» Д. Колета: Реформация или реставрация? // Textum Historiae: исследования по теоретическим и конкретно-историческим проблемам всеобщей истории. Н.Новгород, 2005. С. 107-120*. Далее по тексту — СП.

⁵ Опасность, угрожавшая гуманисту, была весьма реальной. Один из будущих лидеров англиканской Реформации Хью Латимер спустя годы вспоминал, что «доктор Колет был в беде, и его бы сожгли, если б Бог не направил сердце короля к милосердию» (Цит. по: *Lupton J.H. A Life of John Colet. P. 204*). Осознавая угрозу, Эразм советовал своему другу удалиться от дел: «Такое поражение было бы предпочтительней, чем победа любой ценой, ... ибо величайшее из благ — спокойствие духа» (*Erasmus Desiderius. Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami rec. per P.S. et Y.M. Allen. T. I. Oxford, 1906. Ep. 270. P. 527*). Далее — OE. Римская цифра означает номер тома, арабская — страницы).

⁶ Обращение Уорэма к Генриху VIII см.: *Seebohm F. Oxford Reformers. Colet, Erasmus and More. 3rd ed. L., 1914. P. 224*. Однако впоследствии Эразм обвинил Уорэма в пособничестве врагам Колета (OE. II. 246). Подробнее см.: *Allen P.S. Dean Colet and Archbishop Warham // English Historical Review. April, 1902. P. 306*.

⁷ Степень изученности источника в отечественной историографии ограничивается, по сути, постановкой проблемы. Самые пространные (18 и 26 строк) упоминания источника см.: *Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978. С. 66-67; Он же. Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма. М., 2006. С. 27*. Отечественный историк очень корректно подходит к оценке специфики религиозных воззрений «христианских гуманистов» круга Эразма, говоря о «гуманистической трактовке учения Христа», о «социальном подходе» к Евангелию, избегая термина *антиклерикализм*.

а не предтечей протестантизма»⁸. Его выступление на синоде «не оставляет ни малейшего сомнения в ортодоксальности (в католическом понимании. — Л.С.) ее автора»⁹.

Действительно, предложенные Колетом преобразования не ликвидировали бы вселенскую организацию католиков, но нельзя игнорировать очевидный факт, что официальные инстанции католицизма не поддержали предлагаемой реформы. Эклисиологические взгляды Колета были отвергнуты католическими иерархами. Были ли они протестантскими? Подавляющее большинство британских исследователей XVII–XX вв., видимо, в силу своей конфессиональной принадлежности к англиканской церкви или выросшие в протестантских семьях, видели в авторе «Соборной проповеди» протестанта, в противоположность католику Томасу Мору¹⁰, «благого предвестника и пропагандиста Реформации», который «первым призвал свой народ сбросить иго папства»¹¹. «Соборная проповедь» расценивается ими как «увертюра к великой драме английской Реформации»¹². Основными аргументами здесь служили содержащиеся в проповеди резкая критика церкви и проект церковной реформы. Причем, сторонников «протестантизации» Колета не смущало явное несоответствие их доводов тексту самого источника. Однако предвзятость обеих трактовок долгое время не вызывала должной реак-

⁸ *Campbell W.E.* John Colet, dean of St. Paul's // *Dublin Review*. 218. 1946. P. 106-197.

⁹ *Marriott J.A.* The life of John Colet. L., 1933. P. 165.

¹⁰ *Miles L.W.* Protestant Colet and Catholic More // *Anglican Theological Review*. № 33. 1951. P. 30-42; *Smith H.M.* Reformation England. L., 1938. Chap. 2. Colet — puritan. P. 520 etc.

¹¹ *Knight S.* The Life of Dr. John Colet. P. VII.

¹² *Lupton J.H.* A Life of John Colet. P. 178. Тезис о том, что королевская Реформация Тюдоров представляла собой практическую реализацию антиклерикальных идей «христианского гуманизма» Колета и Эразма, нашел многочисленных сторонников, например, см.: *Lupton J.H.* The influence of Dean Colet upon the Reformation of the English Church. L., 1893; *Clebsch W.A.* John Colet and Reformation // *Anglican Theological Review*. XXXIV. 1955. P. 167-177; *McConica J.K.* English Humanists and the Reformation politics under Henry VIII and Edward VI. Oxford, 1965. P. 13-44, 100-150, 238-282. О сходстве антиклерикальных взглядов реформаторов и Колета см.: *Clebsch W.A.* English Earliest Protestants. 1520–1535. L., 1964. P. 44-69, 94, 191; *Law and Government under the Tudors*. L., 1974. P. 37; *Guy J.* Tudor England. Oxford, 1988. P. 16-19, 109-118.

ции, а критика в конечном итоге свелась к скрупулезному выявлению католических и протестантских компонентов в мировоззрении Колета и констатации его двойственности¹³.

Неудивительно, что ревизионистский вызов традиционной истории, определивший развитие историографии раннего Нового времени с конца 70-х годов XX века, коснулся и данной темы. Американский историк Дж. Глизон¹⁴ отверг существующие интерпретации, назвав их «случаем ошибочной идентификации» и возложив ответственность за нее на идеологов протестантизма (У. Тиндел, Х. Латимер, Дж. Фокс) и на историков викторианской эпохи (Ф. Сибом, Дж. Грин, Дж. Лаптон). Первые в условиях подготовки Реформации намеренно «приписали» Колета к своей партии. Вторые — в ситуации полемики с учеными «оксфордского движения» сознательно возвели Реформацию к духовным исканиям Колета, к тому же наделив его чертами либерального теолога своего времени¹⁵. Эти давно ожидавшиеся выводы не вызывают возражений. Однако трудно согласиться с утверждением Глизона о том что *Oratio ad clerum* — заурядная позднесредневековая проповедь, одна из многих подобных, и потому не вызвавшая реакции у церковных иерархов. Эта довольно уничижительная оценка «Соборной проповеди» обусловлена не столько содержанием проповеди, которое анализируется Глизоном поверхностно, сколько общей позицией историка-ревизиониста, направленной на ниспровержение всего того, что было прежде сказано о Колете. Его аргументы, на наш взгляд, довольно спорны¹⁶ и побуждают к новому исследованию источника.

¹³ Еще Дж. Лаптон обратил внимание на противоречивость его взглядов (*Lupton J.H. A Life of John Colet. P. 265-266*). Также см.: *Hunt E. Dean Colet and His Theology. L., 1956. P. 18-72*; *Jayne S. John Colet and Marsilio Ficino. Oxford, 1963. P. 3-4*; *Miles L. John Colet and the Platonic Tradition. La Salle, 1961. P. 171-216*, особенно P. 212.

¹⁴ Применение к исследованию Дж. Глизона определения «ревизионистское» допустимо в том только смысле, что любой историк подвергающий ревизии взгляды своих предшественников, является ревизионистом.

¹⁵ *Gleason J.B. John Colet. Berkeley, 1989. P. 3-15*. Об «Оксфордском движении» см.: *May J.L. The Oxford Movement. L., 1933*.

¹⁶ Глизон указывает на то, что опубликовал проповедь Ричард Пинсон — печатник, имевший королевский патент и в силу этого, якобы, избегавший публикации спорных или дискуссионных книг. Кроме того, со ссылкой на Джона

«Соборная проповедь» представляет собой небольшой по объему текст, с четко продуманной структурой. В краткой преамбуле после совместной молитвы проповедник объясняет насущную потребность в исправлении церковного состояния. Основной раздел проповеди делится на две части в соответствии с фразой апостола Павла (Рим. 12:2): «*Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего*». Первая часть посвящена анализу кризисного состояния церкви, подчинившейся «веку сему», т.е. миру, вторая — способов исправления этого положения церкви. В заключении он призывает своих слушателей — церковную элиту — к нравственному совершенствованию, дабы послужить примером для исправления остального клира и мирян. Текст изобилует ссылками и аллюзиями на Священное Писание¹⁷, причем, две трети общего чис-

Бэйла (Index Britanniae Scriptorum: *John Bale's Index of British and Other Writers* / Ed. by R.L. Poole & M. Bateson. Oxford, 1902. P. 195) Глизон утверждает, что после «Соборной проповеди», прочитанной в 1510 г., Колет выступал на следующей конвокации в 1512 г. По мнению Глизона, это второе выступление не могло состояться, если бы «Соборная проповедь» два года назад была столь революционной. По поводу первого аргумента заметим, что для современников Джон Колет был очень влиятельной фигурой, его проповеди в соборе св. Павла посещали многие знатные люди, представители двора. Он пользовался расположением короля, регулярно выступал при дворе. Генрих VIII публично называл декана своим доктором, т.е. духовным наставником (ОЕ. IV. P. 525-526). Даже если наличие патента действительно ограничивало Р. Пинсона в отборе продукции для издания, Колет был вполне уважаемым и благонадежным автором. Второй довод тоже спорен, поскольку базируется на новой — также дискуссионной — датировке выступления Колета в конвокации. Но даже если «Соборная проповедь» прозвучала в 1510 г., через два года — в 1512 г. Колет вполне мог выступать еще раз, поскольку среди английского епископата было много сторонников реформы, и призыв Колета мог найти у них горячую поддержку. Что касается революционного характера проповеди, то Глизон прав: использование слова «революционный» здесь неуместно, но не потому, что проповедь была заурядной, а оттого, что она, как мы попытаемся показать, не предполагала резких скачкообразных переворотов в церковном состоянии.

¹⁷ Из них 6 ссылок на Ветхий Завет (Первая книга Царств; Книга пророка Исаии, Иеремии, Осии, Екклесиаста; Псалтирь), 23 — на Новый Завет (Евангелия от Матфея, Луки, Марка, Деяния святых апостолов, Послания апостола Павла (К Римлянам; К Евреям; Первое к Коринфянам; К Титу; Второе к Тимофею); Первое Послание Иоанна; Послание Иуды), 3 — на более поздние источники (Постановление Халкидонского Собора, Декреталии, Бернарда Клервосского).

ла прямых цитат — 22 из 32 — приходится на первую часть проповеди, т.е. чаще всего ссылки на библейские авторитеты используются Колетом для аргументирования его критической позиции.

Данное обстоятельство дало повод современному историку говорить об отсутствии индивидуального мнения у проповедника, его осторожности и стремлении обезопасить себя ссылками на церковные авторитеты¹⁸. На наш взгляд, эти претензии продиктованы современным секуляризованным сознанием и исторически некорректны. Подбор цитат обнаруживает в Колете приверженца ренессансного «библейского гуманизма» с его апелляцией исключительно к Священному Писанию и особой любовью к апостольским Посланиям (которые цитируются 18 раз). Нельзя исключить вполне оправданное желание автора сделать свою аргументацию максимально понятной и убедительной для его клерикальной аудитории. Индивидуальность проповедника проявилась в том, какие объекты он выбрал для критики (например, говорил об одних проявлениях алчности клира, но промолчал об индульгенциях и т.д.) и какой способ реформы церкви избрал. К тому же, согласиться с этим мнением не позволяет все то, что мы знаем о чертах характера Колета. Осторожность, дипломатичность — не в их числе¹⁹. Само выступление Колета на конвокации с этим текстом было проявлением личного мужества. Он дерзнул обличить присутствующую в зале церковную элиту в самых отвратительных пороках, приравняв их к опаснейшим еретикам, критиковать Соборы за безрезультатность их деятельности²⁰.

Язык проповеди, особенно в первой части, демонстрирует блестящее владение автором различными приемами ораторского искусства и максимальную эмоциональную насыщенность. Можно отме-

¹⁸ Gleason J.B. John Colet. P. 183.

¹⁹ Ср. его поведение во время паломничества к гробнице св. Томаса Бекета в Кентербери, где он выведен под именем Грациан Пулл: Эразм Роттердамский. Благочестивое паломничество // *Эразм Роттердамский. Разговоры запросто* / Пер. с лат. С.П. Маркиша. / М., 1969. С. 356-360. Показательно также мужество Колета, дерзнувшего выступить с антивоенной проповедью при дворе в присутствии короля, рвущегося к военным подвигам, буквально накануне отправки английского корпуса на континент в марте 1513 г. (OE. IV. 525-526).

²⁰ «Вы часто собираетесь вместе, но, позвольте мне сказать правду, я еще не видел от ваших ассамблей какого-либо результата именно для церкви». (OCC. 283; CS. P. 660; СП. С. 121).

тить обилие восклицательных предложений («Как велики нынче жадность и жажда славы и почестей в служителях церкви!» «О жадность — мать всякого беззакония!»), риторических вопросов («Кто не видит этого? Кто, видя это, не скорбит?» «Нужно ли мне перечислять остальное?»), стилистических фигур (например, параномазии: «Не сообразуйтесь, но преобразуйтесь»), употребление императивных форм («Вы, отцы, вы священство и весь клир! Откройте, наконец, глаза, пробудитесь от сна в этом беспамятном мире; восстав, наконец, услышите св. Павла, вопиющего к вам...») и обыденных слов с усилительным значением («вдалбливаю в ваши уши»). Лексика пестрит экспрессивно-оценочными эпитетами. Опытный оратор, Колет постоянно обращается к аудитории, задает себе вопросы от имени слушателей. Благодаря этим риторическим достоинствам критический раздел выглядит особенно ярко, именно он всегда привлекал внимание исследователей и чаще всего цитировался. Такое акцентирование негативной части проповеди и приводило к ошибочной интерпретации источника. Критика немного может сказать об исходной позиции и цели автора. Полагаем, что более важны две другие затронутые в проповеди проблемы: положение духовенства в обществе и программа реформы духовного сословия. Именно они определяют специфику еклезиологических взглядов Колета.

Отправным тезисом Колета является признание высокого статуса духовенства: оно «выше достоинства короля или императора; оно равно достоинству ангелов» (ОСС. 277; CS. 655; СП. 115). Привилегированное положение духовенства в обществе как посредника между Богом и людьми представляется Колету естественным: «Мы посредники и путь к Богу для людей». Священники и епископы законно, ибо «они — свет мира», обладают своими привилегиями. Об обоснованности прерогатив клира Колет говорит как в начале, так и в конце проповеди: «Вы хотите, чтобы миряне повиновались вам. Это справедливо... Вы хотите от народа почитания. Это оправданно... Вы хотите собирать [урожай] с мирских дел, прежде всего — десятины и пожертвования — без какого-либо сопротивления. Это справедливо... Вы хотите иметь церковную свободу и не привлекаться в светские суды. И это также правильно... Вам хотелось бы быть свободными от трудов, [пребывать] в покое и мире. И это хорошо» (ОСС. 282; CS. 659; СП. 120).

Принципиальными, с учетом нашей задачи, являются слова о необходимости сохранения границы, отделяющей духовенство от мирян. Ее обязаны соблюдать обе стороны. Колет указывает на пример апостолов, которые «многое предпринимали, дабы предотвратить всяческое мирское вмешательство». Как священники не должны жить, «смешавшись, спутавшись с мирянами» (*commisti confusique cum laicis*) (ОСС. 277; CS. 655; СП. 115), так и светская власть не должна вмешиваться в церковные дела. Нарушение этой границы между церковью и миром, т.е. *обмирщение* духовенства, является, по мысли Колета, главной причиной того кризиса, в котором оказалась современная ему церковь²¹. Здесь уместно привести метафоричную характеристику состояния церкви из другого экклесиологического сочинения Колета: «...Увы! Дым и страшная мгла уже давно изверглись из долины помраченных людей, и столь густые, что почти закрыли свет града, и ныне церковные люди, окутанные мраком, не знают, куда идут, они смешались (*commiscuerunt*) со всеми и все расстроили (*confuderunt*), так что теперь опять в мире нет ничего более беспорядочного (*confusius*), чем толпа (*turba*) людей. Печать Христа, которую он запечатлел на этом мире, беспорядками (*turbulentia collisione*) людей во многих делах стерта и почти разрушена»²². В этом отрывке обращает на себя внимание не только Августинов образ церкви как града горнего, но обилие лексики, связанной с беспорядком, смешением, расстройством²³. Симптоматично также понимание

²¹ «Из этого обмирщения, ...проистекает множество грехов: бесчестится звание духовенства, ...сияние этого великого звания сильно затеняется, ...духовенство презираемо, ибо не существует различия между такими священниками и мирянами [sic! — Л.С.], в церкви нарушаются мудро установленный порядок (*Ordo Hierarchicus*) и духовные звания, если высшие иерархи церкви вмешиваются в низшие, земные дела, и, вместо них, низшие и недостойные персоны [т.е. миряне. — Л.С.] занимаются важным и божественным. Миряне имеют больше соблазнов ко всяческому греху, поводов к падению. Когда те, чей долг — отрывать людей от привязанности к этому миру, своим постоянным общением с миром учат людей любить этот мир, то из-за любви к миру они безудержно низвергают людей в ад. Кроме того, в таких занятых суетой священниках неизбежно проявляется лицемерие» (ОСС. 277; CS. 655; СП. 115).

²² *Coletus I. De Ecclesiastica Hierarchia // Colet J. Two Treatises on the Hierarchies of Dionysius / Ed. by J.H. Lupton. L., 1869. P. 248.*

²³ Особенно значимо применение к человеческому обществу слова *turba*, означающего не просто толпу (*vulgus*), а скорее «кучу», «стаю», «скопище», «смешение», «беспорядок».

гибельного состояния общества (*tenebrosorum hominum*) как результата «помрачения» ума. К этим, на наш взгляд, знаковым особенностям словоупотребления Колета следует вернуться позже. Итак, по мнению Колета, духовное сословие находится в кризисном состоянии. Причина кризиса состоит в пагубном влиянии мира, «долины помраченных людей», т.е. в обмирщении духовенства²⁴.

Для его характеристики Колет применяет к современной церкви предостережение апостола Павла римлянам — *nolite conformare huic seculo* («не сообразуйтесь с веком сим»). Это означает «не подчиняйтесь миру», поскольку, по мнению проповедника, словом «век» апостол назвал мирской образ жизни. Подчинение миру (*conformatio*) проявляется, главным образом, в четырех пороках клира: гордыне, сладострастии, жадности к земным благам, светскости²⁵. Говоря о первом из них, Колет осуждает стремление священников к должностям, почестям, славе, власти, забывших, что сам Христос был образцом кротости и смирения: «Как велики ныне жадность и жажда славы и почестей в служителях церкви! Как бегут они, почти задыхаясь, с одного бенефиция на другой, с меньшего на больший, с низшего на высший! Кто не видит этого? Кто, видя это, не скорбит? ...Их нельзя причислить к смиренным служителям Христовым, скорее, можно отнести к высшей знати и власть предержащим, не знающим и не извещающим [пастве], что Христос ...ясно учит, что власть в церкви есть не что иное, как право отправлять богослужение, а высшее достоинство служителя церкви — не что иное, как смиренная служба» (ОСС. 275-276; CS. 653; СП. 113).

Не менее красноречивым и пылким является осуждение Колетом греха сладострастия, захлестнувшего большую часть священников. И «они предаются праздности и чревоугодию, ...увлекаются играми и зрелищами, ...пристрастились к травле и соколиной охоте, ...купаются в наслаждениях этого мира. Сводникам и искателям удовольствий — покровительствуют» (ОСС. 276; CS. 653; СП. 113). Слостолбие, чреватое смертным грехом, опасно для любого человека, но особенно пагубна эта склонность в священнике — исполни-

²⁴ Ср.: «Ничто не уродует лицо церкви так, как светскость и мирской образ жизни клириков и священников» (ОСС. 274; CS. 653; СП.112).

²⁵ В соответствии со словами ап. Иоанна (1 Ин. 2:16): «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская».

теле церковных таинств²⁶. Вопрос о действенности таинств, отправляемых порочным священником, являлся актуальнейшим для религиозного сознания предреформационной эпохи²⁷. Сам Колет, по свидетельству Эразма, не сомневался в эффективности таинств и обрядов, даже если они совершаются клириком, далеким от праведности, но «был возмущен теми, кто [своей] во всех отношениях неприкрыто греховной жизнью давал повод для сомнений подобного рода»²⁸.

Резкую критику Колета вызывал такой грех клира, как жадность, которую он, следуя апостолам (1 Ин. 2:16; 1 Кор. 10:7), считал матерью всех пороков и корнем всякого зла. Колет анализирует различные проявления алчности представителей клира — плурализм²⁹, абсентеизм, злоупотребления при сборах десятин, пожертвований и посмертных даров, обременительные для приходов визитации епископов, продажность церковных судов, их стремление расширить свою юрисдикцию, инсинуации с завещаниями и барышничество (ОСС. 277-278; CS. 654; СП. 113-114).

Четвертый грех, обличаемый Колетом, заключается в светском образе жизни духовенства. Священники и епископы большую часть своего времени отдают мирским занятиям, забыв, что «клирик не должен быть торговцем, что он не ростовщик, не охотник, не картежник, что он не должен носить оружия ...кутить в тавернах, заводить знакомства с женщинами» (ОСС. 278, 283; CS. 654, 657;

²⁶ Ср.: «Каждый священник посредством этого таинства омовения должен стать настолько чистым, настолько безукоризненным, настолько просветленным, чтобы он мог коснуться святых таинств, особенно таинства Тела Господня... О, проклятое бесчестие этих жалких священников (sacerdotiorum), великим множеством которых отмечен наш век! Они не страшатся прийти в храм, к алтарю Христа, к божественной литургии — кто из харчевен и лупанариев, кто от блудниц или — о, гнусный грех! — от зловонного лона любовника!» (Coletus I. De Ecclesiastica Hierarchia. P. 225).

²⁷ Вопрос этот дискутировался и в предшествующие столетия, многие еретические течения: ломбардские вальденсы, катары, арнольдисты, швабские еретики, английские лолларды отвергали недостойный клир. См.: Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб., 1997. С. 294-304.

²⁸ ОЕ. IV. P. 521-522.

²⁹ Сам Колет был держателем нескольких церковных бенефициев (см. список держаний и доходов Колета: Knight S. The Life of Dr. John Colet. P. 278-282), но, если верить Эразму, «весь доход от его должностей он возвращал, передав его распределение на местные нужды своему эконому» (ОЕ. IV. P. 517).

СП. 114, 118). В результате духовенство заслуженно презираемо, ибо не существует различия между такими священниками и мирянами.

Эти критические высказывания обусловили распространение в историографии нескольких стереотипных интерпретаций источника. Первая, как уже упоминалось, состоит в том, что «Соборная проповедь» предвосхищает протестантскую критику католицизма. На наш взгляд, это не так. Критические высказывания в адрес церкви не стоит преувеличивать и считать чем-то исключительным. И у Колета, и идеологов англиканства они выражали характерную для той эпохи озабоченность проблемами церковной жизни, которая, как показали новые исследования, на рубеже XV–XVI столетий стала императивом общественного сознания³⁰. Однако «Соборная проповедь» Колета не дает оснований для причисления ее автора к протестантской традиции, поскольку критика церкви в ней не касается традиционных для протестантских антиклерикальных сочинений вопросов о власти папы, о подчинении духовенства Риму, мессе, индульгенциях, чистилище, внешней обрядности, отсутствуют упоминания о догматах и таинствах. Нет и требований отмены духовных привилегий и секуляризации церковной собственности. Признание авторитета Священного Писания не исключает апелляцию к соборным и папским решениям. Резоннее, на наш взгляд, говорить о близости «Соборной проповеди» идеям католической реформы (региональные исследования последних лет показали, что это движение имело место в английской церкви в 1480–1530 гг.). Ее проводники — представители епископата — успешно боролись как с ересью, так и с пороками духовного сословия и церковной администрации³¹. Использо-

³⁰ Лемэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 45; в свое время Л.П. Карсавин показал актуальность проблемы праведности клира еще в эпоху классического Средневековья: Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб., 1997. С. 288–312.

³¹ См.: Bowker M. The Secular Clergy in the Diocese of Lincoln, 1495–1520. Cambridge, 1968; Eadem. The Henrician Reformation and the Parish Clergy // The English Reformation revised / Ed. by C. Haigh. Cambridge, 1990. P. 85 etc; Houlbrooke R.A. Church Courts and the People during the English Reformation. Oxford, 1979. P. 10–11, 50–51, 95–96, 114–115, 271–272; O'Day R. The Debate on the English Reformation. L., 1986. P. 139–140. К сожалению, мы не можем судить о результатах изысканий в диссертации С. Томпсона (Thompson S. The Pastoral Work

зуя возможности духовных курий, они карали нарушителей клирической дисциплины, в рамках визитаций контролировали приходскую жизнь. При всей резкости критики, католическая реформа была нацелена на нравственное оздоровление клира, повышение его авторитета. Но реформационные мероприятия Тюдоров против церковной юрисдикции пресекли реализацию этой программы.

Еще более интересным является второе клише в отношении «Соборной проповеди», заключающееся в том, что с XVII в. она считается документом, «наиболее точно описывающим положение дел в английской церкви накануне Реформации»³². Следуя ему, Е.В. Хант, например, говорит о безупречной логике и бесспорной аргументации Колета, *a posteriori*, с фактами доказывающего порчу церкви и необходимость ее реформы³³. Однако в проповеди нет ни одного конкретного факта, а «называние» греха нельзя считать доказательством его реального присутствия в жизни церкви. Поэтому мы не можем уверенно утверждать, что источник отражает реальную — причем, именно кризисную — ситуацию в церкви. Более того, сегодня считается доказанным, что предреформационное духовенство не было более аморальным, чем предшествующие поколения. На рубеже XV–XVI вв. умножились не злоупотребления и пороки клира, а число жалоб на них со стороны прихожан, отразив более нетерпимое отношение к ним мирян и части духовенства³⁴. *Ipso facto* источник дает основания говорить только об отношении к церковным проблемам самого Колета. И это отношение было чрезвычайно критичным. Может быть, потому, что именно столичное духовенство действи-

of the English and Welsh Bishops, 1500–1558. University of Oxford D. Phil. thesis, 1984), которая осталась нам недоступной. Если судить по тому резонансу, который она получила (Haigh C. Introduction // *The English Reformation revised*. P. 3), ее результаты подтверждают тезис о том, что Реформация блокировала реформу.

³² Burnet G. *The History of the Reformation of the Church of England*. Part I. L., 1679. P. 305. Исследователи иллюстрируют слова Колета мнениями других авторов, в лучшем случае, сведениями из других источников. Типичный образец такого подхода см.: Hunt E.W. *Dean Colet and his Theology*. P. 18–72.

³³ Hunt E.W. *Dean Colet and his Theology*. P. 73–75, 85.

³⁴ Сказанное относится к религиозным настроениям образованных слоев общества, как правило, из городской среды. См.: O'Day R. *The debate on the English Reformation*. L., 1986; Brigden S. *London and the Reformation*. Oxford, 1989; Marshall P. *The Catholic Priesthood and the English Reformation*. Oxford, 1994.

тельно давало немало поводов для недовольства. Но Эразм в биографии Колета утверждал, что тот «почерпнул это мнение из [трудов] Дионисия и других древних теологов, которых он почитал»³⁵. Таким образом, столь критическое отношение Колета к современному духовенству было результатом обращения к раннехристианским текстам, особенно апостольским посланиям (в чем убеждает «Соборная проповедь») и патристике.

Злоупотребления, связанные со сбором десятин, пожертвований, посмертных даров, вымогательства церковных курий, критикуемые Колетом, традиционно составляли источник разногласий между мирянами и клиром. Вероятно, этим обусловлено бытование еще одной стереотипной оценки, согласно которой «Соборная проповедь» считается выражением духа антиклерикализма, присущего самым широким общественным кругам предреформационной Англии³⁶. Верна ли эта оценка? В связи с актуализацией проблемы антиклерикализма ответ на этот вопрос приобретает принципиальное значение. По нашему наблюдению, термин *антиклерикализм* вообще неоправданно свободно употребляется в излишне широком смысле в качестве синонима любой критики церкви, когда бы и от кого бы она ни исходила. Применение этого понятия при объяснении критического отношения английского общества к церкви в канун Реформации вызывает возражения исследователей³⁷. Тем более, было бы некорректно относить этот термин к «Соборной проповеди», где критика церковных привилегий обусловлена стремлением автора не отменить их, а сделать клир достойным этих привилегий. Например, послушание мирян священству является, по мнению Колета, естественным, но только при условии, что сами священники покажут «в себе причину и источник послушания» — неусыпную заботу о ду-

³⁵ ОЕ. IV. 521. Вероятно, имеется в виду трактат «О церковной иерархии» Дионисия Ареопагита.

³⁶ Cross C. Church and People. 1450–1660. L., 1976. P. 43–46; Elton G.R. Reform and Reformation: England. 1509–1558. Cambridge, 1977. P. 9–10; 53–56, 118–119; Dickens A.G. The Shape of Anticlericalism and the English Reformation // Politics and Society in Reformation Europe. L., 1987. P. 385.

³⁷ Ср.: Dickens A.G. The Shape of Anticlericalism... P. 379; Davies C.S. Popular Religion and the Pilgrimage of Grace // Order and Disorder in Early Modern England / Ed. by A. Fletcher and J. Stevenson. Cambridge, 1985. P. 85; Marshall P. The Catholic Priesthood and the English Reformation. P. 212.

шах паствы. Претендовать на десятины и пожертвования — пожинать телесное — может только тот клирик, кто посеял духовное, исполняя пастырский долг (ОСС. 282; CS. 659; СП. 120).

Несмотря на самые резкие, даже уничижительные высказывания по поводу жадности и сутяжничества клира, Колет не возражает против наличия у церкви собственности: «Но я не пишу, что желаю, чтобы церковь не имела собственности, или священники десятин и пожертвований. [Главное], чтобы они никоим образом не спорили о них»³⁸. Судебный иммунитет духовенства не вызовет возражений мирян, полагал Колет, лишь при отсутствии мирских занятий у клира. Приведем пример, связанный с самой болезненной проблемой в отношениях церковных судов и мирян — утверждением завещаний³⁹. В «Соборной проповеди» Колет упоминал об уловках судов, «ежедневно изобретаемых ради получения прибыли» (ОСС. 281; CS. 658; СП. 119). Обращаясь к этому вопросу в другом сочинении, он определял суть завещания (*suprema voluntas*) как «справедливое волеизъявление о том, как мы хотели бы, чтобы все было после нашей смерти»⁴⁰. Воля завещателя справедлива при созвучии Божьей воле, т.е., если она «благочестива и религиозна, когда ищет божественной славы, когда полна любви, когда заботится о людях и церкви, не нарушает добрые нравы, установленные законы, похвальные традиции, когда она заодно с любой добродетелью, с любой возможностью [поступать добродетельно]»⁴¹. Служители церкви «должны оценить завещания сыновей церкви как реестр любви и рассмотреть по отдельности каждый пункт: или добавить, или разделить, или изменить, как того требует повод и весы любви; завещания не могут считаться юридически действительными и утвержденными, пока они не будут доведены до нормы и правила любви»⁴². Окончательное утверждение завещаний являлось прерогативой курии епископа,

³⁸ *Coletus I. Enarratio in Epistolam Pauli ad Romanos* / Ed. by J.H. Lupton. L., 1873. P. 218.

³⁹ Используемый Колетом термин *insinuatio* означал формальную передачу или составление завещания для официальной регистрации как шаг на пути к собственно утверждению (*probatio*) завещания.

⁴⁰ *Coletus I. Epistolae Divi Pauli ad Romanos Expositio Literalis // Ioannis Coleti Opuscula quaedam theologica* / Ed. by J.H. Lupton. L., 1876. P. 243.

⁴¹ *Ibid.* P. 244-245.

⁴² *Ibid.* P. 243.

и на всех этапах единственным критерием должна быть любовь. Таким образом, мощный рычаг воздействия на мирян в руках церкви следовало применять, по мнению Колета, только ради утверждения закона любви. При всех нарушениях и злоупотреблениях, Колет не возражает против судебной власти церкви: «Всякому христианину, живому и усопшему, нужно, чтобы все было во власти Божией и служителей церкви»⁴³. Если это — антиклерикализм, то очень своеобразный, «ортодоксальный антиклерикализм»⁴⁴.

Итак, Колет с пониманием относился к недовольству мирян духовными привилегиями из-за несоответствия клира — в силу обмирщения — своему религиозному предназначению. Обмирщенное духовенство вновь должно стать *духовным* сословием не только по названию, но и по нравственному облику и образу жизни. Каким способом можно этого достигнуть? Обмирщение есть плод «помрачения ума». Следовательно, оздоровление заключается в «преобразовании ума», «обновлении ума» — в образовании и просвещении. Это упование на развитие человеческого разума не следует рассматривать только как проявление ренессансного гуманистического видения человека. Скорее всего, Колет относится к образованию в традициях христианской аскетики, где оно являлось частью аскетической практики. Это средство исправления ума — очищения от ложных мыслей и замена их мыслями истинными, черпаемыми в Писании и философской литературе⁴⁵. Образование, таким образом, есть необходимый элемент индивидуального спасения. К тому же, ученость священника обеспечивает успех его апостольской проповеди

⁴³ Ibid. P. 243.

⁴⁴ Cf.: Kaufman P.I. John Colet's *Opus de sacramentis* and Clerical Anticlericalism // Journal of British Studies. XXII. 1982. P. 1-22. Автор предлагает синонимичный термин «клерикальный антиклерикализм».

⁴⁵ Колет не был склонен разделять научные и богословские занятия, называя их одним термином *sacrium studium*. В биографии Колета Эразм сообщает, что тот выстроил себе покои в картезианском монастыре, намереваясь в старости заниматься там философией с двумя или тремя особо близкими старыми друзьями (ОЕ. IV. 519). Трудно с определенностью установить источник отмеченной тенденции к сакрализации ученых занятий. Ее можно рассматривать как результат следования позднеантичной философской традиции, или свойственной авторам патристической эпохи практики объединения понятий философии и монашеского образа жизни, или практического понимания теологии, характерного для «нового благочестия».

среди мирян. Итак, Колет понимал реформу церкви и всего общества в духе христианского просвещения. Однако, опять же в соответствии с правилами аскетического делания, исправлению ума должно предшествовать исправление тела — обуздание его греховных страстей, чтобы сделать человека способным к духовной деятельности⁴⁶. Логично поэтому, что для борьбы с обмирщением Колет предлагает клиру более строго следовать аскетическому идеалу, заключенному в каноническом праве. По мнению Колета, только при условии нравственной чистоты и духовной жизни клир может достойно выполнять свою миссию пастырского служения⁴⁷.

Прежде чем рассмотреть конкретную программу реформации, вспомним об избытке в проповеди выражений, относящихся к антитезе «порядка — беспорядка». Эта лексическая особенность наводит на мысль, что Колет диагностирует недуг церкви как нарушение установленного порядка. Он критикует именно *де-формацию*, т.е. искажение изначальной формы, и *без-образность* священства, понимаемую как отход и забвение первоначального образа, коим он считал истинного первосвященника — Христа. Поэтому и реформация церкви мыслится Колетом именно как исправление деформации, восстановление исходной формы. В Соборной проповеди он недвусмысленно называет предстоящее преобразование *reformatio et restauratio* (ОСС. 278; CS. 656; СП. 116). Поэтому и меры по преобразованию церкви не новы и состоят в восстановлении норм канонического права: «Грехи, умножившиеся ныне в церкви, были и в прежние времена; и именно отцы церкви находили наилучшие средства против них. Нет такого проступка или прегрешения, относительно которых не существовало бы закона в своде канонического права. Поэтому нет нужды издавать новые законы и постановления; должно соблюдать уже имеющиеся» (ОСС. 279; CS. 656; СП. 117). Программа реформации включала следующие положения:

⁴⁶ Ср.: «Этими словами апостол совершил два дела: во-первых, он запретил нам покоряться миру и быть плотскими; во-вторых, он приказал нам преобразовываться в Боге, чтобы стать нам духовными» (ОСС. 274; CS. 653; СП. 113).

⁴⁷ Ср.: «Если не только словом, но и твоей собственной жизнью ты учишь людей подражать добродетели, то, даже если ты молчишь, им достаточно посмотреть на твою жизнь» (*Colet J. A right fruitful monicion concernynge the order of a good christen manners lyfe // Lupton J.H. A Life of John Colet. P. 309*).

- Упорядочение приема в духовное сословие. Главные требования должны предъявляться к уровню образования и нравственным качествам претендента. По мнению Колета, «для священника недостаточно уметь составить силлогизм, предложение, вопросы, ответить на софизм; много больше значат добрая, чистая, благочестивая жизнь, исправление нравов, вдумчивое изучение Священного Писания, разумение таинств, но важнее и превыше всего — страх Божий и любовь к жизни небесной» (ОСС. 280; СС. 657; СП. 117).
- Регулирование бенефициальных держаний сообразно добродетели и заслугам перед церковью.
- Восстановление закона против симонии.
- Восстановление закона против нон-резиденства.
- Запрещение клирикам иметь светские занятия.
- Строгое соблюдение монахами и канониками данных обетов, запрет мирских занятий согласно решению Халкидонского собора.
- Восстановление канонических выборов епископов соборными капитулами⁴⁸ без вмешательства светской власти⁴⁹.
- Пребывание епископов в их диоцезах и ведение церковью активной благотворительности (ОСС. Р. 282; СС. 658; СП. 118)⁵⁰.
- Расходование церковных средств в соответствии с указанием папы Григория Великого: одна часть должна идти на содержание епископа и его дома; вторая — на его клириков; третья — на ремонт и содержание обители; четвертая — на бедных.

⁴⁸ Право выбора епископов было предоставлено английскому духовенству в 1107 г. в соответствии с соглашением, достигнутым между Генрихом I и Ансельмом Кентерберийским, и подтверждено Церковной хартией Иоанна Безземельного (1214 г.) и Великой хартией вольностей (1215 г.)

⁴⁹ Колет проклинает «тот ненавистный обычай, по которому безрассудные светские правители (*temporales principes*), под именем христиан — враги и неприятели Бога, хулители Христа, расточители церкви, [люди] не со смиренными и благочестивыми душами, а с надменными и легкомысленными, не в святых и непорочных местах, а в опочивальнях и на пиршествах, назначают епископов, которые управляют церковью Христовой и которые (о, гнусный порок!) не ведают никакого святого дела, зато искусны во всем, что лишено святости (*omnis sacrae rei ignaros, omnis profanae scios*). И таким людям ныне постыдно продается епископство!» (*Coletus I. De Ecclesiastica Hierarchia*. Р. 246-247).

⁵⁰ Ср.: «[Именно] в этом должны служить епископы и прелаты наших дней, если они мудры; не царям и правителям земным, перед которыми они, оставив обязанность благовествования — почетную и свойственную епископам — унижаются подобно самым ничтожным рабам и смотрят больше за королем при дворе, чем служат Богу в храмах» (*Coletus I. Epistolae Divi Pauli ad Romanos Expositio Literalis*. Р. 206-207).

- Восстановление законов против коррупции и вымогательств церковных судов. Основой деятельности церковных курий должно быть объяснение правовых норм и воспитание мирян в соответствии с ними.
- Регулярный созыв соборов всех уровней, как общих, так и местных и принятие соборных решений по всем важным вопросам церковной жизни. Именно через решения конвокаций предполагалась реализация реформы.

Предложенная программа составляла, по мысли Колета начальную стадию преобразований. Одновременно в «Соборной проповеди» намечен второй этап — реформа светской части общества: «Ее очень легко будет провести, если вначале мы сами преобразимся. Если священники, коим вверены души, будут благи, тотчас и народ станет благим. Наша добродетель научит их быть добродетельными более доходчиво, чем все другие учения и проповеди. Наша добродетель наставит их на правильный путь действеннее, нежели все ваши интердикты и отлучения» (ОСС. 282; СС. 658; СП. 119). При посредстве достойных — благочестивых и образованных — пастырей жизнь мирян также будет преобразована в соответствии с Евангелием⁵¹. Таким образом, речь идет об укреплении духовной дисциплины в рамках имеющейся церковной организации и активной просветительской деятельности, как среди духовного сословия, так и мирян.

К каким выводам можно прийти, изучив «Соборную проповедь» в свете новых исследований по истории Реформации? Религиозная культура английского общества на исходе Средневековья не была гомогенна, в религиозном опыте эпохи сочетались многие духовные тенденции и формы благочестия. Подавляющее большинство населения составляли носители традиционных взглядов, чьим духовным запросам и потребностям, в соответствии с уровнем религиозной культуры каждого, отвечала, благодаря своей сложности и гибкости, католическая вера. Отдельные случаи недовольства викариями и священниками, конфликты с ними не меняли общего позитивного отношения этой части общества к католицизму. Образованные миряне, чаще всего из городской среды, являют новый тип бла-

⁵¹ Об этом «сугубо социальном» подходе гуманистов круга Эразма-Колета к учению Христа см.: *Осиновский И.Н.* Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. С. 66; *Он же.* Эразм Роттердамский и Томас Мор. Из истории ренессансного христианского гуманизма. С. 103.

гочестия — более индивидуального и оттого не удовлетворяющегося привычным литургическим конформизмом, более склонного к внутреннему религиозному переживанию и оттого возмущающегося внешнеобрядовым благочестием, более близкого к своим евангельским истокам и оттого более требовательного к современной церкви.

Индивидуальное благочестие, достигаемое подражанием Христу, не исключало посреднической роли клира, ведь самым простым путем соединения с Богом была Евхаристия. Праведность священника, совершающего таинства, становилась гарантом спасения верующих. От священников и епископов ждали апостольской жизни и апостольской миссии, исполнения предназначения быть «солью земли», «светом мира». Несоответствие реальной церкви новым чаяниям верующих переживается последними как деградация, злоупотребления, порочность. Они должны быть преодолены ради восстановления утраченного идеала Града Божьего. Эти религиозные настроения ревностных мирян конца Средневековья переплелись с движением за церковную реформу внутри самой церкви, которая со времен IV Латеранского (1215 г.) собора считалась «церковью реформированной и подлежащей реформе».

Пропаганда постепенной реформы церкви «в главе и членах» не прекращалась в XIV–XV вв., причем эта идея реформы не воспринималась церковными иерархами как ересь или раскол⁵². Примечательно, что в то время, когда Колет произнес свою «Соборную проповедь», в Риме готовилось открытие V Латеранского собора, которому предстояло обсудить меры клерикальной реформы⁵³. Друг и единомышленник Дж. Колета епископ Джон Фишер был назначен

⁵² Подробнее см.: *Mullet M.A. Catholic Reformation. N.Y., 1999. P. 1-28.*

⁵³ 18 июля 1511 г. папа Юлий II издал буллу о созыве Вселенского собора в Риме. Он должен был собраться в апреле 1512 г. и стать ответом на «французский» церковный собор в Пизе. Собор открылся 3 мая 1512 г. речью генерала августинского ордена Эгидия из Витербо о насущной необходимости исправления церковных дел. Латинский текст речи см.: *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Ed. G.M. Mansi. Vol. XXXII. Paris, 1947. P. 669-676; Там же (P. 874-885) см. декрет о реформе церкви — *Supernae dispositionis arbitrio*, принятый на девятой сессии собора 5 мая 1514 г. Английские переводы документов см.: *Olin J.C. The Catholic Reformation: Savonarola to Ignatius Loyola. N.-Y., 1969. P. 40-53; 54-64. Подробнее о деятельности V Латеранского собора (1512-1517) см.: *Hughes Ph. A History of the Church. Vol. III. N.-Y., 1947. P. 478 etc.***

тогда одним из представителей английского духовенства на соборе⁵⁴. В эпоху Ренессанса идея церковной реформы получила новый импульс, поскольку совпала с общим ретроспективным вектором развития культуры. Церковная среда впитала ту же энергию генетического резонанса со своим культурным прошлым, как и светская культура Возрождения. Гуманистически образованные элементы духовенства воплощали типично ренессансную тенденцию к реставрации некогда утраченной традиции раннего христианства, и истолкования этой традиции в духе современных проблем.

В данном историко-культурном контексте возможна более корректная интерпретация «Соборной проповеди». На наш взгляд, в ней нет ничего иного, кроме трех принципиальных положений: признания законным привилегированного положения клира в обществе как посредника между Богом и людьми; констатации несоответствия обмирщившегося духовенства своему духовному предназначению; призыва вернуть церковь к утраченному аскетическому и апостольскому идеалу. Эти положения позволяют связать «Соборную проповедь» с идеологией христианского Ренессанса. Его идеи, в той или иной мере, подпитывали различные формы нового благочестия, которые возникли на исходе средневековья и практиковались как в духовной, так и в мирской среде — от движения католической реформы до братств «общей жизни» и гуманизма эразмианского толка. Осознавая различия между ними, необходимо подчеркнуть общее для них стремление к более строгому аскетическому идеалу и ярко выраженный «евангелизм». Исследование других сочинений и деятельности Колета, несомненно, даст материал для уточнения того места, которое занимала его экклесиология в общем идейном поле христианского Ренессанса. «Соборная проповедь» рисует нам его как энтузиаста аскезы, ревнителя христианского просвещения, борца за духовно-нравственное возрождение клира и всего общества, за возведение жизни духовенства на первоначальную морально-религиозную высоту.

⁵⁴ *Dowling M. Fisher of Man: A Life of John Fisher, 1469–1535. N.Y., 1999. P. 53.*

А.Ю. СЕРЕГИНА

ПЕРЕВОДЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКОВ*

Бурная эпоха Реформации и Католической Реформы сопровождалась волной публикаций религиозной литературы различных жанров — полемики, наставлений, богословских трактатов, церковных истории и т.п., не говоря уже о многочисленных молитвенниках и катехизисах. В период, когда конфессиональные и политические конфликты, охватившие Западную Европу, совпали по времени с одной из важнейших технологических революций в истории человечества — распространением книгопечатания — книги стали важным способом формирования этнополитических и/или конфессиональных сообществ. Полемическая литература была призвана очерчивать границы сообществ, так как она формулировала критерии для определения принадлежности к нему и формировала образ «чужого» — им, как правило, оказывались представители иных конфессий или даже члены других групп (например, монашеских орденов) внутри конфессии собственной. Наставительная литература, агиографические произведения, катехизисы были призваны определить приоритеты в религиозной жизни индивида и задать ее параметры. Эти функции литературы зачастую дублировались проповедью — ведь подавляющее большинство европейцев раннего Нового времени были неграмотными, и устное слово имело больше шансов «достучаться» до них, нежели письменное. Но и воздействие книги, в т.ч. печатной, не стоит преуменьшать, хотя бы потому, что практика чтения сильно отличалась от привычной для наших современников. Для нас чтение — это занятие, которому предаются в уединении, а

* Исследование выполнено по проекту «Гендерное измерение социальных конфликтов: от Средневековья к Новому времени» в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

читаем мы, выйдя из детского возраста, про себя. Но в XVI–XVII вв. чаще читали вслух, для друзей, семьи, слуг и т.п., и аудитория книги, отнюдь не ограничивалась только грамотными людьми.

Для английского католического сообщества XVI–XVII вв. книги имели огромное значение, большее, пожалуй, чем для их собратьев на континенте: ведь с 1559 г. Англия вновь (и на этот раз окончательно) стала официально протестантской страной. Проповедь католичества в стране была поставлена вне закона, а священники-миссионеры, действовавшие нелегально, могли охватить относительно небольшое число слушателей. Остальные должны были полагаться на книги, которые они либо читали сами, либо слушали¹.

Книги были важным каналом приобщения англичан к ценностям и приоритетам реформированного, пост-Тридентского католицизма, а для этого большое значение имели переводы, прежде всего для мирян, не владевших латынью и не знавших (или знавших недостаточно) иностранных языков. Переводная литература отражает приоритеты католической миссии, а также аудиторию, на которую предполагалось воздействовать. В данной статье исследуются публикации переводов религиозной литературы на английский язык в 1559–1640 гг., с момента вступления в силу религиозного законодательства Елизаветы I и до начала Гражданской войны. Предпринятый впервые анализ динамики публикаций и языков, с которых осуществлялись переводы, круга авторов текстов, их жанров, а также групп людей, так или иначе с переводами связанных (переводчиков, издателей и патронов) позволяет представить роль книги в формировании и функционировании английского католического сообщества².

Издания переводов

Переводы составляли значительную группу — 34% всей англоязычной книжной продукции (315 изданий из 930). Естественно, значительная доля публикуемых переводов — 24% или 74 издания — пришлось на долю переводов Св. Писания, Псалтири и молитвословов, предназначенных для мирян, которые порой оказы-

¹ *Walsham A.* “Domme Preachers”? Post-Reformation Catholicism and the Culture of Print // *Past and Present* (168), 2000.

² Все подсчеты выполнены автором по изданию: *Allison A.F., Rogers D.M.* *The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. Vol. II: Works in English* (Aldershot, 1994).

вались надолго лишены доступа к католическим священникам, а, следовательно, и к таинствам. Своего рода заменой — хотя и отнюдь не адекватной — католической литургии было регулярное чтение молитв, ее составляющих. Предполагалось, что такое чтение станет способом организации религиозной жизни мирян в отсутствие священника, причем грамотные миряне — зачастую хозяева поместья — собирали слуг и родственников для совместной молитвы.

Остальные переводы распадаются на многочисленные жанры. Среди них были тексты, посвященные тому, как правильно молиться и медитировать, рассказывавшие о таинстве причастия и подготовке к нему, полемические сочинения и богословские трактаты, наставления в благочестивой жизни, жития святых и правила монашеских орденов, катехизисы, церковные истории, сочинения отцов церкви и др.

Публикация этих трудов распределялась весьма неравномерно по хронологическому периоду, охватывающему около 80 лет. Большая часть переводов (как и книжной продукции вообще) приходится на первую половину XVII века, а число публикаций, появившихся в елизаветинский период, выглядит относительно скромным. В 1560-х гг. было издано 11 переводов (3,4%), в 1570-х — 15 (5%), в 1580-х — 10 (3%), в 1590-х — 21 (6,6%). Всего за 1559–1600 гг. вышло 57 изданий переводов (18% от их общего числа). В 1600-х гг. вышло 29 изданий (9,2%), но уже в следующем десятилетии этот показатель резко подскочил: в 1610х гг. вышло в свет 61 издание (19,3%). В 1620-х гг. было издано 80 переводов (25,3%), а в 1630-х гг. и того больше — 88 (28%). Всего в 1600–1640 гг. вышло в свет 268 изданий переводов католической литературы (85% от общего числа).

Такая неравномерность определялась политическими, экономическими и идеологическими факторами. К числу первых относится постепенное ослабление гонений на католиков к 1620-м гг. В правление Елизаветы католическое сообщество постоянно находилось под угрозой, так как правительство было склонно рассматривать его как своего рода «пятую колонну». Этому способствовало и Северное восстание 1569–70 гг., прошедшее под лозунгом восстановления «старой веры», и отлучение Елизаветы от церкви папой Пием V в 1570 г., и затяжная (1585–1604 гг.) война с католической Испанией. Взошедший в 1603 г. на английский престол Яков I заключил мир с Испанией и стремился поддерживать хорошие отношения с католи-

ческими соседями; он даже имел своего неофициального представителя в Риме. Несмотря на то, что антикатолические законы времен Елизаветы не были отменены, а Пороховой заговор 1605 г. вызвал в стране волну враждебности к католикам, в целом их положение при Стюартах улучшилось. Постоянно испытывавший нехватку средств Яков I предпочитал не преследовать католиков (что вступило бы в противоречие с проповедовавшейся им терпимостью), а взимать с них штрафы за отказ посещать приходские церкви. А после того, как в 1617 г. начались переговоры о браке принца Карла с испанской инфантой, действие законов против католиков неофициально прекратили. Хотя испанский брак и не состоялся, в 1625 г. Карл I женился на французской принцессе-католичке Генриетте-Марии, поэтому политика его отца в отношении католиков продолжалась. Естественно, в условиях большей терпимости XVII века стало безопаснее доставлять книги с континента в Англию и хранить их³.

Изменилась структура самой миссии. Она выдержала несколько реорганизаций и выросла численно. Около 40 лет (1559–1598) английская миссия не имела четкой структуры; работавшие в стране нелегально католические священники-семинаристы (выпускники английских семинарий в Дуэ, Риме, Вальядолиде и Севилье) составляли небольшие группы, которые неформально подчинялись работавшим в данной местности иезуитам, число которых в Англии в XVI в. было невелико. В 1598 г. управление иезуитами и священниками-семинаристами было разделено. Иезуиты оказались в подчинении префекта Английской миссии ордена (позднее была преобразована в провинцию), а священники-семинаристы были переданы под начало архипресвитера. В 1623 г. был воссоздан католический епископат. Реорганизация миссии способствовала большей эффективности ее работы, в том числе и увеличению числа ввозимых книг. Кроме того, постепенно улучшалось и финансирование миссии⁴.

Большое влияние на рост книжной продукции имело и увеличение числа издательских центров. В XVI – начале XVII в. английские католики, как правило, издавали свои книги на континенте, во

³ Об истории английского католического сообщества см.: *Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006. Особенно с. 58-63.

⁴ Там же. С. 47-48.

Франции или Испанских Нидерландах. Именно там (за редкими исключениями)⁵ появились все рассматриваемые переводы. Основным издательским центром эмигрантов-англичан во Франции был Руан, тесно связанный с английским книжным рынком еще с начала XVI в. (из Нормандии было сравнительно легко доставить тираж в Англию), когда английские печатники еще не в состоянии были полностью обеспечить спрос на книжную продукцию. Нормандия была одним из центров, где сосредотачивались владения Гизов и, соответственно, базой Католической Лиги, а в XVII в. стала одним из центров Католической Реформы. В Руане англичане издавали свои книги в типографиях Жардэна Амильона и Жоржа Л'Уазле, работавших в городе в 1566–1614 и 1584–1599 гг. соответственно⁶. В XVII в. к ним прибавились печатник и книготорговец Жан Кутюрье (работал в Руане с 1609 г.) и печатник Николя Куран (1621–1635; после этой даты предприятие возглавила его вдова)⁷.

В Париже было издано сравнительно мало английских книг. Здесь контрагентами англичан были печатники Жером Блажар и его вдова, братья Жан и Николя де ла Кост, а также печатник и книготорговец Себастьян Крамуази⁸.

Сообщество печатников и книготорговцев, работавших с английскими католическими переводами в Нидерландах, более многочисленно. В его состав входили англичане или натурализованные иностранцы, которые с приходом к власти протестантов предпочли эмигрировать. К их числу относятся печатники Джон Фаулер, типография которого работала в Лувене (1565–1570), Антверпене (1570) и Дуэ (1578–1579) и Джон Лайонс, также трудившийся в Лувене (1580) и Дуэ (1580–1581). Другой печатник, Лоренс Келлэм, начал работу в Лувене (1598–1604), а затем тоже перебрался в Дуэ (1607–1614; в 1614–1661 гг. дело продолжала его вдова). Еще один англи-

⁵ Например, опубликованный (без указания имен автора и переводчика) в Лондоне в 1560 г. перевод с латыни трактата о молитве кардинала Джона Фишера (католического мученика, казненного Генрихом VIII в 1535 г.). Перевод традиционно приписывается перу Энтони Брауна, виконта Монтегю (1527–1592).

⁶ См. Dictionary of Printers and Booksellers in England, Scotland and Ireland, and of Foreign Printers of English Books, 1557–1640 / Ed. by H.G. Aldis, R. Bowes, and H.R. Plomer (London, 1910). P. 122, 182.

⁷ Ibid. P. 78-79.

⁸ Ibid. P. 80, 88.

чанин, Джон Хейэм, открыл типографию в Дуэ, где работал с 1609 по 1622 гг., а затем переехал в Сент-Омер. Там он выступал в роли книготорговца (1622–1639), а затем и печатника (1631). В Антверпене в 1576–1603 гг. действовал печатник Ричард Верстеган, а в Дуэ около 1624 г. жил книготорговец и печатник Генри Тайлор⁹.

Впрочем, эмигранты имели дело отнюдь не только с соотечественниками. Много книг для них издал антверпенский печатник Арно Конъюнкс (работал в 1579–1608 гг.), а также Жан Богар, имевший типографии в Лувене (1564–1567) и Дуэ (1574–1626). Ему наследовал его сын, Мартин, а затем и вдова последнего (до 1635 г.)¹⁰. В Дуэ действовал и Шарль Боскар (1596–1610), впоследствии перенесший свою типографию в Сент-Омер (1610–1619), затем его дело продолжила вдова (до 1652 г.)¹¹. Другими издателями англичан-католиков были печатники из Дуэ Жерар Пинсон (работал в 1609–1634) и Марк Вийон (1609–1630; вдова издавала книги до 1659 г.)¹².

Перемещение печатников между Антверпеном, Лувеном, Дуэ и Сент-Омером отражало перипетии войны между католиками и протестантами, охватившими Нидерланды после 1568 г. Стабилизация ситуации в южных провинциях под властью инфанты Изабеллы (с 1598 г.) и заключение перемирия между Испанией и северными провинциями (1609 г.) способствовали расцвету деловой активности в Нидерландах, включая и книгоиздательство.

Важным фактором, повлиявшим на выпуск английской книжной продукции, стало создание типографии в английской коллегии ордена иезуитов в Сент-Омере. Основанная в 1593 г. Робертом Парсонсом коллегия предназначалась для обучения мальчиков из католических семей¹³. В 1608 г. там начала работу типография, быстро превратившаяся в главный издательский центр английской католической миссии. Это позволило увеличить число издаваемых книг и их тиражи, а близость к Ла-Маншу — Сент-Омер находится в 24 милях от Кале — облегчала транспортировку книг в Англию.

⁹ Ibid. P. 107-108, 134, 163, 263, 275.

¹⁰ Ibid. P. 40, 74-75.

¹¹ Ibid. P. 43.

¹² Ibid. P. 215, 304-305.

¹³ За свою многовековую историю школа многократно переезжала. Сейчас она находится в Стоунхёрсте (Англия, графство Ланкашир).

Тексты переводов

Как и следует ожидать, самая многочисленная группа переводов — с латыни. Помимо 74-х переводов Св. Писания и молитвословов (они здесь не учитываются), было издано 102 перевода с латыни (32,3% от общего числа). Они распадаются на группы по жанрам. Самая большая группа (21 издание) — религиозные наставления, следующая (19 изданий) — полемические сочинения. 16 изданий — жития святых, 8 — руководства, посвященные молитве и медитации, 7 — богословские трактаты, по 6 — монашеские правила и сочинения отцов церкви. 5 изданий посвящены переводам сочинений о Страстях Христовых. По 4 издания приходится на богословские труды и сочинения отцов церкви, по 3 — на катехизисы и церковные истории, по 2 — на труды, посвященные почитанию Девы Марии, публикацию документов (например, папские бреве) и на мартирии. Один текст посвящен тщете всего мирского, и, наконец, еще один представляет собой военную историю — описание осады Бреды.

Эти цифры, кажется, свидетельствуют о некоем разном и несогласованности в отборе текстов для перевода. Тем не менее, в них можно усмотреть некие общие принципы и подходы. Совершенно очевидно, что большая часть текстов, за исключением, пожалуй, монашеских правил, предназначались для мирян, а также для монахинь. Подразумевалось, что женщины-монахини не получили столь же хорошей филологической подготовки, как монахи-мужчины, и их латынь оставляла желать лучшего. Поэтому им предназначались переводы монашеских правил и, отчасти, наставительные сочинения и руководства, посвященные молитве. Ведь Тридентский собор предписывал монахиням отказаться от подвижничества в миру и затвориться в стенах обители, проводя время в молитве.

Обилие наставительной и агиографической литературы для мирян вряд ли может удивить. Примечательно, однако, что им предназначалось и сравнительно много полемических произведений. Это, видимо, объясняется практикой английских церковных судов. Они обладали правом вызвать любого совершеннолетнего католика, мужчину или женщину, и потребовать от них участия в диспуте с протестантским священником. Поэтому представление о догматических различиях между конфессиями, а также об основах полемического богословия было немаловажным и для мирян¹⁴.

¹⁴ См.: *Questier M.C. Conversion, Politics and Religion in England, 1580–1625* (Cambridge, 1996). P. 154–156.

Важно отметить и отношение к средневековому наследию католической церкви. Большая часть переведенных текстов принадлежала их современникам, авторам XVI — начала XVII в., или же отцам церкви, творившим в первые века христианства (наибольшей популярностью пользовался Св. Августин). Собственно средневековых сочинений среди них очень мало, что отражает как аудиторию переводов — а ею были миряне, а не ученые богословы, в переводах с латыни не нуждавшиеся — так и явный скептицизм по отношению к средневековому благочестию, в котором поколение католических реформаторов усматривало опасную близость к язычеству. Не случайно среди переводов нет ни одного издания средневековых сборников житий святых. Все жития, отобранные для переводов, были либо «одобрены» и отредактированы в XVI в. — например, культ Св. Франциска был значительно переосмыслен, и англичанам представили уже новую версию — либо представляли собой жития новых святых, канонизированных в начале XVII в., в том числе основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, миссионеров в Мексике и далекой Японии. Чаще всего переиздавалась коллекция житий «современных» святых — *«Цветок святости»* (1609, 1610, 1611, 1615).

Собственно средневековых текстов было немного. Это — трактат Альберта Великого о слиянии души с Богом (1617) и самый популярный в раннее Новое время в Европе религиозный труд — *«Подражание Христу»* Фомы Кемпийского¹⁵. Написанное в XV в., это сочинение было призвано наставлять христианина в его трудном пути к Богу. Оно предназначалось всем христианам, и, прежде всего, мирянам и почти сразу обрело большую популярность. Реформация не изменила ситуации — *«Подражание Христу»* читали католики и протестанты, а издания исчислялись сотнями. Уже в XVI в. существовало несколько английских переводов этого труда. Самый первый был сделан в 1502 г., в 1531 г. был впервые напечатан перевод монаха-бригеттинца Роберта Уитфорда¹⁶, который эмигранты переиздали в 1575 и 1585 гг. В XVII в. появился новый перевод иезуита Энтони Хоскинса (издания 1613, 1615, 1616, 1620, 1624, 1633 и 1636 гг.).

¹⁵ Фома Кемпийский (Томас Хэмеркен) (ок. 1380–1471), монах монастыря Св. Агнессы в Зволле, мистик и религиозный писатель.

¹⁶ Роберт Уитфорд — монах бригеттинской обители Сион близ Лондона, автор популярных наставительных сочинений и переводчик.

Но подавляющее большинство текстов было написано в XVI в. Они представляли собой плоды нового, пост-Тридентского благочестия, которые и адаптировались для английской аудитории. Им предназначались переводы катехизисов Петра Канизия¹⁷, сочинений кардинала Роберто Беллармино¹⁸, полемистов Леонарда Лессия и Мартина Бекана. Все эти авторы были иезуитами, как и переводчики их трудов. Однако большая часть этих произведений имела всего одно издание. В отличие от них, некоторые произведения наставительного жанра, или же руководства, посвященные молитве и медитации, переиздавались многократно. Спрос на них определялся аудиторией, и не случайно светские лица становились порой их переводчиками. Так, труд немецкого монаха-картузианца Иоанна Герехта из Ландсберга¹⁹ о любви человеческой души к Богу был переведен на английский Филиппом Ховардом, графом Эренделом²⁰, когда тот находился в Тауэре, и издан в Лондоне в 1593 г. Перевод был переиздан в Лондоне сразу после смерти графа в 1595 г., а затем и на континенте, в Сент-Омере, в Английской коллегии (1637).

Следующая по численности группа — переводы с французского. Их было 54 (17% от общего числа). Переводы с французского языка стали относительно новым явлением (всего 4 из них появились до 1600 г.), что явилось отражением как смены политической ориентации многих эмигрантов с испанской на французскую, так и оживления религиозной жизни католической Франции после завершения религиозных войн. С новых языков, включая французский, переводили современные переводчикам труды, написанные в XVI — начале XVII в. Как и в случае переводов с латыни, самую большую группу (22 издания) представляют наставления в религиозной жизни. К ней примыкают несколько изданий, посвященных почитанию Девы Марии (3), таинству причастия (2), благой смерти христианина

¹⁷ Петр Канизий, Питер Канис (1521–1597) — иезуит, уроженец Нидерландов (Гельдерн), богослов, автор катехизисов, святой католической церкви.

¹⁸ Роберто Беллармино (1542–1621) — иезуит, католический богослов, кардинал, святой католической церкви.

¹⁹ Иоанн Герехт из Ландсберга (1489–1539) — немецкий монах-картузианец (Кёльн), автор богословских сочинений.

²⁰ Филипп Ховард, граф Эрендел (1557–1595) — английский аристократ-католик, почитается католической церковью как мученик за веру. См.: *Pol-len J.H., MacMahon W. eds. The Ven. Philip Howard, earl of Arundel, 1557–1595: English martyrs, Catholic RS, 21 (1919).*

(1), руководства по молитве и медитации (2). За этой группой следуют полемические сочинения (17 изданий). 5 изданий было посвящено житиям святых, а еще два — богословский труд и публикация эдикта Карла IX против протестантов. Самыми популярными переводами с французского оказались сочинения Св. Франциска Сальского²¹ (1613, 1614, 1617, 1622, 1630, 1632, 1637), иезуита Николя Коссэна (1626, 1631, 1632, 1634, 1638) и итальянки Изабеллы Кристины Беллинзаги²² (1612, 1625, 1628, 1631), с которыми английские авторы познакомилась во французском переводе.

Переводов с итальянского — 33 (10,4% от общего числа изданий). Как и переводы с французского, это сочинения авторов XVI–XVII вв., довольно пестрые по жанровой принадлежности. По 7 текстов относятся к наставлениям и катехизисам; последние принадлежат перу иезуита Роберто Беллармино (1604–1605, 1611, 1614, 1617, 1624, 1633 гг.). К первой группе примыкают сочинения, посвященные благой смерти (5), Страстям Христовым (3), почитанию Девы Марии (2), таинству причастия (2). 4 издания представляют собой жития святых, одно из них — Св. Екатерины Сиенской — средневековое, принадлежащее перу Раймонда Капуанского²³, а остальные были посвящены «современным» святым — например, итальянскому иезуиту Алоизию (Луиджи) Гонзага²⁴. Помимо Беллармино, популярностью пользовались и сочинения другого итальянского иезуита, Луки Пинелли²⁵ (издания 1598, 1618, 1623, 1624 гг.).

Переводы с испанского представляют собой более гомогенную группу. Она состоит из 50 изданий (15,8% от общего числа), причем больше половины из них (30) относятся к жанру религиозных наставлений. К ним примыкает еще 10 руководств, посвященных молитвам и медитациям, 2 издания о таинстве причастия и 1 текст о

²¹ Св. Франсуа де Саль, Франциск Сальский (1567–1622), епископ Женевский, богослов, проповедник, основатель ордена визитатинок.

²² Изабелла Кристина Беллинзага (1551–1624) — визионерка из Милана, принадлежавшая к знатной семье. Ее труды, отредактированные ее духовным наставником, иезуитом Акилле Гальярди (1538–1607), были популярны во Франции — их, в частности, пропагандировал кардинал де Берюль.

²³ Раймондо Капуанский, Раймондо дела Винья (1330–1399) — богослов, генерал ордена доминиканцев, духовный наставник Св. Екатерины Сиенской.

²⁴ Алоизий (Луиджи) Гонзага (1568–1591) — итальянский иезуит, святой католической церкви.

²⁵ Лука Пинелли (1542–1607), итальянский иезуит, богослов.

Страстях Христовых. Кроме них, с испанского были переведены 4 жития святых и 2 мартирии, а также всего одно полемическое произведение. Все без исключения испанские оригиналы принадлежали перу авторов XVI века и составляли своего рода «классику» благочестивой литературы этого периода. Среди наиболее популярных у переводчиков испанских авторов — францисканец Диего де Эстелла²⁶ (1577, 1554, 1622), иезуиты Гаспаро Лоарте²⁷ (1579, 1596, 1613), Луис де ла Пуэнте²⁸ (1586, 1610, 1612, 1619, 1625), Франсиско Ариас²⁹ (1602, 1620, 1621, 1630, 1638), Алонсо Родригес³⁰ (1630, 1631, 1632) и доминиканец Луис де Гранада³¹ (1584, 1633, 1634).

Кроме того, вышло два перевода с португальского и один — с голландского (все три — жития святых).

Тексты, отобранные для перевода, это «последние достижения» пост-Тридентского благочестия, каким его себе представляли руководители миссии, среди которых было немало иезуитов, и неудивительно, что они доминировали и среди авторов переводимых текстов. Впрочем, сами иезуиты старались сделать доступными для английского читателя то, что они считали лучшими сочинениями, даже если те принадлежали представителям других орденов. Один из ярких примеров — издание английского перевода трактата «*О презрении к миру*» францисканца Диего де Эстеллы, вышедшее в свет благодаря стараниям иезуита Роберта Парсонса (Руан, 1584).

Переводчики и патроны

Кто определял «литературную» политику миссии? Для ответа на этот вопрос, необходимо проанализировать состав группы переводчиков, работавших в Англии и за ее пределами в XVI – первой половине XVII в. Часть из них осталась анонимной — из 106 переводчиков 10 скрываются за инициалами, и установить их личность

²⁶ Диего де Эстелла (1524–1578) — монах-францисканец (Саламенка), испанский богослов и мистик.

²⁷ Гаспаро Лоарте (1498–1578) — испанский иезуит, богослов.

²⁸ Луис де ла Пуэнте (1554–1624) — испанский иезуит, богослов и аскет.

²⁹ Франсиско Ариас (1533–1605) — испанский иезуит, богослов и аскет, в Севилье почитался как святой.

³⁰ Альфонсо (Алонсо) Родригес (1526–1616) — испанский иезуит, автор богословских сочинений.

³¹ Луис де Гранада (1505–1588) — испанский доминиканец, богослов и церковный историк.

оказалось невозможным. Среди остальных, как и следовало ожидать, большая часть — клирики, священники-семинаристы и иезуиты. Представителей других орденов немного, в их числе было три францисканца: Артур (в монашестве Фрэнсис) Белл, Ричард Мейсон и Люк Уоддинг. Артур Белл (1591–1643), уроженец Вустершира, учился в коллегии Св. Альбана в Вальядолиде, а затем вступил в орден Св. Франциска. Белл был блестящим лингвистом, а приобретенное за годы жизни в Испании знание языка способствовало тому, что он впоследствии оказался в состоянии переводить с него на английский духовную литературу (2 издания 1624 г.)³². Ричард Мейсон (1600–1678) был ученым богословом, и позднее стал главой английской провинции своего ордена. Большая часть его литературного наследия предназначалась студентам или богословам и написана на латыни, но его перу принадлежит перевод Правила Св. Франциска (1635), адресованный английским монахиням-клариссинкам. Ирландец Люк Уоддинг (1588–1659) большую часть жизни провел в Испании, где основал ирландскую францисканскую коллегию Св. Исидора Мадридского. Он — автор довольно большого числа трудов, но перевод среди них всего один (житие Св. Клары, 1635). Среди переводчиков также присутствуют кармелит Томас Дути, монах-бригеттинец Роберт Уитфорд и доминиканец Уильям Перин, причем два последних создавали свои переводы с латыни в католической Англии (1531 и 1557 гг. соответственно), а их труды были впоследствии переизданы.

Безусловное доминирование иезуитов и священников-семинаристов, объясняется, на мой взгляд, весьма просто. Они переводили предназначенную мирянам литературу, поскольку это была важная часть их миссионерской деятельности. Представители других орденов хотя и присутствовали в Англии, но были весьма немногочисленны, так что основная пастырская работа доставалась именно иезуитам и выпускникам руководимых ими семинарий.

Не случайно самыми плодовитыми переводчиками были священники Энтони Батт (издания 1622, 1631, 1633 [2 книги] и 1638 гг.) Джон Уилсон (издания 1617, 1620, 1621, 1623, 1626, 1634 и 1635 гг.), Майлс Пинкни (издания 1630, 1632 [2 книги], 1635, 1636 гг.) и Джон Якли (издания 1613, 1614, 1622 и 1637 гг.), а также их собратья по

³² Биографические сведения, за исключением специально оговоренных случаев, приводятся по: Oxford Dictionary of National Biography (Oxford, 2004).

миссии — иезуиты. Среди членов Общества Иисуса стоит выделить Томаса Эверарда (1560–1633)³³. Он издал 9 переводов (1606 [2 издания], 1617 [2 издания], 1618, 1623, 1624, 1638 [2 издания]) «классики» иезуитской духовной литературы — сочинений Луки Пинелли, Св. Франсиско де Борхи, Франсиско Ариаса, Луиса де ла Пуэнте, Фульвио Андроцци и Игнасио Бальзамо. Все переводы были опубликованы в типографии иезуитской коллегии в Сент-Омере.

Эверард был младшим современником и последователем других переводчиков-иезуитов, издававших свои труды в Сент-Омере. Среди них — Ричард Гиббонс (1547/1553–1632), переведивший труды испанских и итальянских богословов и мистиков — Луки Пинелли, Луиса де ла Пуэнте, Луиса де Гранады, Винченцо Бруно и Роберто Беллармино (издания 1599, 1604, 1610, 1614 и 1633 гг.) и подавший им всем пример Генри Гарнет (1555–1606)³⁴, в течение 20 лет (1586–1606) совмещавший заботы главы иезуитов-миссионеров в Англии с работой над памфлетами и переводами сочинений Франсиско Ариаса, Винченцо Бруно, Петра Канизия, Джакопо Ледисмы, и Луки Пинелли (издания 1597 [2 книги], 1598 [2 книги], 1602, 1620 и 1622 гг.).

В отличие от них, иезуит Уильям Райт (1563–1639) переводил, в основном, полемические сочинения, созданные в 1606–1623 гг. в ходе охватившей половину Европы дискуссии о присяге католиков на верность Якову I, точнее, о содержащейся в ней фразе о праве папы смещать светских государей с престола. В полемике участвовали не только английские богословы, но и французы, испанцы, голландцы³⁵. Райт стремился познакомить собратьев-католиков с доводами ученых иезуитов, отстаивавших официальную позицию Рима. Ему принадлежат переводы трактатов Мартина Бекана и Леонарда Лессия.

Помимо клириков, значительную группу переводчиков (17 человек) составляли светские лица. Поскольку они, в отличие от миссионеров, не были связаны политикой руководства в отношении того, что именно следовало переводить, их выбор в большей степени отражает вкус аудитории, ее пристрастия и предпочтения в религиозных практиках, а круг авторов определялся не орденской принадлежностью, но

³³ Allison A.F. An early 17th century translator: Thomas Everard // *Biographical Studies*, 2 (1953-4). P. 188-215.

³⁴ Caraman P. Henry Garnet, 1555–1606, and the Gunpowder Plot (L., 1964).

³⁵ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков. С. 54-58, 65-69.

личным чувством. Так, Энтони Браун, виконт Монтегю³⁶ издал в 1560 г. уже упоминавшийся трактат Джона Фишера об умственной молитве. А в 1610 г. (переиздан в 1635 г.) появился перевод Жития Св. Франциска, выполненный его внуком, Энтони-Марией Брауном, вторым виконтом Монтегю. В выборе текста отразилось свойственное всей семье почитание святого. А пребывавший в заключении в Тауэре в конце 1570-х гг. Джордж Коттон перевел — вполне уместно — трактат Диего де Эстеллы о презрении к миру. Оказавшийся в Тауэре чуть позже, в 1580 – начале 1590-х гг., граф Эрендел перевел уже упоминавшийся трактат о пути человеческой души к Богу.

Впрочем, выбор мирян не так уж сильно отличался от того, что им предлагали их священники-миссионеры. Некоторые из переводчиков-мирян вообще были тесно связаны с руководством миссии. Они сами были эмигрантами и работали в тесном контакте с лидерами английской миссии на континенте. В первую очередь это относится к печатникам и книгоиздателям. Джон Фаулер (1537–1579), перебравшийся на континент в 1560-е гг., с первой волной эмигрантов, издавал многочисленные полемические и наставительные произведения и сам перевел некоторые из них (издания 1566, 1568, 1576 гг.). А печатник и книготорговец Джон Хейэм (ок. 1568 – ок. 1634)³⁷ специализировался в основном на молитвословах и наставительной литературе, причем и сам ее переводил. Он подготовил к изданию и перевел несколько сборников религиозных наставлений, включавших сочинения Луиса де ла Пуэнте, Карло Борromeо, Луиса де Гранады

³⁶ О семье Монтегю см.: *Questier M.C. Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c.1550-1640* (Cambridge, 2006); *Серегина А.С. Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI – начала XVII веков // Социальная идентичность средневекового человека / Ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 213-225; Она же. Католическая знать в протестантской Англии: виконты Монтегю (вторая половина XVI – начало XVII веков) // Искусство власти / Ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 328-351; Она же. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.) // Средние века. 2007. Вып. 68(2). С. 5-32; Она же. Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы в Каудрей (1591 г.) // Мир Клио. Т. 1. М., 2007. С. 357-373; Она же. Католик или политик? (с приложением транскрипции и перевода парламентской речи виконта Монтегю (1604)) // Диалог со временем. 2008. Вып. 25(2). С. 342-372.*

³⁷ *Allison A.F. John Heigham of S. Omer (c.1568-c.1632) // Recusant History, 4 (1957-8). P. 226-42.*

(издания 1604, 1611, 1614, 1618 и 1624 гг.). Еще одним переводчиком с испанского был Ричард Хопкинс (ок. 1546–1596), учившийся в свое время в Оксфорде (колледж Модлин), а затем завершивший образование в Испании. Ему принадлежат несколько переводов сочинений Луиса де Гранады (издания 1582 и 1586 гг.).

Остававшиеся в Англии миряне не отставали от эмигрантов. Так, поэт и переводчик сэр Томас Хокинс (1570–1640?) издал несколько переводов сочинений французского иезуита Николя Коссэна (в 1626, 1631, 1634 и 1638 гг.), а один из самых плодовитых переводчиков XVII века, «блудный» сын англиканского архиепископа и обращенный католик, сэр Тоби Мэтью (1577–1655), переводил испанских мистиков и духовных писателей — Франсиско Ариаса, Хуана де Авилы, Алонсо Родригеса (издания 1619, 1620 [3 книги], 1621, 1630 и 1631 гг. [3 книги]). Его же перу принадлежит и первый перевод на английский язык «Исповеди» Бл. Августина (Сент-Омер, 1620; дважды переиздано в Париже в 1638 г.).

Таким образом, образованная элита католического сообщества в своих приоритетах была близка религиозной программе лидеров английской католической миссии, так что светские и духовные лидеры сообщества выступали сообща, стараясь преобразовать религиозные практики своих единоверцев в соответствии с духом реформированного католицизма, очищенного, как им казалось, от суеверий.

Особую группу составляют женщины-переводчики. Их было совсем немного — всего 6, из них 5 принадлежали монашеским орденам. Доминирование переводчиков-мужчин, безусловно, объясняется особенностями женского образования, ограничивавшего их лингвистические познания; кроме того, для женщины выступить в роли автора или переводчика все еще считалось пусть уже и не неслыханной, но все же дерзостью. Переводы монахинь предназначались для «внутреннего пользования» их монашеской общины, хотя порой оказывались такими популярными, что выдерживали не одно издание и выходили далеко за пределы монастырских стен. Так, сборник сочинений уже упоминавшейся итальянской визионерки Изабеллы Кристины Беллинзаги был переведен в 1612 г. настоятельницей бенедиктинской обители в Брюсселе леди Мэри Перси (1570–1642). Этот перевод обрел большую популярность и выдержал 4 переиздания (1625, 1628 и 1632 гг. [дважды]). Известны еще три переводчицы-бенедиктинки — Пуденциана Дикон(1581–1645),

Алексия Грей и Кэтрин Гринбери, и одна монахиня-клариссинка, аббатиса монастыря в Эйре — Элизабет Эвелинг (1597–1668)³⁸.

Единственная переводчица-мирянка Элизабет Кэри (1585–1639), виконтесса Фолкленд³⁹, издала в 1630 г. перевод кардинала дю Перрона о властях светских и духовных. Созвучная позиции английских католиков в споре о праве папы смещать государей, эта речь имела политическое значение, а переводить ее (да еще и посвящать королеве Генриетте-Марии) было рискованным занятием. Большая часть тиража книги была арестована и уничтожена по приказу короля. Виконтессе, впрочем, дерзости было не занимать: она была первой женщиной, чья пьеса (трагедия «*Мириам*») была опубликована (1612) в Англии. Она же вопреки мнению родственников обратилась в католичество, едва не разрушив при этом собственную семью и лишившись средств к существованию. Ее перу принадлежала также «История правления, жизни и смерти короля Эдуарда II», известная при жизни автора только в рукописи (издана в 1680 г.).

Но если переводчиков-женщин было немного, то с патронами, которым эти переводы посвящали, дело обстоит совсем наоборот. Из 45 посвящений⁴⁰ 13 адресованы мужчинам, и 32 — женщинам. Среди патронов-мужчин фигурирует всего одно духовное лицо — Томас Голдуэлл (ум. 1585), епископ Сент-Азафа в Уэльсе и один из лидеров английской католической эмиграции. Оксфордский ученый, он в конце 1530-х гг. покинул Англию и странствовал по Европе в качестве капеллана кардинала Реджинальда Пола. При Марии Тюдор он вернулся в Англию и стал епископом (1555–1559), а после того, как Елизавета в 1559 г. восстановила в стране протестантскую церковь, вновь бежал на континент. Голдуэлл был единственным английским епископом, присутствовавшим на Тридентском соборе (1562 г.), а позднее стал генеральным викарием архиепископа Миланского Карло Борромео, «образцового» прелата Католической Реформы. Голду-

³⁸ Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines ... 1608–1837 // Miscellanea, IX, Catholic Record Society (далее — CRS), 14 (1914). P. 25-173.

³⁹ The Lady Falkland: Her Life by One of Her Daughters / Ed. by B. Weller and M.W. Ferguson (Berkeley, 1994); Серегина А.Ю. Смиренная мятежница: обращение в католичество Элизабет Кэри // Адам & Ева. Вып. 5. М., 2003. С. 121-144.

⁴⁰ Есть еще 4 «коллективных» посвящения — всем иезуитам, а также английским монахиням — клариссинкам, бригеттинкам и бенедиктинкам.

эллу, впрочем, посвящен только один, ранний (1570 г.) текст. Позднее подавляющее большинство посвящений адресовалось мирянам.

Среди адресатов неизбежно оказывались члены правительства, не имевшие отношения к католическому сообществу — например король Яков I или Джордж Кэри, лорд Хансдон (1547–1603) — но зато прекрасно подходившие на роль «фиктивных» патронов. Этот прием широко использовался полемистами, когда необходимо было подчеркнуть полную лояльность католиков правительству и несправедливость испытываемых гонений.

Другую группу составляли титулованные дворяне, придворные, сами, как правило, официально остававшиеся протестантами, но имевшие большой круг католической родни. Они являлись потенциальными (в случае обращения в «истинную веру») или даже реальными покровителями английских католиков. Это — придворный Карла I Джеймс Стюарт, граф Морей (1591–1638), супруга которого Энн Гордон, принадлежала к католической семье графа Хантли, лидера шотландских католиков; Эдвард Сэвилл, граф Дорсет (1570–1652), сын католички Маргарет Ховард (сестры мученика за веру Филиппа, графа Эрендела)⁴¹; а также Джон Тэлбот, граф Шрусбери (1601–1654), внук ревностного католика-рекузанта, сэра Джона Тэлбота из Графтона (1535?–1607?), и супруг представительницы другого католического клана, Мэри Фортескью, правнучки католического мученика, сэра Эдриана Фортескью (казнен в 1539 г.).

Остальные адресаты посвящений были собственно католиками. Одни явно приходились друзьями и родственниками переводчикам: например, Ричард Банистер из Лондона и эсквайры Генри Мэнфилд и Уильям Стэнфорд. Другие были аристократами-католиками, настоящими лидерами гонимого сообщества: родственник графа Дорсета Генри Невилл, лорд Абергавенни (ок. 1580–1641), и представители одного из самых влиятельных католических семейств страны — Энтони-Мария Браун, второй виконт Монтегю (1574–1629), и его сын и наследник Фрэнсис Браун, третий виконт (1610–1682). Ряд переводов

⁴¹ *Smith D.L.* Catholic, Anglican or Puritan? Edward Sackville, fourth earl of Dorset, and the ambiguities of religion in early Stuart England // *Transactions of the Royal Historical Society*, 6th ser., 2 (1992). 105-24; *Smith D.L.* The fourth earl of Dorset and the personal rule of Charles I // *Journal of British Studies*, 30 (1991).

был посвящен потомку заговорщиков, придворному и католику-интеллектуалу XVII века, сэру Кенельму Дигби (1603–1665)⁴².

Неудивительно, что среди женщин-патронесс нашлись представительницы этих семейств, и их родственницы. Это — дочь второго виконта Мэри Браун, леди Питер (1603–1685), его сестра Джейн Браун, леди Инглфилд (1580–1650), и жена двоюродного брата, сэра Томаса Эренделла из Уордура (1560–1639), Энн (урожденная Филлипсон), а также дочь лорда Абергавенни Сесили Невилл.

Помимо этих аристократок в числе адресатов посвящений оказались и другие дамы-католички (не считая самой королевы Генриетты-Марии): Мэри Ропер, леди Ловел (1564–1628)⁴³, основательница и патронесса конвента английских кармелиток в Антверпене, ее сестра Элизабет, леди Вокс из Хэрроудена (ок.1564 – после 1625) и невестка последней Энн Вокс (1562–1637). Обе они были известными покровительницами иезуитов, немало за то пострадавшими после Порохового заговора. Другие патронессы — леди Элизабет Херберт, дочь известного католика сэра Эдварда Херберта из Поуис-Касла, Элизабет Дарси, виконтесса Сэведж (1581–1651), Энн Корваллис, графиня Аргайл (ум. 1635), Алтея Ховард, леди Фейрфакс из Эмли (ум. 1677) и Энн Пакингтон, леди Одли из Бирчёрч. Дороти Деверо, леди Ширли (во втором браке Стаффорд; 1600–1636), была обращенной католичкой, дочерью ревностного протестанта и фаворита Елизаветы, графа Эссекса. Кэтрин Мэннерс, герцогиня Бекингэм (1603–1649), была одной из самых влиятельных дам при дворе Карла I⁴⁴. Вернувшись к католицизму своей юности после гибели первого мужа⁴⁵, покровительствовала единоверцам и способствовала не одному обращению в «римскую веру» (в т.ч. своей невестки Сьюзен Вильерс, леди Денби, и Элизабет Кэри, виконтессы Фолкленд). Еще одна английская дама — Джейн Дормер, герцогиня Фериа (1538–

⁴² *Foster M.* Sir Kenelm Digby as man of religion and thinker // *Downside Review*, 106 (1988).

⁴³ *Hardman A.* English Carmelites in Penal Times (London, 1936).

⁴⁴ *Hibbard C.M.* The role of a queen consort: the household and court of Henrietta Maria, 1625-42 // *Princes, patronage and the nobility: the court and the beginning of the modern age, c.1450-1650.* / Ed. R.G. Asch and A.M. Birke (1991). P. 393-414.

⁴⁵ В 1635 г. вышла замуж за Рэнделла Макдоннела, графа Антрима в Ирландии (1609–1683), однако ей было позволено пользоваться герцогским титулом.

1612), долгие годы была неформальным лидером английских эмигрантов в Испании и их покровительницей при испанском дворе⁴⁶.

Целая группа текстов была посвящена монахиням. Впрочем, простых сестер среди адресатов не было. Все посвящения адресованы главам женских монашеских общин — аббатисам клариссинок из Гравелина Маргарет (1582/5–1654) и Элизабет Рэдклифф, и Элизабет Тилдсли (1586–1654), приорессе дочерней обители в Сент-Омере Мэри Гуч⁴⁷, настоятельнице обители Св. Моники (того же ордена) в Лувене Дороти Клемент; аббатисе бригеттинского монастыря Сион, перенесенного в Дормант (Фландрия) Кэтрин Палмер и ее сестре по ордену, настоятельнице обители в Лиссабоне Барбаре Уайзмен (ум. 1649); аббатисам английских бенедиктинок в Брюсселе Джоан Беркли (1555–1616) и Мэри Перси (1570–1642), и настоятельницам английских аббатств в Камбрэ и Генте леди Фрэнсис Гауэн (ум. 1629) и Люси Натчбулл (1584–1629) соответственно⁴⁸.

Наконец, несколько изданий было посвящено дамам, пытавшимся воссоздать активную модель иезуитского служения в женском варианте. Антония Луиса де Карвахаль-и-Мендоса (1566–1614) хотя и давала монашеские обеты, не следовала правилам женских орденов. Отправившись в качестве миссионера в Лондон, она основала там небольшую женскую общину, члены которой помогали католическим священникам и фактически выполняли всю пастырскую работу, за исключением отправления таинств⁴⁹. Мэри Уорд (1585–1645), монахиня-клариссинка, основала Институт Блаженной Девы Марии, занимавшийся образованием девочек и подготовкой их к активному служению в миру. Институт задумывался как женская параллель ордена иезуитов и поэтому впоследствии был запрещен, однако его основательница сыграла большую роль в распространении Католической Реформы, как в Англии, так и за ее пределами⁵⁰.

⁴⁶ *Серегина А.Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI – XVII веков // *Адам & Ева*. Вып. 15. М., 2008. С. 53-99.

⁴⁷ *Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines... 1608-1837 // Miscellanea*, IX, CRS, 14 (1914). P. 25-173.

⁴⁸ *Neville A.* English Benedictine nuns in Flanders, 1598-1687 / Ed. M.J. Rumsey, *Miscellanea*, V, CRS, 6 (1909). P. 1-72.

⁴⁹ *Redworth G.* The She-Apostle: the Extraordinary Life and Death of Luisa de Carvajal (London, 2008).

⁵⁰ *Chambers M.C.* The Life of Mary Ward, 2 vols (London, 1882–1885); *Littlehales M.M.* Mary Ward: Pilgrim and mystic, 1585–1545 (London, 1994). См. так-

подавляющее большинство текстов, посвященное патронам, имело характер религиозных наставлений, что отражало как их принадлежность мирянам или женским монашеским общинам, так и функцию: они должны были стать пособиями, или заместить порой недоступную проповедь, помочь их обладателям и читателям в той работе, которую, как подразумевалось, они на себя брали — организации религиозной жизни английских католиков, будь то монахини на континенте, или же члены католических семей, домохозяева, слуги и арендаторы на родине. Именно это объясняет большое число дам-патронесс. В условиях гонений женщины — жены и матери — использовали свой юридически неполноправный статус, чтобы, нарушая закон, обустроивать религиозную жизнь единоверцев. Именно они, укрывая в домах священников, или приглашая их, обеспечивали своей семье и местным католикам доступ к таинствам их веры. Они же наставляли детей и взрослых в вере, организовывали религиозные братства, оказывали финансовую и иную поддержку миссионерам и монастырям. Книжные посвящения отражают тот факт, что важная роль женщин в жизни английского сообщества признавалась и высоко оценивалась лидерами английской миссии.

* * *

Проведенный анализ указывает на особый характер английского католического сообщества, который ему стремились придать — и довольно успешно — его лидеры. Перед нами — один из ранних примеров усвоения идей пост-Тридентского реформированного католицизма английским духовенством и католической аристократией и попытки распространения этих идей среди единоверцев. Из всего богатого наследия католической духовной литературы XVI века отбирались те тексты, возникновение которых было связано с монашескими орденами — преимущественно иезуитов, но также и францисканцев, доминиканцев и кармелитов. Этот отбор лишь отчасти объясняется орденовой принадлежностью переводчиков. Еще одним важным фактором было то, что в Англии после Реформации исчезла привычная структура католических приходов и епархий — влия-

тельная, но и неповоротливая — а проповедь «истинной веры» и распространение идей реформированного католицизма было возложено на плечи миссионеров. Структура миссии была более гибкой, легче приспособлялась к местным условиям, поэтому часто оказывалась более эффективной. В XVII столетии проповеднические миссии монахов начнут действовать и в официально католических странах именно в силу их эффективности⁵¹. Парадоксальным образом протестантская Англия оказалась одним из полигонов, на которых «обкатывалась» такая модель миссионерской церкви.

Книга играла большую роль в жизни английских католиков, зачастую заменяя им священника и/или проповедника. Эту роль признавали и лидеры английской миссии, свидетельство чему — многочисленная книжная продукция. Однако в условиях преследований и относительной малочисленности католических миссионеров, работавших в Англии, распространение даже «книжной» проповеди — не говоря уже о физическом распространении книг — возлагалось, по большей части, на мирян. Поэтому роль мирян (в т.ч. женщин) в английском католическом сообществе была велика, а светская элита во многих отношениях контролировала деятельность миссии, поскольку без ее поддержки она оказалась бы попросту невозможной.

Английское католическое сообщество представляет собой особый, парадоксальный вариант пост-Тридентского католицизма — миссионерскую церковь в Европе, отличающуюся как ранним усвоением идей Католической Реформы, так и влиянием в сообществе мирян, что этим идеям отчасти противоречило⁵².

⁵¹ О миссиях в католической Европе см.: *Châtellier L.* La religion des pauvres: les missions rurales en Europe et la formation du catholicisme moderne, XVIe-XIXe siècle (P., 1993); *Gentilcore D.* 'Adapt Yourselves to the People's Capabilities': Missionary Strategies, Methods and Impact in the Kingdom of Naples, 1600-1800 // *Journal of Ecclesiastical History*, 45 (1994). P. 269-296; *Johnson T.* Blood, Tears and Xavier-Water: Jesuit Missionaries and Popular Religion in the Eighteenth-Century Upper Palatinate // B. Scribner and T. Johnson (ed.), *Popular Religion in Germany and Central Europe, 1400-1800* (L., 1996) P. 183-202; *Soerleg P.M.* Wondrous in His Saints: Counter-Reformation Propaganda in Bavaria (Berkeley, 1993).

⁵² Как в других католических общинах, религиозная жизнь английского католического сообщества представляла собой сплетение новых и традиционных, средневековых черт, а деятельность миссионеров была одновременно и борьбой с «суевериями», и переосмыслением традиционных религиозных практик. Однако этот сюжет невозможно рассмотреть в рамках данного исследования.

ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ, ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В.А. КОЖЕВНИКОВ

“НЕ ПО ЗАМЫШЛЕНЮ БОЯНЮ”, ИЛИ КАК КНЯЗЮ ИГОРЮ “БОГЪ ПУТЬ КАЖЕТЬ”

К ПРОБЛЕМЕ ГЛАВНОЙ ИДЕИ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Книга А.А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста» поставила точку в затянувшемся споре о подлинности «Слова». На основе лингвистического анализа Зализняк по сути *доказал*, что «Слово о полку Игореве» — не подделка, а памятник древнерусской литературы, созданный в XII в., а это значит, что бесплодные споры о подлинности «Слова», ещё в XVIII в. начатые А. Шлёцером, продолженные М.Т. Каченовским, французскими академиками Л. Леже и А. Мазоном, А.А. Зиминим, а также К. Тростом, Р. Айтцетмюллером, Э. Кинаном и другими «скептиками», можно, наконец, прекратить и заняться изучением «Слова», не обращая особого внимания на их сенсационные заявления и скандальные выпады.

А заняться есть чем. Ни одно произведение в мире не ставило перед учеными столько проблем, сколько «Слово о полку Игореве», хотя весь текст поэмы — семнадцать страниц. Изучению «Слова» посвящено более шести тысяч книг, статей и специальных исследований, а ученые всё спорят и спорят, определяя значение некоторых слов, предложений, целых фрагментов и знаменитых «темных мест».

Двести лет ученые ломают головы над загадкой Автора. Кто написал эту поэму? И где он жил, неведомый нам гений? А главное — что подвигло его на создание непревзойденного по своей красоте и мудрости шедевра? Что — может быть, самое важное в жизни — хотел он сказать своим современникам и через века донести до нас. И до тех, кто будет после нас...

* * *

В настоящее время главная идея поэмы сведена к формуле великого *немецкого* учёного Карла Маркса, который, прочитав гениальное *русское* «Слово» в переводе на *французский* язык, написал

своему другу и соратнику Фридриху Энгельсу: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ. <...> Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно»¹. Эту *политическую формулу* знают все: она (чаще всего в усеченном виде) кочует из книги в книгу, из статьи в статью, её повторяют учителя на уроках литературы, профессора в университетах и все учебники — и школьные, и вузовские...

Между тем Марксово определение не только, на мой взгляд, не выражает главной идеи поэмы, но и затемняет её суть, ибо она с *первого до последнего слова* проникнута иной мыслью, иной идеей.

* * *

«Слово» начинается фразой «Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ...» (4-6)².

Первые издатели перевели её, допустив существенную, если не сказать очень грубую, ошибку: «Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*...»³. Получилось, что Автору «Слова» «приятно» рассказывать о гибели Игоревой дружины... Василий Андреевич Жуковский перевел иначе:

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря⁴.

Это лучше, чем у Первых издателей, но ненамного, ибо непонятно: «прилично» или все же «не прилично» Автору повествовать о походе Игоря «древним складом», и если «не прилично», то почему...

Лучше других эту двусмысленность почувствовал Пушкин и первую строчку перевел с экспрессивным утверждением: «Не при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. М.: Политиздат, 1955–1966. 2-е изд. Т. 29. С. 16.

² Все цитаты из «Слова о полку Игореве» даются по Екатерининской копии (с указанием в тексте статьи номера строк) по изданию: Слово о полку Игореве. М.: Дрвлекранилище, 2003.

³ Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва: въ Сенатской Типографіи, 1800. С. 1. Далее сокращенно — Первое издание.

⁴ Жуковский В.А. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л.: Советский писатель, 1985. С. 73.

лично, братья, начать старым слогом печальную песнь...»⁵. Догадка и перевод Пушкина замечательны, хотя, учитывая общий контекст и главную идею «Слова», точнее было бы сказать «непристойно»:

Непристойно было бы нам, братия,
начать старыми словами
повесть трудную
о походе Игореде,
Игоря Святославича.
Начатися же той песни по былинам сего времени,
а не по замыслению Бояню.

Но почему же «неприлично» или «непристойно» петь «старыми словесы», как пел *вещий* Боян? Ведь *вещий* — значит *мудрый*...

«БОЯНЬ БО ВѢЩІЙ»

Бояна и почитали мудрым, видя в нем искусного певца, сравнивая с соловьем, восхищаясь его талантом.

Первые издатели не сомневались, что Боян был «славнѣйший въ древности стихотворецъ Русской, которой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей»⁶. Карамзин писал о его «сладких гимнах»⁷, а Радищев обратился к нему с мольбой о ниспослании ему песенного дара: «*Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь ироев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздастся во всех краях, населяемых потомками колен славянских*»⁸.

С Бояном сравнивали крупнейших поэтов эпохи — Ломоносова, Хераскова, Державина, а Сергей Глинка в 1808 г. «на случай открытия нового Императорского театра в Москве» сочинил слова для «Пролога с хорами и балетами» под названием «Боянь, Русской Пѣснопѣвецъ древнихъ времянь». Занавес раздвигался, и под звуки

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16. Т. 17 (Справочный) 1959. Т. 12. С. 149.

⁶ Первое издание. С. 2.

⁷ Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 156.

⁸ Радищев А.Н. Из песен, петьх на состязаниях в честь древним славянским божествам // Слово о полку Игореде. Л.: Советский писатель, 1952 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 218.

торжественной музыки изумленные зрители видели гору Олимп, где вместе с древнегреческими богами восседал наш Боян с золотой лирой в руках, а хор вспоминал счастливые времена, когда

Гремел Боян златою лирой,
Гремел сей древних дней певец:
Славян, одеянных порфирой,
Пел блеск и счастье сердец⁹.

Боян вошел в моду, его имя стало, по замечанию Белинского, «риторической фразой»¹⁰, олицетворением идеального певца и самой поэзии... Со временем, правда, восторги при упоминании «славнейшего в древности стихотворца русского» поутихли, но для абсолютного большинства ученых и переводчиков Боян и теперь — «гениальный и прославленный представитель», «идеальный певец», «сладкоголосый сказитель», «человек, обладающий божественной силой песнопенья». Исследователи, считающие *вещего* Бояна *мудрым* провидцем, не сомневались и теперь не сомневаются в том, что Автор «Слова» говорит о нём «с подчеркнутым уважением» и «восторгается его песенным талантом». Между тем полисемантическое слово *вещий* значит не только *мудрый*... *Вещий* — это ещё и колдун, и волхв, и язычник.

Семантически не вызывающее сомнений *религиозно-языческое* значение слова *вещий* зафиксировано многими источниками¹¹.

⁹ Боянь, Русской Пѣснопѣвецъ древнихъ временъ: Прологъ съ хорами и балетами, на случай открытiя новаго Императорскаго театра въ Москвѣ, 1808 года Апрѣля 15 Сочиненный Сергѣемъ Глинкою. Музыка Господина Кашина. Москва, 1808. Въ вольной Типографiи Федора Любiя. 1808. С. 5.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. VII. С. 366.

¹¹ См., напр.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. С. 309; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х тт. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. С. 205-206; Т. 3. С. 210-292; Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2004. Т. 1–3 (продолжающееся издание). Т. 1. С. 297-301, 367-368; Т. 2. С. 347-350 и др.; Влх. Велеслав. Вещий Словник: Славления Родных Богов. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2005. С. 377-378; Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, ТОО «Школа», 1994. С. 35, 40, 99; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1. С. 336: «Вѣщій, кому все вѣдомо и кто вѣщаетъ будущее; прорицатель, предсказатель; || умный, мудрый, смотроць, предусмотрительный; || ряз. разсудительный, умно и красно говорящій. <...>

При этом отметим, что в древних русских летописях слово *вещий* встречается лишь один раз — в «Повести временных лет», в рассказе об успешном походе князя Олега на Царьград в 907 году, когда он повесил свой знаменитый щит на врата византийской столицы.

«И прозваша Ольга “вѣщій”, — говорит летописец и добавляет: — бяху бо людие погани и невѣголоси»¹². Иначе говоря, дружинники Олега, с точки зрения монаха-летописца, совершили нечто неподобающее: назвали князя *вещим* (т.е. «ведающим») нечто другим недоступное и творящим «чудеса»), потому что они были *язычниками* («людие погани») и, как следствие, людьми *невежественными* («невѣголоси»), ибо не знали истины христианской веры. Точно так же — «невегласи, погани» — называет летописец киевлян, которые в жертву своим кумирам хотели принести отрока-варяга¹³.

Вещий Олег лишь для язычников «мудрый», а для христиан языческая «мудрость», заключенная в слове *вещий*, была не только чужда, но и неприемлема. Стоит ли удивляться, что ни одного князя летописцы нигде и ни разу не назвали «вещим»: ни равноапостольного Крестителя Руси Владимира Святославича, ни великого князя Владимира Мономаха, ни Ярослава Владимировича, прозванного не Вещим, а Мудрым. И причина такого неприятия христианами слова *вещий* предельно ясна и понятна, ведь оно одного корня со словами *вещец*, *вещун*, *вещель*, *ведун*, *ведьмак*, *ведьма*.

В дохристианскую эпоху у славян *ведуны* и *ведьмы*, *вещуны* и *вещуны*, много ведавшие, много знавшие, были жизненно необходимы соплеменникам. Они понимали язык природы и потому умели предсказать, например, наступление холодной зимы или знойного лета. Они знали свойства трав и корней, из которых делали чудодейственные мази и снадобья. Однако в глазах соплеменников они были не просто целителями недугов: они были особо почитаемыми посредниками между людьми и богами. Ведовство воспринималось

Вѣщець, вѣщель пск. *вѣщунъ*, м. *вѣщица* ж. сиб. *вѣщунья, вѣщуйка* ж. *вѣжливецъ, вѣдунъ*, колдунъ, волхвъ; знахарь, гадальшикъ, ворожея; видокъ, предсказатель, прорицатель, отгадчикъ; далеко видящій вперед, прозорливый челов. || *Вѣщица*, прм. *вѣдьма*...».

¹² Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 84.

¹³ Там же. С. 130.

как чудесный божий дар, связанный, кроме всего прочего, с умением защитить человека от нечистой силы и смертельной опасности.

С принятием христианства образ «вещих жонок», ведунов и колдунов был демонизирован. Ведьмам стали приписывать все беды и несчастья, якобы ими насылаемые, а также невероятные свойства и поступки: способность летать на помеле, похищать урожай, «скрадывать» звезды, луну и солнце; портить скот, спускаться в загробный мир, превращаться в животных и птиц, управлять стихиями и всячески вредить людям, в том числе и губя их души «сатанинскими» песнями и плясками, которые раньше были неотъемлемой частью религиозных языческих обрядов. Церковь преследовала всякого рода «вещих жонок» и ведьмаков, обладавших, надо сказать, незаурядными знаниями, способностями и даже талантами. Обладал ими и Боян. Его пение завораживало, и не все в такие далекие теперь времена могли понять, сколь смертельно опасным оно могло быть — с точки зрения христиан, естественно, и христианского вероучения...

В конце XII в. три страшные беды терзали Русь: внешние угрозы, внутренние усобицы и борьба с остатками язычества, которая принимала иногда самые ожесточенные формы. Принятию христианства яростно сопротивлялся Новгород: «В Новеграде людие, уведавше еже Добрыня идет крестити я, учиниша вече и заклѣшася вси не пустити во град и не дати идолы опровергнути»¹⁴. В Ростове «не хотяху креститися»¹⁵. Федор и Иларион, первые епископы Ростова, были вынуждены бежать от озлобления тамошних язычников, а святой Леонтий погиб: «его невернии, много мучивше, убиша...»¹⁶. В Муроме «неверные люди многие исполчишася и укрепишася <...> не здашася»¹⁷. Языческие жрецы, влияние которых зачастую превосходило власть князя, не только прилюдно хулили христианскую веру, отговаривая народ креститься, но и возбуждали людей к открытому сопротивлению, убивали христианских пастырей, уходили в леса, разбойничали, поднимали восстания, которые жестоко подавлялись.

¹⁴ *Татищев В.Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л.: Наука, 1962–1968. Т. I. С. 112.

¹⁵ Цит. по: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М.: Русская панорама, 1998. С. 296.

¹⁶ *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Книга вторая. М., 1995. С. 546.

¹⁷ Цит. по: *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 305.

В 1024 г. «въсташа вльсьви в суждалцихъ, избиваху старую чадь по дьяволу наученю и бѣсованію <...> И мятежь <был> великъ <...>. Слышавъ же Ярославъ (находившийся тогда в Новгороде. — В.К.) вльхвы ты, и приде к Суждалю, изыма вольхвы, расточи, и другия показни...»¹⁸. В 1030 г. язычники в Польше «избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть мятежь въ нихъ»¹⁹.

Весьма вероятно, что в Киевском восстании 1068 года, когда был убит новгородский епископ Стефан, немаловажную роль сыграли язычники, исторгнувшие князя Всеслава из поруба и посадившие его, будущего героя «Слова о полку Игореве», на Киевский престол.

Через три года в Киев вновь «приде вольхвъ, прельщень бѣсомъ», а в Ростовской области «въстаста два вольхва», служащие антихристу, и убивали «многы жены»²⁰; а на Белоозере волхвы «убиша же ту попа Янева», за что их самих «повѣсиша я на дрѣвѣ»²¹.

В 1113 г. преподобный Кукша «како вятичи крести <...> и по многих муках усечен бысть с своим учеником Никоном»²².

В 1174 г. галичане, восстав против языческого обычая многоженства, сожгли любовницу князя Ярослава Анастасию, а самого князя приводили к присяге, чтобы жил с законной женою.

В 1227 г. новгородцы, сами недавние язычники, не ограничившись поучениями и увещеваниями, сожгли четырех волхвов по одному подозрению их в чародеяниях: «В лето 6735. Того же лета ижгоша вльхвы четыре — творяхуть е потворы деюще. А Бог вестъ! И съжгоша их на Ярославли дворе»²³.

О страшной казни в 1411 г. сообщает Псковская Вторая летопись: «Того же лѣта Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщихъ»²⁴.

Борьба Церкви и зачастую скорых на расправу новообращенных христиан с язычниками, упорствующими в своих заблуждениях, и всякого рода колдунами, ведьмами, «вещими жонками», оборотнями и прочими идолопоклонниками, продолжалась достаточно

¹⁸ Повесть временных лет. С. 190.

¹⁹ Там же. С. 192.

²⁰ Там же. С. 214.

²¹ Там же. С. 216.

²² Цит. по: Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 294.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: АН СССР, 1950. С. 65.

²⁴ Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Выпуск второй. С. 36.

долго, а в XII веке была открытой раной, как и другая страшная беда — княжеские усобицы. *Вещего* Бояна не сожгли, как *вещих жонков*, но его язычество, несмотря на все таланты, не могло быть принято христианами, которые *строго следовали* своему вероучению, потому-то Автор «Слова», бесспорно христианин по своим убеждениям, и говорит о непристойности петь, как Боян, и «Слово» начинается «не по замышленію Бояню», а «по былинамъ сего времени», то есть времени после 988 года, когда в купели Святого Крещения рождалась новая Русь, Святая Русь, и новый народ — православный. Потому-то и начинается песнь «отъ стараго Владимера», святого равноапостольного князя, Крестителя Руси: «Почнемъ же братіе повесть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря» (25-28).

* * *

Боян для Автора «Слова», вопреки мнению абсолютного большинства учёных, вовсе не «идеальный певец» и не «гениальный представитель», не «образец» и не «учитель». Боян — *язычник и антипод Автора*, и его язычество не раз подчеркнуто, в том числе и в описании его «обворожительного» пения:

Боянь бо вѣщій, аще кому хо-
10 тяше пѣснь творити, то расте-
кашется мыслию по древу...

Мысленное древо — так называемое мировое древо, или древо жизни, по славянской языческой мифологии, воплощение мироздания. Крона мирового древа достигает небес, а корни — *преисподней*. Ствол символизирует жизнь земную. Мир этот наполнен языческими богами, оборотнями или хтоническими животными и птицами, вроде *мыши*, *волка* или *орла*... И Боян, перевоплощаясь, предстает перед нами как гениальный поэт-язычник, который

10 расте-
кашется мыслию по древу, сѣрымъ
волкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы.

Всеобъемлющий образ Боянова мироздания неотделим от его образных (мистических) превращений *в мышь* (символика подземного мира), *волка* (символика мира земного) и *орла* (символика мира небесного). При этом нельзя не заметить, что все три существа — *мышь*, *волк* и *орел*, — облик которых принимает Боян, существа в Священном Писании нечистые, то есть несущие печать греха и разложения.

Мышь — в древности считалась порождением дьявола. Народная традиция относит мышей к «гадам», называя их «поганью»²⁵.

Волк — противопоставлен человеку как нечистая сила. Христос с волками сравнивает лжеучителей: «Они приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7, 15-16). По народным представлениям, волками могут оборачиваться колдуны, как Боян в «Слове», как князь Всеслав, у которого «вѣща душа в'друзе тѣлѣ».

Орёл — наделён амбивалентными свойствами: с одной стороны, эта особо почитаемая священная птица издревле является символом силы и могущества царей, героев, целых царств и евангелиста Иоанна (что не отменяет оборотнической сущности Бояна, ибо дьяволу доступны любые обличья, даже священные: «сатана, — по замечанию апостола Павла, — принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды»; 2 Кор. 11, 14-15); с другой стороны, эта хищная птица, нечистая по Моисееву закону (Лев. 11, 13; Втор. 14, 12), осуществляющая связь между небом и потусторонним миром, служит в Священном Писании символом гордости, надменности, самонадеянности, скорого падения, исчезновения и ничтожества. Впечатляющий «библейский портрет» орла дан в 11 главе 3 книги Ездры: «И воззрел Всевышний на времена гордыни, и вот, они кончились, и исполни-

²⁵ По поводу слова «мыслию» существует несколько разных мнений. Так, Н.А. Полевой, Карелкин, И.А. Новиков, Н.М. Егоров, Н.В. Шарлемань, В.В. Мавродин исправляли «мыслию» на «мысию», видя здесь название какого-то зверька — скорее всего, мыши или белки. Другие считают, что ничего в данном фрагменте исправлять не надо, что никаких «мышей» в этом фрагменте нет. Кто прав, решить трудно. Предпочтительнее кажется первая точка зрения, отчасти потому, что ее, по свидетельству Карелкина, придерживался и Пушкин. Мнение же оппонентов привлекательно тем, что, анализируя «мышиный» фрагмент, они оставляют его без изменений, ведь всякое вмешательство в текст памятника очень опасно и может привести к существенным искажениям, как это произошло, к примеру, с «готскими девами» или с князем Всеславом, у которого была «вѣща душа в'друзѣ тѣлѣ», то есть «в другом теле», но некоторые переводчики, не видя или не понимая оборотнической сущности *вещего* князя, решили оставить ему одно тело и слово «в'друзѣ» заменили на слово «в друзѣ», то есть сделали его тело мощным, сильным и крепким. Кроме названных, существует третья, «примирительная» точка зрения. Как полагает В.В. Колесов и пишет об этом в статье «Растѣкашется мыслию по древу» («Вестник ЛГУ». 1971. № 1), в Первом издании могло быть слово «мысию», требующее чтения «мыслию», и дает подробное обоснование совмещения слов «мышь» и «мысль» в древнерусских памятниках.

лась мера злодейств ее. Поэтому исчезни ты, орел, со страшными крыльями твоими, с гнусными перьями твоими, со злыми головами твоими, с жестокими когтями твоими и со всем негодным телом твоим, чтобы отдохнула вся земля и освободилась от твоего насилия и надеялась на суд и милосердие Создателя» (3 Езд. 11, 44-46).

РЕЧЬ или РѢЧЬ?

Различие в мировоззрении и миропонимании Автора и Бояна дополняется несовместимостью их представлений о нравственных нормах, ведь Боян поет славу князьям, зная, что они творят беззаконие.

И здесь необходимо сказать о неточном, по сути ошибочном переводе слова «рѣчь» в предложении о «воспоминаниях» Бояна: «Помняшетъ бо рѣчь первыхъ времянь усобицѣ» (13-14). Ср.: в Первом издании: «Помняшетъ бо речъ пьрвыхъ времянь усобицѣ». Редакция текста и перевод Д.С. Лихачева: «Помняшетъ бо, рече, пьрвыхъ времянь усобицѣ» («Вспоминал он, как говорил, первых времен усобицы»)²⁶. Конечно, слово «речь» можно перевести глаголом «говорят» или «говорил», если оно написано через букву «Е» — «речь», как в Первом издании. Однако в Екатерининской копии оно написано через «ѣ». В Екатерининской копии это не глагол, а существительное, прямое дополнение при глаголе «помняшетъ». Где же ошибка?

Полагаю, ошибка была в Первом издании. Возможно, сами издатели ее и заметили. Во всяком случае, в печатном экземпляре 1800 года, который хранился в библиотеке Царскосельского лицея, кто-то исправил букву «Е» в слове «речь» на «ѣ»²⁷. Это тем более важно отметить, что директором Лицея был Василий Федорович Малиновский, родной брат которого Алексей Федорович принимал непосредственное и самое активное участие в подготовке Первого издания «Слова»; видимо, именно он, Алексей Федорович, внес указанное исправление в книгу, которую и привез в Лицей, в подарок брату.

Между тем исправление одной буквы меняет смысл всей фразы. В «Словаре» Срезневского указано около полутора десятков значений этого существительного и отдельной словарной статьей дано

²⁶ Слово о полку Игореве / Вступ. ст., ред. текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примеч. Д.С. Лихачева. 4-е изд. М.: Детская литература (Школьная библиотека), 1970. С. 46-47.

²⁷ Слово о полку Игореве. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1985. С. 25.

существительное мужского рода РѢЧЬ, которое предположительно толкуется как «нечистый дух» и приводится пример: «помилуи мене, моучимоу <30> лѢТЬ от реча»²⁸. Статья в «Словаре» Срезневского может быть дополнена примером из «Слова», а перевод: «Вспоминал он, как говорил, первых времен усобицы» — исправлен на более точный: «Помнил он *беснование* первых времён усобицы».

При этом заметим: слово «помняшетъ», кроме значения «помнил», имеет оттенок значения «понимал». «Отъкуду испи *памяти* (то есть откуда испить *понимания, представления*) *будущеѣ* жизни сладькую чашу», — писал митрополит Иларион²⁹.

Помнил Боян лихие времена, понимал, что междоусобные войны есть зло, называемое летописцами беснованием: «Усобная же рать бывает от сважения (совращения. — В.К.) дьяволя»³⁰. Да и мы теперь, хотя и не вкладывая в это слово религиозный смысл, можем назвать *беснованием* братоубийственные войны, в которых отцы не щадили сыновей, а дети — отцов.

Боян все помнил и понимал... Однако пел «славу» князьям, совершающим беззаконие. Певец Боян, может быть, и замечательный, и талантливый, но лукавый. Он — двоедушный лицедей, а кроме того, судя по всему, *оборотень*, о чем свидетельствуют его «растекания»-превращения, и «рысканье» «въ тропу Трояню», о которой доподлинно, как и о самом Трояне, никто достоверно ничего не знает, но что-то зловещее во всех этих бояновых «рысканьях» ощущается явно, и, судя по всему, прав был А.Н. Майков, писавший: тропа Трояня — «земля незнаемая, обитаемая погаными детьми бесовыми, исполненная враждебных Руси темных сил»³¹.

«АБЫ ТЫ СІА ПОЛКЫ УЩЕКОТАЛЬ»

О том, что это так, напоминает и вызывающий неизменные восторги исследователей «соловьиный щекот» *вещего* Бояна.

²⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х тт. СПб., 1893–1912. Репринтное издание. М., 1989. Т. III. Стлб. 226.

²⁹ Иларион, митрополит. Слово о Законе и Благодати / Пер. В.Я. Дерягина. Реконструкция древнерусского текста Л.П. Жуковской. М., 1994. С. 82.

³⁰ Повесть временных лет. С. 208.

³¹ Слово о полку Игореве / Пер. с пред. и прим. А.Н. Майкова // «Заря». 1870, январь. С. 130.

Соловьи — птички славные. Кто не восхищался их «божественным» пением. Однако в знаковой системе Средневековья соловей не только «божья», или «святая» птица, или символический образ искусного певца, но и, по определению академика Фёдора Ивановича Буслаева, «вещное существо»³², таящее опасность. Это согласуется с описанными в «Слове» превращениями Бояна и его «щекотанием», которое современными исследователями воспринимается как «песнь славы» русским дружинам, русским воинам: «абы ты сѧ полкы ущекоталь...». «Вот бы (уж) ты эти походы (по-соловьиному) воспел» (объяснительный перевод Д.С. Лихачева; курсив мой. — В.К.)³³.

Однако слово «щекотать», значит не только «воспевать кого-либо подобно соловью»³⁴, или издавать звуки, подобные соловьиному пению... Слово «щекотать» имеет и другое значение — *вызывать судороги* (ср.: «защекотать до смерти»). А ещё слово «щекотать» значит *наносить удары*³⁵. В польском языке оно значит *лаять, злословить*. В лужицких говорах — *бранить*. В русских диалектах слово *щекотать, щекатить* — значит *дерзко ругаться, браниться*, а слово *щекатый* значит *сварливый*. В народных преданиях соловьиный *щекот* ассоциировался не только с изумительным пением невидимой птицы, но и с посвистом Соловья-разбойника, и первыми весенними грозами, которые вызывали у древних русичей мистиче-

³² Буслаев Ф.И. Рец. на книгу О.Ф. Миллера «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство Киевское» СПб., 1870 // ЖМНП. 1871. С. 231.

³³ Слово о полку Игореве. М.: Детская литература, 1970. С. 160.

³⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. М.: Л., 1965–1984. Вып. 6. С. 113.

³⁵ «Щекотать первоначально означало: издавать сильные, резкие звуки, подобные соловьиному свисту <...>: «о Бояне, соловью старого времени! — восклицает певец Слова о полку, — абы ты сѧ плъкы ущекотал». Соловьиный же щекот <...> служил метафорой громко раздающихся напевов грозовой бури. От понятия издавать резкие звуки слово «щекотать» перешло к обозначению того действия, которым они вызываются, и именно к обозначению щекотанья, которым возбуждается громкий, произвольный смех. Подобно тому, глагол лоскотать — щекотать кого-нибудь (лоскать, лосконуть — наносить удары) в польском языке (*loskotać*) сохраняет значение: хлопать, трещать, греметь. В стремительном полете завывающей бури грозовые, эльфоподобные духи (лешие, русалки) нападают на демонов мрачных туч, вертят и щекочут их и заставляют хохотать громовым хохотом — до тех пор, пока не погибнут они в страшных судорожных движениях» (Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 174–175).

ский страх и ужас. «В народных преданиях, — пишет Афанасьев, — соловьиный щекот — символ весенних глаголов бога-громовника, вещающего в грохоте грома и свисте бури»³⁶, а В.И. Даль отметил, что соловья в народе называли не только «искусным певцом», но и «дудкой лешего»³⁷, сверхъестественного (мистического) существа славянских преданий и русских сказок. С этим согласуется точка зрения Буслаева: «Что с соловьем русский эпос соединял понятие о существе *вещем*, явствует, во-первых, из того, что в «Слове о полку Игореве» *вещий* Боян именуется «соловьем *старого* времени» (т.е. языческого времени. — В.К.), и, во-вторых, из того, что по Якимовской летописи, когда Добрыня крестил язычников в Новгороде, «высший же над жрецы Славянь Богомилъ, сладкорѣчїя ради наречень Соловей, вельми претя люду покоритесь»³⁸. О том, что соловьиные трели не всегда принимались за звуки «божественные», свидетельствует и былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, который «свищет *по-соловьему*», но назвать этот *соловьиный* посвист «божественным» никому еще не приходило в голову. «Дудка лешего», «соловьиный свист» Соловья-разбойника, Соловей Богомил, призывающий новгородцев не креститься, что, с точки зрения христиан, похуже и пострашнее соловьиного посвиста Соловья-разбойника... Есть над чем задуматься...

Кроме того, нельзя не считаться с точкой зрения Пушкина, который увидел в слове *соловей* этого фрагмента *обращение*, а не *сравнение*; при этом ему показалось (во второй раз), что Автор «Слова» вовсе не восхищается пением Бояна, а скорее, иронизирует над ним: здесь, пишет Пушкин, «если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу»³⁹. Абсолютный поэтический слух не подвел Пушкина ни на сей раз, ни чуть раньше, когда, комментируя фразу «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснѣ творити» (9-10), он почувствовал, что Автор, кажется, отнюдь не в восторге от бояновых песнопений: «Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит»⁴⁰.

Восхищаясь потрясающей поэтической интуицией Пушкина, едва приступившего к изучению «Слова», но почувствовавшего то,

³⁶ Там же. Т. 1. С. 153.

³⁷ Даль В.И. Указ. соч. Т. IV. С. 266.

³⁸ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 231-232.

³⁹ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 151.

⁴⁰ Там же. С. 149.

что многие годы было скрыто от других, надо сказать, что характерная для поэтики «Слова» контаминация значений дает поразительный, но ожидаемый результат: соловьиный «щекот» *вещего* Бояна, его «замышления», «хвалы» или «славы», *подобны удару*, как подобны удару лесть и незаслуженная похвала, как смертельно опасны были, с христианской точки зрения, «соловьиные трели» высшего в Новгороде языческого жреца Богомила, который, препятствуя крещению новгородцев, величал себя, наверное, Велесовым внуком. В «Слове» Велесовым внуком назван Боян. Так его Автор «величает».

Велес — языческий бог благополучия, богатства и покровитель скота, а христиане называли его «лютым зверем», «нечистым или злым духом», «демоном» и «чёртом» (ср.: в чешск. *Veles* — «злой дух», «демон») ⁴¹. Так и Автор «Слова» его называет. Только не чертом, а «чертовым внуком»: «в'ѣщей Бояне Велесовъ внуче» (56-57). По сути, так же он должен был назвать и *вещего* (тоже *вещего*) князя Всеслава, который, по словам Автора «Слова», имел «в'ѣшу душу в'друзѣ т'ѣлѣ». Способность принимать чужой облик — вселять душу в другое тело — свойство нечистой силы (дьявола, бесов, всякого рода ведьм, оборотней, колдунов или и «вещих женок»).

«В'ѣЩА ДУША В'ДРУЗѣ Т'ѣЛѣ»

Один из героев «Слова», князь Полоцкий Всеслав Брючиславич, — фигура в русской истории загадочная. В летописи под 1044 годом сообщается, что родился он «от волхвования», т.е. от колдовства, и «бысть ему язвено на главѣ его». И эту «язвину» «носилъ Всеславъ и до смертного дни на собѣ; <и> сего ради немилостивъ <был> на кровопролитъ» ⁴². Софийская Первая летопись сообщает о разграблении Всеславом Новгорода и осквернении новгородских святых в 1067 году: «...зая Новгород до Неревьскаго конца и пожже, и поима все у Святей Софии — и паникадила, и колоколы, и отиде» ⁴³.

Историки по-разному оценивают жизнь и деяния князя Всеслава. Для одних он — «одна из самых светлых личностей своего време-

⁴¹ Мифологический словарь. Т. 1. С. 211.

⁴² Повесть временных лет. С. 196.

⁴³ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Софийская Первая летопись. Выпуск 1. Л.: Гос. археографическая комиссия РАН, 1925. С. 134-135.

ни»⁴⁴. Другие, считая его оборотнем и чародеем, соотносят его деятельность с рецидивами язычества и даже видят в нем Антихриста⁴⁵.

Автор «Слова», избегая прямых оценок, создает потрясающей силы сложный художественный образ, в котором все же достаточно ясно различимы черты вешего князя-оборотня и колдуна, который в борьбе за Киевский престол, «клюками подпръся о кони» (385-386).

Среди множества вариантов перевода этой фразы преобладает «реалистический», рисующий, как князь Всеслав, «согнувшись клюкой, оперся о коня» и поскакал... При этом упускается из вида, что слово «клюка» многозначно, и обозначает не только кочергу или кривую палку с отогнутым верхним концом, но и *хитрость, обман, лукавство, коварство*⁴⁶, а также *волшебство и колдовство*⁴⁷. На колдовские способности князя прямо указывает дальнейший рассказ о нём.

После неудачной попытки овладеть Киевом Всеслав помчался грабить Новгород: «скочи <...> лютымъ звере^m <...> изъ бѣла-града, обѣси ся сине мьглѣ...» (386-390). А дальше следует одно из самых знаменитых «темных мест» «Слова» — «утръже вазнистри кусы» (390), — в котором с легкой руки Романа Якобсона появилось числительное «три»: «утръже вазни съ три кусы»⁴⁸. По сведениям Н.А. Мещерского и А.А. Бурькина, это исправление «было принято всеми последующими комментаторами»⁴⁹. Это, конечно, далеко не так, но переводы, рассказывающие о том, как Всеслав «урвал счастья с три клока», или «урвал удачи с три куска», или «знать, трижды ему удалось урвать по куску удачи», появились во множестве, хотя в действительности никаких «клоков» или «кусков счастья» в этом фрагменте нет, да и не такое уж оно и «тёмное», это «тёмное место».

⁴⁴ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1898. С. 64.

⁴⁵ См.: Клейн Й. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература: (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1976. Т. XXXI. С. 107-110.

⁴⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. С. 189.

⁴⁷ Барсов Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887-1889. Т. I-III. С. 366.

⁴⁸ Якобсон Р.О. Изучение «Слова о полку Игореве» в США // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1958. Т. XIV. С. 104.

⁴⁹ См.: Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1985. С. 475.

В этом фрагменте Автор рассказывает, как рано утром (*утрь же*) Всеслав достиг Новгорода (а скакал он до него всю ночь: «скочи <...> лютымъ звере^м въ полночи»), потом с помощью «вазни» (*вазь* — не просто счастье или удача, а *удача, успех*, «добытый с помощью колдовства, нечистой силы»⁵⁰ — (курсив мой — В. К.), сокрушил, разбил эти самые «кусы», которые, согласно словарю «Древнерусского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, есть не что иное как «рать», «войско» или «стража»⁵¹.

Иначе говоря, речь идет о том, что, не добившись удачи в Киеве, Всеслав ночью помчался к Новгороду, *утром с помощью колдовства, сокрушил стражу* (вероятно, как *Стрибог*, языческий бог ураганного ветра, все сокрушающий и сметающий на своем пути) и вошел в город («отвори врата Нову граду»; 390-391), где, по сообщению Софийской Первой летописи, осквернил святыни, разграбил «все у Святей Софии — и паникадила, и колоколы, и отиде».

Борьба *вещего* Всеслава против Новгорода (как о ней рассказывается в «Слове о полку Игореве» и Софийской Первой летописи, носила антицерковный, богоборческий характер.

Осквернив новгородские святыни, Всеслав «отиде» к «дудуткам».

ДУДУТКИ

Что такое «дудутки», не знает никто, однако практически во всех комментариях «дудутками» называют то какой-то никому неизвестный монастырь, то до сих пор не найденный и никому неизвестный город под Новгородом или под Киевом, или ещё где-нибудь.

Если же принять во внимание, что князь Всеслав, громивший православные святыни, не забыл о своих языческих корнях, можно предположить, что под «дудутками» нужно понимать не город, монастырь или какую-то местность, а *языческий праздник*, на котором играли *на дудках* (волынках, сопелках), песни пели «непотребные», пляски плясали «срамные» и богам поклонялись языческим. Название *дудутки*, возможно, связано с архаичным эпитетом Перуна, как связаны с ним практически совпадающие по звучанию названия распространенных в Европе языческих ритуалов, — *додола, дудола, ду-*

⁵⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1. С. 91.

⁵¹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов (Т. IV. С. 340): «**КОУС|А**».

дулица, дудулейка, — по грамматической форме напоминающее названия известных народных праздников.

Сравним: праздник окончания жатвы — *пожинки*; ритуально-магические действия в начале сева или накануне его — *засевки*; святочные народные песни — *колядки*; старинная народная игра, связанная с языческими праздниками и обрядами (встречей весны, с праздником Ярилы или Ивана Купалы), — *горелки*.

Предположение о том, что «дудутки» — название какого-то языческого праздника, подтверждает и логика грамматической конструкции фразы «скочи волкомъ до Немиги съ дудутокъ» (392-393), ведь мы не говорим: «ушел с города», «с монастыря», «с села» или «с деревни», зато говорим: «ушел с праздника», «вернулся с пожинок», «иду с обедни», «с вечери», «с заутрени».

И ещё одна деталь. Поражает особо отмеченная Автором «Слова» быстрота передвижения Всеслава, которую обычно относят к чертам реальной биографии князя, ссылаясь на «Поучение» Владимира Мономаха, который рассказывает, как гнался за Всеславом «о двою коню» (т.е. меняя коней), но безуспешно⁵². Однако в «Слове о полку Игореве» речь идет не просто о князе-скороходе, а о князе-оборотне, принимавшем волчье обличие, о его «вазни», о его колдовстве, и, в таком случае, сверхбыстрота его передвижения, описанная в «Слове», может быть отнесена Автором к свойствам демоническим.

Обычному человеку невозможно за одну ночь доскакать из Киева до Новгорода. А тем более невозможно обычному человеку доскакать за одну ночь из Киева до Тмутаракани.

Всеслав, однако, доскакал. Всеслав «самъ в ночь волкомъ рыскаше; ис Кыева дорискаше до Куръ, Тмутороканя; Великому Хръсови волкомъ путь прерыскаше» (398-401). Волчье «рысканье» Всеслава заставляет вспомнить о таком же волчьем «рысканье» Бояна, которого Автор «Слова» называет «вещим». Но ведь точно так же, *вещим*, он величает и князя Всеслава, у которого, скажем еще раз, была «вѣща душа в' друзѣ тѣлѣ» — *колдовская душа в другом теле*.

И еще раз скажем: вопреки традиционным представлениям, ни вещей Боян, ни князь-оборотень Всеслав не могли «служить образцом» для Автора «Слова о полку Игореве»... Всё как раз наоборот!..

⁵² Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 456.

Потому и ведет Автор «Слова» свое повествование «не по замышленію Бояню» (кстати говоря, одно из значений слова «замышление» — козни, то есть заговор, происки, злой умысел, ухищрения, каверзы и т.д.), а «по былинамъ сего времени» (7-8), в соответствии со своим христианским взглядом на мир в целом и на безрассудный поход Игоря в частности, ведь нельзя не признать, что Игорь (если отвлечься от ложно-патриотической риторики и реально посмотреть на вещи) *не подвиг совершил, а забыв о Боге, в гордыне и ослеплении духовном погубил дружину свою и много зла принес земле Русской.*

ПОХОД

Поход Игоря на половцев объясняют обычно политическими причинами: ведь Игорь идет в поход «за землю Руськую» (32). Но не стоит торопиться с выводами о патриотизме Игоря, ведь одна из важнейших причин его похода — желание славы. А желание славы, писал апостол Пётр, есть искушение, особенно для забывших, что «всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал» (1 Петр. 1, 24).

У Игоря искушение превратилось в непреодолимую страсть и было столь велико, что не стал он считаться даже с предостережением Божиим, явленным в виде затмения солнца: «Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго» (39-41).

Это предложение, очень трудное для дословного перевода, предельно понятно по сути своей: искушение, страсть и стремление Игоря к славе были столь велики, что они сожгли, спалили ум князю...

Стремление к славе — сестра зависти и гордыни, которая «погибели предшествует», — говорит псалмопевец Давид (Притч. 16, 18).

Одержав легкую победу в первом сражении, Игорь во втором потерял все: брата, сына, погубил дружину, и сам попал в плен к поганым...И здесь нельзя не вспомнить о готских девах, которые «звенят русским золотом» и, по мнению комментаторов, *радуются* поражению Игоря, лелея при этом месть за хана Шарукана.

ГОТСКИЕ ДЕВЫ

Готы у комментаторов — союзники половцев. В действительности же все было как раз наоборот, ведь готы, жившие в районе

русского княжества Тмуторокани, были, как и русичи, христианами. Причем христианство они приняли еще в IV веке⁵³.

Готские девы звенят русским золотом и воспевают время Бусово, потому что Бус (Бос, Бож, Боус, Бооз) — антский князь, *распятый* в числе семидесяти других антских князей готским королем Винитаром⁵⁴, — почитался ими как воплощение Христа и, вероятно, библейского пророчества Ездры: «И всякий, кто избавится от прежде исчисленных зол, сам увидит чудеса Мои. Ибо откроется *Сын Мой Иисус* с теми, которые с Ним, и оставшиеся будут наслаждаться *четыреста лет*. *А после этих лет умрет Сын Мой Христос* и все люди, имеющие дыхание. И обратится век в древнее молчание на семь дней, подобно тому, как было прежде, так что не останется никого. После же семи дней восстанет век усыпленный, и умрет поврежденный. И отдаст земля тех, которые в ней спят, и прах тех, которые молчаливо в нем обитают, а хранилища отдадут вверенные им души. Тогда явится Всевышний на престоле суда, и пройдут беды, и окончится долготерпение. Суд будет один, истина утвердится, *вера укрепится*» (3 Езд. 7, 27–34; курсив мой. — В.К.).

Но почему же в таком случае эти готские девы-христианки вдруг лелеют месть за язычника Шарукана? Вопрос риторический, потому что ни о какой мести «за Шарукана» ни в Первом издании «Слова», ни в Екатерининской копии речи нет. Наоборот, там говорится о «мести Шароканю» (281). Можно полагать, что готы-христиане, как и русские, немало от него натерпелись... А предлог «за» — это просто «догадка» переводчиков, или, лучше сказать, домысел, искажающий текст, меняющий смысл на противоположный.

Острота противостояния вер — языческой и христианской — во всей полноте проявляется и в «мутном» сне великого князя Киевского Святослава, который, любя Игоря и Всеволода, суровую оценку дал безрассудству героев в «злате слове»: «Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую прольясте» (287-289).

⁵³ См.: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. первая. С. 115-121.

⁵⁴ См.: Иордан. О происхождении и деянии гетов. *Getica* / Пер. Е.Ч. Скржинской. М.: Восточная литература, 1960. С. 115.

После поражения Игоря великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу показалось, подумалось (и для этого у него были основания), что Игорь и Всеволод и его, князя, и всю Русь предали...

«А СВЯТЬСЛАВЪ МУТЕНЬ СО^Н ВИДЕ»

А Святъславъ мутень со^н
 виде: въ Кіевѣ на горахъ си ночь
 съ вечера одѣвахъте мя, рече, черною
 250 паполомоу, на кровати тисовѣ.
 Чръпахуть ми синее вино съ трудо^м
 смѣшено; сыпахутьми тѣщими
 тулы поганыхъ тлъковинъ великій
 женчюгъ на лоно, и нѣгують мя;
 255 Ужедьскы безъ кнѣса въ моемъ те-
 ремѣ златовръсемъ. Всю ночь съ-
 вечера бо-суви, врани възгряху. У
 Плѣньска на болони, бѣша дебрь
 кисаню, и не сошло къ синему морю.

Очень трудный фрагмент. Д.С. Лихачев перевёл его и объяснил так: «А Святослав мутный [непонятный, неясный для него] сон видел в Киеве на горах [где он жил]. «В эту ночь, с вечера, одевали меня, — говорит [он], — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми [опорожненными от стрел] колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом [как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу]. Всю ночь с вечера серые вороны гаяли [предвещали несчастье] у Плесеньска [под Киевом], в предградье стоял лес Кияни [Киянь — речка под Киевом], и понеслись [они] к синему морю [на юг, к местам печальных событий]»⁵⁵.

Естественно, возникают вопросы.

Почему так долго — всю ночь с вечера — «одевали» князя? Кто «одевал»? Кто намешал горя в синее вино? Что это за синее вино? Кто и зачем сыпал князю жемчуг на грудь при этом *нежил* его? А тут ещё княжеский терем с разобранной крышей и не менее странные серые вороны, непонятно зачем *несущиеся* к синему морю...

Но «мутный» сон потому и «мутный», что «тревожный», «непонятный». И Святослав обращается за его разъяснением к боярам.

⁵⁵ Слово о полку Игореве. С. 168.

Попробуем и мы истолковать его, опираясь на пояснения Олжаса Сулейменова, которого в свое время за его книгу «Аз и Я» подвергли разгрому, поношению, беспринципной травле.

По весьма правдоподобной догадке Сулейменова, «одевали» Святослава «чёрной паполемой», т.е. накрывали погребальным покрывалом, его же, Святослава, «сыновцы», князя Игорь и Всеволод, ибо словосочетание «си ночь», вероятнее всего, есть сокращенная запись слова «сыновчъ»⁵⁶. Святославу снится, что Игорь и Всеволод попросту предали его и теперь ждут его смерти, готовя к погребению по языческому обряду. Правильность этой догадки «подтверждают» бояре, толкующие княжеский сон. Они скажут Святославу, что Игорь и Всеволод не предатели, они сами в плену: «Уже соколама крилица припѣшали поганыхъ саблями, а самого опуташа въ путины железны <...> два Солнца померкоста, оба багряная стлѣпа погасоста <...> и великое буйство подасть Хинови» (265-276).

Между тем Святославу снится, как «тулы поганыхъ тльковинъ» (то есть *вдовы язычников*, ибо «тулы», как отметил Сулейменов, по-тюркски значит «вдовы»⁵⁷) черпают ему «синее вино» (то есть зелье ядовитое), сыпят ему раскаленные угли на живот⁵⁸ и, заметим, во все не нежат князя, как принято думать, а *издеваются* над ним.

Слово «негують», «неговать» очень похоже на слово «нежат». Это и ввело многих переводчиков в заблуждение. Между тем еще в XIX веке переводчик «Слова» Д.Н. Дубенский писал: «В Малороссийском языке кое-где и теперь употребляется слово *неговать*, вместо *кепковать*, *изнуцаться* в смысле *издеваться*, *ругаться*»⁵⁹.

Но страшнее физических издевательств и мучений то, что его (снился князю-христианину) готовят к погребению по *языческому* обряду, для чего разобрали крышу в тереме, чтобы, как и принято было у язычников, вынести труп через эту крышу для захоронения

⁵⁶ Сулейменов, Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алмата: Жазушы, 1975. С. 63.

⁵⁷ Там же. С. 65.

⁵⁸ См.: Тимофеев В.П. Другое «Слово о полку Игореве». М.: Вече, 2007. С. 190-192 и 212-213.

⁵⁹ Дубенский Д.Н. Слово о плъку Игоревѣ Святъславля пѣстворца старага времени. Объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. М., 1844. С. 121.

или сожжения, лишив тем самым человека (по представлению христиан) блаженства жизни вечной. Есть от чего прийти в отчаяние.

Впрочем, возможен и другой перевод слов «Уже дьскы безъ кнѣса въ моем теремѣ златовръсемь», ведь выражение «дьскы безъ кнѣса» похоже на идиоматическое выражение «престол без князя»⁶⁰.

И это не менее страшно, ведь «престол без князя» — это обезглавленная Русь, легкая добыча для «поганых» (от лат. «paganus» — язычник), которые, снится князю, уже рядом, на болони, перед городскими стенами.

Болоние — это свободное пространство перед городскими стенами, которое обычно оставляли без застройки, чтобы его можно было простреливать с городских стен. Именно сюда, снится князю, на болоние, добрались половцы — не *серые вороны*, а «босуви врани» (257) — половецкая орда, носящая тотем воронов.

О половецких тотемах писал Г.В. Сумаруков, преподаватель биологического факультета МГУ⁶¹. Обратив внимание на *неестественное* поведение некоторых зверей и птиц «Слова» (волков, лисиц, орлов, галок), он пришел к выводу о том, что Автор «Слова», прекрасно знавший животный мир, имел в виду подчас не животных и птиц, а половецкие орды, названные по их родовым тотемам. Увы, на его книгу «Кто есть кто в “Слове о полку Игореве”» (М.: Изд-во МГУ, 1983) мало обращают внимания, и, на мой взгляд, очень даже зря, ведь, судя по всему, великого князя Киевского не птичье карканье тревожит, а нависшая над Киевом смертельная опасность. Под стенами города слышит князь гортанные крики «детей бесовых», которых *не прогнали* от стен киевских, «*не сошлю* къ синему морю» (259; курсив мой. — В.К.), — сказано в «Слове».

Видя в «босувих вранах» обыкновенных ворон (или воронов) и не понимая, зачем этих «птичек» прогонять от городских стен, комментаторы и переводчики упорно заменяют слово «не сошлю» на более им понятное «несошася». Так вот и понеслись (и теперь несутся) по книжным страницам серые вороны (или вороны) к «синему морю», к местам «печальных событий».

⁶⁰ Сулейменов Олжас. Указ. соч. С. 65.

⁶¹ См.: Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М.: Изд-во МГУ, 1983.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО СВЯТОСЛАВА

События действительно были печальные. Немало бед принес Русской земле безрассудный поход Игоря, и перед лицом грозной половецкой опасности великий князь Киевский обратился к другим князьям с призывом к единению, чтобы постоять за землю Русскую, отомстить «за обиду сего времени <...> за раны Игоревы» (324-325).

«Золотое слово» Святослава — тема особая, но нельзя не обратить внимание на то, как обращается князь к Ингварю и Всеволоду и трем Мстиславичам: вы «нехуда гнѣзда шестокрильци» (354).

«Не плохой вы выводок соколов», — переводит Д.С. Лихачев и поясняет: «У сокола оперение крыла делится на три части (большие маховые, малые маховые перья и крылышко). Всего у сокола как бы шесть крыльев. Отсюда название сокола “шестокрылец”»⁶².

Вообще-то честь превращения «шестокрыльца» в птицу принадлежит Н.В. Шарлеманю⁶³, у которого тоже был предшественник — великий наш историк Н.М. Карамзин⁶⁴. Но «шестокрыльцы», конечно же, не птицы... Шестокрыльцы, или серафимы, — название высшего и самого близкого к Богу ангельского чина; *это непосредственные исполнители Его воли*.

По описанию пророка Исаяи, серафимы имели шесть крыльев — символ высших духовных способностей: «...Видел я Господа, сидящего на престоле <...> Вокруг него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Ис. 6, 1-2).

В «Словаре» И.И. Срезневского приведен (начиная с XI в.) целый ряд примеров на слова «шестокрилатый», «шестокриль», «шестокрилатый», «шестокрильство», «шестокрильць», и все они отно-

⁶² Слово о полку Игореве. С. 211.

⁶³ Шарлемань Н.В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1948. Т. VI. С. 113: «Шестокрильци, по-видимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление оперения крыла на три части <...> особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — „шестокрильци“».

⁶⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1816. Т. III. Примеч. 266: «Сравнивая сих трех братьев с пернатыми, он называет их шестокрыльцами для того, что у трех птиц шесть крыльев».

сятся исключительно к серафимам⁶⁵. К высшему ангельскому чину относил «шестокрыльцев» и Пушкин:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился⁶⁶.

В сущности, называя князей «шестокрыльцами», Святослав Киевский — вслед за апостолом Павлом — напоминает Ингварю, Всеволоду, трем Мстиславичам и другим князьям, что власть им дана Богом и что они, подобно серафимам, должны быть исполнителями Его воли, соблюдая и Его заповеди, и установленную Им иерархию⁶⁷.

А что же было в действительности? — Разобщенность, братоубийственные войны, усобицы, грабежи, насилие, гордыня, тщеславие, эгоизм, заботы лишь о собственных выгодах и нерадение об интересах разрываемого на части государства...

Конечно, в разобщенности русских князей и раздробленности русской земли можно видеть политические причины, называя их реалиями «феодальной эпохи», однако с христианской точки зрения, всякое нестроение, вражда и беззаконие в любую эпоху — следствие забвения Бога и Его заповедей, забвения своего высокого Божественного предназначения. Об этом, призывая к единению, и напоминает князьям Святослав. Об этом же печалится и Автор «Слова», напоминая о благодати первых лет Крещения Руси при Владимире Святом:

О! стонати Руской земли, помянув-
ше первую годину, и первыхъ Князей. Того
410 стараго Владиміра нелзѣ бѣѣ пригвоздити
къ горамъ Киевскимъ.

Так было, но пришло другое время — смутное время гордыни, братских усобиц, забвения Бога и отступления от веры; пришло время Игоря, с языческой молитвой-причетью о котором обращается жена его Ярославна к Днепру, к ветру и к солнцу. Но не Днепр, не ветер и не солнце спасают князя:

⁶⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х т. СПб., 1893–1912. Репринтное издание. М., 1989. Т. III. Стлб. 1589.

⁶⁶ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 30.

⁶⁷ Ср.: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1).

Игореви Князю
 Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на
 440 землю Рускую, къ отню злату столу.

«ИГОРЕВИ КНЯЗЮ БОГЪ ПУТЬ КАЖЕТЪ»

Как правило, эту строчку не комментируют или отмечают, что это «приписка» или «вставка» какого-нибудь зловредного монаха, потому что, как считают, к примеру, Олжас Сулейменов или Сергей Лесной, всё «христианство» «Слова» — «это добавки переписчиков, которых не могло не шокировать полное умолчание христианства»⁶⁸.

Подобная точка зрения родилась не на пустом месте: в летописях иногда встречаются и «нужные» вставки, и правки или подчистки (удаление) «ненужных» записей, но в данном случае «происки» хитроумного монаха абсолютно ни при чем, потому что предложение «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую» непосредственно связано и поддерживается предыдущей строкой «Прысну море полуноши» (437-438), которую редакторы чуть-чуть подправляют на «Прыснуло море в полночь», а переводчики создают из нее замечательные картины разбушевавшегося моря в духе художников-маринистов: полночное море «взволновалось», «вспенилось», «разбушевало», «взыграло», «всплеснулось», «вздыбилось» и даже «вздуваться стало»⁶⁹.

Между тем слово «море», кроме привычного значения «водное пространство с горько-соленой водой», или «большое озеро», или «житейское море», может обозначать ещё и стороны света — *западное* или *южное* направление. Сравним: «...И поставил тамо кущу

⁶⁸ См.: Сулейменов О. Указ. соч. С. 4; Лесной С. Слово о полку Игореви. Вып. 2. Париж, 1951. С. 179.

⁶⁹ «Прыснуло» (В.А. Жуковский, М.Д. Деларю, А.Н. Майков, Д.С. Лихачёв; С. Ботвинник, И. Шкляревский); «брызнуло» (Д. Минаев); «взволновалось» (Первое издание, В.В. Капнист, К.Д. Бальмонт, Н.А. Мещерский); «взволновалось» (Н. Гербель); «взбушевалося» (Н.И. Алябьев); «вспенилось» (О.В. Творогов); «взбушевало» (Р.О. Якобсон, А. Югов); «взыграло» (Г.П. Шторм, Н.А. Заболоцкий, М. Тарловский); «разыгралось» (Е.Н. Бирукова); «плеснуло» (А.Ю. Чернов); «всплеснуло» (Э.Я. Гребнева, Ю.В. Подлипчук); «всплеснулось» (В. И. Стеллецкий); «всплеснулося» (С. В. Шервинский); «заплескало» (В. Ржига и С. Шамбинаго) «вспрянуло» (Н.М. Павлов); «вздыбилось» (И.А. Новиков); «расходилось» (С. Басов-Верхоянцев); «прыщит» (Л.А. Мей); «вздуваться стало» (А. Степанов) и т.д.

свою въ Вефили *при мори*» (Быт. 12, 8). Синодальный перевод: «...и поставил шатер свой так, что от него Вефиль был *на запад*...».

Еще один пример из книги Бытия. Во сне Иаков увидел Господа и услышал Его слова: «Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к *морию* и к востоку, и к северу и к *полудню*; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные» (Быт. 13-14).

Пример из Псалтири: «Славьте Господа, ибо Он благ <...> Так да скажут избавленные Господом, которых избавил Он от руки врага, и собрал от стран, от востока и запада, от севера и *моря*» (Пс. 106, 1-3). И еще: «Север и *море* ты создал еси» (Пс. 88, 15). А это пример из «Канона во Святую и Великую Неделю Пасхи и во всю Светлую седмицу» (песнь 8): «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе, яко Богосветлая светила, от запада, и севера, и *моря*, и востока чада Твоя, в тебе благословящая Христа во веки».

Добавим к этому, что, по В.И. Далю, «прыскать» имеет значение, близкое к словам «вспыхнуть», «разгореться», «запылать»: «*Прыск*, жар угольный, порск, особ. в кузнечном горну. || *Вят.* самый жар <>. *Прыскуый жар*»⁷⁰.

У слова «прыснуть» есть близкий, хотя и не очень благообразный родственник — «прыщ» (образовано с помощью суффикса -j- от прыскъ) — результат воспаления. Воспаление — это жар, «воспламенение» тела. Но не только тела. По В.И. Далю, возможно и «*воспаление* от *огня*». Это «состояние предмета, который загорается, воспламеняется. **Воспалитель** м. — *ница* ж. кто поджигает, разжигает, воспаляет. **Воспалительный**, горький, горючий, легко воспламеняющийся <...>. **Воспалимость**, воспламеняемость, возгораемость, горючесть»⁷¹. О том, что «прыщи» (а значит и слова «прыснуть», «прыснуло») были прямо связаны с процессом *горения* устанавливают и примеры, приведенные в «Словаре» И.И. Срезневского⁷².

Становится очевидным, что в данном фрагменте — одном из ключевых для понимания главной идеи «Слова» — «Прысну море полунощи» («Вспыхнуло Небо в полночь») — речь идет о ещё од-

⁷⁰ *Даль В.И.* Указ. соч. Т. III. С. 530.

⁷¹ Там же. С. 530.

⁷² *Срезневский И.И.* Указ. соч. Т. 2. Стлб. 1615.

ном знамении: «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую».

В первом случае знамение (затмение солнца) преграждало путь Игорю, а теперь знамение (заревое на небе) указывает ему путь на родину: «Богъ путь кажетъ».

Эта строка соотносится с летописными свидетельствами. В Лаврентьевской летописи читаем: «И по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половецъ — не оставитъ бо Господь праведнаго в руку грешничи: очи бо Господни на боящаяся Его, а уши Его в молитву ихъ!»⁷³.

Об этом же сказано и в Ипатьевской летописи: «Игорь же Святославичъ тотъ годъ бяшетъ в Половцехъ <...> Но избави их Господь за молитву хрестьяньску, имже мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него»⁷⁴.

Так по знаку Божьему и бежит Игорь из плена...

А вскоре, на берегу Донца, происходит ещё важное событие, смысл которого никто не объяснил...

«УНОШУ КНЯЗЮ РОСТИСЛАВУ ЗАТВОРИ...»

Почему, обращаясь к Донцу, Игорь вдруг вспоминает о юном князе Ростиславе, утонувшем в реке Стугне почти сто лет тому назад, в 1093 году, и говорит:

Нетак ли, рече, рѣка Стугна
худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и
465 стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ро-
стиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.

Молчат комментаторы... Между тем появление князя Ростислава в «Слове о полку Игореве» чрезвычайно важно для понимания смысла всей поэмы, ибо его гибель — *прямое следствие нераскаянного греха*. Об этом с предельной ясностью свидетельствует «Киево-Печерский патерик», житие святого Григория.

«Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного, и потому Григорий спустился к Днепру за водой. В то же время случилось там быть князю Ростиславу Всеволодовичу, который хотел идти в Печерский монастырь за молитвой и благословением, так как с братом своим Владимиром (Мономахом) отправлялся в поход против половцев. И, увидев старца, слуги

⁷³ Из Лаврентьевской летописи // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Наука, 1980. Т. 4. С. 368.

⁷⁴ Из Ипатьевской летописи // Там же. С. 360.

князя начали оскорблять его, ругаясь непотребными словами. Монах же, провидя их скорую смерть, стал говорить: «О, чада, в то время как вам следовало быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы зло творите, что Богу неугодно. Плачьте о своей погибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы получить хотя бы снисхождение в день Страшного суда, ибо вас уже постиг суд: вы все умрете в воде с князем вашим. Князь же, страха Божьего не имея <...>, сказал: «Мне ли, умеющему плавать, предсказываешь смерть от воды? И, разгневавшись, князь повелел связать монаху руки и ноги, повесить на шею камень и бросить в воду, — и так Григорий был утоплен <...>».

Ростислав же, не чувствуя вины за грех, от ярости не пошел в монастырь. Не захотел он благословения, и удалилось оно от него; возлюбил проклятие, и пало оно на него. Владимир же (Мономах) пришел в монастырь для молитвы. Когда же они были у Треполя и началось сражение, то побежали князя наши от врагов. И благодаря молитве Владимира переправился через реку, а Ростислав утонул со всеми своими воинами, как предрекал блаженный Григорий. «Каким, сказано, — судом судите, таким будете судимы...»⁷⁵.

Смысл этого рассказа очевиден и, скажем еще раз, заключается в напоминании о наказании за нераскаянный грех.

А у Игоря грехов было как звезд на небе, ему было за что опасаться... «Помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, — записывает летописец покаянные слова Игоря, — яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянствѣй...»⁷⁶.

«Вспомнил я, — говорит Игорь, — о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — воскликнул Игорь, — и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от Господа Бога моего»⁷⁷.

Князю Игорю было чего бояться, но время Суда Божьего для него еще не пришло. Пришло время покаяния. Преодолев все преграды,

⁷⁵ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 45, 148-149.

⁷⁶ Из Ипатьевской летописи. С. 356.

⁷⁷ Там же. С. 357.

Игорь добирается до Киева и идёт в храм «къ святѣй Богородици, пирогощей» (491-492) — в храм Успения Божией Матери на Подоле.

Богородица почиталась как защитница от врагов и освободительница пленных. Игорь идет в храм для покаяния и молитвы. А можно сказать: он *возвращается* к Богу из бесславного похода и идет в храм для покаяния и молитвы, *как блудный сын* возвращается в Отчий дом, и Русская земля встречает возвращение Игоря ликованием:

Солнце свѣтити на
небесе, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поють
490 на Дунаи. Вьются голоси чресь море до Києва, Игорь
ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици, пи-
рогощей страныради. Гради весели.

Автор сочувствует Игорю на протяжении всей поэмы, но лишь после его раскаяния провозглашает здравицу: «здриви Князи и дружина, побарая за христьяны, на поганья полки» (496-498). Так ясно и определенно выражает Автор свое отношение к противостоянию христиан и язычников.

А заканчивается «Слово о полку Игореве» «славой» — *горькой* «славой»: «Княземъ слава, а дружинѣ аминь» (498).

АМИНЬ

И в Первом издании, и в Екатерининской копии это предложение написано одинаково, через противительный союз «а», который многие переводчики и комментаторы (со времен Первых издателей) упорно исправляют на соединительный «и»: «Слава князьям и дружине. Аминь». Замену объясняют тем, что союз «а» в древнерусском языке мог употребляться в значении союза «и».

Действительно, союз «а» употреблялся иногда в значении союза «и», но не в «Слове о полку Игореве». В «Слове» союз «а» употреблен 52 раза, и во всех случаях — в противительном значении. И в последнем предложении тоже. И ставить в нем точку перед словом «аминь», как это делается в современных изданиях, не нужно. Во-первых, потому что ее нет ни в Первом издании, ни в Екатерининской копии, а во-вторых, потому что слово «аминь» употреблялось не только как заключительное восклицание в молитвах, проповедях и литературных христианских произведениях в значении *верно, истинно, правильно, да будет так*, но и в значении *конец, кончено*.

Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в «Словарь древнерусского языка» под редакцией Р.И. Аванесова или в другие

источники. Раньше говорили: «Тут ему и *аминь* пришел», а зубную боль и ломоту прогоняли заговором:

На небе светел месяц,
На море белый камень,
В поле сырой дуб;
Когда эти три брата сойдутся,
Тогда, мои зубы, всходитесь;
Аминь цинге, *аминь* ломоте.

Сравните в стихотворении А.С. Пушкина «Делибаш»:

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг *аминь* лихой забаве:
Попадешься на копье⁷⁸.
(курсив мой. — В. К.)

Слово «аминь» в значении «конец», «кончено» в сущности может быть синонимично по смыслу выражению «вечная память».

Именно так понял «аминь» в «Слове о полку Игореве» И.А. Новиков, закончив свой перевод словами:

«Князьям — слава!
А дружине,
Полегшей в бою, —
Вечная память!»⁷⁹

И такое понимание глубоко верно по сути, ведь Автор «Слова» напоминает о погибшей дружине, которую не воскресить...

Он напоминает о гибели русского «злата и серебра», русских соколов — храбрых воинов, ставших жертвой гордыни, честолюбия, духовного ослепления и забвения Бога.

Автор «Слова» никого и ни к чему не призывает. Великая литература — не агитка. Великая литература ставит перед нами вечные вопросы, напоминая нам о наших болезнях: как жить? по собственному ли разумению? по собственной ли воле? потакая своему безрассудству и честолюбию? лелея свою гордыню и пороки? отринув веру? забыв о Боге?..

Вечные вопросы... Это не я задаю их...

Это Автор «Слова», поэт и патриот, спрашивает нас, многомудрых детей третьего тысячелетия, напоминая о том, что *потаkanie страстям и забвение Бога ведут к гибели...*

⁷⁸ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 199.

⁷⁹ Новиков И.А. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1952. С. 110.

Е.А. ВИШЛЕНКОВА, Л.В. ФОМИНА

ИДЕИ О «ЧИСТЫХ» И «СМЕШАННЫХ РУССКИХ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1760-х ГОДОВ

Империя, которой более тридцати лет управляла императрица Екатерина II, была гетерогенным образованием. Интенсивное растяжение пространства включило в российское подданство разнообразные группы жителей. Некоторые из них имели общее историческое прошлое, некоторые говорили на одном «наречии», других объединял только род занятий или место проживания. В русском языке для всех них имелось размытое по семантике определение «народ».

В Западной Европе до эпохи Просвещения подобный термин применялся преимущественно к не-европейцам. Тогда слова «народ» и «нация» допускали описание человеческого разнообразия без применения каких-либо классификаций и схем развития. Путешественники раннего Нового времени не испытывали потребности в различении не-европейцев, представляя их как нераздельное «бесконечное множество» наций Африки и Америки. К XVIII в. западный концепт «нация» начал отделяться от «этничности». Он стал увязываться с культурными качествами, отсутствующими вне Европы. Тогда же идея расы дала основания для разделения людей по «природе», что низвело различия между не-европейцами до уровня тривиальности. А слово «племя» обрело коннотации априорной ущербности¹.

Однако пришедшие в Россию вместе с иностранными специалистами и переводной литературой термины «нация», «племя», «раса» в XVIII в. редко участвовали в коммуникациях отечественных элит. Даже привычным понятием «народ» в русском языке обозначали различные сущности: и этническое объединение («чувашский народ»), и гражданскую общность («власть и народ»), и социальное

¹ *Knigh N. Ethnicity, Nationality and the Masses: 'Narodnost' and Modernity in Imperial Russia (forthcoming).*

состояние («черный или простой народ»)². История данных концептов непосредственно связана с изменениями в восприятии освоенного людьми пространства. К XVIII в. развитие экономических связей, географические открытия, приобретение заморских колоний, появление и распространение новых средств информационной коммуникации и технических знаний объединили Европу в единую «цивилизацию»³. Каждый её элемент выступал как часть системы, а стержнем оказывался Человек⁴. Получившие тогда развитие статистика и география создали каркас этой ментальной конструкции⁵.

Накопление сведений о живущих на земле реальных и фантастических сообществах поставило перед европейскими интеллектуалами несколько первоочередных задач: выработать единый язык их описания; систематизировать собранные данные, выявить рациональную (в противовес религиозно-мифологической) логику порождения многообразия⁶. В созданных ими вопросниках все человеческие существа были переопределены по двум критериям: как живые организмы и как локальные типы⁷. Полученные данные упорядочивались в научные классификации и встраивались в культурные иерархии. Последние стали основой для концепции европейской самости. В основе её лежало признание доминирования локализованной здесь «цивилизации» над окружающим миром «варварства».

Соблазн добиться устойчивого царствия (овладеть «искусством управления») привлек к участию в обсуждении данной темы политические элиты европейских государств. С точки зрения просвещенных монархов, многонародность легитимировала распад христианского мира на зоны — светские государства (что есть хорошо). Но, с другой стороны, она же и связанные с ней полилингвизм и конфес-

² *Idem.* From Entertainment to Artifact: The Study of Russian Folklore (1760–1820) (рукопись).

³ Люзебринк Х.-Ю. Цивилизация // Мир Просвещения: Исторический словарь / Ред. В. Ферроне и Д. Рош. М., 2003. С. 173–181.

⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 1. С. 56.

⁵ *Stagl J.* A History of Curiosity. The Theory of Travel 1550–1800. Chur, 1995.

⁶ *Frankel Ch.* The Faith of Reason: The Idea of Progress in the French Enlightenment. N.Y., 1948.

⁷ *Thomas N.* Colonialism's Culture. Anthropology, Travel and Government. L., 1994.

сиональная гетерогенность осложнили и ослабили государственную стабильность (что плохо). Эта противоречивость породила желание формировать европейские общности на новых основаниях — сплавляя народы империй в государственные нации.

В середине XVIII в. западноевропейские монархи уверенно заговорили о французских интересах, испанском темпераменте, о британской сдержанности, позиционировали себя выразителями интересов нации. При отсутствии чувства общеимперской солидарности у обитателей России, Екатерине II было трудно апеллировать к подобным ценностям. Правда, с момента восшествия на трон она постоянно заявляла о себе как о *русской* императрице, что позволяло легитимировать претензию на престол. Однако такая репрезентация не сняла проблему дискретности страны. К тому же русская идентификация верховной власти не имела этнических оснований. При наличии у тех, кто называл себя «русскими» или «русаками», разных вариантов костюма, региональных диалектов, социальных различий было совершенно непонятно, кого и на каких основаниях следует относить к собственно «русским».

Все годы своего правления императрица трудилась над созданием символического единства подданных. На это были ориентированы академические экспедиции; издаваемые в Гравюрной мастерской листы «костюмного жанра» (с изображениями народных типов); монаршие путешествия в Поволжье, Крым, Остзейский край; выслушивание народных представителей в Комиссии уложения законов. Все они поставляли в Петербург знания о населении. Их источники, способы сбора, предназначение обеспечили неоднородность и фрагментарность собранных сведений. Вместе с эмпирическим опытом наблюдений они вобрали в себя этнические стереотипы, слухи, бытовые представления, включали произвольные и случайные впечатления. Впоследствии всё это стало основой для опытов Екатерины Великой по социальной инженерии, для ее идентификационных экспериментов.

В 1769 г. императрица приступила к изданию журнала «Всякая всячина», который появлялся в домах читателей еженедельно по пятницам. Его общий тираж составлял 1000 экземпляров, что позволяло охватить почти всю читающую аудиторию страны. В историографии данное издание рассматривалась, в основном, в контексте

конфронтации Екатерины II с новиковским «Трутнем», их спорами о назначении и формах сатиры⁸. Нас данный журнал интересует как репрезентация «народного» имиджа Российской империи и площадка для обсуждения проблемы «русскости»⁹.

Образцом для «Всякой Всячины» стал популярный английский журнал “Spectator”, издававшийся Дж. Аддисоном и Р. Стилем в 1711–1712 годах¹⁰. Он публиковал эссе на нравоучительные темы, высмеивающие современные пороки и утверждавшие желаемые образцы поведения. По форме публикации представлялись в виде корреспонденции, якобы приходившей на имя «господина сочинителя», что позволяло создать эффект многоголосия и тем самым объективировать поставляемую информацию. В данной коммуникативной ситуации издатель присваивал себе роль комментатора, советчика или третейского судьи, то есть занимал позицию внешнего наблюдателя и просветителя.

Имитируя диалог с многоликими подданными, Екатерина II публиковала их письма. Согласно идентификационным подписям в журнал «писали» татары (крымские, «тамошние», касимовские), камчадал, немец, «венецянин», голландец, грузин, «русак», «запорожец», «сармат», славянин, француз, турок. Их присутствие в столичном издании порождало эффект «народной пьесы», что соответствовало театрализованному типу культуры второй половины XVIII века. Ю.М. Лотман показал, что тогда театр был не столько развлечением, сколько способом управления реальностью, средством её ненасильственного изменения¹¹. К тому же, в отличие от европейского общества, где театр соединял мир фантазии и реальность, в России он имел дополнительное политическое значение. Здесь на сценических подмостках вступали в противоборство элитарная

⁸ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.-Л., 1952; Запалов А.В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964; Гужовский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 2003; Татаринова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII века. М., 2001.

⁹ Данный термин используется в качестве аналитической категории, сфокусированной на идентификационных признаках русской этничности.

¹⁰ Солнцев В. «Всякая Всячина» и «Спектатор» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 1. Отд. II. С. 136.

¹¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 2001.

культура, ассоциируемая с «европейскостью» («прогрессом»), и традиционная, понимаемая как локальная и архаичная. Театр предлагал российскому дворянину образцовые модели жизни. Благодаря ему, «изменение себя» (декларируемое как «самоусовершенствование») стало осознаться как политическая и социальная задача.

Подобно тому, как люди екатерининской эпохи в бытовой жизни разыгрывали персонажей известных пьес и любимых романов, издатель «Всякой Всячины» одевал на себя маски народов и говорил приписанными им монологами. Помимо прочего, «переодевание» позволяло завуалировать назидательно-дидактический замысел. Данный прием имел не только игровой эффект, но и мировоззренческие последствия. Для успешного перевоплощения Екатерине II предстояло либо опереться на уже имеющиеся представления о «характерных чертах» народа, либо создать их для своего читателя. В любом случае от неё требовалась аналитическая процедура типизации имеющихся этнографических данных.

На страницах журнала императрица размышляла и фантазировала на тему «русскости» и «нерусскости» сама и задавала вектор таких дум у соотечественников. По всей видимости, потребность в этом порождалась неприменимостью к народам Российской империи разработанных западными интеллектуалами культурных иерархий и границ. Декларативное отнесение России к Европе, а значит к миру цивилизации, не сняло проблемы наличия в её составе кочевых и мусульманских («восточных») народов. Это было весьма уязвимое место в российской репрезентации. В сходной ситуации предшественница Екатерины Великой, Елизавета Алексеевна склонялась к довольно простому решению — превратить неоднородных в социальном и этническом отношении подданных в единых «идеальных» россиян¹². Реконструировать контуры этого намерения можно на основании изучения не только ритуального поведения¹³, но и поощряемых верховной властью изданий. Так, в 1761 г. в России вышел

¹² Gleason W.J. Moral idealists, bureaucracy and Catherine the Great. New Brunswick, N.J., 1981. С. 90-92, 96-98; Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1. М., 2002. С. 182.

¹³ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1-2. Princeton, 1995–2000.

перевод сочинения Лозна «Изображение совершенного человека». Автор назвал своё творение Мелинт. Он «изрядного росту: все его члены совершенно пропорциональны, он статен телом, крепок, проворен, и способен ко всем телесным экзерцициям. Ухватки его натуральныя, позытуры непринужденныя, и во всем, что он не делает, находится некоторая пристойность, которая дела его еще больше украшает... Что касается до внутренних свойств его духа, то в Мелинте нет ничего скрытаго и ничего сомнительного. Он показывает себя во всех делах равно честным, равно добродетельным... Он живет, будучи доволен своим состоянием». Предполагалось, что Мелинт станет российской реальностью, потому как «является на нем столь благородный дух, что как скоро кто его увидит, тотчас его и любить должен»¹⁴. А если любить, то, следовательно, и подражать.

Как и герои переводных пьес, елизаветинский идеальный подданный не имел не только потребностей, но и связи с живыми людьми, проживающими в России. Екатерина II творила не русского Мелинта, а идеального «русского» (или «европейского русского»), причем не на основе абстрактных мечтаний, а из имеющегося многонародного материала. На страницах «Всякой всячины» он показан через галерею этнических типажей, каждый из которых демонстрировал читателю присущие его народу странные «обычаи и нравы». «Родом я камчадал, — представлялся Аришлай Шуши. — У нас хлеба почти вовсе не знают, мы кормимся одною гнилою рыбою, все прочие кушания не допльно имеют остроты для нас. В юртах же наших мы наблюдаем великий порядок: тамо вы не увидите вместе брошенной оловянной посуды и пуховины или собачьи своры да конфектов, но всякая вещь имеет свой угол и хотя места и немного, все однако же порядочно поставлено и положено»¹⁵. «Я, сударь, Запорожец, — знакомился с читателем новый персонаж, — мы живем так, как бы некоторого рода монахи, у нас нет ни одного козака женатого, по чему и ни одной женщины во всей Сечи не сыщешь; обычаи наши столь строги, что велят казнить того, кто женится»¹⁶. «Родился я в Сибири близ реки Иртыша, — представлялся Ибрагим

¹⁴ Изображение совершенного человека / Пер. соч. Лозна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761, июль. С. 180.

¹⁵ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 12. С. 37.

¹⁶ Там же. Лист № 124. С. 329.

Курмамедов, — Предки мои тамошние Татары, так по ним и я стал не Русак»¹⁷. И хотя выучился русскому языку и грамоте, «не могу забыть обычая своих одноземцов, которые хотя и грубы, однако совестны»¹⁸. Во всех этих представлениях издатель осуществлял одну и ту же процедуру: экзотизировал называемый народ через отрицание в нём признанных обязательными для цивилизованного народа свойств (оседлости, семейных ценностей, гигиенических норм, грамотности, гуманности, правдивости или иных).

Создание, а значит выделение, желаемого подданного потребовало от издательницы онтологизации отличий «русскости» от «нерусскости», ее типизации и идеализации. Предполагалось, что экстрагированная модель будет служить преобразовательным целям, поскольку, ориентируясь на нее, можно будет создавать «новую породу» людей. «Человек обладает некоей неизменной природой, от которой зависят присущие ему качества, — уверяла читателей императрица, выдавая знакомство с современными расовыми теориями, — но он зависит и от среды, и потому подлежит совершенствованию посредством воспитания. Он зависит от своей природы, но если эту природу исследовать, то на нее можно сознательно воздействовать»¹⁹. Здесь явно содержится просветительский пафос, провозгласивший миссию цивилизованных народов сокращать пространство варварства. К задаче изучать «народную природу», «национальный характер», «нравы и обычаи» обитателей императрица возвращалась вновь и вновь, вкладывая эту мысль в уста разных корреспондентов. «Живучи во свете, я старался с молодых лет узнать обычаи и нравы разных областей и потом сравнивать оные дабы их начало спознать», — представлялся Евдоким Примечаев²⁰. Быть внимательным и любопытным, *примечать* народы стало государственным делом.

Екатерина II рассматривала искомую «русскость» как своего рода культуру чувств (любовь к России, благодарность ей), не замыкая творимое понятие в границах какой-либо определенной группы.

¹⁷ Там же. Лист № 26. С. 75.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Резвых П.В. Просвещение // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. Т. II. С. 303.

²⁰ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 11. С. 35.

Это иллюстрирует письмо, подписанное псевдонимом «Смесь». «Я, — признавался автор, — иначе не мог себя назвать, понеже прапрадед мой был Венецианин, потомки его Голландцы, мать моя Грузинка, а я Русак»²¹. Обычно по отношению к таким людям в русском языке XVIII века использовалось определение «смешанный ублюдок»²². Оно соответствовало профанному представлению о народе как о замкнутом и стабильном образовании, характерным и устойчивым признаком которого является «чистота крови». Считалось, что её смешение с кровью другого народа образует «нечистые» типы («выродков» или «перерожденцев»), отторгаемых общиной.

С древних времен понятия «чистоты» и «загрязнения» (оно же «осквернение») были обязательными элементами конфессиональных дискурсов. Благодаря им обеспечивался контроль над сферой интимной и частной жизни, а также регулирование границ группы. Риторика «чистоты» участвовала в насаждении норм жизни, конструировании социального порядка и стабильности. С V в. средневековая Европа исповедовала культ «чистоты сердца», подразумевающий самоконтроль и контроль извне над мыслями и желаниями. Со ссылками на евангельские пророчества Иоанна, христианские богословы утверждали: «Быть чистым значит желать одного и того же». Толкование к нему разъясняло: «если мы хотим разных вещей, то становимся изменчивыми, двойственными и неустойчивыми, что есть ни что иное, как нечистота»²³. В такой стратегии порождения смыслов и сообществ единоверцев М.Фуко увидел способ избавления от власти «другого», возможность установить культурные границы в гетерогенном мире²⁴.

В эпоху Просвещения термины «чистота» и «загрязнение» были увязаны с концептами чести, морали и достоинства. Тогда же антропологическая мысль заменила христианское понятие «чистота сердца» на расовое «чистота крови», сохранив за ним часть предше-

²¹ Там же. Лист № 19. С. 55.

²² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1914. С. 912.

²³ *Mullin A.* Purity and Pollution: Resisting the Rehabilitation of a Virtue // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 57. № 3 (Jul., 1996). P. 521.

²⁴ *Foucault M.* The Battle for Chastity // *Politics, Philosophy, Culture* / Ed. L.D. Kritzman. N.Y., 1988. P. 239-240.

ствующей семантики. В результате «чистые» сообщества должны были не только обладать единым антропологическим типом, но и общностью мыслей и чувств. Использование концепта «чистоты» продолжало служить унификации и стабилизации. А вот «загрязнение», согласно М. Дуглас, осознается как угроза лишь там, где линии структуры определены довольно четко²⁵. Видимо, в связи с тем, что в России 1760-х гг. социальные границы еще не были жестко установлены, потребность в «чистоте» и враждебность к гетерогенности не обрели социальной значимости. Рисуя образ Российской империи как живого динамичного образования, Екатерина II реабилитировала дискриминируемую категорию «смешанных ублюдков», включив её в создаваемое сообщество «русских подданных».

Анализ дискурса «Всякой всячины» убеждает в том, что в представлении императрицы быть «чистым русским» значило преодолеть в себе накопленную веками «нерусскость», которая, вероятно, была для неё амбивалентным субстрактом. С одной стороны, она служила синонимом «варварства», а с другой — культурной гетерогенности. Именно поэтому не каждый «русак» мог быть отнесен к желаемым Екатерина II подданным, что она дала ясно понять в ряде писем. А устами Примечаева разделила русские нравы на хорошие («природно российские», т.е. «чистые») и дурные («суть татарские», доставшиеся от «старинных злодеев наших крымских татар»)²⁶.

Ю.В. Стенник считает, что в данном случае императрица ссылалась на военных противников России, выступавших на стороне Османской империи²⁷. Конечно, в России второй половины XVIII в. татары имели амбивалентный статус «своего чужого» народа. Локальные группы «казанских», «бурятских», «томских» и «касимовских» татар входили в российское подданство, а вот «крымские татары» были конфликтными соседями. В этой противоречивой ситуации императрице было не просто найти верную тональность в рассуждениях на тему «татарскости». Однако мы полагаем, что в

²⁵ Douglas M. Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. London, 1966. P. 51.

²⁶ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 11. С. 35.

²⁷ Стенник Ю.В. Полемика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 85-95.

данной публикации для неё был важен не столько пафос дегуманизации врага, сколько онтологизация «нерусскости».

Дело в том, что бытовые представления жителей Европы о людях, населяющих северо-восточные земли, были замешаны на фантазии античных писателей и средневековой космологии. Помпоний Мела писал о свирепости скифов — народов, живущих к северу от греков, описывал их обычай поедать тела умерших родителей, рассказывал, что «агафирсы расписывают лицо и все тело несмываемыми знаками»²⁸. О сарматах древние греки сообщали следующее: «это воинственный, вольный, необузданный и до такой степени дикий и суровый народ, что даже женщины у них принимают участие в войне... Достигшие зрелости девушки обязаны убить врага»²⁹. Фантазия древних географов населяла неведомые земли причудливыми существами — поедателями вшей, людьми с козлиными ногами, амазонками, бессмертными существами, людьми с песьими головами, народом, питающимся паром³⁰. Средневековое христианство добавило в эти миры новых персонажей. Согласно библейской мифологии, на север от Каспийского моря ушли исчезнувшие поколения Израиля — свирепые народы Гога и Магога. О том, что вера в это была действенной, свидетельствуют еврейские погромы, прокатившиеся по Европе после появления там монгольских кочевников. Считалось, что евреи призвали родственные орды на погибель христианам.

Соответственно, рискнувшие в XVIII в. на путешествие авантюристы стремились найти в России то, что уже знали о её народах. Реконструировав профанные представления европейцев, Ларри Вульф признал: «В XVIII веке “Татарией” называли обширную и географически не очень четко представимую территорию, простиравшуюся от Крыма до Сибири... Само слово “татары” придавало привкус варварства областям, гораздо более обширным и аморфным, чем собственно “Татария”. “Татары” встречались каждому, кто про-

²⁸ *Фоменко И.К.* Скифия-Тартария-Московия-Россия — взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008. С. 30-31.

²⁹ Там же. С. 31.

³⁰ *Эдельман О.* Родина амазонок и страны Бегемот // Пушкин: русский журнал о книгах. 2009. № 2. С. 144.

езжал через Восточную Европу»³¹. Из записок путешественников читатель нередко выносил заключение, что русские (они же россияне) только внешне похожи на европейцев, но если «поскрести любого русского, то обнаружишь там татарина». В данном контексте имелись в виду не какие-либо определенные этнические признаки, а скорее условная «неевропейскость» или «варварство».

Поначалу екатерининский журнал развивал эту идею. На его страницах «татарин» приручен (он — слуга), но продолжает воплощать «дикость»: «говорит, что он только бы желал, чтоб позволено было за всякую ложь плевать в рожу, или обмарати грязью того, кто лжет... Скажут, что сие наказание невежливо и нечистоплотно. Но он подтверждает, что оно по естеству преступления; ибо ложь есть осквернение души. Сколько же заплеванных рож было бы, если бы мой Татарин был законодавец!»³².

Далее императрица приступила к описанию искореняемых в русских людях варварских нравов. В одном из писем она даже призналась, что составила «ропись татарских обычаев», усвоенных русскими. Некоторые из них императрица обсуждала в «приходящих в редакцию» письмах. Например, по просьбе читательницы Хрипухиной она выясняла исторические истоки «обычая не сдержатъ данного слова». Ответ на вопрос гласил: «не сдержатъ данного обещания есть обычай по сообщенной нам росписи, о коей упоминается под числом 11, Всякой Всячины, Крымских Татар: а старинный российский есть, сдержатъ данное слово, дабы не стыдно было тут же изъятия нет, в безделице ли, или в важном деле; ибо обман все есть обман»³³. На вопрос Ефима Трудюлюбцева редакция отвечала, что обычаи «стыдиться иметь жену» и «показаться вместе с женою в людях» тоже чуждого для русских происхождения. Первый пришел на Русь от татар, а второй от французов. «Праотцы наши любили жен своих как самих себя»³⁴.

Вероятно, проведенный водораздел между «русскими» и «нерусскими» народами позволял Екатерине II представить верховную

³¹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 81-82.

³² Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 69. С. 181.

³³ Там же. Лист № 16. С. 47.

³⁴ Там же. Лист № 113. С. 301.

власть в качестве цивилизатора собственной страны. При этом «полученные» письма выполняли функцию пробного шара, запущенного для обсуждения. Их публикация давала Екатерине II возможность безопасно для себя выявлять «общее мнение» российских элит по «щекотливым» вопросам. По-видимому, собственную интерпретацию данной темы императрица создавала на основе публицистического опыта, чутко прислушиваясь к реакции на свои слова читателей.

В ответ на её попытку вывести российских татар за пределы цивилизации и «русскости» журнал Михаила Чулкова «И то и се» опубликовал опровержение — «Противоречие г. Примечаеву». Историки журналистики полагают, что его автором был поэт и драматург А.П. Сумароков. Как следует из текста послания, аргументы автора основывались как на опыте личных наблюдений («верьте на слово»), так и на современных историко-антропологических исследованиях. Опровергая западное представление о татарах как воинственном и негуманном народе, он ставил под сомнение сам принцип этнической типизации на основе отдельных казусов: «жестокосердые люди во всех народах сыскиваются...»³⁵. Похоже, что свои рассуждения на данную тему Сумароков встраивал не в цивилизационный дискурс (и связанную с ним линнеевскую классификацию человеческих видов или рас), а выводил из концепции многообразия народных культур. Возможно, что ему были известны труды на эту тему неаполитанского мыслителя Джамбаттиста Вико (1668–1744)³⁶.

Что касается рассуждений императрицы о порочном смешении «кровей» и «нравов» в русских людях, оппонент сослался на сложный этногенез всех европейских народов. А в претендующих на цивилизационное первенство французах он и вовсе видел присутствие варварского «скифского следа». Аналогично им, «остатки худобы в нашем народе, — уверял он Екатерину II, — от Сарматов, смешившихся со Славянами, когда Славяне их завоевали и покорили. Славяне сами суть отрасли Цельтов соплеменников Скифам»³⁷.

³⁵ И то и сию. <СПб>, 1769, февраль, шестая неделя, [С. 18].

³⁶ Дианова В.М. Концепция циклического развития культуры Джамбаттисты Вико и ее последователи // *Studia culturae*. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 43-44.

³⁷ И то и сию. <СПб>, 1769, февраль, шестая неделя, [С. 17-18].

Аргументация оппонентов Екатерины II опиралась на отечественные представления о русской генеалогии и ее связи с легендарными сарматами. Она была впервые установлена в середине XVII в. киевскими учеными монахами. П. Бушкович полагает, что утверждение такого континуитета стимулировало появление русского этнического воображения: «Симеон [Полоцкий] привносит в русскую культуру польское учение о древних сарматах как предках славян. Сарматская тема принесла с собой не только экзотическое для русских название античного племени, но совершенно новый “этнический” момент. Наряду с русским православием, царем и династией, правящей определенной территорией, Симеон вводит “нацию” — славян и их предков»³⁸.

Но еще более сильным аргументом чулковской редакции против западноевропейской цивилизационной концепции было наличие в среде отечественных элит знати татарского происхождения. Это обстоятельство стимулировало их стремление опровергнуть западные предубеждения. По всей видимости, такая потребность воспринималась как часть работы над российской идентичностью. Ссылаясь на исторические свидетельства, журнал М. Чулкова доказывал «истиннолюбие и геройство» как народное свойство татар. «Татары, не только благородные, но и остатки нижайших их отраслей суть люди добрые: а народы их в добродетели всегда были отличны; и тако нравы их не могли нас ни каким заразить худом»³⁹. Для усиления убедительности, в следующем выпуске издатель поместил письмо некоего Елисея Прямикова «из рода Татарского», но относящего себя к «русским» народам. Он заверял соотечественников, что татары «суть истиннолюбы, справедливы во всем, и хранят добродетели тщательно, по начальному на том основанию»⁴⁰.

После этих публикаций императрица стала осторожнее в разоблачениях татарского влияния и отказалась от намерения трактовать «татарскость» как аналог «варварства». От лица читателя Стоикова из Касимова, издательница призналась: «Сколько у нас есть Выезжих князей и знатей Татарских, кои здесь в великие произошли дос-

³⁸ Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. / П. Бушкович // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 112–113.

³⁹ И то и сию. <СПб>, 1769, февраль, шестая неделя, [С. 17].

⁴⁰ И то и сию. <СПб>, 1769, февраль, осьмая неделя, [С. 33–34].

тоинства; они их получили не по худым природным им обычаям и нравам, но по благородным и добрым»⁴¹. Более того, она откорректировала собственную версию происхождения русского народа и его обычаев. Императрица согласилась, что русские — это смесь славян и сарматов, соответственно «сии худые обычаи и нравы от них в наслідие нам достались»⁴². Таким образом, если уж в ходе самоусовершенствования и просвещения и предстояло что-то искоренять, то это «сарматскость». Помимо корректности к влиятельным и многочисленным подданным, данная версия давала верховной власти возможность установить родовую связь «природных русских» с восточно-европейскими славянами.

После проведенного обсуждения императрица получила для использования согласованный с элитами концепт «русские», который подразумевал коллективный субъект, собранный из цивилизованных народов, «чистых сердцем», то есть любящих Россию. Теперь просвещенная монархиня заявила, что стать им может любой, принявший русскую письменность и верноподданство. Журнал проиллюстрировал это письмами от «азиатки»⁴³ и «русского немца». «Я серебряник, — признавался последний, — хотя не здесь родился, я Русь люблю. Не один я немец кого она кормит, дай Бог чтоб все к ней ту же благодарность чувствовали»⁴⁴.

В пользу того, что в 1770-е гг. данная версия стала официальной, свидетельствует альбом гравюр костюмного жанра, изданный Ж.-Б. Лепренсом⁴⁵. Он не может быть истолкован как результат индивидуального видения художника. Императрица тщательно отбирала, что можно и нужно видеть современникам в её империи. Она лично решала, какие рисунки могут быть отгравированы и запущены в продажу. Описывая её путешествия по стране, Р. Уортман подметил избирательное отношение монархини к реальности: «Всё, что не нравилось ей, следовало устранить из поля зрения»⁴⁶. Екатерина II

⁴¹ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 132. С. 351.

⁴² Там же. С. 352.

⁴³ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 84. С. 219.

⁴⁴ Там же. Лист № 13. С. 38-39.

⁴⁵ Брук Я. В. У истоков русского жанра. М., 1990.

⁴⁶ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1. М., 2002. С. 191.

явно хотела определенной художественной проекции империи и верила, что внешне привлекательная утопия может стать реальностью.

Но поскольку эстетические понятия, в том числе «красота», не являются безусловными и константными, императрице предстояло добиться соглашений и по этому поводу. Екатерина II стала утверждать новую модель красоты и достоинства. В ее понимании, благородный человек (в отличие от «подлого») связан самоограничениями: он обладает физическим изяществом, духовной утонченностью и интеллектуальной цивилизованностью⁴⁷. В связи с этим в бытописательской графике появились образы молодых, веселых, опрятных, с хорошими манерами подданных «сельского состояния». Визуализация идеального подданного подразумевала показ здорового стройного тела как проявления чистоты и здоровья души.

Таковыми «русские» предстают в рисунках Ж. Лепренса. В его сюите они не воспринимаются ни символом занятия, ни условным каркасом для этнографической одежды. Более того, с точки зрения физической антропологии и даже особенностей костюма они напоминают персонажей соответствующих европейских стран — голландских пейзажистов, французских аристократов, немецких бюргеров и т.д. Только в отличие от них, его «русские» — это субъекты жизни Российской империи. Взятые из разных социальных слоев, из разных локальных групп (в альбомах присутствуют образы «польского янычара», «финской женщины», «чувашки», «мордовки», «татар») они живут по особым, «русским» правилам — играют в салочки, скорбят на похоронах, дерутся на кулаках, воюют с соседями, моются в бане, пляшут на празднике, пьянствуют в кабаке. Своими типажам Лепренс как бы убеждал зрителя: «Все эти такие разные люди — русские, потому что они живут по-русски». находка французского художника состояла в том, что русские народы империи представлены как общность, образованная совместными нравами и обычаями.

Вопрос об «этнографизме» (документальной точности) лепренсовских типажей остается открытым в искусствоведении⁴⁸. По всей

⁴⁷ Там же. С. 181-182.

⁴⁸ Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XVIII века // Старые годы. 1907, июль-сентябрь. С. 424; Кузьминский К.С. Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв. М., 1937. С. 29; Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории

видимости, подобно театральному декоратору художник ощущал себя создателем сценических костюмов и реквизитов. Он использовал этнографические сведения для придания персонажу узнаваемости, но чувствовал себя свободным творцом в деталях. Благодаря ему верховная власть получила графический образ желаемой реальности и воспользовалась им для управления ею. По указанию императрицы придворные дамы оделись в «русское платье», изготовленное по лепренсовским гравюрам: белое атласное платье, одетое под красную бархатную мантию с длинным шлейфом. Его носили с кокошником из красного сукна и золота, часто усыпанным драгоценными камнями⁴⁹. Его условность была очевидна для современников. Один из них писал: «Женщины Придворные одеваются в так называемое Русское платье, но оно весьма мало отвечает сему наименованию, и есть паче отточенного Европейского вкуса; ибо и самый вид онаго больше на вид Польского похож»⁵⁰. Тем не менее, оно стало символом «русскости».

Получив вербальный концепт и его визуальное воплощение, императрица, наконец, обрела возможность ссылаться на единые «русские» интересы и представлять себя в качестве их выразителя.

русской графики начала 19 века. М., 1987. С. 78; *Пожарова М.А.* «Представь мне щеголя...»: Мода и костюм в России в гравюре XVIII века. М., 2002. С. 7.

⁴⁹ *Корф М.А.* Из записок барона М.А. Корфа // *Русская Старина*. 1897. Т. 99. Кн. 8. С. 294-295; *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. Т. 2. СПб., 1900. С. 43.

⁵⁰ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов из житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1-4. СПб., 1799. Ч. 4. С. 129.

М.М. ФРОЛОВА

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАСС (1833–1843)

Неувядаемая слава замечательных художников А. Саврасова, В. Перова, В. Пукирева, В. Маковского, И. Левитана и многих других невольно притягивает наше внимание и к тому учебному заведению, где проявился, возрос и окреп их талант — к Московскому Училищу живописи, ваяния и зодчества. История его создания удивительна и не похожа на возникновение подавляющего большинства казенных учебных заведений России XIX века.

Училище живописи, ваяния и зодчества начиналось с Художественного класса в 1833 г. Дореволюционная и советская историографии заслугу его организации целиком относят на счет московских художников. В первом фундаментальном труде об Училище, вышедшем в 1951 г., его автор Н.А. Дмитриева утверждала, что группа передовых художников сумела в сытой и лениво-барской Москве, вопреки нежеланию властей, привлечь меценатов, расшевелить тяжелую на подъем московскую знать¹. Хорошо владея архивными материалами, она тем не менее была вынуждена в силу известных жестких идеологических канонов своего времени замалчивать многие существенные стороны организации этого учебного заведения, затушевывая деятельность действительных его создателей: московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, его директоров, петербургских и московских радетелей, вероятно, оттого, что они принадлежали к дворянскому сословию России.

Архив Художественного класса, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), вводимый впервые пласт документов из Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), сообщения печати 1830–50-х гг. помогают представить начальную историю Училища живописи, ваяния и зодчества.

¹ *Дмитриева Н.А.* Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951. С. 14.

Истоки Художественного класса принято видеть в появлении Натурного класса в Москве в начале зимы 1832 г. Инициатива его учреждения, согласно официальным документам, принадлежала адъютанту князя Д.В. Голицына полковнику Ф.Я. Скарятину (1806–1835), который в свое время посещал натурный класс в Петербурге. Благодаря его ходатайству было получено разрешение на устройство рисовальных вечеров под названием Натурный класс, «где упражнялись в искусстве преимущественно сами учредители»².

Натурный класс объединил 12 человек, в основном профессиональных художников. Они должны были вносить по 15 руб. каждый месяц, которые шли на плату за квартиру, снятую в доме № 14 на Ильинке, на ее оборудование и оплату натурщика. Е.И. Маковский, отец художников К.Е. и В.Е. Маковских, отмечал, что «собрания эти» представляли род клуба, где весело работали и весело отдыхали. «Учителей не было или вернее сказать, все были учителями, учились друг у друга». Лучше всех рисовал Скарятин³.

Натурным классом не переставал интересоваться Д.В. Голицын. В конце первого года работы класса была устроена выставка, после осмотра которой князь принял решение помочь художникам и пообещал им рекомендовать людей со средствами, которые «охотно согласятся для поощрения и поддержания доброго дела» взять расходы на себя. Д.М. Львов, начальник Дворцового архитектурного училища, оценил возможность углубленного обучения рисунку и работы с натурой. Он предложил Натурному классу 500 руб. асс. в год с тем, чтобы лучшие ученики училища имели возможность посещать занятия. Кроме того, члены Натурного класса стали активно пользоваться правом приводить с собой одного товарища без платы, в качестве которого, как правило, выступал один из их учеников.

Голицын объявил московским дворянам о подписке «на заведение в Москве Художественного класса» и сам встал во главе подписчиков. Именно его живое участие привело в движение состоятельных москвичей, желавших послужить городу. Отставной генерал-майор М.Ф. Орлов, отставной полковник А.Д. Чертков и пол-

² Московский Художественный класс // Художественная газета. 1841. № 24. С. 5; Краткое историческое обозрение действий Московского Художественного общества, читанное в торжественном собрании 31 декабря 1868 г. М., 1868. С. 3.

³ *Витнер Ю.Ф.* Е.И. Маковский. М., 1883. С. 10.

ковник Ф.Я. Скарятин⁴, энтузиасты распространения в обществе художественного образования, образовали инициативную группу. Уловив изменения в деятельности Натурного класса, который с приходом учеников стал утрачивать клубный характер «рисовальных вечеров», они составили проект правил по организации публичного Художественного класса и его бюджет.

Преамбула проекта раскрывала благородные цели учредителей. Авторы констатировали, что хотя Москва и «сделалась с некоторых пор средоточием российской промышленности», но в ней отсутствовали средства для «образования в изящных искусствах». Желая пополнить недостаток «первоначальных понятий об истинно прекрасном» и «доставить жителям Москвы способ образования в искусствах, несколько любителей изящного согласились учредить на собственный свой кошт публичный Художественный класс, который мог бы впоследствии служить основанием Московской Академии художеств, ежели успех увенчает их предприятие, публика одобрит их намерение и правительство подтвердит их усилия»⁵.

Художественный класс, согласно проекту, имел целью «приготовительное образование молодых художников». Он учреждался «временно» на 4 года. Капитал собирался по подписке, и каждый участник вносил по 250 руб. в год и имел право присылать двух учеников «какого бы то ни было состояния», не исключая и крепостного. Ученики вольного сословия платили по 150 руб. в год. Не были поставлены возрастные ограничения для учеников, оставался неопределенным срок обучения в Художественном классе. Подписчики выбирали «из среды себя 3 директоров», исполнявших бесплатно обязанности по «управлению заведением и наблюдением за исполнением правил, на коих оно основано». Проект должен был быть утвержден общим согласием подписчиков⁶. Новое общество, на средства которого предполагалось открытие и работа Художественного класса, не получило официального названия. Его действительные члены именовались просто членами-подписчиками Художественного класса, что отражало самую суть их содействия делу.

⁴ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 3-7.

⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 3об.

⁶ Там же. Л. 3-8.

Проект правил был окончательно завершён в мае 1833 г., но генерал-губернатор, на рассмотрение которому полагалось его представить, в тот момент отсутствовал. Орлов, Чертков и Скарятин не стали дожидаться возвращения Голицына в столицу, а поспешили созвать «предварительное собрание» подписчиков, поскольку с наступлением лета москвичи разъезжались по своим имениям, и это грозило отодвинуть открытие Художественного класса на осень. Собрание состоялось 25 мая 1833 г. в 6 час. пополудни в доме камергера Шипова на Лубянке, куда переехал Натурный класс в связи с увеличившимся числом учеников. Список присутствовавших не сохранился. На собрании были прочтены правила, с которыми все единогласно согласились. Затем приступили «к избранию трех директоров заведения, в звание коих назначены» были М.Ф. Орлов, А.Д. Чертков и Ф.Я. Скарятин. «И наконец, после выборов директоров возложены были на них обязанности принять нужные меры для окончательного приступления к настоящему делу»⁷.

Трое директоров особым письмом от 5 июня 1833 г., доложив Голицыну о результатах этого собрания, испрашивали у него «одобрения начальства для нашего заведения» и соизволения как «на открытие сего заведения, так и на обнародование оногo». Директора выразили надежду, что Голицын как первый подписчик не откажет им в «своем покровительстве и благоволении»⁸. 7 июня 1833 г. последовало положительное письмо Голицына, в котором он подчеркивал «непременную обязанность содействовать Вам к тому всеми средствами от меня зависящими». Он немедленно дал знать о Художественном классе исполнявшему должность московского обер-полицмейстера полковнику Муханову, и после переписки с ним наказал не замедлить с разрешением напечатать составленные правила⁹. Правила были изданы и предъявлены Голицыну, который вновь подтвердил свое расположение: «...мне весьма приятно видеть ныне, что Вы озаботились дать занятиям ход более прочный и составили правила, которые, представляя надежные способы к постоянному изучению искусства живописи и скульптуры, обещают верный ус-

⁷ Там же. Л. 1 и об. Н.А. Дмитриева, не располагавшая этими материалами, полагала, что разработали проект публичного класса уже выборные директора. См.: *Дмитриева Н.А.* Указ. соч. С. 11.

⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 1 и об.

⁹ Там же. Л. 9-11, 17.

пех в полезном Вашем предприятии»¹⁰. С этого ответа князя от 18 июня 1833 г., сохранившегося в фонде Училища живописи, ваяния и зодчества, начинали историю Художественного класса, поскольку ранняя переписка директоров и Голицына была неизвестна.

Проект правил Общества подписчиков и отношение московского военного генерал-губернатора были посланы министру Императорского двора кн. П.М. Волконскому, который передал их на рассмотрение Академии художеств. Ее Совет на заседании 6 июля 1833 г. нашел учреждение полезным и заслуживающим одобрения правительства. «Академия, впрочем, полагает, что учреждение сего класса предназначается для опыта на 4 года, то едва ли нужно ныне Высочайшее утверждение проектированных правил тем более, что время указать может улучшения в сем учреждении необходимые»¹¹. Министр, допустив учреждение Класа, также не признал нужным пока докладывать императору¹². Получив позволение (от 16 июля 1833 г.) на открытие Класа, Голицын письменно известил учредителей о переименовании Натурного класса в Художественный.

В советской историографии отмечалось участие в делах Класа только М.Ф. Орлова (1788–1842), яркой фигуры в движении декабристов. Особо подчеркивалось, «что у колыбели московской школы стоял крупный революционный деятель»¹³. Авторы, писавшие о Художественном классе, ничего не знали о Ф.Я. Скарятине, его имя едва упоминали. А этот достойный человек был к тому же членом тайного общества. Он вступил в него благодаря Ф.Ф. Вадковскому, который при агитации Скарятин, юнкера Нарвского драгунского полка, нарушил все правила, т.к. юнкеров в тайное общество принимать не позволялось. 14 декабря 1825 г., как и М.Ф. Орлов, Скарятин не был на Сенатской площади. Но на следствии была названа его фамилия, и он был доставлен в Петропавловскую крепость. 20 апреля 1826 г. Скарятин повелено было выпустить, вменив арест в нака-

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹¹ *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб., 1866. Ч. 2. С. 296-297.

¹² Краткое историческое обозрение... С. 4.

¹³ *Дмитриева Н.А.* Указ. соч. С. 4, 13; *Ацаркина Э. К.П.* Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 159; *Соловьев В.М.* Улица Кирова, 21. М., 1988. С. 13, 16-20.

зание, и отдать под строгий надзор его дяди, генерал-адъютанта князя А.Г. Щербатова¹⁴. Скарятин участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в Польской кампании 1831 г., с 29 декабря 1831 г. служил адъютантом у московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына¹⁵, друга и родственника Щербатова. Про Скарятин говорили, что он был способным молодым человеком и мастерски писал масляными красками. Не подлежит сомнению, что именно он в официальной обстановке и на обедах, которые любил устраивать Д.В. Голицын, говорил о Натурном классе. Его мечту о Московской Академии художеств разделял и поддержал Голицын. Но Скарятин после смерти своей супруги в конце августа 1833 г. уехал в Италию, желая усовершенствоваться в живописи. 11 апреля 1835 г. он умер во Флоренции. При Скарятине художники, бывшие члены Натурного класса, ежедневно посещали Художественный класс. Но с его отсутствием, отмечал Орлов в 1835 г., «сие усердие пало совершенно, и едва какой-либо из посторонних художников нечаянно из любопытства зайдет в наш Класс и полюбуется нашими успехами»¹⁶. Перед отъездом Скарятин убеждал Маковского не оставлять Общество, обещая, что по возвращении его из Рима «у нас будет в Москве своя Академия художеств, независимая от Петербурга, князь Дмитрий Владимирович обещал выхлопотать Высочайшее разрешение»¹⁷.

Третий директор Художественного класса — А.Д. Чертков (1789–1858), о котором Н.А. Дмитриева также не имела никакой информации, был достаточно значимой фигурой в общественной и культурной жизни Москвы 1830-50-х гг. Он прославился фундаментальными работами в области русской нумизматики, археологии, библиографии, славистики. Его нумизматическая коллекция положила основу коллекции Исторического музея, а уникальное собрание книг и рукописей стало первой в Москве бесплатной публичной библиотекой. Он был вице-президентом Общества истории и древностей российских (с 1836 г.), а с 1848 по 1857 гг. — его председате-

¹⁴ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 178.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 897. Л. 101-134.

¹⁶ Отчет Московского Художественного класса за 1834/35 год, читанный в годичном собрании директором М.Ф. Орловым // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Отд. 3. С. 172.

¹⁷ *Bunner Ю.Ф.* Указ. соч. С. 12.

лем. Московское дворянство выбирало его (с 1835 г.) трижды московским уездным предводителем, а с 1844 г. четыре раза — губернским предводителем московского дворянства.

14 декабря 1825 г. Чертков был далеко от Петербурга, к следствию не привлекался, но он принадлежал к поколению декабристов. Чертков прошел со своим лейб-гвардии Конным полком до Парижа, и его ближайшими друзьями, с которыми он делил трудности походов 1813–14 гг., были П.И. Кошкуль и А.Я. Миркович, организаторы в полку одной из немногих управ «Союза Благоденствия» (сведений о ее составе не сохранилось). Он был дружен с Н.И. Тургеневым, членом Коренного Совета, руководящего органа Союза Благоденствия и Северного общества. Известно, что Тургенев нелегко сходилась с людьми, а Чертков для него во Флоренции осенью 1824 г. стал «главным ресурсом» «из людей», с ним он «бывал более всего»¹⁸. Женившись в 1828 г. на графине Е.Г. Чернышевой, Чертков взял на себя ответственность за ее семью, «обремененную бедствиями и скорбями». Он отстаивал право на чернышевский майорат, на который покушался член Следственной комиссии А.И. Чернышев, постоянно ходатайствовал об облегчении участи З.Г. Чернышева и Муравьевых. Чертков не побоялся стать директором Художественного класса, хотя прекрасно понимал, что Орлов, получивший в 1831 г. разрешение жить в Москве, «был возвращен, но не прощен»¹⁹. Состояли ли Чертков членом «Союза Благоденствия» — не известно, но он был человеком действия, и это качество, по мнению Ю.М. Лотмана, отличало декабристов от массы либеральных и образованных дворян²⁰. Чертков в течение всей своей жизни деятельно служил идее развития просвещения в России, еще в молодости утвердись в мысли, что «чем народ просвещеннее, тем он не только богаче, счастливее, но и приверженнее к стране и государю, ею владеющему»²¹. Убежденность Черткова в том, что один из путей к социальной гармонии в России — распространение образования, разделял Орлов.

¹⁸ Тургенев Н.И. Дневники Н.И. Тургенева. СПб., 1924. Т. 4. С. 160.

¹⁹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 2. М., 1954. С. 201-203.

²⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1994. С. 334-335.

²¹ Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. М., 1835. С. 69-70.

В отличие от Черткова Орлов в своих рассуждениях о значимости просвещения в России в книге «О государственном кредите»²² опирался на успешный практический опыт. Именно Орлов, назначенный в 1817 г. на должность начальника штаба 4-го корпуса, стал в России зачинателем школ взаимного обучения. Небольшую школу в Киеве, учрежденную генералом от кавалерии Н.Н. Раевским, где обучалось 40 кантонистов, к 1819 г. он привел «в такую степень совершенства», что видеть ее и не восхищаться ею «были бы две совершенно несовместимые идеи»²³. Орлов не только вникал во все мелочи обустройства школы, вкладывая в ее развитие личные средства, но даже сочинил учебник грамматики и разрабатывал методику обучения грамоте. Он всегда жаждал быть полезным отечеству, и в 1833 г., когда государственная служба была ему закрыта, вновь обратил свою энергию на возделывание нивы просвещения. На Черткова, который еще по службе в лейб-гвардии Конном полку заслужил уважение офицеров своей честностью, за что был неоднократно избираем полковым казначеем, возложили обязанности казначея.

Художественный класс начал работать 1 июня 1833 г., хотя его документы еще находились в высших инстанциях (очевидно, в положительном ответе никто не сомневался). Преподавателями стали И.Т. Дурнов, В.С. Добровольский и его брат А.С. Добровольский. Все они закончили Академию художеств. Класс скульптуры начал вести И.П. Витали, но он не мог уделять преподаванию много времени, поскольку был завален заказами, а потом и вовсе переехал в Петербург. Учителям положили неплохое жалование в 500 руб., а помощник директоров, которым стал А.С. Добровольский, пользовался еще и бесплатной квартирой²⁴. Для В.С. Добровольского и И.Т. Дурнова преподавание в Художественном классе было хорошей «подработкой», так как Дурнов имел место учителя рисования в Архитектурном училище, а В.С. Добровольский служил помощником эскизютера Оружейной палаты.

Князь Д.В. Голицын в конце октября 1833 г. посетил Художественный класс и лично передал его «сотрудникам и ученикам» лест-

²² Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 140, 141.

²³ Русский Инвалид. 1819. № 85. 13 апреля. С. 339.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 7 об.

ное известие, что «начальство признает сие заведение полезным». Ободренные этим Орлов и Чертков задумали расширить возможности Общества подписчиков и Художественного класса. Чтобы оповестить широкую публику и привлечь новых учеников, они решили поместить в газетах «Объявление» об открытии Художественного класса в Москве. Директора убеждали Голицына в письме от 9 ноября 1833 г. дать им «однажды навсегда официальное дозволение печатать обо всем касающемся до Художественного класса в газетах и журналах», т.е. просили освобождение от цензуры. Помимо этого Орлов и Чертков хотели подыскать лучшее помещение, обеспечить достаточное жалование учителям и пригласить новых профессоров, для чего они полагали довести число членов-подписчиков до 50. Надеясь, что князь Голицын не откажет в своем содействии, они заканчивали свое письмо: «Простое же приглашение Вашего Сиятельства будет для многих действительнее, чем всякое настояние от нас»²⁵.

16 ноября 1833 г. московский военный генерал-губернатор дал свое согласие на напечатание «Объявления» в «Московских ведомостях», но не мог дать освобождение от цензуры. Впрочем, князь Голицын заверил, что со своей стороны он «всегда будет готов участвовать во всем том, что будет касаться до меня и сего учрежденного Вами заведения, весьма полезного для московской столицы»²⁶.

29 ноября в «Московских ведомостях» появилось означенное «Объявление», которое редактор газеты князь П.И. Шаликов дополнил примечательным замечанием: «Г-да директора, обращая внимание почтенной публики на сие заведение, надеются, что по части устроительства, приличия и надзора взяты всевозможные меры к тому, чтобы дети самых высших сословий могли с пользою посещать Класс; и уже дети сенатора И.П. Поливанова и А.И. Исленьева посещают сие заведение»²⁷.

В первый учебный год 1833/1834 в Художественном классе обучалось 65 чел., из них 25 пользовались «билетами без платы» благодаря благотворителям Класса. Большинство учащихся овладевало азами рисовального искусства — учились рисовать «с гипсовых голов». И лишь немногие его посетители уже довольно неплохо вла-

²⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 23 и об.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ Московские ведомости. 29 ноября 1833 г. С. 4241.

дели карандашом и кистью, поэтому они рисовали только с натуры: Е.И. Маковский, И.К. Бианки, Борелли, Бодри и др. Лепкой с натуры занимался под руководством Витали А.П. Лаверечский²⁸.

В конце первого учебного года Голицын вновь обратился к московскому дворянству через его губернского предводителя графа А.И. Гудовича, не пожелает ли кто из дворян стать членом Художественного класса. Благодаря приливу новых членов-подписчиков стало возможным увеличить жалование преподавателям. Исключительная щедрость графа В.А. Бобринского, решившего давать Классу по 2 тыс. руб. в год²⁹, позволила директорам найти для Класса новую квартиру, более обширную и удобную.

На первых порах скудость средств не позволяла обеспечить Класс надлежащим оборудованием и учебными пособиями. Рады были каждому приношению. По свидетельству Маковского, Скарятин подарил Классу Пляшущего сатира, Дурнов — рисунки Кипренского и Белоусова³⁰. Витали пожертвовал статую Фавна. Директора считали, что «натура как бы она ни была хороша сама собою и искусно поставлена, недостаточна для развития понятия о идеальном совершенстве». Вкус и чувство прекрасного у учащихся «рождается от созерцания и изучения всех бессмертных творений и передается уму учеников не столько через холодные советы опытности, сколько чрез виденное явление возвышенной и идеальной красоты пред пронизательным взором и пламенным воображением юношества»³¹.

Помощь пришла из Петербурга от Общества поощрения художников. Его председатель П.А. Кикин, статс-секретарь императора по приему прошений, первым вступил в переписку с директорами Московского класса и в письме от 16 февраля 1834 г. предложил содействие «благим начинаниям Московского общества»³². Он прислал в дар несколько пособий, изданных Обществом («Рисовальная школа» Ж. Ревердена, «Пейзажи рисовальной школы» К.И. Бильмарка, «Анатомия для живописцев и скульпторов» Ж. Дель Медико и

²⁸ *Благовещенский А.А.* Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве // Русский художественный архив. 1894. Вып. 1. С. 3.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 651. Л. 6.

³⁰ *Вуннер Ю.Ф.* Указ. соч. С. 11.

³¹ Отчет Московского Художественного класса за 1834/35 год... С. 164.

³² РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

др.). Директора, чрезвычайно благодарные Кикину, сформулировали встречные предложения — в частности, иметь возможность адресовать в Общество не только учащихся Художественного класса, но и вообще художников, известных директорам, когда те пожелают отправиться из Москвы в Петербург для совершенствования своего мастерства. Комитет Общества поощрения художников не отказал в своем покровительстве, добавив при этом, что он примет на себя и посредничество в определении талантливых учеников Художественного класса в Академию художеств³³.

Но пожар в Классе (в доме Шипова) 4 сентября 1834 г. уничтожил все приобретения. И тогда директора решились обратиться за помощью в Академию Художеств и в Общество поощрения художников. Щедрость Петербурга превзошла их скромные ожидания. Дары прибыли в январе 1835 г. и наполнили «пустыню классов». Они были оценены в 10785 руб. Совет Академии художеств прислал «прекрасный картон, снятый Рафаэлом Менгсом со знаменитой Галатеей Рафаэля Санцио Урбинского, статуи: Оратора, так называемого Гладиятора, и анатомию Фишера, 5 голов и несколько кистей и слепков», 10 живописных работ воспитанников Академии³⁴. Общество поощрения художников подарило несколько статуй (Аполлона Бельведерского, Минервы, Юпитера), несколько картин и до 5000 литографий и эстампов. Последние предназначались для продажи с тем, чтобы Художественный класс получал 20% выручки.

В конце первого учебного года директора Художественного Класса послали на выставку в Академию художеств рисунки учеников с натуры, с гипсовых голов и фигур, а также копии с оригиналов. Академия художеств наградила Маковского за рисунок с натуры серебряной медалью. Первую в истории Класса награду торжественно вручал Маковскому сам князь Д.В. Голицын, президент Художественного класса, на первом экстраординарном собрании участников подписки для Художественного класса. Оно состоялось 20 июня 1835 г. в новой, прекрасно обустроенной квартире, снятой в бывшем особняке князя Ю.В. Долгорукого. Вот как описывал Художественный класс И. Тучнин: «В начале поступления моего Класс меня поразила своей торжественной обстановкой: по широкой парадной ле-

³³ Там же. Л. 3 и об.

³⁴ Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 319.

стнице входишь в верхний широкий коридор, уже тут на стене до потолка видишь огромную картину аллегорического содержания; отсюда входишь в дверь — арку и видишь алебастровыми фигурами наполненную мраморную залу, очень высокую, 12 аршин от пола до потолка; от двери арки поперек залы до окон 4 толстые мраморные колонны, не доходя до потолка аршина 2, поддерживают поперечные широкие карнизы. Пройдя мимо этих колонн у стены от двери до окна налево дверь в копировальную комнату с картин масляными красками. Середина этой огромной мраморной залы наполнена в 2 ряда фигурами: Аполлон Бельведерский, Венера Медицейская, Демосфен, анатомическая фигура без кожи и др.»³⁵.

Директорами был представлен Отчет за 1834/35 учебный год. Число учащихся увеличилось до 70, из них 37 пользовались бесплатными билетами членов-подписчиков. Помимо Маковского еще 23 ученика были отмечены за успехи: С. Щеколдин — похвальным листом и живописным ящичком за успехи в рисовании и живописи, похвальным листом 1-го достоинства — 4 человека, похвальным листом 2-го достоинства — 10, изъявлением благодарности — 7.

А.Д. Чертков доложил подробно о расходах (12848 руб. 67 коп.) денежных средств, поступивших в кассу Класа (13221 руб. 72 коп., из них плата за обучение самих учеников собиралась до 1305 руб. в год). Все имущество Художественного класа оценивалось в 12408 руб. 5 коп., из них 10785 руб. приходилось на дары из Петербурга.

В Отчете директора «хвалились» покровительством Голицына, а также князя Волконского, лично посетившего Художественный класс и обещавшего содействие «для прочного основания нашего Класа по истечению условного 4-летия». Внимание влиятельного министра Императорского двора объяснимо только его давним расположением к М.Ф. Орлову, который в 1810 г. был его адъютантом.

Директора с удовольствием выражали признательность учителям Художественного класа и искреннейшую благодарность «за просвещенное благодатное покровительство» со стороны Академии художеств и Общества поощрения художников. Где тут проявление антагонизма между Академией художеств и Художественным класом, который, по мнению Дмитриевой, зародился уже в это время?³⁶

³⁵ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Там же. С. 17.

Отчет огласил намеченную директорами обширную программу развития Художественного класса, превращения его в Школу живописи и ваяния, ничем не уступавшую Академии Художеств. Ставилась задача «распространить наше преподавание на все сословия общества». Предполагалось обучать живописи женщин и детей в их свободные часы, пригласить «в сотрудники все таланты, разбросанные по городам и дать каждому из них свое особенное постоянное занятие». Директора желали «открыть новые средства», чтобы Художественный класс превратить в такой центр, где художники смогут получать заказы от публики, исполнять и продавать их «легчайшим образом». Орлов высказал мысль о приглашении «какого-либо таланта с европейской известностью», и тогда будут заложены начала Московской оригинальной школы живописи и ваяния³⁷.

Масштабность программы 1835 года может быть соотнесена только с грандиозностью планов отрасли «образования» Союза Благоденствия³⁸. Многозначительны слова Отчета: «Художественное образование общества есть дело государственное и одно из самых вернейших средств к достижению истинного и полезного просвещения. Живопись есть также язык — и язык красноречивый, выражающий много истин для тех, кои умеют его понимать и им говорить»³⁹. Это не привычная аполитичная благотворительность, а воскрешенный призыв к преобразованию русского общества предложенными средствами Союза Благоденствия. Лейтмотив программы развития Художественного класса был близок многим современникам, поэтому среди первых благотворителей Художественного класса мы видим членов тайных обществ, которые поддержали Орлова и Черткова: А.М. Исленьева, бывшего адъютанта генерал-майора Орлова (в 1817 г.), графа В.А. Мусина-Пушкина, члена Северного общества, и графа В.А. Бобринского, члена Южного общества.

В Отчете не раз, но не явно звучала надежда на составление оригинальной московской школы живописи, которую лелеяли в мечтах директора Художественного класса. «Московский наблюдатель» высказался более определенно: «Предчувствуют ли, что мо-

³⁷ Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год... С. 172-173.

³⁸ Устав Союза Благоденствия//Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 242, 261.

³⁹ Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год... С. 161-174.

жет быть здесь таится зародыш нашего национального вкуса к живописи? Не в Москве ли, в сердце всех народных чувств, в хранилище преданий исторических, должен этот зародыш раскрыться с особенностью русской физиономии?»⁴⁰.

Класс с первого дня существования стал учебным заведением демократического характера, который сообщили Классу его создатели. Еще в 1815 г. Орлов принял участие в составлении известного адреса, поданного Александру I, об уничтожении крепостного права. И «в опальном своем быте в Москве» Орлов не изменился и верил, что «уничтожением крепостного права могло быть положено основание и создан залог правильного развития и преуспеяния отечества как на пути прямого просвещения, так и в области гражданской»⁴¹. Чертков и Скарятин были единомышленниками Орлова, поэтому в устав 1833 г., возобновленный в 1837 г., был включен параграф, согласно которому в Художественный класс принимали учеников без сословных различий, свободных и крепостных, и им давалось одинаковое образование. Однако аттестат на звание свободного (неклассного) художника Академия художеств выдавала только тем, кто имел документы, подтверждающие свободное состояние. С 1817 г. Академия художеств, следуя примеру «образованнейших народов, не допускавших к изучению художеств людей, не свободного состояния», прекратила прием учащихся крепостного состояния⁴².

Директорам Художественного класса приходилось ходатайствовать об освобождении из податного состояния своих питомцев и получении необходимых свидетельств от соответствующих обществ (мещанских, цеховых, купеческих), например, для П. Андреева, Н. Иванова и др. «Мирской увольнительный приговор», выданный после длительных хлопот директоров, открыл дорогу в Академию художеств талантливому ученику И.П. Орлову, государственному крестьянину Тверской палаты государственных имуществ⁴³.

Благотворна была роль Художественного класса в судьбах воспитанников из крепостных. Директора, внимательно следя за успе-

⁴⁰ Экстраординарное годичное собрание Художественного класса в Москве. 20 июня // Московский наблюдатель. 1835. Ч. II. Отд. VII. С. 155.

⁴¹ Орлов Н.М. М.Ф. Орлов//Русская старина. 1872. Т. 5. С. 777.

⁴² Петров П.Н. Указ. соч. СПб., 1866. Ч. 3. С. 3.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 21-27, 33, 34, 36, 38, 44, 45.

хами учеников и радея о престиже Класа, немало содействовали освобождению способных воспитанников от крепостной неволи. Когда в 1836 г. Академия художеств отметила К. Бушина, и он был ею рекомендован «в особенное внимание, как подающий о себе надежды», директора возбудили дело о его освобождении от крепостной зависимости. В успешном его решении «принимал милостивое участие» сам московский военный генерал-губернатор, и в 1838 г. графиня Бобринская отпустила на волю своего крепостного⁴⁴. В 1839 г. вольноотпущенный К. Бушин был удостоен Советом Академии художеств звания свободного некласного художника.

Обучение в Класе помогло получить отпускные свидетельства крепостному штабс-капитана П.Е. Бурцова Н. Иванову (в ноябре 1834 г.) и крепостному генерал-лейтенанта сенатора Каблукова А.П. Суравегину (1837 г.). Каблуков специально подчеркнул, что на его решение дать вольную повлияло желание Суравегина «определиться в Московскую рисовальную школу для учения живописному художеству». М.Ф. Орлов и в этом случае сохранил неизменную добрую волю, начертав: «Принять без платы и поместить его по его знанию и способностям»⁴⁵. Несмотря на финансовые трудности, директора всегда старались изыскать возможность принять бедных молодых людей без платы, записывая их имена на тех подписчиков, которые, уплачивая взнос, не присылали учеников. Таким образом в Класе обучались М. Станчинский, П.Г. Алмазов, Г. Шапорин и др.⁴⁶

Благосклонна была судьба и к В.И. Штырлякову, хотя поначалу на ходатайство директоров Вл. Шеншин писал в 1840 г., что без разрешения своей матери он не может дать ему вольную⁴⁷. Помещице все же пришлось уступить под тактичным натиском руководства Класа, а в 1842 г. он получил звание свободного художника.

Трудно указать точное число учеников Класа, освобожденных от крепостной неволи благодаря его директорам. Князь Голицын в докладной записке от 1839 г. к полезной деятельности Класа относил также и тот факт, что «трудами Общества» были освобождены

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 66об.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-2.

⁴⁶ Там же. Л. 3-5.

⁴⁷ Лясковская О.Я. Московское училище живописи и ваяния // История Москвы: В 6 т. М., 1954. Т. 3. С. 708.

от крепостничества трое его учеников, а «другие скоро ее [свободу] получат»⁴⁸. Сухие строки вряд ли смогут вполне раскрыть, что значило для крепостного не только иметь возможность постигать таинства живописи наравне со свободными, но и уповать, что он сможет круто изменить судьбу и через высокое искусство обрести свободу.

Особенно памятно всем было освобождение И.П. Липина, которое произошло на званом обеде 28 января 1836 г., устроенном в Классе в честь К.П. Брюллова. Этот обед, замышлявшийся членами-подписчиками и любителями художеств как особое выражение восхищения талантом художника и гордости за его триумф в Европе, стал настоящим «праздником искусства». Под влиянием возвышенных чувств, владевших всеми собравшимися, граф В.А. Мусин-Пушкин «тут же дал свободу своему человеку, который оказывал большие успехи в рисовании» (его рисунки были отмечены в Академии художеств в 1834 г. изъявлением благодарности). «Столь благодатное действие графа... произвело восторг всеобщий. Но надобно было видеть силу участия со стороны самого Брюллова: он плакал, как бы был братом, другом N.N. и этими чистыми слезами заменились все красноречивые выражения двоякой благодарности»⁴⁹.

На наш взгляд, деяние графа было обусловлено не только влиянием «прекрасной минуты». Вероятно, объяснение следует искать в другом: граф В.А. Мусин-Пушкин был членом Северного общества, после месячного заключения в Петропавловской крепости он был выпущен, но полицейский надзор с него был снят по ходатайству Д.В. Голицына только в 1834 г. Пресса 1836 г. была скупа на подробности. Но скорее всего М.Ф. Орлов, замечательный оратор, чьи речи в свое время переписывались и ходили по рукам, также выступил с тостом, в котором прозвучала надежда на создание в Москве своей Академии художеств, на распространение в русском обществе истинного образования. А с ним Орлов всегда связывал ликвидацию крепостного права. Озвученные Орловым идеалы молодости затронули сокровенные струны в душе графа Мусина-Пушкина.

В 1836 г. перед тем как во второй раз послать картины учащихся на академическую выставку, в Классе была устроена выставка

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

⁴⁹ Брюллов в Москве // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 4. С. 1-4; Московские ведомости. 1836. № 11. С. 229-230.

работ воспитанников. Князь Голицын не преминул ее обозреть, и вывод его был приятно однозначным: «водворение изящных художеств в Москве подвигается вперед быстрыми шагами»⁵⁰. Оценка Академии художеств также была высокой. Совет Академии награждал серебряными медалями 2-й степени С. Щеколдина за успехи в живописи и М. Муратова за успехи в рисовании; а также изъявил признательность К. Бушину, Ф. Болдину, К. Бодри и «персиянину Муменову»⁵¹. Преподаватели Художественного класса в 1837 г. были возведены в звание академиков, но в историографии умалчивались подробности этого награждения.

Директора, желая повысить статус Класа, обратились к президенту Академии А.Н. Оленину с ходатайством о поощрении преподавателей, которое поддержал Голицын: называя И.Т. Дурнова, А.С. и В.С. Добровольских основателями Художественного класса, «в течение трех лет за весьма малую плату неустанно трудившихся», он рекомендовал возвести их в звание академиков по примеру А.В. Ступина. И Совет Академии художеств 6 апреля 1837 г. «нашел справедливым признать гг. художников Алексея и Василья Добровольских и Ивана Дурнова как учредителей Московского художественного класса академиками» без выполнения ими соответствующих программ⁵². Однако Совет был не совсем корректен, уравнивая заслуги преподавателей Художественного класса и А.В. Ступина (1776–1861), исторического живописца и педагога. Он действительно создал школу в Арзамасе на собственные средства еще в 1802 г. «по примеру, хотя в миниатюре, академическому». К 1830 г. «число окончивших школу художников достигло 75, продолжили образование в Академии художеств 12 человек, к тому же 10 были награждены серебряными медалями, а рисовальными учителями стали 13 человек»⁵³. Сколь весома и авторитетна была просьба князя Голицына!

Но в 1837 г. при возобновлении подписки на 6-летний срок организаторы Художественного класса столкнулись с явным «охлаждением в усердии членов». В обозрениях истории Класа, трудности

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 5об.

⁵¹ Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 348.

⁵² Там же. С. 350.

⁵³ Молева Н., Белютин Э. Русская художественная школа первой половины XIX в. М., 1963. С. 171-194.

1837 г. вспоминаются мимоходом⁵⁴. Но протоколы заседаний позволяют увидеть истинное его состояние в тот период, обнажают катастрофичность сложившейся ситуации. В историографии остался совершенно неизвестным судебный процесс между директорами и подполковником А.И. Маховым, вступившим 24 июня 1836 г. во временное владение домом, где располагался Класс. С 1 сентября 1836 г. Махов в два раза поднял арендную плату за квартиру, да еще потребовал платеж «следовавшей будто ему суммы с июня 1834 г.». Директорами был произведен ремонт этой квартиры, которая их устраивала во всех отношениях, поэтому они согласились на увеличение платы, но в судебном порядке попытались отклонить несправедливые претензии. В январе 1837 г. Гражданская палата решила дело в пользу Махова с требованием уплаты 3141 руб. 60 коп. В ожидании нового решения Гражданской палаты на поданную от имени Класса просьбу Чертков несколько раз предлагал Орлову и Добровольскому нанять более дешевую квартиру, что позволило бы сэкономить и на плате за дрова и свечи⁵⁵. Возникшие осложнения усугублялись тем, что денег в кассе почти не было. Многие члены-подписчики «не внесли следуемых с них денег», и к 10 марта 1837 г. накопилось до 8939 руб. 25 коп. «недоимок»⁵⁶. В наличности у Черткова находилось 340 руб., у Орлова — 750 руб.

17 апреля 1837 г. состоялось заседание членов-подписчиков Художественного класса, на которое приехало 6 человек, не считая директоров и учителей. Все были согласны с тем, что следует сохранить Класс и защищать его законные права посредством апелляции в Правительствующий Сенат. Процесс с Маховым, который лег на Черткова, закончился только 8 декабря 1845 г., когда Правительствующий Сенат разрешил его в пользу Художественного класса⁵⁷. На заседании было решено прекратить на время действие Общества и «сим самым все должности по Классу». Для приведения в порядок всех дел и поручений, для очищения счетов был составлен особенный комитет, куда вошли М.Ф. Орлов, А.Д. Чертков и А.С. Хомяков,

⁵⁴ Краткое историческое обозрение... С. 4.

⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 21-22, 32-33.

⁵⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 75об.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 35-43.

известный философ, славянофил. При Комитете был оставлен письмоводитель, единственный, кому сохранили жалование.

В заседании одобрили предложенные Чертковым, Орловым и Хомяковым суровые меры: нанять новое помещение за самую малую плату, и если Класс не состоится, то предоставить в распоряжение Академии Художеств и Общества поощрения художников вещи, ими пожертвованные. «Член А.С. Добровольский предложил Обществу, чтобы сии вещи отданы были ему в вознаграждение за труды его в звании помощника директоров, на что ни один из присутствующих членов не объявил свое согласие»⁵⁸. Орлов доложил, что нанял квартиру по 24 августа в доме Кожевниковой против Страстного монастыря. Приехавшие члены-подписчики сдали по 250 руб., и благодаря этой сумме Комитет «приступил к поддержанию Класса на собственной своей ответственности и на собственных издержках к восстановлению Общества». Князь Д.В. Голицын обещал свое покровительство и свои средства⁵⁹.

На заседании 3 мая 1837 г. было решено возобновить Художественный класс еще на 6 лет с 1 августа 1837 г., и была объявлена новая подписка. Условия ее остались прежними. «Ежели по подписке окажется до 30 человек, то Класс возымет свое действие, в противном случае Класс и самая подписка считаются не состоявшимися»⁶⁰. В собрании 30 декабря 1837 г. Орлов, Чертков и Хомяков сообщили, что нашли только 18 подписчиков (включая их самих), но некоторые подписались на 2 и более части. Всего собрали 5500 руб., учителя изъявили согласие продолжать свои занятия за половинную цену. Но Комитет выразил надежду на увеличение средств, ведь многие из возможных подписчиков еще не прибыли в Москву. Было решено нанять новую квартиру в доме Эйнбраде (между Тверской и Большой Дмитровкой), поскольку квартира, которую Орлов снял для Художественного класса, «доведенного до невероятной крайности», была столь мала, что занятия живописью были на время прекращены⁶¹. Любопытные подробности о том трудном времени, когда «Общество несколько раз клонилось к упадку», сообщила «Художест-

⁵⁸ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 20.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-7.

⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 6 и об.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

ственная газета»: рвение учащихся было так велико, что многие в продолжение нескольких месяцев занимались на лестнице за недостатком места в самой квартире⁶².

Надежды оправдались, и 19 февраля 1838 г. члены Комитета, испрашивали у кн. Голицына разрешение на существование Класса еще на 6 лет, так как число членов-подписчиков оказалось достаточным для продолжения занятий: князь Д.В. Голицын (500 руб.), Орлов (500), граф В.А. Бобринский (500), князь В. Мещерский (250), Е.В. Новосильцева (500), А.С. Хомяков (250), Чертков (250), граф В.А. Мусин-Пушкин (250), князь Н.А. Касаткин-Ростовский (250), Д.Д. Пономарев (500), А.С. Талызин (250), граф А. Гудович (250), И.А. Мальцов (250), П.И. Шелашников (500), граф Мих. Ю. Виельгорский (250), граф Мат. Ю. Виельгорский (250), П.В. Голубков (250), В.А. Жуковский и Д.И. Свербеев (250), Е.Н. Дмитриева-Мамонова (500), Н.А. Небольсин (250), фабрикант К.В. Прохоров и фабрикант А.М. Матвеев (250)⁶³. Д.В. Голицын, который подписался на 500 руб., с удовольствием поставил свою подпись под этим прошением: «Утверждаю и выдать по моей подписке 1000 рублей»⁶⁴. На заседании 17 апреля 1839 г. Комитет объявил, что в Общество вступило 39 человек, что давало надежду на новое, более прочное существование Художественного класса⁶⁵.

12-17 апреля 1839 г. Орлов организовал выставку работ воспитанников Класса, который вновь (в августе 1838 г.) поменял адрес и теперь располагался в доме проф. Павлова на Большой Дмитровке. Вход на выставку был «безденежный». Для Класса было чрезвычайно важно, что его вновь посетил министр Императорского двора светлейший князь П.М. Волконский и изъявил свое удовольствие и благодарность М.Ф. Орлову и преподавателям.

«Московский наблюдатель» отметил работы, вызвавшие наибольшее внимание посетителей: портреты К. Горбунова, в которых «уловляется жизнь, а не только черты лица», портреты Бодри, Бархмана, прекрасные ландшафты Никольского, Муменова, Бушина и др.

⁶² Московский Художественный класс // Художественная газета. 1841. № 24. С. 5-6.

⁶³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 62.

⁶⁴ Там же. Л. 60.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф.680. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-19.

Со страниц журнала прозвучала надежда на появление в Москве своей Академии художеств: «Боже мой! В какое бы короткое время и сколько бы явилось талантов»⁶⁶.

Н.А. Дмитриева подчеркивала, что при том же порядке обучения, что и в Петербургской Академии, при той же методе, в Москве зарождается на первых порах еще робко тяготение к жанру, к изображению простых людей и простой обстановки, того, что повседневно окружает. Это еще не жанр, добавляет исследователь, но некоторая переходная ступень от портрета к жанру, картины без развивающегося действия, без сюжета⁶⁷.

В 1839 г. Орлов намеренно задержал отправку лучших работ учеников Художественного класса на осеннюю академическую выставку ввиду торжеств на Бородинском поле 26 августа 1839 г. С 3 по 6 сентября прошла выставка в Художественном классе, самым долгожданным посетителем которой стал князь Д.В. Голицын, недавно возвратившийся после длительного пребывания за границей. Он был приятно удивлен: «Я был знаком с Классом и знал, чего можно было ожидать от каждого из лучших учеников. Но каково было мое удивление, когда я увидел на самом деле успехи Класса в течение одного года». По его признанию, он тут же «на месте» «взял твердое намерение и поставил себе в священный долг поручить Класс покровительству Того, Который назначен судьбою покровителем всего высокого и полезного в России»⁶⁸.

Голицын в своем отношении в Академию художеств выразил уверенность в том, что достоинства картин учеников Класса, по всей вероятности, не ускользнут от внимания Его Императорского Величества. И действительно работы москвичей два раза удостоились милостивого внимания императора и одобрения, переданного Обществу Советом Академии. В Совет Академии также пришло письмо Орлова с просьбой о награждении Бодри, Андреева, Бушина и Иванова и о «сильном поощрении» преподавателей⁶⁹. И «по письму Орлова» на заседании 15 декабря 1839 г. Совет Академии постановил

⁶⁶ Выставка картин в Московском художественном классе // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 2. № 3. С. 50.

⁶⁷ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 23-24.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 6об.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 8. Л. 3-4.

удостоить звания свободного неклассного художника питомцев Художественного класса: иностранца К. Бодри, вольноотпущенного К. Бушина, купеческого сына Н. Иванова и воспитанника Московского воспитательного дома П. Андреева⁷⁰. Преподаватели Художественного класса благодаря ходатайству Голицына не были обойдены вниманием: Николай I по докладу князя Волконского пожаловал В.А. Добровольскому орден Св. Анны 3-й степени, а И.Т. Дурнову и А.С. Добровольскому – бриллиантовые перстни (3 января 1840 г.).

Кн. Голицын решил воспользоваться благосклонностью государя к трудам Художественного класса, чтобы «утвердить и увековечить это полезное заведение». Он полагал достигнуть этого трояким способом. Первый вариант предполагал включить Художественный класс в число обществ, получавших пособие от правительства. При этом его статус не изменялся, но решались финансовые проблемы, и его служащие считались на государственной службе. Второе предположение было более перспективным, но зато требовало и больше денежных вложений. Оно состояло в том, чтобы учредить в Москве отделение Императорской Академии художеств, соединив в одно целое Архитектурное Дворцовое училище с Художественным классом под управлением вице-президента. И наконец, согласно третьему варианту предполагалось учредить в Москве Отделение Академии художеств и при нем сохранить Художественный класс с помещением и пособием от правительства, «наподобие ученых вольных обществ», образованных при Московском университете. В заключении докладной записки, которая была представлена на Высочайшее воззрение в декабре 1839 г., Голицын писал: «С моей стороны, Всемилостивейший Государь, я надеюсь также не остаться праздным при совершении столь полезного подвига и могу обещать содействие некоторых благотворительных особ, которые, конечно, не откажутся сократить издержки правительства, пожертвованием прилично отделанного дома для помещения нового художественного учреждения, которое по сие время не существовало в Москве и коего отсутствие есть истинный недостаток в просвещении народном»⁷¹.

Николай I пожелал знать, каких издержек от казны потребует «новое образование означенного класса» по каждому из трех вари-

⁷⁰ Петров П.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 391.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

антов. 17 января 1840 г. был создан комитет в составе М.Ф. Орлова, А.Д. Черткова и Д.М. Львова, который составил бюджет каждого варианта. За основу расчетов были взяты положения о «Преобразовании училища при императорской Академии художеств», утвержденные царем 4 марта 1840 г. 3 декабря 1840 г. Голицын отправил в Петербург материалы комитета, а в сопроводительном письме отметил: «Ежели бы я следовал собственному моему влечению, то избрал бы из всех предположений третье, которое заключает в себе более полный объем предмета и устраивает в Москве не только высшее художественное образование, но также первоначальное художественное учение; но в нынешнем положении вещей это предположение, по мнению моему, несколько преждевременно, оно остается целью, к которой должно будет стремиться, когда новые успехи дадут нам на это неоспоримое право»⁷².

П.И. Кривцов, назначенный начальником русских художников в Риме, проезжая через Москву, сообщил о готовности Волконского содействовать «ко учреждению в Москве Академии художеств»⁷³, а на первых порах преобразованию Художественного класса. Голицын в уверенном ожидании благих перемен обратился к московским дворянам, обладавшим художественными коллекциями, с приглашением принять участие «в сем великом предприятии»⁷⁴. Однако за недостатком «свободных сумм» «предположение об учреждении в Москве училища художеств» оставалось «не разрешенным». Но 31 января 1842 г. Волконский заверял в том, «что коль скоро представится возможность принести сие предположение в исполнение, я не премину войти об оном Государю Императору с представлением»⁷⁵.

1842 год стал переломным в истории Класса. Он принес ему первые тяжелые утраты: 18 марта из жизни ушел М.Ф. Орлов. Класс лишился своего неутомимого директора в тот момент, когда вновь вставал вопрос о будущем. Положение было такое же критическое, как и в 1837 г. Сказывались неурожайные годы, чрезвычайная дороговизна в Москве повлекла неуплату взносов. 25 августа 1842 г. в журнале заседаний появилась запись: «в настоящее время Класс ли-

⁷² Краткое историческое обозрение... С. 6.

⁷³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 1927. Л. 25, 27.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-8.

⁷⁵ Там же. Д. 12. Л. 18.

шен способов к удовлетворению самых необходимых потребностей... по 1 число сентября числится долгу 4749 руб. 33 коп. Всего потребно для Класса — 5149 руб. 33 коп.»⁷⁶.

Но Художественный класс «успел уже простереть полезное влияние свое и на развитие искусства внутри России. Ученики его посланы были учителями в разные учебные заведения: Иванов — в Рязанскую гимназию, Щеколдин — в Полтавский кадетский корпус, Бушин — в Иркутскую гимназию; Богословский, Герц, Кондаков, Ершов и Медведев получили места учителей в казенные заведения, зависящие от попечителя Московского университета Строганова»⁷⁷. «Липин, Трифонов, Беляев и Филицын получили звания свободных художников, а Горбунов отличен Академией, признавшего его вторым номером между всех своих учеников по этюду, писанному на сентябрьскую треть прошлым 1842 г. Наконец, Борхмонов получил от Его Величества короля Прусского в 1842 г. золотую медаль в Берлине»⁷⁸. В 1839 г. звание свободных художников получили К. Бодри, К. Бушин, Н. Иванов, П. Андреев, в 1840 г. — И. Орлов, 1841 г. — Косинский; звание учителя рисования — Щуровский⁷⁹.

Достижения Класса за неполные десять лет были столь впечатляющими, что в его судьбу вновь решительно вмешался московский генерал-губернатор, ставший его настоящим спасителем. Отношением от 22 августа 1842 г. Д.В. Голицын просил московского гражданского губернатора И.Г. Сенявина принять на себя звание члена Совета Художественного класса и пригласить в члены Временного совета Художественного класса людей, которые изъявят на то свое согласие. Благодаря содействию Голицына работы учеников Класса были посланы на выставку в Академию художеств в августе 1842 г., и «увенчались новым одобрением Государя императора и лестным отзывом Академического Совета», который признал Художественный класс «первейшим и лучшим из всех русских заведений сего рода». Серебряные медали 2-й степени получили Орлов, Мохов и Шухвостов, звание свободного художника — Мягков и Штырляков.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

⁷⁷ Там же. Д. 5. Л. 5.

⁷⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 1790. Л. 3об.

⁷⁹ Московское Художественное общество // Московские ведомости. 1843. № 148. С. 896.

Во Временный Совет, во главе с Сенявиным, вошли Хомяков, Чертков, член Попечительского совета заведений общественного призрения В.В. Суровщиков, вице-губернатор П.П. Новосильцев, директор Архитектурного училища М.Д. Быковский и почетный гражданин купец 1-й гильдии А.И. Лобков. Нередко в его заседаниях принимал участие сам Голицын. Был составлен проект Устава Школы художников, ее бюджет, положения о Художественном Обществе в Москве⁸⁰. 23 апреля 1843 г. эти материалы были отправлены в Петербург. В сопроводительном письме Голицын ходатайствовал об утверждении Устава Московского Художественного общества и о ежегодном денежном пособии в 5000 руб. для будущей Школы⁸¹.

1 октября 1843 г. Николай I утвердил Устав Московского Художественного общества. Художественный класс был преобразован в Училище живописи и ваяния, которое поступало под Высочайшее Его Императорского Величества покровительство и в ведомство министра Императорского Двора. С 1 января 1844 г. оно стало получать ежегодное пособие в 6000 руб. серебром.

Вся история Художественного класса удостоверяет, что оно возрастало под внимательным и доброжелательным оком представителей власти, в первую очередь московского генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына, который помог возникнуть Классу и в решительные моменты не раз спасал его. Следует подчеркнуть, что князь не только слыл, но и действительно был высоким ценителем и знатоком искусства. Любимый московской публикой актер М.С. Щепкин писал: «Д.В. Голицын истинно покровитель искусства. В князе столько было прекрасных человеческих сторон»⁸². Однако в исследовании Дмитриевой усвоен только намерено пренебрежительный тон Герцена, допущенный им по отношению к Голицыну: «Князь Голицын любил людей со свободным образом мыслей, особенно если они его хорошо выражали по-французски». Благоклонное отношение князя к Художественному классу Дмитриева выводила исключительно из того, что князь «дорожил своей репутацией мецената»⁸³. Министр Императорского Двора кн. Волконский и Академия художеств ста-

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 3. Л. 23-31.

⁸¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 1790. Л. 2-4.

⁸² Щепкин М.С. Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 1. С. 125.

⁸³ Дмитриева Н.А. Указ. соч. С. 11.

рались всячески поддержать Художественный класс и какого-то особого антагонизма в отношении к московскому «сопернику», который старательно подмечала советская историография, не питала.

Рождение Художественного класса — одно из проявлений гражданской инициативы лучших представителей московского дворянства. Существование Класса полностью зависело от состоятельных людей, добровольно пожелавших поддержать его. Рвение их слабело, когда экономическая ситуация или личные обстоятельства истощали их кошельки. За свою благотворительность первые подписчики, проникшиеся пониманием полезности для Отечества подобного учебного заведения, не получали никакой выгоды. Это были люди с особым душевным складом и воспитанием. Позднее, с 1858 г., привлечение к делам Училища купцов-благотворителей сопровождалось существенными поощрениями со стороны властей.

Неправы те исследователи, которые полагали, что группа художников при некоторой поддержке меценатов смогла бы создать деятельное учебное заведение при равнодушии властей, не говоря уже об их противодействии. В 1832 г. художники собрались ради повышения своего профессионализма. Орлов, Чертков, не будучи сами художниками, придали этому начинанию общественный и государственный резонанс, превратив Художественный класс в учебное заведение для просвещения народных масс. Московские художники, кроме трех, оставшихся преподавать за плату, в большинстве своем скоро забыли сюда дорогу. Участие Орлова и Черткова в судьбе Художественного класса не ограничилось только спонсорской деятельностью. Управление ими Художественным классом выливалось в работу по организации и налаживанию учебного процесса, обеспечению его всем необходимым, начиная от дров для отопления до приобретения учебных и художественных пособий, книг. Выполнение ими бескорыстно и ответственно обязанностей директоров принадлежит к особому роду благотворительности, сопряженной с активной гражданской позицией Орлова и Черткова. Благодаря их деятельности в Художественном классе создавалась благоприятная возможность для его питомцев постигать таинства искусства, Художественный класс открывал им путь к известности и славе.

Е.А. ЧИГЛИНЦЕВ

«ШЛИМАН АНТИЧНОЙ ХОРЕОГРАФИИ» АНТИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

16 апреля 1978 г. Москва, Большой театр. Финал сценического действия: скрежещут тормоза, и 26-метровый шарф, протянувшийся через всю сцену, опутывает, опутывает танцовщицу в своеобразный кокон... И темнота. А потом — тридцать две минуты овации...

Это первое представление в нашей стране балета Мориса Бежара «Айседора», поставленного специально для Майи Плисецкой. Одна всемирно известная балерина станцевала светлую и трагическую судьбу другой. И хотя к тому моменту американской танцовщицы уже полвека не было в живых, ее идеи были сильны и актуальны, а сама личность привлекала как никогда большое внимание¹.

Дункан известна в мире хореографии как один из создателей танца модерн. Она считала, что необходимо вернуть танцу «ту античную (курсив мой. — Е.Ч.) естественность и простоту, которые свидетельствуют о его высоком надземном происхождении»². Сама эпоха рубежа XIX и XX вв., эпоха надлома и разрыва, толкает А. Дункан к поиску гармонии, которая «видится в прошлых эпохах», а именно — «в античном синкретизме»³. И даже собственную жизнь она описывает именно с точки зрения влияния на нее древних греков⁴, правда, в весьма ироничном ключе⁵.

¹ Вот что о Дункан писала в конце 1970-х гг. авторитетный балетный критик «Нью-Йорк таймс» А. Киссельгоф: «...Никто из американских актеров и актрис не возбуждает такого интереса и любопытства во всем мире, как эта известная танцовщица...» (Цит. по: *Блэйер Ф.* Айседора: Портрет женщины и актрисы. Смоленск, 1997. С. 7).

² См.: Айседора. Гастроли в России. М., 1992. С. 155.

³ *Добротворская К.А.* Феномен Айседоры Дункан // Эстетические идеи в истории зарубежного театра. Л., 1991. С. 117.

⁴ См.: *Daly A.* Done into Dance: Isadora Duncan in Amerika. Bloomington, 1995. P. 92.

⁵ См.: *Дункан А.* Моя жизнь // Айседора Дункан. Киев, 1990. С. 99, 167, 207. К.С. Станиславский зафиксировал один из рассказов Айседоры: «Говорят, что я копирую греческие вазы. Какая чушь! ...Правда, я люблю Грецию, мечтаю

Изначально «античность» Дункан была предельно условной⁶, она лишь мечтает о сотворении «танца будущего» как результате «всего того развития, которое человечество имеет за собой»⁷. И только в Европе ей удастся увидеть воочию памятники античности и прочесть увлекательные, восторженные, эмоциональные описания античных скульптур влюбленного в классическое искусство очевидца — Винкельмана⁸, благодаря трудам которого «Европа полностью погрязла в неоклассицизме»⁹. Дункан восприняла суть его стиля, метода общения с античным наследием, стремление соответствовать его духу и форме. В этом смысле возможное подражание греческим образцам, которое проповедовал Винкельман, сопрягается и с германистическими изысканиями современника Дункан — Дильтея, и со взглядами сторонника «антропологической» школы в мифологии Эндрю Лэнга¹⁰, и с творчеством О. Родена, давшего ярчайший пример рецепции духа античной скульптуры. Для Дункан именно он, Роден, открыл иную сторону природы: природа всегда прекрасна¹¹.

Греция продолжала манить к себе. И мечта, наконец, осуществляется. Страницы воспоминаний об Афинах, написанные Дункан спустя 20 лет, полны все того же нескрываемого восторга увиденным и выполнены в духе Винкельмана¹². В надежде глубоко постичь греческую традиционную культуру она вместе со своими братьями и сестрами стала совершать солнцепоклоннические ритуалы на ступе-

о ней. Вероятно, она засела в моей душе, и вот теперь — это душа *моя* (курсив К.С. Станиславского. — *Е. Ч.*) и сказывается в танцах». (*Станиславский К.С.* Из записных книжек. В 2-х тт. Т. II. 1912–1938. М., 1986. С. 49.)

⁶ В.А. Вязовкина предлагает некую метафору, сравнивая новый «античный» танец Дункан с *изломанным* меандром, что было не позволительно в античности. См.: *Вязовкина В.А.* Линии модерна в Петербурге и Москве: Анна Павлова и Айседора Дункан // *Феномен Петербурга*. СПб., 2001. С. 356.

⁷ *Дункан А.* Танец будущего // Айседора Дункан. Киев, 1990. С. 24.

⁸ См.: *Возникновение германского антиковедения XVIII – первая половина XIX в.* Казань, 1991. С. 10.

⁹ См.: *Базен Ж.* История истории искусств от Вазари до наших дней. М., 1995. С. 79.

¹⁰ См.: *Ланг Э.* Мифология. М., 1901. С. 42. Ср.: *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1995. С. 24.

¹¹ См.: *Daly A.* Op. cit. P. 95.

¹² *Дункан А.* Моя жизнь. С. 91-93.

нях античных храмов¹³. Сама она утверждала, что основала новый стиль танца, в котором чувствовала способность исполнять греческие танцы так же красиво, как это делалось в прежние времена¹⁴. Суть этого нового стиля определяется единством природного и эстетического, поскольку древние греки через танец, как считала Дункан, «переводили природу в искусство, а искусство в природу»¹⁵.

Однако вывод Дункан разрушителен для ее отношения к античности: «И внезапно мне показалось, словно все наши мечты рассеялись, как прекрасная химера, и мы ничем не отличаемся, да никогда бы и не смогли отличаться от современников. Нам не свойственны чувства древних греков»¹⁶. Но публике и части доброжелательно настроенных критиков это как раз представлялось подлинным воплощением античности. Так, известный балетный критик В. Светлов утверждал, что все движения и жесты Дункан были заимствованы из античной хореографии. А сама «мисс Дункан не больше и не меньше, как Шлиман античной хореографии. Она восстанавливает, реставрирует, возрождает античные греческие танцы»¹⁷. Противоречивость ситуации в том, что сама Дункан понимала: все это не имеет прямого отношения к исконной античной Греции¹⁸. «Я подпитываюсь от греческих источников, но не занимаюсь реконструкцией греческого танца. Это заставляет меня интерпретировать...»¹⁹.

Пожалуй, наиболее точно уловил смысл того, что явила Дункан миру в качестве «новой формы искусства», Э. Старк, который предложил своеобразный афоризм: «Если архитектура — замершая музыка, то совершенно справедливо было бы уподобить и искусство Дункан музыке, принявшей живую пластическую форму»²⁰. Таким

¹³ Позже подобное действие было перенесено А. Дункан на сцену. См.: Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 331.

¹⁴ См.: Daly A. Op. cit. P. 92.

¹⁵ См.: Ibid. P. 100-101.

¹⁶ Дункан А. Моя жизнь // Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин: Воспоминания // Дести М. Нерассказанная история. М., 1992. С. 85.

¹⁷ См.: Светлов В. Дункан // Айседора. Гастроли в России. С. 49.

¹⁸ См.: Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия... С. 207-208.

¹⁹ Daly A. Op. cit. P. 100.

²⁰ Старк Э. Айседора Дункан // Айседора. Гастроли в России. С. 191. Он полемизирует с теми, кто считает единственной ее заслугой «возрождение античной пляски», и, напротив, ставит в заслугу Дункан понимание, что тело

образом, античное наследие, пропущенное через индивидуальность, через социально-культурную среду, окружавшую танцовщицу, становилось объектом рецепции, которая представляла собой имитацию, конструирование в современных условиях **всякий раз нового образа античности**, который, в свою очередь, был лишь внешним выражением глубинной сути «новой формы искусства», объединившей природу человека и его эстетические устремления.

Так родилось искусство А. Дункан, предназначенное первоначально для избранных — артистов, скульпторов, художников, музыкантов²¹, а затем — для широкой публики.

Поездки в Россию показательны для понимания места Дункан в мировом искусстве. Историк балета Е. Суриц подчеркивает, что надо различать два периода в восприятии ее искусства в России: гастроли до первой мировой войны и приезд и открытие школы в 1921 г.²² В.В. Розанов категорично утверждает связь искусства Дункан с новой цивилизацией и «великой революцией», знаменующей в мире умирание старого и народжении всего нового²³. Конечно, под «великой революцией» нельзя буквально понимать то, что произошло через несколько лет в России и в какой-то степени перевернуло жизнь самой Дункан. Тем не менее, именно в России ее многочисленные искания вдруг оказались в русле движения художественной мысли первых полутора десятилетий XX в., а потому нашли понимание у многих деятелей культуры, нацеленных на новаторство.

Однако в качестве мощной доминирующей силы, воздействовавшей на жизнь и творчество Дункан, все более выступает честолюбивое стремление донести свой танец до масс. Осмысливая греческое искусство, А. Дункан подчеркивала, что «оно было и вечно будет искусством всего человечества», понятным всей планете²⁴. Вот откуда стремление обучить своей системе множество детей: «Моим на-

человека — «превосходный, отлично звучащий инструмент..., и если при посредстве его передавать в пластическом виде музыкальные образы, можно достичь оригинальных, новых и вполне художественных результатов...». — См.: Старк Э. Айседора Дункан // Айседора. Гастроли в России. С. 190-191.

²¹ См.: Дункан А. Моя жизнь. Моя Россия... С. 68.

²² См.: Суриц Е. Причины успеха — разные // Балет. 1994. № 5. С. 36.

²³ См.: Розанов В.В. Сумерки просвещения. С. 334.

²⁴ Дункан А. Танец будущего. С. 21.

мерением было обучить тысячу детей для участия в великих празднествах Диониса на стадионе»²⁵.

Единственную возможность для реализации своих честолюбивых замыслов уловила она в революционной России, куда ее, разочарованную в творческих потенциях Запада, непреодолимо тянуло. Дункан позже рассказала об этом Мэри Дести, а та опубликовала эти рассказы уже после гибели танцовщицы²⁶. Не менее подробно о побудительных мотивах отъезда Айседоры в советскую Россию рассказывает ее приемная дочь Ирма Дункан: «Я ищу духовного убежища. Пожалуй, я еду в Россию, чтобы осуществить единственную мечту своей жизни — иметь свой собственный театр, собственный оркестр, публику, которой не придется покупать билеты, и много учеников, которые не будут платить за обучение»²⁷. И ни слова об античности, о греческом наследии. На смену греческому мифу в жизни Айседоры Дункан приходит миф советский.

Здесь, в Советской России, наиболее ярко и проявились все противоречия и слабости творчества А. Дункан. Ей приписывается не больше не меньше как попытка остановить «процесс вырождения человечества» через своеобразную систему воспитания детей, и сама она декларирует: «Я хочу, чтобы рабочий класс за все свои лишения... получил бы высшую награду, видя своих детей бодрыми и прекрасными». А для этого Дункан готова отречься от любви к античности. «Если прежде мое искусство было связано с фризами и вазами, с тем хоровым нарядным началом, которое было заложено в античном танце, то теперь оно опирается и исходит из чувства ритма трудовых движений. То, что я взяла и беру у рабочих, - их радостное чувство, возникающее из ритма труда, я возвращаю им в пляске»²⁸.

Вторя А. Дункан, руководство Института социальной гигиены Наркомздрава РСФСР в 1926 г. подчеркивало: «Буржуазия Запада использовала идеи искусства Дункан, как одно из средств развлечения. Пролетариат применит их, как одно из средств преобразования

²⁵ Дункан А. Моя жизнь. С. 212.

²⁶ Desti M. The untold story. The life of Isadora Duncan 1921–1927. N. Y., 1929.

²⁷ Дункан И., Макдугалл А.Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции. М., 1995. С. 246-247.

²⁸ Отзывы и впечатления об искусстве Айседоры Дункан и ее студий. Омск, 1930. С. 5, 2.

жизни на началах свободы и правды»²⁹. Идеи свободного, естественного танца будущего, восходящие к античной традиции, претерпевают явную метаморфозу, в основе которой — кризис личностного начала в творчестве Дункан. Простота движений, естественность поз, прекрасная классическая музыка, одухотворенность, основанная на широком эстетическом самообразовании, глубокое постижение прекрасного и художественное подражание этой вечной красоте — вот что завораживало в творчестве А. Дункан образованную европейскую публику, пришедшую уже к модернистскому, ассоциативному и синтетическому восприятию современного искусства.

Но естественная усталость, накопленная годами, кризис, связанный с гибелью детей, утратой жизненных ориентиров, мытарствами времен войны, потеря формы — все это делает явными убогость хореографического языка, его однообразие и техническое несовершенство. Трагичность положения А. Дункан определялась тем, что она приехала в Россию, находясь на перепутье от большой артистки к большому педагогу в будущем, в связи с чем известный театральный критик А. Эфрос замечал в 1921 г.: «она хочет все еще больше, нежели уже может»³⁰. Об этом же свидетельствуют многочисленные газетные публикации, последовавшие после нашумевшего выступления А. Дункан в Большом театре на концерте в честь четвертой годовщины Октябрьской революции³¹.

А тиражирование в многочисленных студиях, где царил эпитонство, отсутствовал тот духовный багаж, которым обладала А. Дункан, вело к еще большему упрощению техники и к вырождению. Дункан прекрасно понимала, что успех ее танца основан на ее собственном духовном потенциале и умении перевести его в зримую форму через простые движения тела. И, предвидя многочисленные подражания, специально подчеркивала: «Вот откуда является этот жест. А подражатели будут копировать именно этот самый жест, а не природу, откуда он взят...»³². Именно так и происходит. Балетный критик Аким Волинский, всегда с уважением относившийся к

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ См.: Айседора. Гастроли в России. С. 228-229.

³¹ См.: Дункан И., Макдугалл А.Р. Русские дни Айседоры Дункан... С. 73-75, Айседора Дункан. Программа. Пг., [б. г.]. [5 н. н. стр.].

³² См.: Станиславский К.С. Из записных книжек. Т. II. С. 49.

А. Дункан, в журнале «Жизнь искусства» за 1922 г. высказывается бескомпромиссно: «...дети бегают по сцене... с пустым напряжением глазенок, бестолково размахивая худыми ручками... Впечатление совершенной мертвенности всего происходящего»³³.

И тогда громче звучали конъюнктурные идеологические лозунги, которые прямо вели к вульгаризации. Появлялись комплиментарные отзывы о самой Дункан: «Есть художники, искусство которых волнует, как рев революционной трубы. Такова — Айседора Дункан» (П. Коган, президент государственной Академии художественных наук)³⁴, и о ее последователях: «Само существование студии с ее революционной тематикой и трактовкой, на фоне консервативно-реакционного классического балета, является бесспорно, колоссальным завоеванием на фронте пролетарской культуры» (Грузинский, начальник Ташкентского дома Красной Армии)³⁵, и о реформаторском потенциале ее системы³⁶. Как видим, принцип душевного постижения античности выхолощен полностью; хотя танец как экстатическое действие внешне продолжает присутствовать в творчестве Дункан, но с уходом античной тематики из него исчезает и то необузданное дионисийское начало, которое и создало феномен Айседоры. Трагедия Дункан заключается как раз в том, что она, гениально выразив в своем искусстве эстетический идеал эпохи модерна³⁷, в собственной творческой судьбе отразила известную тенденцию «омасовления» культуры, и, по сути, стала жертвой ее.

Но как всякий талантливый человек, Айседора Дункан «подала» эту вульгаризацию как божественное откровение или, по крайней мере, как королевский дар человечеству. А это, как известно, — удел действительно выдающихся личностей.

³³ Цит. по: *Ончурова Н.* Московская студия Дункан // *Балет.* 1993. № 1-2. С. 46.

³⁴ Отзывы и впечатления об искусстве Айседоры Дункан. С. 2.

³⁵ Там же. С. 16.

³⁶ См.: Там же. С. 14.

³⁷ См.: *Добротворская К.А.* Феномен Айседоры Дункан. С. 126.

РЕБАНЕ ЛИИЯ

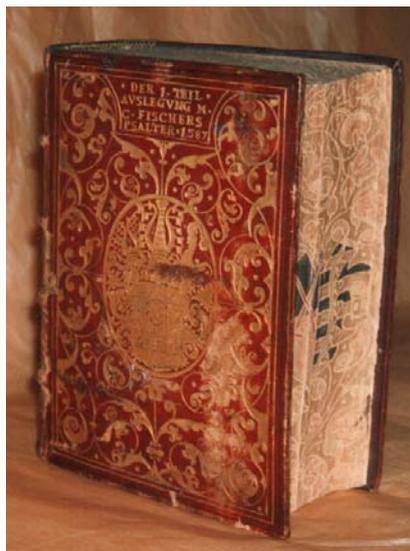
О НЕИЗВЕСТНОМ КНИЖНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ РАБОТЫ КАСПАРА МОЙЗЕРА*

Эпоха Микаэля Агриколы ознаменовалась в Северной Европе подъёмом литературы и значительным ростом числа печатных книг. В настоящей статье рассматривается одно из изданий раннего Нового времени — «Доступное христианское толкование золотых сокровищ псалмов Давидовых»¹, а также вопросы атрибуции его переплёта. Книга хранится в Национальной библиотеке Финляндии. Она была частью коллекции, подаренной университету Хельсинки Петербургской академией наук в 1829 г., до этого принадлежала книжному собранию герцогов Курляндских², а изначально происходила из Дрезденской придворной библиотеки (XVI в.) (Илл. 1.). Библиотека герцогов Курляндских была передана Хельсинкскому университету в связи с созданием там библиотеки. Как это собрание ранее попало в Петербург, точно не известно. Предположительно, Анна Иоанновна, будущая императрица, подарила его своему дяде, Петру I. В 1710 г. ее выдали замуж за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма, но тот, возвращаясь из Петербурга со свадьбы, умер.

* Настоящее исследование стало возможным благодаря поддержке Фонда Эмиля Эманна (Финская академия наук) — Suomen Tiedeakatemia Emil Öhmannin Säätiö, Фонда Калеви Куйтунена — Kalevi Kuitusen Säätiö, а также Фонда Марги и Курта Мёллгордов — Marga und Kurt Möllgaard Stiftung.

¹ *Fischer, Christoph*. Christliche einfeltige Auslegung des gülden Kleinods, des Psalters Davids was man daraus in diesem letzten elenden betrübten leufften für Lehr, Trost und ermahnung nehmen solle. Der Erste Theil vom ersten Psalm biss auff den 26. Durch Christophorum Fischer den Eltern Lüneburgischen General Superintendenten zu Sell. Dressden: Durch Andreas Morgenrodt, 1585 (Национальная библиотека Финляндии [далее — Suomen kansalliskirjasto]. MD. 754. II. 12).

² Collections donated by the Academy of Sciences of St Petersburg to the Alexander University of Finland in 1829: An annotated catalogue / Comp. by S. Havu, I. Lebedeva. Helsinki, 1997. P. 22. (Helsingin yliopiston kirjastonjulkaisu. 61.) Курляндия стала самостоятельным герцогством в 1561 г. Первым герцогом был Готхард Кетлер. До 1737 г. правили его наследники, затем власть перешла к Биронам. Российское влияние в Курляндии возросло в ходе Северной войны.

Илл. 1.

Кристоф Фишер. Простодушное христианское толкование
золотого сокровища, псалмов Давидовых... 1585.
Национальная библиотека Финляндии. MD. 754. II. 12.

Считается, что подарок был сделан в 1714 г., о чем свидетельствует указ, изданный в этом году Петром³. Такие сведения приводит библиотекарь и историк книгохранилища Петербургской Академии наук Иоанн Бакмейстер. Хотя живший в России немецкий дипломат Вебер писал, что библиотека была подарена в 1716 г.

Книжное собрание герцогов Курляндских было рассредоточено по разным отделам библиотеки Петербургской академии наук. В фондах Национальной библиотеки Финляндии обнаружено около 900 книг, принадлежавших когда-то герцогам. Большая часть — лютеранские теологические сочинения из Северной Германии. Примерно 250 книг — издания XVI века. Многие книги содержат пометы, сделанные герцогами Курляндскими, встречаются рукописные пометы прежних владельцев⁴. Книга является частью шеститомного сборника толкований псалмов, так почему и при каких обстоятель-

³ Ibid. P. 23.

⁴ Ibid. P. 24.

ствах первый том этого издания, принадлежавшего дрезденскому двору, оказался в коллекции герцогов Курляндских? Герцоги были родом из Германии и имели связи с дворами германских государей той эпохи. Можно предположить, что благодаря этим связям указанная книга и попала в герцогскую библиотеку. Однако доказательства отсутствуют. Все ли шесть томов издания перешли во владение герцогов или только первый? Если в курляндском собрании имелись все тома, то их не должны были хранить отдельно друг от друга в библиотеке Академии наук. герцоги владели лишь первым томом? Если же у герцогов было полное издание, что тогда случилось с остальными томами? Ответа на эти вопросы нет.

Книга была напечатана в 1585 г. в Дрездене, в типографии Андреаса Моргенродта, и это один из редких образцов его продукции, целиком сохранившихся до наших дней. Книга является первым томом подготовленного Кристофом Фишером и опубликованного в 1585–1587 гг. шеститомного издания комментариев к псалтири⁵.

Андреас Моргенродт

Об Андреасе Моргенродте известно, что у него была типография в Дрездене, однако источники по-разному определяют период, в течение которого она действовала. Из составленного Кристианом Шётгеном списка дрезденских печатников следует, что Моргенродт был придворным печатником курфюрста Кристиана I и умер в 1586 г. Очевидно, он трудился очень недолго, поскольку сведений о нем в перечнях типографов либо совсем мало, либо нет вообще. В списке Кристиана Шётгена Моргенродт упоминается, лишь когда речь заходит о его более известном коллеге Гимеле Бергене. Там отмечается, что Гимель Берген стал придворным печатником после смерти Андреаса Моргенродта в 1586 г.⁶ О Моргенродте говорится в примечании: «Известен только в связи с деятельностью Гимеля Бергена, я [Кристиан Шётген] не могу сказать, что видел хотя бы

⁵ *Fischer, Christoph*. Christliche einfeltige Auslegung des gülden Kleinods, des Psalters Dauids was man daraus in diesem letzten elenden betrübten leufften für Lehr, Trost und ermahnung nehmen solle. Der Erste Theil vom ersten Psalm biss auff den 26. Durch Christophorum Fischer den Eltern Lüneburgischen General Superintendenten zu Sell. Dressden: Durch Andreas Morgenrodt, 1585 (Национальная библиотека Финляндии [далее — Suomen kansalliskirjasto]. MD. 754. II. 12).

⁶ *Schöttgen, Christian*. Historie derer Dresdnischen Buchdrucker. 1740. S. 11.

одну его работу»⁷. Согласно Йозефу Бенцингу, типография работала в 1580–85 гг.; годом смерти Моргенродта он называет 1585-й⁸. По Кристофу Реске, предприятие Моргенродта существовало в Дрездене в 1583–87 гг.⁹ В Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле деятельность типографии относят к 1580–86 гг.¹⁰.

Из напечатанных Моргенродтом книг сохранилось очень немного. В перечне за 1588 г. упоминается еще одно издание комментариев к псалтири в нескольких томах, подготовленное Николаусом Зельнекером и выпущенное в 1584–85 гг.¹¹. Оно не сохранилось. Из каталога Шётгена видно, что в XVIII в. мало что знали о Моргенродте и продукции его типографии, — напечатанные в ней издания каталог обходит молчанием. Судя по составленному Бенцингом списку, ему было известно об изданиях 1583 и 1585 гг.; но нет ни имен авторов, ни заголовков. Бенцинг не упоминает и о «Псалмах Давидовых» Фишера. В перечне Реске присутствуют три издания Моргенродта: первое — те же «Псалмы Давидовы» Фишера¹²; второе — книга по арифметике с отсутствующим титульным листом, которая вышла в 1583 г. и хранится в библиотеке университета Галле¹³; третье — надгробная проповедь, опубликованная в 1584 г., она на-

⁷ «Ist nur in Gimel Bergens Leben da gewesen, ich [Ch. Schöttgen] kann aber nicht sagen, dass ich ein Werk von ihm gesehen». Ibid. S. 13.

⁸ *Benzing J.* Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen. Wiesbaden, 1982. Bd. 12. S. 89.

⁹ *Reske, Ch.* Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Wiesbaden, 2007, 166.

¹⁰ Drucker/Verleger-Datei. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel.

¹¹ *Aurich, Frank.* Meusers schlichte Eleganz // Gutenberg Jahrbuch. 1998. Bd. 73. S. 305, 307; Registratur über die Theologischen Bücher // Illustrissimi ac potentissimi principis ac domini Christiani Ducis Saxoniae Illustris bibliotheca cum duobus indicibus in ordinem redacta Anno 1588. F. 3 recto ff. (Sebastian Leonhart. SluU: Bibl. Arch. I. Bd. 24).

¹² *Fischer, Christoph.* Christliche einfeltige Ausslegung des gülden Kleinods, des Psalters Dauids was man daraus in diesem letzten elenden betrübten leufften für Lehr, Trost und ermahnung nehmen solle. Der Erste Theil vom ersten Psalm biss auff den 26. Durch Christophorum Fischer den Eltern Lüneburgischen General Superintendenten zu Sell. Dressden: Durch Andreas Morgenrodt, 1585–1587.

¹³ Multiplikationstabellen. Durch Andreas Morgenrodt, 1583.

ходится в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле¹⁴. «Псалмы Давидовы» Фишера есть в пяти библиотеках — везде в наличии все шесть томов¹⁵. Кроме того, как уже говорилось, в Национальной библиотеке Финляндии имеется первый том этого издания.

В годы правления курфюрста Кристиана I был составлен список книжных переплетов, изготовленных в придворной переплетной мастерской; в него были включены сведения о цвете кожи переплетов, их декоре, застежках и т.д.; туда же занесли и данные о самих изданиях. По списку за 1588 г., в библиотеке имелось 19 экземпляров «Псалмов Давидовых» Фишера, что довольно много для одного издания¹⁶. В каталоге описаны переплеты каждого тома всех шеститомных экземпляров; оказывается, книги, несмотря на то, что они являлись частями одного и того же издания, могли переплетаться в кожу различных цветов и с использованием разных материалов. Например, тома формата ин-кварто, обозначенные в каталоге номерами 76-81, были украшены позолотой и обтянуты кожей: первый и пятый — красной, второй и четвертый — желтой, третий и шестой — фиолетово-синей. Кроме того, на них были указаны имя автора, название и год издания¹⁷. В данном случае разнообразие оформления оказалось особенно богатым, в каждом из остальных 18-ти экземпляров тома выглядели одинаково. Так, три экземпляра были переплетены в красную кожу и тоже позолочены, тома одного из них украшали гербы курфюрста¹⁸. О других 18-ти экземплярах не сказано, что они были украшены гербами. Возможно, том, сохранившийся в Национальной библиотеке Финляндии, входил именно в этот экземпляр

¹⁴ *Raute, Georg. Leichpredigt / Bei dem Begrebnus / der... Gottselichen Frawen / Katharinae / Des Erbam... Abraham... Dressden: Durch Andreas Morgenrodt, 1584.*

¹⁵ Государственная библиотека Берлина — Прусское культурное наследие (сигла: 1); Саксонская земельная и университетская библиотека (сигла: 14); Йена, Тюрингская университетская и земельная библиотека (сигла: 27); Вольфенбюттель, Библиотека герцога Августа (сигла: 23); *Biblioteca Palatina.*

¹⁶ *Aurich, Frank. Op. cit. S. 310; Registratur uber die Theologischen Bucher. F. 3 recto ff.*

¹⁷ "...76.77.78 Auslegung des psalters Davids / 79.80.81 durch M. christoff fischer. 4°. Dresden 85 / 1 et 5 pars rot leder schon vergult 86 / 2 et 4 pars gelb leder vergult 87 / 3 et 6 pars viol blau leder vergult...". *Ibid. S. 306-307, 309.*

¹⁸ "...82.83.84. Idem liber alle 6 thell in rot / 85.86.87. leder vergult mit churff. Wappen...". *Ibidem.*

издания, поскольку лишь в связи с ним в списке упоминается о гербах как элементе декора. Судя по списку, в восьми случаях «Псалмы Давидовы» Фишера были переплетены в белый пергамент, причем о трех экземплярах из этих восьми говорится, что они были позолочены; сведения о декоре остальных отсутствуют. Обычно пергаментные переплеты украшали очень просто: узкой орнаментальной рамкой с тиснением мелкими одиночными штампами по углам и штамп-пластиной в центре. Дважды об обтянутом пергаментом экземпляре сказано: *schlecht* («плохой»). Неизвестно, ремарка это переплетчика¹⁹ по поводу качества работы, или в виду имелось что-то другое. Один раз отмечается, что переплет снабжен кожаными ремнями с металлическими застёжками: «...178. 179. 180 *Idem liber in 7 theil gebunden / 181.182.183 weis pergamen[ft] vergult, mit riemen / 184 vndclausuren...*». Белой кожей — очевидно, свиной — были обтянуты шесть экземпляров «Псалмов Давидовых». Обрезы этих переплётов были разного цвета, имелись металлические застёжки, о декоре сведений нет. Переплеты из свиной кожи не оставляли без украшений, как это было при использовании пергамента, и потому можно предположить, что в данном случае элементом декора являлось блинтовое тиснение. Два последних экземпляра состояли не из шести, а из семи томов. Возможно, последний том содержал указатель, либо один из томов повторялся дважды. Мастер, Каспар Мойзер, переплел экземпляры «Псалмов Давидовых» Фишера в основном в пергамент и свиную кожу, декор также был простым. Лишь четыре экземпляра имели роскошные переплеты, особый интерес представляет тот, что упомянут в списке первым — с томами, обтянутыми кожей разного цвета и покрытыми позолотой. Три экземпляра, переплетённые в красную кожу и украшенные богатой позолотой, были сделаны, скорее всего, для библиотеки курфюрста. Вероятно, труд Фишера был образчиком новой литературы, которую поддерживал курфюрст. Поэтому издание было напечатано в придворной типографии и переплетено в придворной мастерской. Учитывая, что тома имели формат ин-кварто и их переплёты были по большей части весьма просты, можно заключить, что издание предназначалось для активного использования и распространения. Возможно, некоторые экземпляры планировалось

¹⁹ Якоб Краузе умер в 1585 г.; по всей видимости, список составил Каспар Мойзер, и он же, вероятно, изготовил упоминаемые здесь переплёты.

преподносить в дар, но это была не единственная причина изготовления столь значительного их количества²⁰.

В каталоге за 1595 г. упомянуто еще пять экземпляров того же издания, и отмечено, что часть книг предназначалась для дарения. Триста лет спустя, в XIX в., сообщается лишь о двух экземплярах «Псалмов Давидовых» Фишера²¹. Подарочный характер издания мог бы объяснить, почему интересующий нас том попал в библиотеку герцогов Курляндских. С другой стороны, имеющиеся в книге рукописные пометы и украшенный герцогскими гербами переплет указывают лишь на прежних владельцев, однако ничего не говорят о том, была ли книга подарена и как она вообще попала из Саксонии в Курляндию. Учитывая великолепный декор переплета и рукописные пометы, можно сделать вывод о том, что первоначально книга была изготовлена для самого курфюрста, а не в качестве подарка. Похоже, предназначавшийся для курфюрста экземпляр из шести томов с комментариями к псалтири, выглядел так же²². С другой стороны, книги в ручном переплете всегда уникальны, поскольку это штучная работа. Возможно, каждый переплет был декорирован по-своему, но все они являются частями одного художественного целого. В данном случае в качестве примера для сравнения можно привести хранящийся в Библиотеке герцога Августа экземпляр девятитомного собрания сочинений Лютера, атрибутированный в 1953 г. Ильзе Шункен как работа Каспара Мойзера²³. Переплеты всех томов этого экземпляра декорированы в одном стиле и образуют единое целое, но вместе с тем каждый из них отличается от прочих.

Рукописные пометы подтверждают, что книга принадлежала многим людям. Переплет был изготовлен в 1587 г., когда Саксонией правил Кристиан I (годы жизни: 1560–1591). На первой странице по

²⁰ По мнению Франка Ауриха, большое число экземпляров издания объясняется тем, что его намеревались дарить: *Aurich, Frank*. Op. cit. S. 306.

²¹ *Ibid.* S. 310.

²² "...82.83.84. Idem liber alle 6 thell in rot / 85.86.87. leder vergult mit churff. Wappen..." См. выше. Кроме того: *Aurich, Frank*. Op. cit. S. 306.

²³ *Luther, Martin*. Der Erste Teil... vom XVII. jar an/ bis auff das XXII. Zum Vierdten mal gedruckt/ aller ding dem Ersten vnd Andern Druck gleich/ on was nach ordnung der zeit etwas geendert ist. Jhena: Rebart [u.a.], 1575. Bd. 1-9 (Вольфенбюттель, Библиотека герцога Августа [далее — Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel]. Li 4°265).

его указанию сделана надпись, в которой он выражает одобрение этому труду: “*Mit Churf: G: zu Sachsen Freyheit*”²⁴. Можно заключить, что том был переплетён для Кристиана I; впоследствии книгой владели его сын Кристиан II (1583–1611) и жена последнего Хедвига (1581–1641), о чем свидетельствуют рукописные пометы на последней, не пронумерованной странице. На происхождение Хедвиги и на то, что книга принадлежала ей, указывает надпись, датированная 1606 г.: “*Hedwig geborene aus königlichem / Stammen zu Dennemarcken / Churfürstin zu Sachsen*”. Хедвига была дочерью короля Дании Фредрика II²⁵. К 1606 г. относится и надпись Кристиана II: “*Wehm Gott nicht soll der feldt*”²⁶. Видимо, надписи были сделаны по просьбе курфюрста и его супруги. На обороте той же страницы — сильно стершаяся помета: “*18. märzt*”. Надпись от руки есть также с внутренней стороны лицевой крышки переплёта, внизу; текст значительно поврежден из-за влажности, сохранилось только имя: *hedwig*.

Кристоф Фишер

Кристоф Фишер (ок. 1519–1597), составивший комментарии к псалтири, был лютеранским теологом и автором текстов многих духовных песен. Фишер учился в Виттенберге и жил в доме Мартина Лютера, даже был его помощником. Входил он и в круг знакомых Ф. Меланхтона. Позднее Фишер стал генеральным суперинтендантом в Целле. Он оказался весьма плодовитым автором. Между прочим, это он написал текст очень известной духовной песни “*Wir danken dir, Herr Jesu Christ, dass du für uns gestorben bist*” [«Благодарим тебя, Господь Иисус Христос, за то, что ты принял смерть ради нас»]²⁷. В Национальной библиотеке Финляндии хранятся еще два изданных в 1600 г. сборника проповедей Фишера, которые переплетены в один том²⁸. Переплёт тома (205x155x68 мм) выполнен в вит-

²⁴ *Mit Churfürst Gnaden zu Sachsen Freyheit* [По милости курфюрста — к свободе Саксонии].

²⁵ Она вышла замуж за Кристиана II в 1602 г., брак оказался бездетным.

²⁶ Вероятно, читать эту фразу следует так: «*Wem Gott nichts soll, der fällt*», т.е. «Для кого Бог — ничто, тот падет».

²⁷ *Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon*. Verlag Traugott Bautz: http://www.bautz.de/bbkl/f/fischer_c.shtml (сентябрь, 2009).

²⁸ *Fischer, Christoph*. *Christliche vnnnd einfeltige Erklerung, der gnadenreichen Historien, des Leydens vnnnd Sterbens hochtröstlicher Aufferstehung vnnnd siegreicher*

тенбергском стиле, деревянные сторонки обтянуты белой свиной кожей, украшены блинтовым тиснением. На лицевой крышке — сцена распятия, тисненая штамп-пластиной. Вокруг центральной части — тиснение роликовым штампом с изображением четырех аллегорических фигур: *Fides-Spes-Caritas-Prudencia* [Вера-Надежда-Милосердие-Благоразумие]. Внешняя рамка представляет собой растительный орнамент, тоже тисненный роликовым штампом. Задняя крышка переплета украшена аналогичным образом, в середине — тиснение пластиной: саксонский герб с текстом: «*CHVRFVVRST ETC D VON GOTTES GNADE AVGVSTVS HERZOG ZV SAXEN*» [«Курфюрст и т.д., Божьей милостью, Август, герцог Саксонский»]. О мастере, изготовившем этот переплёт, сведений нет, однако в данном случае была использована штамп-пластина с выгравированным на ней именем курфюрста Августа²⁹. Отсюда следует, что работа была выполнена в придворной мастерской в Дрездене. Вероятно, штамп принадлежал знаменитому придворному переплетчику Августа I Саксонского Якобу Краузе. Обрез тома выкрашен в красный цвет, имеются узкие латунные застёжки. На корешке — четыре пары шнуров, корешок без декора. Сохранность книги — хорошая.

Каспар Мойзер³⁰

Изучив переплёт, ранее атрибутированные как произведения Мойзера, их тиснение, особенности декора и композиции, использованные технические приемы, считаю, что том «Псалмов Давидовых» Кристофа Фишера, изданный в 1585 г. и хранящийся в Национальной библиотеке Финляндии, был переплетен Каспаром Мойзером.

В специальной литературе отмечается, что наряду с переплетами работы известного дрезденского придворного мастера Якоба Краузе есть книги, переплеты которых были изготовлены Каспаром

Himelfahrt, vnsers lieben Herrn Jhesu Christi... Gedruckt zu Schmalkalden: Bey M. Schmück, 1600. [804] s.; ill.; 4° (200mm) (Suomen kansalliskirjasto. 785.V. 6[1]); *Idem*. Christliche vnnd einfeltige Auslegung der sieben Wort vnsers lieben Herrn Jhesu Christi, die er am Stamme des heiligen Creutzes... geredet hat. Gestellt in sieben Predigten... Gedruckt zu Schmalkalden: Bey M. Schmück, 1600. [148] s.; 4° (200mm) (Ibid. 785.V. 6[2]).

²⁹ Курфюрст Саксонский Август I принадлежал к Альбертинской ветви династии Веттинов; годы жизни — 1526–1586, правил в 1532–1586 гг.

³⁰ Kaspar (Caspar) Meuser.

Мойзером. Несмотря на то, что Мойзер принадлежал к числу наиболее талантливых немецких переплетчиков эпохи Ренессанса, его личность и творчество долгие годы оставались в тени Якоба Краузе. Краузе был одним из самых значительных мастеров Германии XVI в. и прославленных представителей нового (ренессансного) стиля. Только в первые десятилетия XX в., благодаря исследованиям Ханса Лубье, Кристел Шмидт, Ильзе Шунке, а позднее — Конрада фон Рабенау, Франка Ауриха и др., творческое наследие Мойзера было замечено и оценено.

Точно не известно, где Каспар Мойзер изучал переплетное дело. Все же его четырехлетнее пребывание в подмастерьях у Якоба Краузе свидетельствует, что к тому времени, когда он оказался при дворе курфюрста в Дрездене, он не был еще сложившимся мастером, не имел собственной мастерской и был вынужден обучаться новой технике и новым приемам. Мойзер происходил, возможно, из Тюрингии, из города Зуль, где он родился около 1550 г. В то же время есть предположение, что он работал в Виттенберге и Аугсбурге, и что аугсбургский переплетчик Каспар Хорнеффер рекомендовал его Якобу Краузе³¹. Однако достоверно известно, что он стал подмастерьем у Краузе в 1574 г.³² Мойзер быстро начал работать самостоятельно и вскоре обзавелся собственным оборудованием. Это обратило на себя внимание — и принесло признание — как учителя, так и курфюрста; в 1578 г. Мойзер был назначен вторым придворным переплетчиком. Здесь сыграло роль и другое обстоятельство: из-за болезни Краузе Август I искал ему замену³³. Контракт Мойзера был менее выгодным, чем у Краузе: ему пришлось заниматься главным образом книгами, предназначенными для дорожной библиотеки курфюрста. Их украшали проще и переплетали в легкий пергамент. В то же время обоим мастерам приходилось работать над книгами и для библиотеки, и для архива курфюрста. После смерти Якоба Краузе Мойзер стал главным придворным переплетчиком. В 1587 г. кур-

³¹ *Shunke, Ilse*. *Leben und Werk Jakob Krauses*. Leipzig, 1943. S. 97.

³² *Rabenau, Konrad von*. *Deutsche Bucheinbände der Renaissance um Jakob Krause: Hofbuchbinder des Kurfürsten August I. von Sachsen / Hrsg. von Konrad von Rabenau, unter Mitarbeit von Susanne Rothe und Andreas Wittenberg*. Brüssel, 1994. Bd 1. D. Der Dresdner Hofbuchbinder Kaspar Meuser.

³³ *Shunke, Ilse*. *Op. cit.* S. 96.

фюрст Кристиан I выкупил у вдовы Краузе его набор штампов и передал их в распоряжение Мойзера. У последнего сложились хорошие отношения с новым правителем. Предполагается, что причиной здесь послужили разделявшиеся обоими кальвинистские взгляды, хотя доказательства этого отсутствуют. К сожалению, религия стала причиной разногласий Мойзера со следующим курфюрстом Кристианом II, и он был отлучен от двора. Во взглядах на мир Мойзер расходился и с Якобом Краузе, что отразилось в их творчестве³⁴. Краузе в своей работе исходил из изобразительного ряда, характерного для Виттенберга и основанного на лютеранском вероучении, в то время как на стиль его ученика повлиял кальвинизм. Возможно, именно поэтому в декоре переплетов, изготовленных Мойзером, реже встречаются фигурные изображения на библейские темы. Он чаще работал в итало-французском стиле и чаще использовал очень простые композиции, состоявшие лишь из золотых линий и мелкого тиснения одиночными штампами.

Итало-французский стиль в искусстве переплета

Том, хранящийся в Национальной библиотеке, переплетен в так называемом итало-французском стиле. Появление этого типа переплета, существенно отличавшегося от средневековой традиции, как по технике изготовления, так и по декору, относится ко второй половине XV века. Он проник в Европу из арабских стран, сначала в Испанию и Италию, а затем и в другие регионы. Главными новшествами были золотое тиснение и замена тяжелых деревянных сторонки картонными, сделанными из склеенных вместе листов старой бумаги. Для переплетов использовалась дорогая, хорошо выделанная, тонкая кожа, которую окрашивали в разные цвета. Часто это была телячья или козья кожа. Также при декорировании обращались к новым изобразительным мотивам, характерным для ковроткацкого искусства Востока (морески, или арабески, ленточный орнамент и др.). Переплеты в итало-французском стиле обычно богато украшены тиснением. Первые типичные образцы этого стиля появились во второй половине XV в. в Венеции. Новшества, вошедшие в употребление в Италии, через посредство венгерского королевского дома распространились из Центральной Европы дальше на север.

³⁴ *Rabenau, Konrad von.* Op. cit. Bd. 1. D. Der Dresdner Hofbuchbinder Kaspar Meuser.

В германоязычном культурном ареале наряду с легкими картонными переплетами долго продолжали изготавливать переплеты с деревянными страницами, украшенные блинтовым тиснением и снабженные металлическими застежками. Новая тенденция и орнаменты начали широко распространяться с 1520-х гг. Образцами для мастеров переплетного дела и резчиков штампов служили появившиеся в XVI в. новые книги орнаментов и печатные листы с примерами графики. В Германии были популярны графические листы с образцами орнаментов работы Альбрехта Альтдорфера, Ганса Гольбейна Младшего, Ганса Бургкмайра, Петера Флётнера и др. Новое и старое соединилось в единое целое, и в работе над переплетами наряду с новыми темами в оформлении, кожей тонкой выделки и методами золотого тиснения использовались также деревянные страницы, металлические застежки и мощные переплетные шнуры.

Анализ

Книга (143x205x75[80] мм) обтянута красной телячьей кожей, страницы крышек — тонкие, деревянные. Каспар Мойзер использовал как деревянные, так и картонные страницы, но Якоб Краузе, работая над переплетом, который предстояло украсить позолотой, почти всегда делал их из картона, подчеркивающего качество золотого тиснения³⁵. В данном случае подкладка и лицевой, и задней крышек — из бумаги. На корешке — четыре пары переплетных шнуров, черно-желтые капталы свиты из шелковых нитей. Это цветовое сочетание характерно для Мойзера, он редко выбирал другие цвета. Переплет не был снабжен застежками. Верхний, боковой и нижний обрезы богато украшены золоченым и крашеным орнаментом. На лицевой крышке, по краям книги и на корешке видны потертости, в остальном переплет сохранился хорошо. Декор выполнен в технике золотого тиснения (ранее ошибочно определена как резьба по коже)³⁶. При декорировании использовались две большие овальные штамп-пластины с изображением гербов, штрейховочный нож,

³⁵ *Schunke, Ilse.* Jakob Krause. Stuttgart, 1953. S. 17. (Meister und Meisterwerke der Buchbinderkunst. H. 1.)

³⁶ Aarteet. Skatter. Treasures: Näyttelyluettelo // Kansalliskirjaston Gallerian julkaisu. 2005. № 7. S. 43. № 32. Техника резьбы по коже появилась в XIV–XV вв., известны декорированные таким способом нюрнбергские переплеты.

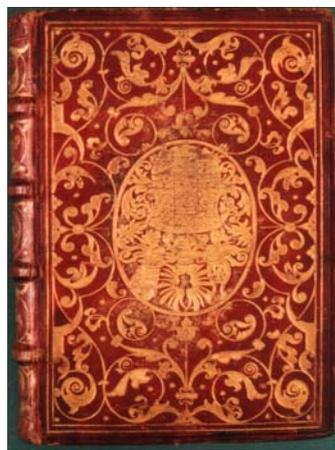
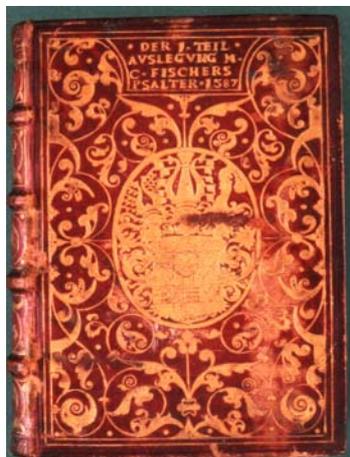
штампы в виде букв для заголовка и 44 одиночных штампа³⁷. Работы Мойзера привлекли внимание своей индивидуальностью и богатством форм, когда он был ещё подмастерьем. Его сильной стороной считается умение технически точно и уверенно выполнять декорирование. Для изготовленных им переплетов в итало-французском стиле характерны свободно выющийся по всей поверхности крышки орнамент и повторение основных элементов декора, который подчёркивается пустотой фона. В то же время у Мойзера всегда четко выстроены композиции, так что все элементы связаны друг с другом и образуют единое целое. На крышках переплета и на корешке господствует симметрия, но в декоре обреза часто используются более свободные формы.

Композиция на лицевой и задней крышках переплета книги в принципе одна и та же, различаются лишь изображения гербов в центре. На лицевой крышке — большой герб курфюрста Саксонского с 15-частным делением щита, появившийся уже после смерти и Августа I, и Якоба Краузе в 1586 г.; поэтому можно считать, что штамп-пластина, которой вытиснен этот герб, принадлежала Каспару Мойзеру (Илл. 2.). На задней же крышке — бранденбургский герб с 17-частным делением щита, что указывает на жену курфюрста Кристиана I Софию Бранденбургскую (Илл. 3.). В оформлении переплетов, атрибутированных как произведения Мойзера, обе эти штамп-пластины почти всегда использовались вместе, одна для тиснения на лицевой крышке, вторая — на задней.

Центральное изображение на лицевой крышке богато обрамлено арабесками, причем композиция немного асимметрична. Вверху четверть поверхности занимает узор, повторяющийся в нижней части и на задней крышке. В верхней части лицевой крышки вытиснены заглавие и год, когда книга была переплетена. Часто на переплете указывали год его изготовления, а не год издания книги. Поверхность элементов орнамента разграфлена. Мойзер использовал более крупные декоративные элементы, чем Краузе, и располагал их на большем расстоянии друг от друга. Композиции Мойзера свойственны богатство декора и минимальные различия в оформлении раз-

³⁷ Атрибуция основана на составленном Кристел Шмидт каталоге штампов Якоба Краузе и Каспара Мойзера. *Schmidt, Christel. Jakob Krause: ein kursächsischer Hofbuchbinder des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1923. S. 83.*

личных частей переплёта, а также в целом нарядный вид. С точки зрения стиля, рассматриваемый переплет относится к периоду перехода от ренессанса к раннему барокко. Декор по-барочному пышен, но в композиции использованы приемы и сюжеты, типичные для лионских мастеров эпохи Ренессанса.

Илл. 2.

Илл. 3.

Кристоф Фишер. Простодушное христианское толкование золотого сокровища, псалмов Давидовых... 2 – Лицевая крышка переплёта; 3 – Задняя крышка переплёта.

Якоб Краузе в годы ученичества в Лионе усвоил, что при создании композиции с помощью одиночных штампов главное — их форма, а не точность эскиза. При разработке декора исходили из особенностей форм штампов³⁸. Этому принципу следовал и Каспар Мойзер. Орнаментальные мотивы для углового пространства выбирали с учетом элементов декора центральной части. Для создания и тех, и других применялся один набор штампов. В данном случае видим, что орнамент можно продолжать, используя различные мотивы. Изображение на крышке переплёта нередко обрамляли декоративной лентой, вытисненной с помощью роликовых или одиночных штампов, Мойзер предпочитал простую линейную рамку. Именно такую двойную рамку мы видим на книге. Штампы, потребовавшиеся для оформле-

³⁸ *Schunke, Ilse. Jakob Krause. S. 20.*

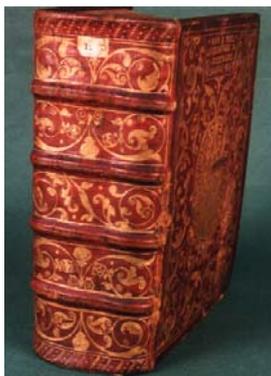
ния этого переплёта, использовали как Краузе, так и Мойзер. В декоре корешка важную роль играла симметрия (Илл. 4.). Пространство между переплётными шнурами разделялось на три части, и каждая из них украшалась узким ленточным орнаментом. Средняя часть отличалась по рисунку. На этом принципе основывался весь декор корешка. Вторым принципом касался выбора орнаментальных мотивов. Обычно использовался геометрический ленточный орнамент.

Илл. 4.

Духовные песнопения. Франкфурт, 1570 г.
Немецкий музей кожи. Инв. № 10061. Корешок.

В данном случае симметрия соблюдается, но корешок украшен динамичными моресками (Илл. 5.)

Илл. 5.

Простодушное христианское толкование золотого сокровища,
псалмов Давидовых... Корешок.

На боковом обрезе тома изображен саксонский герб (Илл. 6.). Для тиснения узора потребовались 33 штампа. Богатство форм моресок создает великолепный декоративный эффект. Обрезы позолочены и покрыты растительным орнаментом, который является свободной вариацией на тему декора переплетных крышек. Для переплетов работы Мойзера характерно свободное развитие образительной темы, использованной в декоре одной из крышек, при оформлении обрезов. Его любимый мотив, который повторяется и на крышках, и на обрезах переплетов — большой подсолнечник³⁹.

Илл. 6.
Боковой обрез.

Для сравнения я выбрала два переплета, атрибутированных как произведения Каспара Мойзера, из Немецкого музея кожи в Оффенбахе. Первый из них был изготовлен в 1581 г. для сборника текстов песнопений, изданного в 1570 г.⁴⁰ (Илл. 7.). Сторонки крышек этого

³⁹ Прекрасный пример — атрибутированный как произведение Мойзера переплёт девятитомного собрания сочинений Мартина Лютера; в оформлении этого переплёт орнаментальные мотивы на крышках и на обрезах повторяются. Особенностью данного экземпляра является очень красивый, выполненный на высоком художественном уровне декор обрезов. См.: *Luther, Martin. Der Erste Teil... vom XVII. jar an/ bis auff das XXII. Bd. 8* (Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. Li 4°265).

⁴⁰ *Kirchengesang*. Frankfurt, 1570. (Немецкий музей кожи [далее — Deutsches Ledermuseum]. Inv. № 10061. Kat. № 1.24.11. Heft 1. Offenbach, 1974.)

переплета — картонные, обтянуты телячьей кожей; капталы черно-желтые; декор с применением золотого тиснения. На лицевой крышке — саксонский герб и инициалы курфюрста Августа: *A(ugust), H(erzog) z(u) S(achsen), C(hurfürst)*, а также год, когда книга была переплетена. На верхнем обрезе — герб эрцмаршала, на нижнем — саксонский герб. Для декорирования было использовано 35 штампов. При изготовлении этого переплета и переплета тома, хранящегося в Национальной библиотеке Финляндии, применялись одни и те же штампы. Второй переплет, ранее атрибутированный как произведение Каспара Мойзера, был сделан для молитвенника, изданного в 1581 г.; вероятно, книга была переплетена тогда же⁴¹ (Илл. 10.) Основной декоративный мотив — морески. На задней крышке изображен герб супруги Августа, Анны Датской (Илл. 8.).

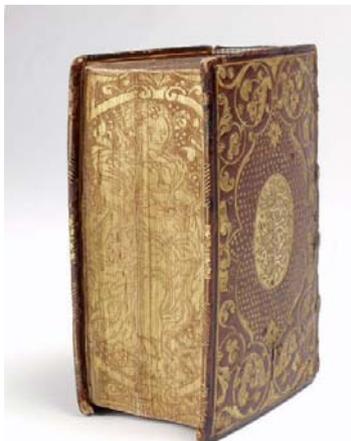

Илл. 7. Илл. 8.
Духовные песнопения. Франкфурт, 1570.
8 – Задняя крышка переплёта.

Штампы для тиснения обоих гербов принадлежали Мойзеру. В этом случае композиции на переплётных крышках также окаймлены золочеными рамками. Корешок декорирован в классическом стиле — ленточным орнаментом. Обрезы позолочены и также украше-

⁴¹ *Heidenreich, Esaias. Gebetbuch mit Holzschnitten. Leipzig, 1580. (Deutsches Ledermuseum. Inv. № 180. Kat. № 1.24.13. Heft 1. Offenbach, 1974.)*

ны ленточным орнаментом; на боковом обрезе к тому же аллегорическое изображение Веры (Fides) в роскошном одеянии и с кубком в руке (Илл. 9.). На верхнем обрезе — герб эрцмаршала, на нижнем — саксонский герб. Для декорирования было использовано 35 штампов. При изготовлении этого переплета и переплета тома, хранящегося в Национальной библиотеке Финляндии, применялись одни и те же штампы.

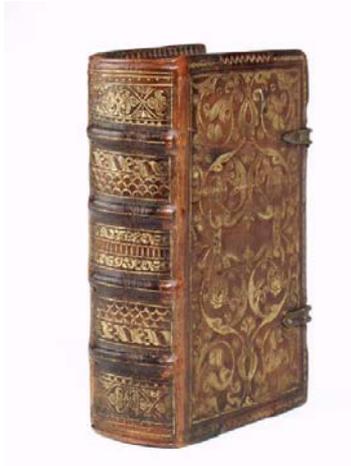
Илл. 9.
Боковой обрез.

Второй переплет, ранее атрибутированный как произведение Каспара Мойзера, был сделан для молитвенника, изданного в 1581 г.; вероятно, книга была переплетена тогда же⁴² (Илл. 10.).

Сторонки крышек у этого переплета сделаны из дерева и обтянуты телячьей кожей. Они профилированы; капталы — желтые. Латунные застежки утрачены. Крышки декорированы орнаментом с моресками, вокруг — золоченая линейная рамка. Принципы декорирования — те же, что и в предыдущем случае, но здесь перед нами пример соединения итало-французского и немецкого стилей. Для последнего типичны профилированные деревянные сторонки, латунные застежки, более толстая кожа и глубокое тиснение, что мы и

⁴² *Heidenreich, Esaias. Gebetbuch mit Holzschnitten. Leipzig, 1580. (Deutsches Ledermuseum. Inv. № 180. Kat. № 1.24.13. Heft 1. Offenbach, 1974.)*

наблюдаем (Илл. 11.). В то же время набор декоративных мотивов, золотое тиснение, шелковые капталы и позолоченные обрезы, украшенные орнаментом, характерны для итало-французского стиля. При декорировании этого переплета применялись штампы, которые, как установлено, использовались Мойзером, и которыми выполнено тиснение переплета книги из Национальной библиотеки Финляндии.

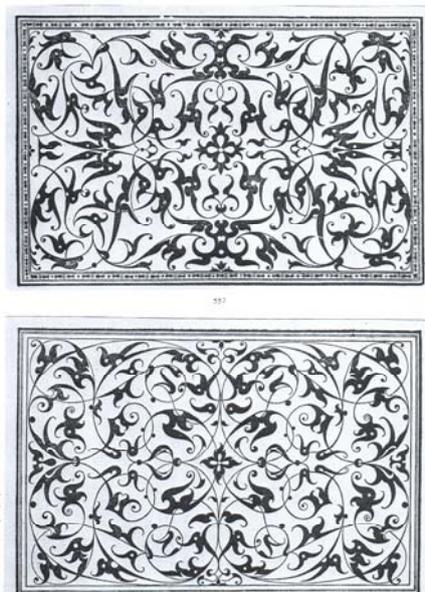

Илл. 10.
Молитвенник. 1580. Лицевая крышка переплёта.

Илл. 11.
Молитвенник. 1580.

Kunstabuch Петера Флётнера, изданная в 1549 г., содержит много образцов арабескового орнамента⁴³. По-видимому, ею пользовались резчики, изготавливавшие штампы для Якоба Краузе и Каспара Мойзера, поскольку часть штампов, которыми выполнено тиснение на переплетах работы этих мастеров, точно копируют орнаменты Флётнера⁴⁴ (Илл. 12).

Илл. 12.
1549. Арабески.

И в декоре переплетных крышек можно обнаружить явное влияние образцов из Флётнеровой *Kunstabuch*. По предположению Генриха Рёттингера, автором ряда орнаментов, представленных в этой книге, был Ганс Рудольф Мануэль Дойч⁴⁵. Однако, согласно

⁴³ *Flötner, Peter*. [Muster für Goldschmiede, Kunstschreiner, Büchschäfter usw.] / P.F. Zürich: Wyssenbach, 1549.

⁴⁴ *Ibid.* Табл. 11, 14.

⁴⁵ *Berliner, Rudolf; Egger Gerhart*. Ornamentale Vorlageblätter des 15. bis 19. Jahrhunderts. München, 1981. Bd 1. Textteil. S. 63.

словарю Тиме-Беккера, большинство из сорока графических листов были все же созданы Флётнером⁴⁶.

В развитии искусства ренессансного переплета в Германии значительную роль сыграли переплеты, изготовленные в саксонской придворной мастерской. Еще более важную роль сыграли саксонские курфюрсты, которые проявили интерес к новому течению в переплетном деле и поддержали его. Особого внимания заслуживает курфюрст Август I, по чьему указу в 1556 г. была основана библиотека⁴⁷. В XIX в. она стала Королевской публичной библиотекой, а в XX в. — Дрезденской публичной библиотекой. В годы Второй мировой войны ее фонды понесли серьезные потери. Во время войны лучшее из собрания переплетов Краузе хранили в подвале Японского дворца, который был поврежден в результате авианалетов и оказался заполнен водой. В итоге, многие экземпляры были утрачены⁴⁸. Кроме того, из 1165 переплетов так называемого собрания Якоба Краузе, куда входят и произведения Каспара Мойзера, 985 были вывезены в Москву⁴⁹. Точных сведений о количестве переплетов работы Мойзера нет. Кристел Шмидт в своей монографии 1923 г. насчитала почти 70 штук, однако послевоенные разыскания внесли большие коррективы в её выводы. Переплет из Национальной библиотеки Финляндии — лишь одна из новых находок. Два тома, которые когда-то принадлежали саксонским курфюрстам, затем в составе книжного собрания герцогов Курляндских были подарены Петербургской академией наук Хельсинкскому университету, а теперь хранятся в Национальной библиотеке Финляндии, указывают на то, что в ее фондах могут быть и другие книги из дрезденской придворной библиотеки.

*(Авторизованный перевод с финского
А. В. Толстикова)*

⁴⁶ Allgemeiner Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart / Begr. von Ulrich Thieme und Felix Becker. Hrsg. von Ulrich Thieme. Leipzig, 1999. Bd. 11/12. S. 114.

⁴⁷ Основание дрезденской придворной библиотеки датируют как 1555, так и 1556 годом.

⁴⁸ Schunke, Ilse. Vorläufiges Verzeichnis der in der Sächsischen Landesbibliothek zu Dresden erhaltenen Krause-Einbände // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1956. Bd. 70. Heft 7/8. S. 245-266.

⁴⁹ <http://www.slub-dresden.de/sammlungen> (сентябрь, 2009).

Л.М. МАКАРОВА

АНТИНАЦИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ (1945–1955)

В послевоенном искусстве Восточной Германии, в силу особенностей ее исторического развития, антинацизм как система ценностей приобрел особую значимость. На первое послевоенное десятилетие приходилась основная тяжесть «расчета с прошлым», отказа от прежнего видения мира. Определение сущности нацизма и собственного к нему отношения становилось в этих условиях не только основным мировоззренческим кредо самого художника, выраженным в категориях добра и зла, но через его искусство и элементом формирования ценностных ориентиров общества. Для Восточной Германии характерным отношением к нацизму было не покаяние, а стремление отмежеваться от него.

Особенно характерно это стремление для тех немецких художников и скульпторов старшего поколения, которые свое неприятие нацизма проявили еще до 1933 г. В большинстве это были сторонники коммунистических взглядов, поскольку именно их творчеству была в 1920-30-е гг. присуща крайняя политизированность: искусство они не отделяли от политики. Позднее, в 1933–1945 гг. их судьбы сложились по-разному. Одни оказались в концлагерях — Г. Грундиг, Х. Эрнст, Г. Зандберг. Другие были в эмиграции — Леа Грундиг, Г. Гросс (вернулся только в 1959 г.), К. Хофер, Т. Бальден.

В послевоенной реальности, скорректированной присутствием советских оккупационных войск, именно они выдвигались на первый план, и на них возлагалась задача средствами искусства выразить официальные взгляды на демократию в целом и в этой связи на нацизм и антинацизм¹. Они, в свою очередь, стремились максимально четко обозначить собственную позицию в этом вопросе.

¹ Подробно об этом: *Тимофеева Н.П.* Немечкая интеллигенция и политика реформ: Система образования в Восточной Германии 1945–1949 гг. Воронеж, 1966. См. также: *Полевой В.М.* Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. М., 1989. С. 290-291, 302-303.

Разумеется, подобная позиция была свойственна далеко не всем деятелям искусства послевоенного периода. Часть из них первоначально оставались нейтральными, пытаясь преодолеть растерянность, найти свое место в изменившемся мире. В послевоенный период для их творчества была характерна подчеркнутая аполитичность, в тематике работ О. Хоффмана, К. Квернера преобладали портреты. О. Нагель, Х.Т. Рихтер в первые послевоенные годы не находили в себе сил вернуться к художественному творчеству².

Наконец, была еще одна группа (к ней в первую очередь следует отнести известного скульптора Г. Кольбе, признанного нацистами, и с некоторыми оговорками коммуниста Ф. Кремера, относившего себя к «внутренней эмиграции»), представители которой, не являясь нацистами по убеждению, все же чувствовали себя достаточно комфортно в период нацистского господства. Их работы получали награды на нацистских выставках, они имели возможность зарубежных поездок. Но их послевоенная позиция была различной. Кремер сразу перешел к отрицанию прошлого, к безоговорочной поддержке нового режима. Что же касается Кольбе, для него 1945 год означал мучительный «расчет с прошлым», переоценку собственных позиций, в том числе в искусстве.

Изучение творчества художников первой группы позволяет увидеть изобразительную специфику неприятия нацизма на достаточно протяженном отрезке времени. Информативность их работ различна и во многом связана с уровнем философского осмысления темы и соответственно с ее семантической насыщенностью. Изучение этой проблемы как в отечественной, так и германской историографии, в силу непреходящей актуальности темы, началось практически сразу после окончания войны. Суждения об этом занимали важное место в специальных трудах и в общих работах по истории и культуре ГДР, по проблемам становления социалистического искусства³. Об антинацизме, как ведущем критерии при оценке значимости творчества отдельных художников и скульпторов, много гово-

² См. об этом: *Kober M.M. Die Stunde Null? Zur Bewußtseinslage der Künstler nach 1945 // Bildende Kunst. 1987. Н. 11. S. 524-525.*

³ Даже в работах, посвященных этому периоду, антинацизм рассматривается лишь как составная часть социалистического строительства, иногда синонимично. См., в частности: *Kunst der DDR 1945–1959. Leipzig, 1982. Band 1-2.*

рится также в посвященных им монографиях, но этот показатель зачастую оказывается в прямой зависимости от степени их преданности новому режиму, сформировавшемуся на территории Восточной Германии⁴. Направленность искусства продолжала оставаться преимущественно политической.

Параметры осмысления антинацизма как фактора художественного сознания в Восточной Германии в 1945–1955 гг. наиболее полно представлены в журнале Союза художников ГДР “Bildende Kunst”⁵. Там широко дискутировалась антифашистская тема, рассматривалось её международное, а не только германское проявление, приводились суждения деятелей искусства разных стран, помещались репродукции картин и скульптур, давалась их идеологическая и искусствоведческая оценка. В целом в историографии проблемы доминировал навязчиво оценочный, догматический подход. В этом отношении между историографиями СССР и ГДР нет особых различий⁶. Особенно это касается коллективных трудов, выпускаемых к юбилеям. Вневременные, общегуманные позиции, в сущности, там отсутствуют, все явления жизни трактуются в русле воинствующего коммунизма периода «холодной войны». В итоге вместо целостной картины антифашистского видения мира первых послевоенных лет и показа ее перспектив предьявляется как единственно возможная, в полном соответствии с реальной политикой, жесткая модель трансформации антинацизма в социализм.

После окончания войны возрождение художественной жизни в Германии шло в двух основных направлениях — творческом (создание новых произведений) и организационном (воссоздание системы художественных объединений, организация выставок). Эти процессы начались практически сразу после освобождения. Насколько

⁴ См., в частности: Полякова Н. Фриц Кремер. М., 1982. С. 23-24; *Stockfisch W. Figuren des Schmerzes: Zum Spätwerk Georg Kolbes* // *Bildende Kunst*. 1982. Н. 8. S. 396-397.

⁵ Журнал был основан в 1947 г. и выходил до 1949 г. С января 1953 г. он был органом Союза художников Германии, позднее переименованного в Союз художников ГДР. В марте 1991 г. выход его прекратился.

⁶ См., например, предисловие У. Кухирта к монографии З.С. Пышновской «Немецкие художники-антифашисты: Культурно-исторический очерк». М., 1976. С. 5-9. Работа посвящена периоду 1933-45 гг.

можно судить, художественная жизнь Германии ранее всего возобновилась в Дрездене, прежнем центре изобразительного искусства.

Исследователи считают символичным одновременное возрождение и разрушенного города, и искусства. Начало этому возрождению было положено в ноябре 1945 г., когда состоялась первая выставка дрезденской группы “Der Ruf” с программным названием «Освобожденное искусство»⁷. Членам этой группы был присущ крайний рационализм, далекий от всякого романтизма. На выставке экспонировались работы художников, отнесенных в 1933–1945 гг. к категории «выродившихся», главным образом экспрессионистов, а также тех, кто по разным причинам в период нацизма не имел права на профессиональную деятельность. Представленные там работы совсем не обязательно были строго антинацистскими в политическом понимании. Они отторгались нацистами по причине иного, альтернативного нацистскому восприятия мира и соответственно чуждого художественного языка⁸.

В декабре того же 1945 г. в Дрездене, на базе Академии искусств, состоялась новая выставка, объединившая художников прежде существовавших обществ — Союза художников, Дрезденского Сецессиона 1932 г. и Ассоциации революционных художников Германии (АССО). Там были выставлены уже чисто антифашистские работы — например, картина В. Лахнита «Жертвам фашизма». Но одновременно были представлены и работы, мало или совсем не представлявшие в 1933–1945 гг. Эта практика продолжалась и позднее, приобретая все большую политическую окраску. В марте 1946 г. там же, в Дрездене состоялась выставка, на которой были представлены работы тех, кто находился в оппозиции к нацистскому режиму, подвергался преследованиям, погиб в борьбе с нацизмом или в результате преследований (в частности, Э. Барлаха, Г. Гросса, К. Кольвиц, Ф. Шульце). Выставки 1946 года можно считать по этой причине

⁷ См.: *Claußnitzer G. Künstler in Dresden*. Berlin, 1984. S. 5-6. К сожалению, из-за отсутствия каталога выставки трудно с точностью сказать, какие конкретно полотна там выставлялись. О первых выставках 1945-46 гг. см. также: *Bildende Kunst*. 1986. Н. 3. S. 121-123.

⁸ О причинах нацистского отторжения экспрессионизма см., в частности: *Hamann R., Hermand J. Expressionismus*. Berlin, 1975. S. 288-289.

своеобразной кульминацией всех предшествующих достижений в области антинацистского искусства.

С художественной точки зрения выставки 1945-46 гг. ставили целью пересмотреть отношение к искусству, навязанное нацизмом, снять многочисленные запреты. Это была закономерная попытка ликвидировать разрыв в художественной жизни Германии, возникший в результате нацистского вмешательства⁹. В силу объективных причин количество новых работ на них не было значительным. Преобладавшие тогда малые формы — рисунок пером (Г. Зандберг) или тушью (Л. Грундиг), по-видимому, не были представлены. Антинацизм в искусстве первых послевоенных лет по этой причине трудно отграничить от предшествующего этапа, в том числе с точки зрения содержания произведений и их художественного языка.

С течением времени институт выставок превратился в один из инструментов художественного контроля¹⁰. Центральные итоговые выставки впоследствии проводились с интервалом примерно в 5 лет до конца существования ГДР и вновь ставили своей целью подчинить художественный поиск политике.

Практически сразу после освобождения от нацизма началось новое структурирование творческих сил в Восточной Германии. В 1945 г. был создан Культурбунд — Союз деятелей культуры по демократическому обновлению Германии, куда входили и представители творческой интеллигенции, в частности, художник Б. Пауль. Одним из его основателей был К. Хофер, вице-президентом — О. Нагель. Однако подобное единство творческих сил было скорее исключением. В дальнейшем, в 1945-49 гг. возникла сеть групп, организованных по принципу уже не творческих, а политических симпатий, наподобие практики межвоенного периода. Так, "Die Fähre" в Галле объединяла художников, работы которых были проникнуты

⁹ Следуя критериям Н.А. Хренова, можно обратиться к понятию «перехода», при котором происходит резкая смена систем ценностей. Проблема в этом случае заключается в том, что подобный резкий переход в культуре может оказаться несозидательным, собственно развития при этом может и не происходить. См.: Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М., 2002. С. 20.

¹⁰ Bildende Kunst. 1986. Н. 3. S. 123. Anmerkungen.

антивоенным протестом с гуманистических позиций¹¹. Союз художников в Берлине возобновил традиции буржуазных организаций Веймарской республики. Примерно в тот же период по инициативе прежних участников межвоенной АССО был создан Кружок социалистических художников. В него вошли приблизительно на треть бывшие участники АССО, в том числе Г. и Л. Грундиги. В 1950 г. на основе именно этого кружка был образован единый Союз художников ГДР, однако уже не с антинацистской, а с социалистической программой, хотя по-прежнему в качестве ведущего мировоззренческого принципа во всех видах искусства официально провозглашался «бескомпромиссный антинацизм»¹². Произошло, таким образом, смысловое преобразование первоначального термина. Прежний, общедемократически понимавшийся антинацизм периода Культурбунда сводился теперь лишь к одной из его составляющих.

Политически под антинацизмом в работах послевоенного периода, как и в предшествующие годы, подразумевалось разоблачение преступлений нацизма. На первый план логически выдвигалась тема лишения свободы и уничтожения, в целом не новая для художников старшего поколения (достаточно вспомнить созданный Л. Грундиг графический цикл «Под свастикой» и Г. Грундигом цикл «Животные и люди», оба 1935–1938 гг.). После окончания войны эта тема получила дальнейшее развитие. В 1945–1947 гг. Л. Грундиг создала серию рисунков тушью под общим названием «Никогда больше»: «Путь в газовую камеру» (1945), «Военный преступник» (1945), «Армия и генералы под Сталинградом» (1947). Практически на всех рисунках — массовая гибель людей, независимо от того, кто они — гибнущие под Сталинградом рядовые, скрюченные тела которых составляют фон двум фигурам увешанных орденами генералов, жертвы военного преступника или бледные тени, бредущие в никуда через пустое, безлюдное пространство, по дороге, на которой остались следы тысяч их предшественников.

¹¹ *Schulze I.* Zur Halleschen Künstlergruppe “Die Fähre” // *Bildende Kunst*. 1975. Н. 4. С. 168; *Eadem.* Künstlervereinigung “Die Fähre” // *Bildende Kunst*. 1987. Н. 6. С. 274-276.

¹² *Kunst der DDR 1945–1959.* Band 1. S. 32-33. *Ханке Х., Росоу Г.* Социалистическая культурная революция в ГДР. С. 188. Первые годы существования Союза художников ГДР анализируются в журнале этого Союза: *Bildende Kunst*. 1982. Н. 5. Номер посвящен 30-летию его существования.

Совсем особая тема — еврейский геноцид. Как правило, ее исследованием (и не только в искусстве) занимаются представители еврейского населения. Серию работ «Гетто» создала Л. Грундиг. Г. Зандберг, сатирик, бывший узник Бухенвальда, автор многочисленных гравюр на тему концлагерей, подошел к вопросу с религиозной точки зрения. В небольшом рисунке пером «Этот грязный еврей», помещенном в газете «Das Volk» 27 июля 1945 года, он изобразил нациста, распявшего Христа на свастике. Рисунок снабжен подписью — цитатой первой строки 24 пункта Программы НСДАП о свободе вероисповедания¹³. Строго говоря, в подписи нет особой необходимости. Высокий уровень информативности рисунка достигается за счет лаконизма, при котором каждый штрих приобретает значение символа. Христос, ведущая фигура одной из мировых религий низводится до уровня недочеловека, подлежащего уничтожению. С нацистской точки зрения, здесь подразумевалось бы торжество свастики как арийского символа над еврейским богом, символом неарийцев (следовательно, недочеловеков). Однако фигура распятого Христа выполнена на рисунке в соответствии с христианскими канонами, и рядом с его возвышенным страданием именно хохочущий нацист предстает недочеловеком, глумящимся над святыней.

Осуждение нацизма на эмоциональном и психологическом уровне после 1945 г. было дополнено стремлением увековечить память о погибших. В отличие от предшествующего периода, когда просто человек как таковой предстал жертвой нацизма, здесь такие жертвы были показаны дифференцированно. Эта эволюция темы прослеживается, в частности, при сопоставлении двух вариантов картины Г. Грундига, созданной в 1946–1948 гг., с его прежним творчеством. Более ранний из вариантов, если судить по его облегченной знаковости, называется «Жертвы фашизма», второй — «Жертвам фашизма»¹⁴. В самом изменении названия уже содержится изменение смысла, во втором случае — помимо оплакивания жертв — стремление увековечить память о них.

С точки зрения организации материала, в обоих случаях это развитие композиции, представленной в пределе триптиха 1935–

¹³ Lang L. Herbert Sandberg: Leben und Werk. Berlin, 1977. S. 46, 94.

¹⁴ Анализ этой картины с искусствоведческой точки зрения см.: Либман М.Я. Ганс Грундиг. М., 1974. С. 82-84; Feist G. Hans Grundig. Berlin, 1979.

1938 г. «Тысячелетняя империя» и в гравюре «Смерть» из серии «Животные и люди» 1937 г. Однако налицо семантическое различие. Во всех случаях на переднем плане — две лежащие человеческие фигуры, но в «Тысячелетней империи» это — «Спящие», в обоих вариантах «Жертв» и в «Смерти» — мертвые. Мало того, во всех случаях не просто изображены умершие, это — коллективное захоронение жертв, атрибут смерти через уничтожение, предназначенной для изгоев нацистского общества, изгнание их из памяти поколений¹⁵.

Наиболее сильной по воздействию на зрителя представляется гравюра «Смерть», в которой над мертвыми как бы нависает безымянный ужас. Здесь значительно влияние экспрессионизма, о чем свидетельствуют и позы людей, и сброшенная маска одной из фигур, создающая впечатление чудовищного карнавала, на котором торжествует смерть. Одновременно это намек на общее тяготение к карнализации жизни, характерное для тоталитарного общества.

В двух вариантах «Жертв» одна и та же сюжетная линия трактуется несколько по-разному, во втором случае больше внимания уделено геноциду: на явно концлагерной одежде одной из жертв виден шестиугольник, покрывало на его голове имитирует талит¹⁶, признак принадлежности к иудаизму. На одежде второй жертвы нашит красный треугольник, которым нацисты отмечали политических заключенных, вся фигура закрыта красным полотнищем, символом коммунистической идеологии. Позы людей в могиле в первом варианте — прямые, вытянутые тела, аналог «Спящих», во втором экспрессионистски выразительные изломы тел как бы передают печать предсмертных страданий, как в гравюре «Смерть».

Философия общей трактовки нацизма передается во втором случае за счет существенного сокращения деталей второго плана. В первом варианте второй план — тщательно выписанные ограждения концлагеря, прямо над фигурами погибших выются черные птицы. Во втором варианте внешнее пространство расширено до уровня

¹⁵ Подробнее о нацистском отношении к смерти см.: *Макарова Л.М.* Смерть в мировоззрении национал-социализма // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 142-151.

¹⁶ Талит — род накидки, которой иудеи покрывают плечи и голову во время богослужения.

Вселенной, погибшие оказываются перед лицом Вечности. В обеих картинах над концлагерем изображено зарево, «космический пожар», за которым обязательно последует возрождение¹⁷. Для творческого сознания XX века можно считать закономерностью осмысление событий на другом уровне образности, сравнительно с предшествующим периодом, применение гротеска, притчи и иных форм выражения, зачастую на грани иррационального, слияние парадокса и обыденности, широкое использование фантастических образов.

Примером может служить триптих Г. Грундига «Тысячелетняя империя», выполненный в 1935–1938 гг. Давая такое название картине, Грундиг трактует его в абсолютном значении «Тысячелетнего царства», переводя за пределы конкретной истории. Левая створка, «Карнавал», намекает на иррациональность восприятия мира, карнавализацию действительности. Наиболее интересна средняя часть «Видение горящего города», с его торжеством очищающего огня, в котором, как при конце света, должны погибнуть грешники и уцелеть праведники. Историческим событиям придается, таким образом, структурно иное, метаисторическое значение, при котором человек оказывается включенным в универсальную космическую систему, с вневременным, абсолютным пониманием добра и зла.

Одновременно художник придает своей работе характер мемориального произведения. По нижнему краю картины выписаны три имени — Хелен Эрнст, Кристль Бехам, Фриц Шульце. Эти имена принадлежат друзьям Грундига, погибшим в результате нацистских преследований. Двое из них художники, третий, Кристль Бехам — политический агитатор. Антинацизм в работе Грундига имеет, таким образом, два уровня информативности: с одной стороны — содержание его собственной картины, с другой — память о его умерших друзьях, об их вкладе в антинацистскую борьбу. Картина, таким образом, отрицает принцип безымянности жертв, становясь памятником конкретным борцам, бессмертным героям. В этом заключается еще один протест — против нацистской концепции смерти: безымянность жертв, погребенных в общей могиле, по нацистским понятиям — удел недочеловеков, забвение. Антинацизм с чисто полити-

¹⁷ Интерпретацию огня как символа, в том числе в германской традиции, см.: *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость. СПб., 1998. С. 175.

ческого уровня здесь переходит на общечеловеческий, с неизбежностью отрицающий не только нацистские эстетические принципы, но и в целом концепцию личности. Во втором варианте этот контраст глубже, он и в позах фигур, и в подчеркнутости их индивидуальных и мировоззренческих различий.

В скульптуре вопрос о памятниках жертвам нацизма возник также сразу после войны, но приобрел особую актуальность в 1950-е годы. В этом отношении Восточная Германия отставала, например, от Польши, где памятник повстанцам варшавского гетто воздвигли уже в 1948 г.¹⁸ Это отставание существенно отразилось на образности скульптурного языка. С самого начала в этих памятниках было выражено осуждение геноцида, изображение бедствий войны. Память героев, павших в борьбе против нацизма, и конкретно участников восстания в Бухенвальде, была увековечена в 1954 г. превращением этого концлагеря на территории Восточной Германии в музей Сопrotивления нацизму. Одновременно, в 1952-1958 гг., там возводился скульптурный мемориальный ансамбль, в котором Ф. Кремер использовал возможности многофигурной композиции для решения сложных морально-психологических проблем¹⁹. В отличие от живописных работ, здесь больше внимания уделено не мученической смерти и страданиям жертв нацизма, а их сопротивлению.

Смерть становится как бы условием победы, торжества освобождения, поэтому в памятниках закономерно возвеличение смерти до уровня героической. Одновременно это и бессмертие павших, как постоянное напоминание живущим о необходимости стойкости и мужества. Однако если в живописи антинацизм выражен не только в содержании, но и в эстетических принципах, скульптурная композиция Кремера дает существенно меньше таких возможностей. Его герои безымянны, это — аллегории определенных качеств личности: Сомневающийся, Циник, Приносящий клятву.

¹⁸ Его изображение см.: Bildende Kunst. 1986. Н. 6. S. 285.

¹⁹ Изображение и анализ памятника см.: Полякова Н. Фриц Кремер. Гл. IV. Правда, в этой работе подчеркивается социалистическая заданность памятника. Можно также остановиться на торжествующей фигуре освобожденного человека: его поза не очень отходит от канонов предшествующего периода. Символический язык скульптуры в данном случае довольно беден и предоставляет мало возможностей для нюансировки переживания.

Существенно гуманистичнее в этом отношении скульптуры Г. Кольбе. Начиная с 1945 г., главной темой его пластических композиций становится человеческое страдание как выражение раскаяния или искупления. Вначале — это автобиографичный Освобожденный (1945), коленопреклоненный человек, при мысли о прошлом обеими руками закрывающий лицо. Его ощущение комфортной интегрированности в мир рухнуло. Возник разрыв между его идеалом и изменившейся реальностью. Это соответствует высказыванию самого Кольбе «Мы потеряли себя и должны обрести вновь»²⁰. В проекте его памятника жертвам фашизма (1946 г.) вновь показана не героическая гибель, как у Кремера, а сострадание умирающему²¹.

Художественное решение темы борьбы с фашизмом у большинства авторов предполагало коллективное действие и коллективное восприятие, а не индивидуальный опыт одиночки. Однако, поскольку знаковость оказывается универсальной при показе активной борьбы и героической гибели, в скульптурных композициях павших героев значительно сходство с нацистским эстетическим идеалом: суровые лица, агрессивная поза, сжатые кулаки. Отличие от нее достигается лишь при условии показа боли и страданий конкретного человека, проблемы ответственности или искупления.

Возможно, семантическое сходство скульптур было обусловлено и изменившейся политической ситуацией. Искусство вновь оказалось под государственным контролем. Доминирование социалистических идей достигалось за счет многочисленных мер, принимаемых в этом направлении СЕПГ. Начиная с 1947 г., эта партия проводила конференции, на которых рассматривались вопросы социалистической культуры с точки зрения не только тематики произведений, в которых антинацизм плавно перетекал в агрессивную антибуржуазность, но и корректировки художественного языка²².

Культура снова постепенно становилась конструируемой. Этот процесс приобрел масштабность с 1950 г., после III съезда СЕПГ, на котором литература и искусство рассматривались как составная

²⁰ Цит. по: Bildende Kunst. 1987. Н. 11. S. 524.

²¹ См.: Bildende Kunst. 1982. Н. 8. S. 396-399.

²² См.: История Германской Демократической Республики. М., 1979. С. 446; *Streisand J. Kultur in der DDR*. Berlin, 1981. S. 80; *Kunst der DDR 1945–1959*. Band 1. S. 55.

часть дела социалистического строительства, и ставился вопрос о «болезни нейтрализма» (приоритете общедемократических ценностей) у деятелей науки и культуры²³.

Любая культура идентифицирует себя через сопоставление с другой культурой, общество определяет себя посредством того, что оно исключает. Однако точка отсчета при таком сопоставлении нацизма и антинацизма по необходимости оказывается здесь общей, различие заключается в оценке, положительной или отрицательной. На мемориальном памятнике в Бухенвальде выражающие согласие люди поднимают вверх два пальца — знак согласия — так, как это требовалось при выражении любого одобрения, в том числе и во времена нацизма. Их позы решительны, поскольку это борцы, отличие — в обозначении идеи, за которую борются. Реальное отличие наступает только при смене художественного языка.

Антинацизм терминологически далеко не однозначен и нуждается в серьезном уточнении, в зависимости от временного отрезка и от степени политизированности художника. В данном случае он представляет не столько политическое, сколько мировоззренческое понятие, соответственно его рамки расширены. Это позволяет двойную, историческую и художественную, интерпретацию изобразительных источников с точки зрения основного показателя — языка художественного произведения. Антинацизм — не только создание, но и признание прежде отвергнутых систем ценностей.

В Восточной Германии начавшая в 1945 г. возрождаться полисемантичность с начала 1950-х гг. уступает место однозначно понимаемым штампам, противопоставлению нацизм — социализм; аксиологическая (ценностная) составляющая искусства, трансформированная в эстетическую категорию, вновь стала доминировать над собственно художественными поисками. Общечеловеческое отступает, что негативно отражается на искусстве: очень зыбкой оказывается грань, отделяющая новое социалистическое искусство от прежней нацистской натуралистичности. В результате сложная открытая система за счет сужения толкования антинацизма лишь как социализма вновь превратилась в закрытую, одна догма сменила другую.

²³ История Германской Демократической Республики... С. 444.

В.А. ФИЛИМОНОВ

М.С. КУТОРГА И Н.И. КАРЕЕВ

КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА И ТРУДНОСТИ ВЕРИФИКАЦИИ

В рамках схолярных исследований последних лет четко обозначилось проблемное поле, связанное с межличностными коммуникациями внутри научной школы и за ее пределами. Значимый сегмент этого поля — изучение различных аспектов линии учитель–ученик¹. Наша задача — уяснить характер взаимоотношений выдающегося русского историка Н.И. Кареева (1850–1931), в пору зарождения его интереса к исторической науке, с «первым самостоятельным русским исследователем в области древнегреческой истории»² Михаилом Семеновичем Куторгой (1809–1886).

Опираясь на мемуары Кареева, исследователи его творчества ограничиваются констатацией факта слушания им курса Куторги по древней истории во время обучения на историко-филологическом факультете Московского университета (1869–1873)³, избегая подробного анализа того влияния, которое оказали или могли оказать эти лекции на формирование научных интересов будущего историка.

¹ См., напр.: *Догалева В.П.* Ф.И. Буслаев и В.О. Ключевский: учитель и ученик // Ключевский. Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 111-119; *Шаханов А.Н.* Учитель и ученик: С.М. Соловьев и В.О. Ключевский в 1860–1870-е годы // Там же. С. 304-321; *Антощенко А.В.* Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 105-117 и др.

² *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX–начале XX века. Ч. I. Л., 1929. С. 100.

³ *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: генезис и эволюция. Л., 1988. С. 11; *Он же.* Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 7; *Он же.* Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 130; *Дунаевский В.А.* «Прожитое и пережитое» о жизни и творчестве Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 26; и др.

Насколько и в какой мере Кареев сам ощущал себя учеником Куторги? Обратимся к источникам — к оценкам Куторги и ссылкам на его труды, которые содержатся в работах Кареева. Первым по времени упоминанием о Куторге является включение его произведений в «Указания на литературу по истории Греции и Рима», приложенные ко 2-му изданию «Введения в курс истории древнего мира»⁴. В рецензии на эту книгу В.И. Модестов пояснял, что Карееву как «питомцу московского университета, известны некоторые сочинения московских профессоров...», в том числе «...Куторги, окончившего свою карьеру в московском университете»⁵. В 1890 г. Кареев, сетуя на то, что историки редко затрагивают теоретические вопросы, называет Куторгу в числе немногих исследователей, которые хоть раз высказывали «свою научную profession de foi»⁶. В энциклопедической статье, написанной для «Словаря» Брокгауза и Ефрона (1899), Кареев называет Куторгу «первым русским ученым, посвятившим себя самостоятельной разработке всеобщей истории»⁷.

Единственную ссылку на сочинение Куторги («История Афинской республики») находим в типологическом курсе «Государство-город античного мира». Кареев обратил внимание на то, что Куторга, писавший «еще в те времена, когда историческая наука очень мало интересовалась социально-экономическими вопросами»⁸, проанализировал факт борьбы между прогрессивно-демократической и консервативно-аристократической партиями по вопросу о будущем характере афинской демократии.

В 5-й главе («В Московском университете») воспоминаний Кареева «Прожитое и пережитое» Куторге уделено 1,5 страницы. Хотя

⁴ Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. СПб., 1886. С. 110. В перечень вошли следующие работы Куторги: 1) История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада. СПб., 1848; 2) Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Прописки. 1853. Кн. 3; 3) Персидские войны. СПб., 1858.

⁵ Модестов В.И. [Рец.] Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим) 2-е изд. СПб., 1886 // Новости. 1886. № 77. 9 марта.

⁶ Кареев Н.И. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение. Т. I. СПб., 1890. С. 26.

⁷ Кареев Н.И. Историческая наука [в России] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 55. С. 802.

⁸ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. СПб., 1903. С. 283.

профессор представлен здесь как «своего рода *figura comica*», мемуарист отметил главное: «Куторга был одним из первых в России всеобщих историков, работавших самостоятельно и по источникам»⁹. Последний раз о Куторге Кареев написал в «Отчете о русской науке» (1927), отмечая, что из «российских “всеобщих историков” действительное значение имеют работы М. Куторги»¹⁰.

Как видим, рефлексия Кареева относительно Куторги преимущественно сосредоточена в мемуарах. При этом напрямую о каком-либо влиянии не заявлено, напротив, в тексте зафиксированы факты, которые формально должны способствовать негативной оценке Куторги. На деле же эти сведения никак не мешают созданию в целом положительного образа профессора. Так, Кареев указывает, что Куторга «уже будучи стариком, перешел в Московский университет из Петербургского, где преподавал до того времени более тридцати лет»¹¹, но умалчивает о скандальном характере этого перехода, вызванного студенческой обструкцией и неизбранием на следующий срок¹². Далее он сообщает: «в студенческой среде распространилась молва, что Куторга был ставленником Леонтьева (а следовательно, и

⁹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 119. Эта глава была написана в 1921 г. См.: Там же. С. 304.

¹⁰ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет // Отечественная история. 1994. № 2. С. 147. Первонач.: *Karéiev N. Russie // Histoire et historiens depuis 50 ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926. Vol. 1. Paris, 1927.*

¹¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119.

¹² «Особенно трудно и остро сложились отношения у маститого профессора со студенческой аудиторией: студенты-шестидесятники были охвачены демократическим порывом, их интересовала не столько наука, сколько политика, и они начали устраивать Куторге, который не разделял их внеученные увлечения, не шел на компромисс с ними, разного рода обструкции. К стыду Ученого совета Историко-филологического факультета, надо признать, что этот важный орган университетского управления пошел на поводу студенческих настроений и в 1869 г., при избрании Куторги на очередной пятилетний срок, забаллотировал его. Дело приобрело скандальную окраску, и министерство — надо отдать ему должное — предоставило Куторге возможность преподавания в другом, именно Московском университете». — Фролов Э.Д. Вместо предисловия: к 120-летию виртуальной встречи поколений (две эпохи и два архегета) // МНЕМОН. Вып. 5. СПб., 2006. С. 9-10.

Каткова), так что его заранее невзлюбили»¹³. Известно отрицательное отношение Кареева к деятельности Каткова и Леонтьева, посвященные им страницы воспоминаний имеют ярко выраженную негативную коннотацию: «знаменитого катковского друга Леонтьева я почти и вовсе не слушал...», «вообще, этот человек был существом злобным...», «политическая его [Леонтьева — В.Ф.] физиономия, как сподвижника Каткова, прямо от него отталкивала...»¹⁴ и т.д.

Не удостоились высоких оценок Кареева и другие университетские профессора-классики — Г.А. Иванов («в Иванове было что-то подьяческое и молчалинское...», «только по леонтьевской протекции он получил докторство *honoris causa*...», «был типичным чинушей, исполнителем начальственных видов...»¹⁵), Ю.К. Фелькель («был только случайным преподавателем и, нужно сказать, очень при этом неважным учителем...»), И.Х. Виберг («толковавший нам, уже не помню, какого греческого автора...»¹⁶).

Иное дело — Куторга. Кареева не смущает ни мнимая или подлинная принадлежность его к катковско-леонтьевской партии, ни то, что «это был человек трудный по крайне щекотливому самолюбию»¹⁷, ни то, что, он советовал студентам «читать только древних

¹³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ Там же. С. 115. Эта оценка не совпадает с мнением других учеников Иванова. Учившийся в 1884–1888 гг. в университете А.А. Кизеветтер писал, что тот был «...прекрасным профессором. Он переводил нам Цицерона. Его комментарии были глубоко поучительны, а его перевод обличал в нем тонкого, образцового стилиста... На вид это был замухрышка, облик мелкого чиновника отпечатлелся на всю жизнь, но это не мешало ему являться в своих лекциях элегантнейшим преподавателем своего предмета» (*Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 65–66*). Известна и высокая оценка педагогической деятельности Иванова, данная известным филологом-классиком М.М. Покровским (См.: *Покровский М.М. Г.А. Иванов // Речь и отчет Московского университета, читанные 12 января 1902 года. М., 1902.*).

¹⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 115.

¹⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119. Это подтверждается и другими мемуаристами. Так, Ф.Н. Устрялов вспоминал: «Самолюбие его [Куторги — В.Ф.] было громадное и высказывалось оно при всяком ничтожнейшем случае в самых оригинальных проявлениях. Самолюбие много вредило ему в отношениях и к студентам, и к профессорам. ... Дело в том, что Михаил Семенович требовал от всех к своей особе чрезмерного обожания, едва ли не благо-

авторов», а из новейшей литературы только свои собственные труды¹⁸. Доминантой является резюме Кареева: «Лекции его мне понравились...»¹⁹. Как мы могли убедиться, ни отдельные высказывания Кареева, ни сюжет в воспоминаниях не дают прямого ответа на вопрос, чем была вызвана столь высокая оценка Куторги? При этом эвристическую ценность мемуаров не следует считать исчерпанной.

В качестве объяснения коммуникативной ситуации, мы выдвигаем несколько положений. На наш взгляд, оценивая того или иного университетского преподавателя, Кареев (напомним, что мы анализируем мемуары, являющиеся откликом на события почти 60-летней давности, а не дневник, фиксирующий происходящее по «горячему следу») исходил из невольного сравнения их со своими гимназическими учителями. Такие пары составляют — по истории Ф.Э. Будде и М.С. Куторга; по латинскому языку В.П. Басов и Г.А. Иванов с П.Н. Леонтьевым; по греческому К.И. Жинзифов — Ю.К. Фелькель с И.Х. Вибергом. Если о гимназических филологах (в отличие от университетских) Кареев высказывается восторженно (Жинзифов:

говения. Тогдашние московские светила наук, Грановский, Кудрявцев, Леонтьев, а также и Белинский, или служили ему поводом к злобным насмешкам и несправедливым нареканиям, или выставлялись им личностями, которых он как бы игнорировал. Достаточно было произнести перед ним одно из этих имен, чтобы возбудить жесточайшую вспышку гнева, и человек, признававший за этими лицами заслуги, становился чуть ли не личным его врагом. Собственное «я» нашего историка стояло всегда и во всем на первом плане; малейший намек не только на первенство кого-либо другого, но даже на сравнение с ним, выводил его из себя». — *Устрялов Ф.Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Кн. 8. С. 298.

¹⁸ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 119. Ср.: «О ...московских профессорах своего времени Н.И. до сих пор сохранил такую свежую память, как будто он еще вчера был студентом, как будто еще вчера на просьбу, обращенную к Куторге, указать источники для работы по истории Греции, выслушал ворчливый ответ: «А разве вам недостаточно моих лекций?». — *Дживелегов А.К.* Н.И. Кареев [к 40-летию научной деятельности] // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 325.

¹⁹ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 119. Подробнее о лекциях Куторги пишет Языков: «В самом деле, каждая лекция, посвященная известному историческому лицу, указывала источники и литературу предмета, рядом с их строго-критической оценкой. Точно так же в редком чтении не передавались прежние и новые взгляды на излагаемые факты, с целью, как можно вернее осветить их перед слушателями» (*Языков Д.Д.* Воспоминание о М.С. Куторге. С. 564).

«[мы] совсем не боялись милого учителя греческого языка болгарина Ксенофонта Ив[ановича] Жинзифова»; «он знал язык очень хорошо»; «мы любили нашего “Ксенофонтика”») или нейтрально (Басов: «переводчик грамматики Мадвига, строгости которого побаивались»²⁰), то историк Будде («если я в гимназии не сделался историком, вина лежала на учебнике и на преподавателе»; «[Будде] больше возбуждал в нас скуку, чем интерес к делу. Был он человек добрый и какой-то не от мира сего, плохо, тогда, по крайней мере, понимавший психику своих учеников-подростков»²¹) уступает Куторге.

Приведенные характеристики способны прояснить оценки, данные Кареевым преподаванию классических дисциплин в целом: «студентов первого курса угощали преимущественно латинским и греческим языками с приемами, сильно напоминавшими гимназию», «оба древние языка для первокурсника я знал недурно, скоро перестал ходить на лекции обоих преподавателей, а занимался дома», «как-то потом я забросил классические занятия, бывшие обязательными чуть не до конца курса, хотя и получал на экзаменах высший балл», «появись Корш на нашем горизонте раньше, он, я думаю, захватил бы меня, когда главным, что меня привлекало, была лингвистика»²². На младших курсах научные интересы Кареева были сосредоточены не на истории, а на филологии — сравнительном языкознании, мифологии, фольклоре и древней русской литературе²³. Поэтому понятен интерес первокурсника Кареева к лекциям именно этого профессора, который, по его словам, «был необычайно симпатичным, даже прямо для нас, студентов, обаятельным человеком»²⁴.

Как в таком случае объяснить его сожаление по поводу невозможности (при несомненном желании) заниматься греко-римской филологией? Здесь надо сказать, что первый, еще гимназический, научный успех Кареева связан именно с классической древностью.

²⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 100.

²¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 99.

²² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 114.

²³ Показательно, что повествуя о первых годах пребывания в университете, Кареев называет историко-филологический факультет филологическим, а студентов — филологами.

²⁴ Там же. С. 117.

В 1869 г. увидело свет его сочинение²⁵, получившее доброжелательную оценку в столичной печати, где отмечалось, что «брошюрка эта бесспорно небесполезна и заслуживает полного внимания, как первый опыт молодого автора»²⁶. Специализация у Буслаева не давала возможности развивать интерес к античности²⁷, не привлекал к себе и «ни один из профессоров-классиков»²⁸. При этом Куторга был первым профессиональным историком, встретившимся на жизненном пути Кареева. Возможно, его научная судьба могла сложиться иначе, если бы это влияние не было прервано — на II курсе свои лекции по всеобщей истории начал читать В.И. Герье, а Куторга почти весь 1870 год провел в научной командировке в Греции²⁹.

По установившимся к началу 1870-х гг. правилам, с III курса студенты выбирали, говоря современным языком, специализацию, и Кареев числился на славяно-русском отделении. При этом он «посещал все лекции Герье, читал указанные им книги (например, сочинения Гизо) и принимал участие в его практических занятиях, пока под его влиянием не перешел со славяно-русского на историческое отделение»³⁰. Сохранившийся архивный документ частично восполняет эту лауну: «Было бы *долго рассказывать* как это произошло, но не могу не упомянуть, что *одним* из внешних факторов этой перемены в ориентации моих научных интересов было преподавание профессора Владимира Ивановича Герье (курсив мой. — В.Ф.)»³¹. Вполне допустимо, что здесь содержится намек на влияние Кутор-

²⁵ См.: Кареев Н.И. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М., 1869.

²⁶ Фохт Р.А. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М., 1869 // ЖМНП. 1869. № IX. С. 182.

²⁷ О том, что такой интерес сохранялся, говорит проблематика написанных в этот период статей «Миф и героический эпос» (Филологические записки. 1872. Вып. VI.) и «Космогонический миф» (Там же. 1873. Вып. I), в которых отметим смелое сравнение греческих мифов со славянскими и проведение параллели между Беллерофонтом и Ильей Муромцем.

²⁸ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 115.

²⁹ Языков Д.Д. Воспоминание о М.С. Куторге. С. 566.

³⁰ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 120-121. О подробностях перехода Кареев не сообщает, кроме того, что был переведен «без потери года».

³¹ Кареев Н.И. Проект речи на пятидесятилетнем юбилее 14 июля 1923 г. // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 20. Ед. хр. 35. Л. 2.

ги³². Известно, что на III и IV курсах тот читал студентам-историкам курс исторической критики, в котором знакомил их с основами источниковедения и методологии истории³³, в это же время Куторга опубликовал несколько теоретических работ³⁴, несомненно, ставших известными Карееву. Кроме того, на IV курсе Кареев занимался в семинарии Куторги по выбору, где выполнил реферат, посвященный истории г. Трикка, заслуживший похвалы профессора³⁵. Занятия у Куторги могли подготовить почву для решения перейти от филологии к истории, а значит, не следует исключать существование альтернативы выбора Кареевым специализации по древней, а не по новой западноевропейской истории. Другое дело, что Куторга не объявлял набора учеников, что связано, на наш взгляд, с его положением неофита в Московском университете и почтенным возрастом. К тому же прямое общение было прервано: в 1873 г. Кареев окончил университет, а в 1874 г. Куторга отказался от следующей баллотировки и покинул Москву, переехав в свое имение под Могилевом.

Стоит ли прибегать к сослагательному наклонению и рассматривать альтернативные варианты развития событий? Ведь доподлинно известно, что в итоге Кареев стал учеником Герье и специалистом по западноевропейской истории нового времени³⁶. Представляется, что мы имеем дело как раз с тем случаем, когда «побежденная

³² Свидетельство Кареева «работает» на нашу версию: «Только в середине университетского курса, под влиянием профессорских лекций и самостоятельного чтения (курсив мой. — В.Ф.), я стал заниматься историей» (Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. С. III).

³³ Ср.: «Где нет критики, там нет и истории» (Куторга М.С. Очерк новейших историков Западной Европы // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Отд. III. С. 111) и «Признанию за прошлыми фактами реального значения или констатированию фактов должна предшествовать тщательная критика источников» (Кареев Н.И. Теория исторического знания (Историка). СПб., 1913. С. 110).

³⁴ Куторга М.С. 1) Историческое развитие понятия истории от начала XVI ст. до нашего времени // Московские университетские известия. 1870. № 3 (именно на нее ссылается Кареев, причисляя Куторгу к историкам-теоретикам); 2) О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. 1873. Кн. 3. С. 5-61.

³⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 120.

³⁶ См.: Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 152-173; Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций. С. 174-188.

альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает отпечаток на победившую тенденцию...»³⁷. И весь последующий греко-римский дискурс Кареева можно считать своеобразной попыткой «несбывшееся воплотить». Анализ его работ по античности позволяет обнаружить в них явную и скрытую переключку с трудами Куторги.

Взгляд Куторги на характер и значение политического творчества древних греков выразился в признании греческой гражданской общины «высшим государственным строем, до коего достигли древние эллинские республики», откуда вытекали две идеи — идея свободы гражданина и идея свободы мысли, без которых немислим никакой общественный прогресс, и которые «доставили эллинам всемирно-историческое значение»³⁸. Название и проблематика «Государства-города античного мира»³⁹ Кареева восходят к «Истории Афинской республики» Куторги, а один из ключевых вопросов о свободе в античном мире выделен в специальную главу⁴⁰.

В трудах по истории афинского полиса Куторга обращал пристальное внимание на связь политических изменений с его социально-экономическим и культурным развитием. У Кареева в лекциях на Бестужевских курсах проводится идея (восходящая к Куторге?) зависимости культурных явлений от социально-политических — каждый крупный период истории Греции он завершает очерком развития умственной мысли. Таких очерков четыре, что соответствует архайке, классике, периоду кризиса полиса и эпохе эллинизма⁴¹.

³⁷ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 56. Ср.: «Контрфактическая модель исторического прошлого позволяет глубже уяснить суть былых событий...». — Экутут С.А. Битвы за храм Мнемозины. СПб., 2003. С. 209.

³⁸ Цит. по: Фролов Э.Д. Русская наука об античности. С. 166.

³⁹ См.: Филимонов В.А. К вопросу о способах репрезентации античной истории: опыт универсального дискурса Н.И. Кареева // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2005. С. 34-48.

⁴⁰ См.: Филимонов В.А. К вопросу о понимании Н.И. Кареевым феномена античной свободы // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 2. Ставрополь, 2002. С. 162-167.

⁴¹ Лекции по древней истории, читанные проф. Н.И. Кареевым на Высших женских курсах. Курс I. 1890–1891 г. [СПб., 1891]: [Литогр.]. См. также: Филимонов В.А. Лекционные курсы Н.И. Кареева по древней истории // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Ижевск, 2008. С. 68-75.

Куторга объяснял особенности генезиса родо-племенного быта древних греков, «широко используя сравнительный материал из истории древних римлян, германцев и славян»⁴². Этот же прием был использован Кареевым в «Государстве-городе». Рассматривая организацию государственной власти в начальном периоде истории греков и римлян, он выделяет три отдельные политические силы — единый глава государства, совет старейшин и народное собрание, отмечая при этом, что «подобного рода устройство ранних государств мы наблюдаем также и у древних германцев, как их описывает Тацит, и у древних славян, как о том свидетельствуют многие известия, касающиеся отдельных народов»⁴³. Куторга специально разбирал известное свидетельство Аристотеля о том, что Клисфен «поместил в филы многих чужеземцев и рабов метиков»⁴⁴. О том же, но уже с учетом вновь открытой «Афинской политики», писал Кареев: «Центральным пунктом всего законодательства Клисфена была замена старых фил, основанных на родовых связях с их аристократическим характером, новыми филами, территориальными с включением в число их членов массы новых граждан из метеков»⁴⁵.

В мемуарах Кареев указывал, что Куторга «педантически требовал, чтобы мы по-рейхлиновски называли Гомера Омиром, Геродота Иродотом, Страбона Стравоном...»⁴⁶. Возможно, именно этот факт вызвал реплику Кареева: «Особое затруднение при составлении учебника древней истории представляет собою транскрипция греческих имен. К сожалению, у нас на этот счет нет никакой последовательности, так как одни имена мы произносим по-рейхлиновски (Афины, Фивы и т.п.), другие по-эразмовски (Тезей) или в латинизированной форме (Эвбея, вм. Эвбойя). Пора было бы подумать об установлении возможного единообразия в транскрипции собственных греческих имен, что лично я считаю, однако, трудным»⁴⁷.

⁴² Фролов Э.Д. Русская наука об античности. С. 163.

⁴³ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 34.

⁴⁴ Куторга М.С. Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Прописки. Кн. III. Изд. 2-е. М., 1858. С. 146.

⁴⁵ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 135.

⁴⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 119.

⁴⁷ Кареев Н.И. Несколько слов об учебнике древней истории // Русская школа. 1901. № 4. С. 191. См. также: Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. СПб., 1901. С. 288.

Перекликаются и рассуждения о всемирно-историческом значении древнегреческой цивилизации. «Эллины, — писал Куторга, — перенесли к себе образованность Востока и, преобразовав ее, а вместе с тем опередив своих предшественников, передали ее римлянам в далеко улучшенном виде; передали уже как свое достояние, выработанное собственным творчеством. Этими двумя наследиями, греческим и римским, воспользовались западные европейцы в эпоху Возрождения и поднялись чрез них на такую высоту, что стали умственными владыками целого мира»⁴⁸. Подобную же мысль проводил Кареев: «Народы античного мира в своей культурно-социальной эволюции повторили многое из того, что уже было пережито народами древнего Востока, но, вместе с тем, греки и римляне пошли и далее, выработав у себя свободные формы государственной жизни и светскую науку. В свою очередь, и Европа в средние века и в новое время повторила в своем развитии то, что уже существовало — в иных только формах — в истории античного мира, но, равным образом, и она превзошла более раннее развитие, во многих отношениях сделав такие шаги вперед, которые, если можно так выразиться, оказались не под силу грекам и римлянам»⁴⁹.

И, наконец, известно, что как ученый, Куторга отличался философским, синтезным складом мышления, конечную цель исторического исследования он видел в выяснении общего хода всемирной истории, ее движущих факторов, поиска закономерностей в смене одних исторических эпох другими⁵⁰. Не стоит и говорить, что эти же слова можно отнести и ко всему многогранному творчеству Кареева.

Возвращаясь к вопросу о возможности специализации Кареева по древней истории, не следует сбрасывать со счетов и разочарование Куторги как в студенчестве в целом (упомянутый конфликт 1869 года в северной столице), так и в своих петербургских учениках, ибо одни (Н.А. Астафьев, В.В. Бауер, В.Г. Васильевский, В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич) после защиты магистерской диссертации оставили занятия по античной истории, другие, хотя и стали антиковедами

⁴⁸ Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве... С. 10.

⁴⁹ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Заокский, 1993. С. 62.

⁵⁰ Подробнее см.: Константинова А.Д. Общественно-политические и историко-философские взгляды М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 3, Казань, 1968. С. 113-144.

(П.И. Люперольский и Ф.Ф. Соколов), примкнули к историко-филологическому направлению⁵¹. В этом смысле Кареев в большей степени, чем кто-либо из учеников Куторги, может считаться продолжателем его «линии» в исторической науке.

Своеобразным развитием коммуникационной линии являются отношения Кареева с учениками Куторги. С М.М. Стасюлевичем (1826–1911) он поддерживал дружеские отношения, часто печатался в выходившем под его редакцией «Вестнике Европы» и издавал почти все свои книги в его типографии⁵². С другим учеником Куторги — В.В. Бауером (1833–1884), Кареев лично знаком не был, однако после переезда из Варшавы в Петербург именно его кафедру он занял в Александровском лицее, а затем и в университете⁵³. Здесь стоит отметить своеобразную линию преемственности, ибо в свое время Бауер был преемником Куторги после отъезда последнего в Москву.

Тогда же состоялось знакомство Кареева с В.Г. Васильевским (1838–1899), который поддержал его кандидатуру при замещении им кафедры в университете и помог получить лекции на Высших Бестужевских курсах⁵⁴. Васильевский принял деятельное участие в организации Исторического общества при Петербургском университе-

⁵¹ «У молодого поколения ученых, формировавшихся под влиянием критических идей того же Куторги, складывалось убеждение в необходимости уточнения самих исторических фактов до того, как эти факты будут положены в основание какой-либо теории». — Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 176.

⁵² См. также: Кареев Н.И. Книга М.М. Стасюлевича о философии истории // Вестник Европы. 1911. № 3. С. 397-399.

⁵³ «Преподавание новой истории очень часто в университетах поручалось профессорам, которые сами лично не работали в этой области. Именно так в С.-Петербургском университете курс новой истории читался с 1869-го по 1884 г. В. Бауером, основные труды которого посвящены греческой истории...» — Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке... С. 151.

⁵⁴ «Вопрос о замещении университетской кафедры между тем затормозился. Некоторые профессора (особенно В.Г. Васильевский, известный византист...) относились к моей кандидатуре очень сочувственно...». — Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 176. «Васильевский — вообще человек очень доброжелательный: я прежде сомневался в его искренности, но познакомившись с ним ближе, я переменял свое мнение» (Письмо Н.И. Кареева М.С. Корелину от 25 июня 1887 г. // ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 2. П. 15. Л. 7об.).

те, бессменным председателем которого был Кареев⁵⁵. В Петербургском университете состоялось его знакомство еще с одним учеником Куторги — проф. Ф.Ф. Соколовым (1843–1909)⁵⁶. Слабая коммуникация обнаруживается даже с теми учениками Куторги, с которыми личное знакомство Кареева в источниках не зафиксировано⁵⁷.

Подведем итоги. Предпринятая нами реконструкция личных и научно-педагогических взаимоотношений Куторги и Кареева не может, разумеется, считаться исчерпывающей. Спецификой межличностной коммуникации является ее краткосрочность, а недостаточная обеспеченность источниками вызывает значительные трудности верификации. Несомненно одно: Кареев на протяжении всего своего творчества испытывал влияние идей Куторги, его взглядов как на античную историю, так на историческую науку в целом. Выявленные нами элементы преемственности позволяют проследить и уточнить тенденции развития исторической науки как рассматриваемого, так и последующих периодов.

⁵⁵ Кареев Н.И. Краткий обзор деятельности Исторического Общества за двадцатипятилетие 1889–1914 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. XX. С. 188. В «Государстве-городе» несколько страниц занимает анализ книги Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в эпоху ее упадка» (СПб., 1865). Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 187, 188, 193, 194, 233, 244, 245, 329, 330.

⁵⁶ «профессор греческой истории Ф.Ф. Соколов, человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов, но читавший нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было...». — Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 249. Дискуссию о характере их взаимоотношений см.: Суриков И.Е. Очень субъективные заметки // Диалог со временем. Вып. 20. М., 2007. С. 352–353; Филимонов В.А. *Audiat et altera pars*, или Ответ не в меру строгим критикам // Там же. С. 355–370.

⁵⁷ Так, П.И. Люперольский (1836–1903), вместе с Бауером, Васильевским, Соколовым и Стасюлевицем назван в числе учеников Куторги, которых тот побуждал «писать диссертации на темы, взятые из греческой истории» (Кареев Н.И. Историческая наука... С. 802). На книгу Н.А. Астафьева (1825–1906) «Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям» (СПб., 1882) Кареев несколько раз ссылается в одном из своих философско-исторических «Введений...». См.: Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего Востока // Русское богатство. 1887. № II. С. 66, № III. С. 16, 30, 35.

А.В. СВЕШНИКОВ, О.С. СВЕШНИКОВА

ГРУППА АРХАИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ 1930-х ГОДОВ*

Одним из ведущих институциональных центров советской исторической науки в конце 1920-х – начале 1930 гг. была Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). Созданная в 1919 г. в качестве преемницы Императорской археологической комиссии и существовавшей на ее основе с 1918 г. Российской государственной археологической комиссии Российская академия истории материальной культуры (РАИМК)¹, ставшая с 1926 г. ГАИМК, в отличие от своих предшественниц включала в ряды своих сотрудников далеко не только археологов. Так, в середине 1920-х гг. сотрудниками РАИМК являлись В.В. Бартольд, В.В. Струве, С.А. Жебелев, Д.В. Айналов, Ф.И. Шмидт, Б.Л. Богаевский, О.Д. Добиаш-Рождественская, Э.Д. Шмидт, Б.Д. Греков. Московскую секцию РАИМК, созданную в 1924 г. возглавлял Д.Н. Егоров. Именно ГАИМК была центром и инициатором разгоревшейся на рубеже десятилетий дискуссии о социально-экономических формациях. По словам А.А. Формозова, в стенах ГАИМК в начале 1930-х были созданы те концептуальные положения, которые на много десятилетий определили развитие советской исторической науки².

С момента основания вплоть до своей смерти в 1934 г. директором ГАИМК был Н.Я. Марр³. Однако, о какой-то стабильности в

*Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350.

¹ Подробнее см.: *Длужневская Г.В.* Деятельность ГАИМК–РАИМК: 1919–1937 // *Археология и социальный прогресс.* М., 1991. Вып. 1. С. 31–44

² См. *Формозов А.А.* ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки. М., 2004. С. 164–186.

³ О деятельности Марра в советский период см.: *Алтанов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд. М., 2004. С. 79–111; *Он же.* Филологи и революция // *Новое литературное обозрение.* № 53. 2002. С. 199–216; *Голубе-*

деятельности учреждения в этот период говорить не приходится. Напротив, с 1929 г. начался резкий поворот в деятельности ГАИМК, связанный с радикальной трансформацией самого исторического знания⁴. Фактически лидерами ГАИМК становятся такие фигуры как Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, С.Н. Быковский, М.М. Цвибак.

В 1930 г. в ГАИМКе была проведена и структурная реорганизация⁵. Вместо трех отделений были созданы три сектора (архаический⁶, рабовладельческой и феодальной формации), которые с 1934 до 1937 г. назывались научно-исследовательскими институтами, соответственно, истории доклассового, рабовладельческого и феодального общества⁷. В рамках секторов создавались так называемые группы (или бригады) определенной проблемно-тематической направленности. Так, в секторе архаического общества существовали группы по истории доклассового общества, истории хозяйства эпохи бронзы, истории кочевого скотоводства, истории архаического земледелия⁸. Именно в этих проблемно-ориентированных «бригадах»⁹,

ва О.Д. Н.Я. Марр. СПб., 2002; Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 5. 1996–1997. СПб., 1998. С. 371–382; Она же. «Беззаконная комета» на петербургском небосклоне (академик Н.Я. Марр) // Знаменитые универсанты. Т. 1. СПб., 2002. Klejn L.S. Das Phänomen der sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Frankfurt a. M. etc.: Lang, cop. 1997. P. 198–227.

⁴ А.А. Формозов определяет этот переход однозначно как «разгром» (Формозов А.А. Русские археологи... С. 49).

⁵ См.: Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 51–52.

⁶ «В текущем году сектор архаической формации ставит основной своей задачей изучение производственных процессов в связи с обусловленными ими производственными отношениями на различных ступенях развития общества, начиная с эпохи палеолита и кончая разложением общинно-родового общества. Таким образом, сектор охватывает тот период развития общества, который К. Марксом определен как архаическая формация, отсюда и само название сектора» (СГАИМК. 1931. № 6. С. 35).

⁷ Древности Восточной части Евразии в материалах научного архива Института истории материальной культуры РАН / Автор–составитель Г.В. Длужневская. СПб., 2005. С. 91.

⁸ Прякин А.Д. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.) Воронеж, 1986. С. 195; Ср. СГАИМК. 1931. № 6. С. 35.

⁹ Проводились и общие собрания сотрудников сектора, но «работа сектора проходила главным образом в группах» (СГАИМК. 1931. № 6. С. 35).

объединявших специалистов разных поколений, и должна была идти работа над концептуальной перестройкой исторического знания¹⁰. Однако следует признать, что в большинстве своем, в силу краткости существования и усилившегося внутреннего кризиса ГАИМК на фоне постоянных «кадровых чисток» и репрессий¹¹ и поворотом 1934 г. в государственной «политике прошлого»¹², названным бригадам не удалось придать своим поискам законченные формы, хотя, безусловно, были посажены некие ростки, которые впоследствии, часто в работах бывших участников групп, дали весьма заметные всходы в виде фундаментальных концепций и обобщающих работ, оказавших большое влияние на развитие исторической науки.

Группа по истории кочевого скотоводства (группа ИКС) традиционно упоминается в большинстве обобщающих работ по истории советской археологии¹³, есть и посвященные ей специальные работы¹⁴. Другим повезло меньше. Мы попытаемся, основываясь пре-

¹⁰ «В 1929–1933 годах ГАИМК охватила перестройка. Основной задачей переломного 1932 г. в области истории материальной культуры является борьба за коренную перестройку работы на основе марксистско-ленинской теории, за захват решающих позиций в научном изучении исторического процесса», — отмечалось в соответствующем «боевому» духу времени программном тексте (СГАИМК, 1932. № 3–4. С. 3).

¹¹ См.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1930 г. Д. 4. Материалы по чистке сотрудников ГАИМК (Стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка); *Платонова Н.И.* М.И. Артамонов — директор ИИМК // Археологические вести. № 6. СПб., 1999. С. 466–478; *Столяр А.Д.* Триада деятельности М.И. Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ (Проблемы археологии. Вып. 4.) СПб., 1998. С. 13–21; *Формозов А.А.* Русские археологи и репрессии в СССР // *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. С. 187–218.

¹² Как справедливо отмечает А.Д. Столяр, именно ГАИМК начала 1930 года был мощным генератором критикуемого с 1934 г. «вульгарного социологизаторства» (*Столяр А.Д.* Указ. соч. С. 15).

¹³ *Генинг В.Ф.* Указ. соч.; *Пряхин А.Д.* Указ. соч. С. 195–196; *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. С. 66–67. Показательно, что последний, резко отрицательно оценивая работу ГАИМК в начале 1930-х, рассматривает деятельность группы ИКС в разделе посвященном следующему периоду «Стабилизация на новой основе (1934–1941)».

¹⁴ *Пряхин А.Д., Писаревский Н.М.* М.П. Грязнов и разработка истории ранних скотоводческих обществ в группе по истории кочевнического скотоводства ГАИМК (1930–1939) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск,

имущественно на архивных материалах, предпринять первую попытку реконструкции истории группы архаического земледелия, созданной в 1930 г. в составе сектора архаической формации. В течение 1930-31 гг. группа провела 15 заседаний, часть из них совместно с группой истории кочевого земледелия. По протоколам заседаний группы¹⁵ и заметкам М.П. Грязнова, сделанным на заседаниях¹⁶, мы можем реконструировать хронологию и тематику ее работы.

2.02.1930 г. Доклад Г.П. Сосновского «(неразб)¹⁷ древнего земледелия в Забайкалье»¹⁸.

4.02.1930 г. Доклад В.В. Гольмстен «Земледельческие поселения Самарской Луки»¹⁹.

4.02.1931 г. Доклад П.Н. Третьякова «Костромские курганы»²⁰.

14.03.1931 г. Сообщение В.В. Ломиа «К вопросу о грузинском плуге»²¹.

4.04.1931 г. Организационное заседание — утверждение календарного плана на второй квартал 1931 г. Председательствовал М.И. Артамонов²².

14.04.1931 г. «1) План проработки тем, связанных с основной проблемой.

2) Обсуждение научно-популярной работы»²³.

Апрель 1931 г. Доклад М.И. Артамонова «Критический разбор теории Э. Гана и др. о происхождении земледелия».

май 1931 г. Доклад М.Г. Худякова «Сообщение по вопросу земледелия в Камско-Волжском крае».

14 мая 1931 г. Сообщение П.Н. Шульца «К вопросу об уровне сельского хозяйства Сев. Причерноморья в предколониационный период»²⁴.

24 мая Доклад Г.П. Сосновского «О древнем поливном земледелии в Енисейском крае»²⁵.

1987. Ч. 1; *Жук А.В.* Дебют ИКСа // Четвертые чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997; *Свешникова О.С.* Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2004; *Жук А.В., Михалева Т.В.* ИКС (по запискам М.П. Грязнова) // Исторический ежегодник, Омск, 2000.

¹⁵ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15.

¹⁶ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54.

¹⁷ В СГАИМК название этого доклада передано как «Следы древнего земледелия в Забайкалье» (СГАИМК. 1931. № 6. С. 36).

¹⁸ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же.

²⁴ Тезисы сообщения сохранились в архиве М.П. Грязнова. — Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54. Л. 8-11.

²⁵ Другое название «Поливное земледелие на Енисее» в заметках М.П. Грязнова. — Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. М.П. Грязнова. Д. 54. Л. 16.

июня Доклад Элле «Чувашский сабан».

июня Доклад В.В. Ломиа «О земледелии в Закавказье. Ч. 2».

июня «Утверждение и обсуждение индивидуальных отчетов о работе в группе за 2 квартал»²⁶.

4 июня 1931 г. Сообщение М.И. Артамонова «Ранние формы земледелия в Приднепровье»²⁷.

4 ноября 1931 г. Сообщение г.П. Сосновского «Поливное земледелие у населения Восточной Сибири»²⁸.

Кроме того, отдельные заседания группы получали краткое освещение в разделе «Хроника» «Сообщений ГАИМК»²⁹. Так, о докладе М.Г. Худякова «О земледелии в пьяноборской культуре» сообщается, что он вызвал оживленную полемику, поскольку автор «ставит вопрос о наличии орудий пашенного земледелия» а большинство членов группы «усматривает в пьяноборской культуре коллективное подсечное земледелие с обработкой земли мотыгой»³⁰. В 1931 г. был сделан доклад А.В. Шмидта, посвященный подсечному земледелию на материалах Северной Америки³¹, а также доклад Г.В. Григорьева «Теория академика Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений и значение ее в истории материальной культуры»³², о котором речь еще пойдет ниже.

В личном архиве Г.П. Сосновского сохранились материалы подготовки к докладам на заседании группы. Внимание ученого было сосредоточено на поливном земледелии³³. Наиболее полно его подход к анализу археологических свидетельств характеризует «План работы “Древнее поливное земледелие в долине р. Енисей”»:

1. Вступление.
2. Древнейшие следы земледелия в Енисейском крае, вопрос о его происхождении. Формы земледелия, предшествовавшие в прошлом и с ним существовавшие.

²⁶ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15. Л. 7. Точные даты заседаний указаны, но дело сшито так, что прочесть их невозможно.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Там же. Л. 22 об.

²⁹ См. СГАИМК. 1931. № 6. С. 36. СГАИМК 1932. № 1-2. С. 71.

³⁰ СГАИМК. 1932. № 1-2. С. 71.

³¹ Там же.

³² СГАИМК. 1931. № 6. С. 36.

³³ Исследования поливного земледелия древней и средневековой Хакасии, начатые Г.П. Сосновским, были так или иначе продолжены Л.Р. Кызласовым. См.: Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 102-106.

3. Физико-географич. характеристика района поливного земледелия на Енисее (почвы, границы распространения, климатические условия и пр.).
4. Обзор сведений о древних оросительных сооружениях в Минусинском крае (Урянхае и прилегающих областях Алтая и Монголии).
5. Общие замечания об ирригационной технике в прошлом на территории Средней Сибири.
6. Другие памятники земледелия, связанные с поливным земледелием: сошники, серпы, жернова, мотыги, плавильные печи, рудники, поселения и проч. признаки оседлости.
7. Датировка оросительных сооружений и др. памятников земледелия на Енисее. Археологические и исторические данные. О земледелии у хакасов и в стране киргизов (границы древней Хакасии). Могильные памятники этого времени. Военное дело — находки оружия, изображения на скалах воинов.
8. Кочевое и земледельческое население. Социальный строй у хакасов и экономика (торговля). Пережитки его у киргизов времени русского завоевания.
9. Причины упадка земледелия в послемонгольское время. Развитие скотоводства. Появление каменных стен — укрепления, беспокойное время. Русская земледельческая колонизация и возобновление орошения. Общие заключения³⁴.

Кроме того, Г.П. Сосновский обращал внимание на специфику восприятия научным сообществом древнего земледелия³⁵.

Декларированной официальной целью коллективной исследовательской работы группы было «исследование вопроса о возникновении и различных формах земледельческого производства в их развитии в различных системах архаического общества»³⁶. В первую очередь «прорабатывался» «вопрос о возникновении пашенного земледелия по материалам Средней Азии, Сибири, Волгокамья, северной лесной полосы в европейской части СССР и Поднепровья»³⁷.

Итогом работы группы должна была стать коллективная монография «Архаическое земледелие» (3 авт. печ. л.), посвященная про-

³⁴ Архив ИИМК РАН. Ф. 42. Сосновский Г.П. Д. 263. Л. 2-4.

³⁵ Он писал: «говоря об оросительном земледелии, нельзя не коснуться целого ряда вопросов, связанных с древним земледелием и временем его существования в бассейне р. Енисея. К этому меня побуждает и то обстоятельство, что в последних работах, посвященных характеристике древних культур некоторых районов Южной Сибири вы почти не найдете сведений об земледелии, существовавшем задолго до прихода русских на огромных пространствах Сев. Азии и соседних областей следы которого хотя бы и в виде остатков оросительных канав до их пор сохранились и на Алтае и Тапту — Тувинской Республике, в быв. Минусинском крае, Забайкалье и в Монголии». Там же. Л. 17-18.

³⁶ СГАИМК. 1931. № 6. С. 36.

³⁷ Там же.

блемам эволюции форм земледелия и связанных с ними общественных отношений. Изложение должно было начинаться с ранних форм земледелия и проблемы происхождения земледелия, освещать отдельные формы земледелия: мотыжное, поливное, мотыжно-грядковое, пашенное, и заканчиваться проблемой возникновения классового общества. Каждой форме земледелия была посвящена отдельная глава, в которой освещались технология обработки почвы, роль земледелия в организации хозяйства, социальные отношения. К работе были привлечены сотрудники ГАИМК М.И. Артамонов³⁸, В.В. Гольмстен, Г.В. Григорьев, Б.Б. Пиотровский, Г.П. Сосновский, А.В. Шмидт, М.Г. Худяков. Монография не была опубликована и, неизвестно, была ли завершена работа над рукописью. Проспект книги сохранился в архиве ГАИМК.

«Архаическое земледелие.

Вступление: Актуальное значение темы в связи с соц. реконструкцией сельского хозяйства. Задача — диалектика произ. сил и произв. отношений в земледельческом производстве в процессе развития общества

ХУДЯКОВ

Гл. I. Возникновение земледелия и ранние формы его

1. Роль собирательства на первых ступенях развития материальной культуры
2. Дифференциация мужского и женского труда
3. Возникновение земледелия
4. Ранние формы земледелия
 - а) орудия землед. и переработка продуктов труда
 - б) возделываемые растения и происхождение культурных растений
 - в) борьба с сорняками и их значение в возникновении новых видов культурных растений
 - г) варианты земледелия в связи с естественными условиями и хозяйства (стадиально)
- II. Общественная организация земледельческого труда в связи с возникновением рода
 - а) женское земледелие и матриархат
 - б) роль мужского труда в земледелии

ШМИДТ

Гл. II. Лесное земледелие (мотыжное)

1. Увеличение хозяйственного значения земледелия
2. Значение мужского труда и мужских орудий производства в борьбе с древесной растительностью
3. Огонь в земледельческом труде и значение золы
4. Обработка пядины /орудия/

³⁸ В «Сообщениях ГАИМК» он назван руководителем группы.

5. Организация производства. Родовая община

0,75

ТРЕТЬЯКОВ

Гл. III. Поливное земледелие

1. Условия его возникновения
2. Типы поливного земледелия

а) болотное

б) самотечное

в) поливное

3. Организация производства

0,5

ГРИГОРЬЕВ, ПИОТРОВСКИЙ

Гл. IV. Мотыжно-грядковое земледелие

1. Условия развития в эту форму примитивного земледелия
2. Интенсификация земледельческого труда
3. Связь с орошением
4. Удобрения
5. Распадение коллективного хозяйства и формы общин

0,5

СОСНОВСКИЙ

Гл. V. Пашенное земледелие

1. Земледелие и скотоводство
 2. Расширение обрабатываемых площадей; использование тягловой силы животных
 3. Земледельческие орудия
- а) возникновение пашенного труда
- б) ранние формы: соха
4. Системы земледелия: подсечная, переломная. Значение каменного орудия в поливном земледелии
 5. Усовершенствование пашенного орудия и расширение района распространения пашенного земледелия на тяжелые почвы

а) метал. лемех

б) плуг

6. Парацелярное хозяйство и община

0,1

АРТАМОНОВ и ГОЛЬМСТЕН

Гл. VI. Возникновение классового общества

Частное хозяйство в борьбе с общиной

1. Рабский труд
2. Возникновение феодализма

0,75 лист»³⁹.

Перспектив коллективной монографии однозначно свидетельствует о том, что земледелие рассматривалось в двух взаимосвязанных аспектах — технологическом и социальном. Причем согласно мето-

³⁹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1. 1931 г. Д. 15. Л. 24-25.

ду восхождения производственные отношения восстанавливались на основании характеристики производительных сил, и, в соответствии с теорией стадильности, определенная форма земледелия означала одинаковые для всех обществ общественные отношения.

В составе группы работало три представителя группы ИКС (В.В. Гольмстен, М.И. Артамонов, Г.П. Сосновский) и подобное совмещение для организации работы ГАИМК того времени было нормальным явлением. Так, Б.Д. Греков, возглавляя в секторе феодальной формации группу «Феодализм в России», являлся сотрудником еще двух групп — «Возникновение феодализма» и «Феодальный способ производства». Кроме того, в качестве докладчиков на заседания «бригады» приглашались и сотрудники других учреждений.

В группу входили представители разных поколений, научных школ и исследовательских традиций. Представителем старшего поколения, сформировавшегося еще в рамках дореволюционной традиции, была Вера Владимировна Гольмстен (1880–1942)⁴⁰. В 1910 г. она окончила Московский археологический институт, где занималась под руководством одного из классиков российской археологии В.А. Городцова. Известно о ее активной исследовательской, педагогической и организационной деятельности в Москве и особенно в Саратове, куда она переехала в 1919 г. Вела полевые исследования в Псковской губернии, Приуралья и (в самарский период) в Поволжье, исследуя самые разные памятники от мезолита до средневековья. В 1929 г. переехала в Ленинград, став сотрудником ГАИМК и Эрмитажа, где заведовала отделом первобытной культуры. Гольмстен была одним из активных сотрудников группы ИКС, отразив в своих публикациях концептуальные результаты ее работы. Следующим по возрасту был Алексей Викторович Шмидт (1894–1935), специалист по археологии Приуралья, выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета⁴¹. Проработав несколько

⁴⁰ Гарустович Г.Н., Минеева И.М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 6-15; Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара, 2007.

⁴¹ См.: Формозов А.А. Русские археологи... С. 209-210; Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск, 2002. С. 91-94.

лет в Перми (1918–1923), Шмидт переезжает в Петроград, а с 1930 г. становится сотрудником ГАИМК. Для них обоим работа в ГАИМК была завершением научной карьеры. Шмидт, неоднократно подвергавшийся в печати обвинениям со стороны «идеологов» советской истории материальной культуры, в т.ч. коллег по ГАИМК⁴² (под давлением которых, по словам А.А. Формозова, в его работах начала 1930 г. наблюдается переход к «социологическому схематизму»), умер в 1935 г., а Гольмстен умерла от голода во время блокады.

Однако большинство сотрудников группы были представителями совсем другого поколения, и дело здесь не столько в возрасте. Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972)⁴³ и Петр Николаевич Третьяков (1909–1976)⁴⁴ в 1924 г. окончили ЛГУ, включившись (соответственно — с 1925 и с 1929 г.) в работу ГАИМК. Первый был учеником репрессированного в 1935 г. А.А. Миллера, второй — П.П. Ефименко. Оба занимались железным веком и средневековьем европейской части СССР, впоследствии стали известными учеными, авторами крупных обобщающих работ, а Артамонов уже в 1936 г. стал директором ГАИМК, преобразованной в 1937 г. в ИИМК. В отличие от многих гаимковских аспирантов этого поколения (А.Н. Бернштама, Е.И. Кричевского, В.И. Равдоникаса) оба в обозначенный период, сделали акцент не столько на критике дореволюционной «буржуазной археологии», сколько на полевых исследованиях, будучи при этом принципиальными сторонниками «нового» понимания археологии. Схожей была биография принимавшего участие в работе группы Бориса Борисовича Пиотровского (1908–1990), ученика А.А. Миллера, специалиста по археологии Закавказья.

Еще один участник работы группы, выпускник Казанского университета, переехавший в Ленинград в 1925 г., Михаил Георгиевич

⁴² См.: *Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930. С. 68-76.

⁴³ См.: *Платонова Н.И.* Указ. соч.; *Столяр А.Д.* Указ. соч.; *Он же.* Потенциальная глава истории советской археологии (к столетию со дня рождения М.И. Артамонова) // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С. 188-193; *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003. С. 189-204; *Плетнева С.А.* Предисловие ко второму изданию // *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002. С. 11-34; Литература о нем. — Там же. С. 539-540.

⁴⁴ См.: *Петр Николаевич Третьяков.* М., 1983.

Худяков (1894–1936)⁴⁵, напротив, был на тот момент известен больше критическими «проработочными» работами⁴⁶. Он участвовал в развернувшейся на рубеже 1920–30-х гг. травле С.И. Руденко. Занимаясь вопросами археологии и этнографии народов Поволжья, Худяков и в работах, посвященных данным проблемам, активно подчеркивал конъюнктурную «политическую значимость». В 1936 г., подобно многим другим «комиссарам в науке» (Ф.В. Кипарисову, А.Г. Пригожину, С.Н. Быковскому), был репрессирован.

Молодой востоковед Георгий Васильевич Григорьев (1898–1941)⁴⁷, ученик А.Ю. Якубовского, только со второй половины 1930-х гг. включился в полевые исследования, проводимые в Средней Азии. Был репрессирован в 1941 г.

Крупнейший специалист по археологии Сибири от палеолита до раннего металла Георгий Петрович Сосновский (1899–1941)⁴⁸ был учеником Б.Э. Петри по Иркутскому университету⁴⁹, учился в аспирантуре у Б.С. Жукова в Москве и с 1927 г., переехав в Ленинград, работал в ГАИМК. Погиб в дни блокады Ленинграда.

Таким образом, получается, что жизненный путь большинства сотрудников группы в силу различных причин прервался к первой половине 1940-х гг., что помешало оформить содержательные наработки по истории архаического земледелия в монографические формы. «Материальным» результатом работы группы стали две весьма отличные друг от друга работы П.Н. Третьякова и Г.В. Григорьева.

⁴⁵ См.: Кузьминых С.В., Старостин П.Н. Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. Вып. 1. СПб., 1995. С. 157-172.

⁴⁶ См., напр.: Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933; *Он же*. Великодержавный шовинизм в русской этнографии // Этнография на службе у классового врага: Сб. критических статей. Л., 1932. С. 22-100.

⁴⁷ См.: Формозов А.А. Первым бросивший камень // Формозов А.А. Русские археологи... С. 219-226; Заднепровский Ю.А. Георгий Васильевич Григорьев (1898–1942) // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С. 81-83.

⁴⁸ См.: Китова Л.Ю. Исследование археологических памятников эпохи палеометалла Г.П. Сосновским // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 94-103.

⁴⁹ См.: Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1. 2-е изд. М., 2002. С. 57-80.

В книге, посвященной подсечному земледелию лесных районов Восточной Европы, П.Н. Третьяков, основываясь преимущественно на этнографических материалах XVIII–XIX вв. севера европейской части СССР (удмуртов, мордвы), определяет подсечное земледелие как одну из стадий развития земледельческого хозяйства, весьма архаическую и предшествующую пашенному, что позволяет ему привлекать сравнительный материал из регионов, например, Северной и Южной Америки. Реконструируя земледельческий цикл и используемые орудия труда, он связывает подсечное земледелие с сохранившимся в особых географических условиях лесной зоны больше-семейным хозяйством и пережитками «первобытного коммунизма»⁵⁰. Подсечное земледелие рассматривается как «стадия» в эволюции земледельческого хозяйства, сменяющаяся пашенным, а эта смена форм хозяйства, в свою очередь, как предпосылка для перехода к феодализму. В этом плане очень показательна «социальная история сохи», распространение которой Третьяков связывает с переходом к индивидуальному пашенному (т.е. феодальному) хозяйству, считая, таким образом, что она не могла появиться в лесной зоне севера европейской части СССР ранее X–XI вв. В данном случае Третьяков достаточно жестко критикует и «буржуазный» («индоевропейский», «формалистский»⁵¹) миграционизм Д.Н. Зеленина, и попытки «удревнения» истории сохи А.Я. Брюсова⁵². При этом, соглашаясь с многочисленными отсылками к Ф. Энгельсу, он должен признать, что если для южной («нормальной») зоны земледелия «соха... как элемент нового этапа в истории производства, вырастая в условиях подсечного земледелия в соответствии с общим ходом развития производительных сил, окончательно сложившись, в свою очередь дает начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему», то для лесной северной полосы характерно длительное сочетание сохи с подсечной системой, что автор определяет как

⁵⁰ «В условиях своей техники, даже с наличием железных орудий подсечное земледелие возможно лишь как коллективное первобытно-коммунистическое производство» (*Третьяков Н.П.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л., 1932. С. 20). Таким образом, Третьяков отсылает к одному из самых дискутируемых тогда вопросов. См.: *Альмов С.С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е гг. М., 2006. С. 72–80.

⁵¹ Там же. С. 25.

⁵² Там же. С. 27.

«особенность»⁵³ этих районов. Другими словами, конкретный материал при внимательном изучении не укладывается в априорную схему, при всем старании автора сопротивляется ей.

«Титульная» проблематика группы была весьма актуальна. Аграрная тематика привлекала внимание отечественных историков еще в дореволюционный период, что совершенно понятно — Россия была страной преимущественно аграрной, и аграрный вопрос находился в центре общественного внимания и даже политической борьбы. В качестве примера можно отметить формирование школы аграрной истории в области западноевропейского средневековья⁵⁴, хотя речь шла преимущественно об институте собственности на разные виды земельных угодий и о характере общинных отношений. После революции подпитываемая господствующим тогда пониманием марксизма «история производительных сил» приобретает все больший размах, причем работы по этой тематике выходят как из-под пера «старых специалистов»⁵⁵, так и создаются представителями новой генерации гуманитариев в рамках разных дисциплин и жанров (от статей до учебников и научно-популярных работ). В 1920-е гг. активно переводятся посвященные этой проблематике труды зарубежных ученых. В 1923 г. вышли русские переводы сразу двух работ М. Вебера: «Аграрная история Древнего мира» под ред. Д.М. Петрушевского и «История хозяйства» под ред. И.М. Гревса⁵⁶. После т.н. «дискуссии о формациях», проходившей преимуществен-

⁵³ Там же. С. 37.

⁵⁴ *Виноградов П.Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887; *Он же.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911; *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Удальцов А.Д.* Свободная деревня Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. М., 1912; *Грацианский Н.П.* К вопросу об аграрных отношениях древних германцев времени Цезаря // Сб. статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913.

⁵⁵ См., напр.: *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. 8-е изд. М., Л., 1931. Т. 1.

⁵⁶ *Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. М., 1923; *Он же.* История хозяйства: Очерк всеобщей хозяйственной и экономической истории. Пг., 1923. См. также: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. 5-е изд. Пг., Т. 1-2. 1923. Неоднократно издавались и научно-популярные труды Г. Кунова: *Кунов Г., Левин-Дорш Г.* Очерки по истории первобытной культуры. Ч. 1-3. Минск, 1923–1924; *Левин-Дорш Г., Кунов Г.* Первобытная техника. М.-Пг., 1924, *Они же.* Техника доисторической эпохи. Ч. 1-3. Одесса, 1923.

но в стенах ГАИМК⁵⁷, в ходе которой в целом сложилась пятичленная модель исторического процесса, работы по истории производительных сил получили оформление в виде формационной приписки.

Публиковались работы и по истории земледелия⁵⁸, но это были исследования, проводимые на основе письменных или этнографических источников. И в этом плане задача, стоявшая перед группой архаического земледелия, выглядела как новаторская — реконструкция истории производительных сил и производственных отношений на основании археологических источников⁵⁹. Такая постановка проблемы имела смысл в рамках нового понимания археологии как реконструкции именно истории архаических дописьменных обществ, которая противопоставлялась мифологическому «старому буржуазному вещеведению». Археология, по А.В. Арциховскому, это «история вооруженная лопатой». На первый план, при реализации программы группы выходит задача — определить «археологические признаки» форм хозяйствования, т.е. находки, позволяющие атрибутировать данное общество как земледельческое, находящееся на определенном этапе развития земледелия, а затем, в качестве следующего шага, реконструировать на их основе систему аграрных отношений. Как мы видим, тематика докладов, заслушанных на заседаниях группы, была действительно не археологическая, а историческая, или, говоря в терминах того времени, «социологическая».

Первой работой советских археологов, содержащей такой подход и специально посвященной рассмотрению вопросов земледелия, следует считать статью московского археолога А.В. Арциховского с очень показательным названием «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий»⁶⁰. Вопрос о том, какие археологиче-

⁵⁷ См.: *Формозов А.А.* Русские археологи... С. 164-186; *Альмов С.С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920-1950-е годы. М., 2006. С. 72-87.

⁵⁸ *Максимов А.Н.* Накануне земледелия // Ученые записки института истории. Т. 3. М., 1929. С. 21-34.

⁵⁹ Хотя один из участников группы, А.В. Шмидт, был сторонником «этнографических параллелей». См.: *Шмидт А.В.* Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. № 1-2. С. 12-17.

⁶⁰ *Арциховский А.В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды секции социологии РАНИОН. 1927. Вып. I.

ские материалы являются необходимым условием для характеристики общества как земледельческого, в ней не поднимался, но высказывался ряд идей относительно информативности земледельческих орудий как исторического источника. Так, А.В. Арциховский указывал на то, что «особое значение для социологических выводов должны иметь орудия обработки почвы: плуги, сохи, мотыги. Ведь от их устройства гораздо больше, чем от устройства всех других инструментов, зависит производительность труда», в то время как «серп, как и вообще орудия уборки урожая, наименее важен социологически. Человек, один вспахавший поле плугом, все равно не мог один собрать урожай серпом, несмотря на все усовершенствования последнего»⁶¹. В соответствии с этим утверждением А.В. Арциховский выделяет этапы развития сельскохозяйственной техники: первая — обработка земли мотыгой, вторая — обработка земли сохой, третья — обработка земли плугом. На первой стадии в силу низкой производительности труда «земледелие не может прокормить человека и является только добавочным источником его существования». Поскольку мотыгой обрабатывать землю легко, это было занятием женщин. «Во времена мотыжного земледелия женщины занимали совершенно самостоятельное экономическое положение в обществе, которого они не имели ни раньше, до появления земледелия, ни позже, во времена сохи». Появление сохи увеличило количество обрабатываемой одним человеком земли настолько, что «земледелец при благоприятных условиях мог прокормиться всецело своими злаками»⁶². Это привело к прочной оседлости и к разделению общины на отдельные хозяйства. Во второй части статьи А.В. Арциховский в обозначенном ключе разбирает эволюцию античного плуга.

Методологической основой работы представителей группы являлся, как мы видим, эволюционизм, дополненный двумя специфическими для советской науки моментами — теорией стадийности и методом восхождения. Теория стадийности как самими археологами 1930-х гг., так и историками археологии воспринимается как одно из базовых положений советской археологии⁶³. В 1930–40-х гг.

⁶¹ Там же. С. 125.

⁶² Там же. С. 127-128.

⁶³ Теории стадийности посвящены следующие работы: *Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П.* У истоков марксистской концепции советской

она была связана с именем Н.Я. Марра, создателя теории стадильности в лингвистике, известной как яфетическая теория или «новое учение о языке». Понимание стадильности в археологии довольно точно передано В.И. Равдоникасом: «Основные закономерности развития общества в пределах одной формации, при разнообразии конкретных форм их проявления, одни и те же; ни расовые различия, ни географическая среда не могут определять решающую сущность общественно-исторического процесса. Сходство культурных явлений, часто наблюдающееся в истории различных обществ, само по себе не есть основание для заключения о миграциях этнических групп или культурном заимствовании, так как сходные явления возникают совершенно самостоятельно в силу сходства социально-экономических условий жизни различных обществ, в силу этого, мы говорим, о стадильной их общности»⁶⁴. Стадии развития языка, по Марру, не нашли и не могли найти отражения в работах археологов, в то время как стадии развития общества и семейно-родовых отношений стали общим местом исследований 1930–50-х гг. Схема, изложенная Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», стала основой реконструкции общественных отношений в выявленных археологических культурах.

Метод восхождения в определенном смысле являлся выражением стадильности в конкретной исследовательской процедуре⁶⁵. Логика его применения была следующей: орудия труда являются свидетельством производительных сил, которые характеризуют производственные отношения. На этом основании возможно восхождение от обнаруживаемых орудий к характеристике общественного строя. Сформулирован этот метод был в работе А.В. Арциховского

археологии // Методология и историография археологии Сибири. Сб. науч. тр. Кемерово, 1994. С. 26-47; *Васильев С.А.* Стадиализм в палеолитоведении: 60 лет спустя // Археологические вести. № 5. СПб.: ИИМК РАН, 1998. С. 250-254.

⁶⁴ *Равдоникас В.И.* Археология на Западе и в СССР в наши дни // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 9-10. С. 21.

⁶⁵ Описание метода см.: *Массон В.М.* У истоков теоретической мысли советской археологии // Краткие сообщения Института археологии. 163. Институту археологии 60 лет. М., 1980. С. 20-21; *Генинг В.Ф.* Указ. соч. С. 106-108; *Пряхин А.Д.* Указ. соч. С. 114-116; *Глушков И.Г.* Теоретическая мысль в археологии во второй половине 20-х – начале 30-х годов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Сб. ст. Томск, 1983. С. 4-7.

«Новые методы в археологии»⁶⁶ и присутствовал в работах всех советских археологов, в силу отсутствия других способов реконструкции общественных отношений древних обществ.

Наиболее значимыми теоретическими положениями, направляющими общий ход изучения архаического земледелия, были соответствующие суждения, высказанные в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и теория происхождения земледелия немецкого ученого Э. Хана.

Ф. Энгельс в работе, переведенной на русский язык в 1894 г. и неоднократно переиздаваемой в 1920-е гг., как известно, использует традиционную для европейской науки XIX века схему трех стадий «дикость – варварство – цивилизация». Возникновение земледелия, по его мнению, знаменует начало «средней ступени варварства», причем это время оказывается периодом, когда явными становятся различия «скорости» общественной эволюции народов Старого и Нового света⁶⁷. Если в Америке произошел переход к земледелию, то в Старом Свете «средняя ступень варварства началась с приручения животных, дающих молоко и мясо, между тем как культура растений, по-видимому, еще очень долго в течение этого периода оставалась здесь неизвестной»⁶⁸. Выращивание злаков первоначально было связано с производством корма для домашнего скота «...и только впоследствии стало важным источником питания людей»⁶⁹. Переход к высшей ступени варварства Энгельс связывает с началом обработки железа, что позволило европейцам, вкуче с использованием домашнего скота в качестве тягловой силы, перейти к пашенному земледелию, «полеводству». И именно теперь земледелие превращается в «решающую отрасль производства во всем древнем мире»⁷⁰, давая устойчивый прибавочный продукт, т.е. предпосылки для возникновения цивилизации, классового общества и государства.

⁶⁶ Арциховский А.В. Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14. 1929. С. 136-155.

⁶⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980. С. 41.

⁶⁸ Там же. С. 43.

⁶⁹ Там же. С. 45.

⁷⁰ Там же. С. 303. Понятно, что комментировать эту схему с точки зрения современной науки никакого смысла нет. Очевидно и то, что для советской науки к началу 1930-х гг. она превращается в непререкаемую догму.

В общих чертах и несколько упрощенном виде теория Э. Хана выглядит следующим образом. Опираясь на идеи Э.Б. Тайлора и отчасти Л.Г. Моргана, Хан считал корректным заменить понятие «культурная стадия» термином «форма хозяйства», т.е. отказаться от схемы «дикость – варварство – цивилизация». «Первоначально, считал он, люди жили охотой и собирательством. Позднее на этой основе в разных районах мира независимо друг от друга произошел переход к мотыжному земледелию. Им занимались главным образом женщины, и мужчины получили возможность больше времени уделять специализированной охоте и рыболовству. Они-то и начали одомашнивать животных, вначале тура, затем коз, овец и т.д. Если мотыжное земледелие представлялось Хану наиболее распространенной древней системой земледелия, то сфера применения некоторых более интенсивных методов (ирригации, садоводства и пр.) была уже (высокие культуры Америки, Китай), а пашенное земледелие было разнесено по Старому Свету из Месопотамии»⁷¹. При этом Хан указывал, что из примитивного «мотыжного земледелия» в ходе эволюции возникли в ряде регионов (в частности, в том же Китае) достаточно рентабельные формы садового и грядкового земледелия. Получается, что известная сотрудникам группы архаического земледелия теория Хана подводит к идее «многолинейной эволюции»⁷².

С середины 1920-х гг. в печати появляются первые работы академика Н.И. Вавилова, посвященные выявлению нескольких мировых центров (очагов) формообразования культурных растений⁷³. Вавилов изначально выделил «пять основных очагов для главнейших полевых, огородных и садовых растений»⁷⁴, хотя впоследствии число, локализация и границы выделяемых им первичных земледельческих центров изменялись⁷⁵. Эта концепция напрямую затрагивала

⁷¹ Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 14.

⁷² Показательно, что на одном из заседаний «бригады» М.И. Артамонов посвящает специальный доклад критическому разбору теории Э. Хана.

⁷³ См.: Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. Л., 1926; *Он же*. Проблема происхождения культурных растений в современном понимании // *Природа*. 1929. № 5. С. 403-422; *Он же*. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. Л., 1927.

⁷⁴ Вавилов Н.И. Центры... С. 136.

⁷⁵ См.: Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 21-23.

сферу научных интересов группы архаического земледелия. В 1931 г. на заседании группы был заслушан доклад Г.П. Григорьева «Теория академика Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений», а через год, в серии «Известия ГАИМК» была опубликована его брошюра «К вопросу о центрах происхождения культурных растений (разбор теории ак. Н.И. Вавилова)», видимо, написанная на основании текста доклада. Теория Н.И. Вавилова подвергается им жесткой критике: по словам А.А. Формозова, с учетом исторического контекста, напоминающей политический донос⁷⁶. Григорьев считал, что основной недостаток взглядов Вавилова имеет методологический характер. «Сущность ошибок Н.И. Вавилова заключается в том, что может быть, сам того не подозревая, он разделяет точку зрения индо-европеистского языкознания»⁷⁷. Из выделения первичных очагов естественно вытекает «лживая и шовинистская» теория «миграций»⁷⁸. Упрекая Вавилова в «некритическом использовании работ буржуазных специалистов», Григорьев советует ему ознакомиться с работами «своего коллеги по Академии наук Н.Я. Марра»⁷⁹. При этом он декларирует автохтонность земледельческих культур⁸⁰. Но как указывает анонимный автор редакторского предисловия (по А.А. Формозу, им мог быть С.Н. Быковский⁸¹), в общем доброжелательно повторяющий основные «выводы» работы, Григорьеву не удалось создать «положительную часть, в которой были бы развиты взгляды, конкретные построения, конкретные объяснения, противопоставляемые критикуемым автором взглядам, построениям, объяснениям Н.И. Вавилова»⁸². Научная автохтонная, эволюционная, стадильная концепция возникновения земледелия оказывается в принципе невозможной⁸³. В этом плане становится утопичной сама попытка создания универсальной концепции исто-

⁷⁶ См.: Формозов А.А. Первым бросивший камень... С. 221-223.

⁷⁷ Григорьев Г.В. К вопросу о центрах происхождения культурных растений. Л., 1932. С. 11.

⁷⁸ Там же. С. 16.

⁷⁹ Там же. С. 21.

⁸⁰ См.: Там же. С. 12.

⁸¹ Формозов А.А. Первым бросивший камень... С. 226.

⁸² Предисловие // Григорьев Г.В. К вопросу... С. 1.

⁸³ Невозможно согласиться с А.Д. Пряхиным, говорящем о влиянии работ Н.И. Вавилова на сотрудников ГАИМКа (Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 196).

рии земледелия и написания на ее основе обобщающей монографии, опирающейся на археологический материал.

Исторический материал противоречил построению универсальной «социологической схемы» последовательной смены земледельческих форм как предпосылок формирования классового общества. Поставленную «сверхзадачу» группа выполнить не могла.

В качестве значимого в контексте эпохи вывода следует обозначить идею об обусловленности географическими и природно-историческими факторами различных вариантов генезиса, функционирования и дальнейшей эволюции земледельческого хозяйства. Именно локальным сюжетам посвящены основные доклады и опубликованная работа П.Н. Третьякова. Другими словами, группа пришла к выводу о многолинейности и вариативности эволюции земледелия, к выделению «параллельных типов» земледельческого хозяйства, т.е. к выводу, противоречащему теории стадиальности, что в определенной степени и заблокировало ее работу.

Кроме того, была обозначена проблема выделения археологических признаков земледельческого общества, попытки разрешения которой советские археологи осуществили уже в последующие годы. Нельзя сказать, что эти попытки осуществлялись под непосредственным влиянием наработок представителей группы, но они шли «параллельными курсами».

Уже к концу 1930-х гг. сложился определенный консенсус по вопросу об археологической атрибуции земледельческого общества. Основное требование к атрибуции — комплексность. Отдельные признаки редко являлись достаточным основанием для характеристики формы хозяйства, необходимо было их сочетание в памятниках одной культуры, которое могло быть различным. А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий писали: «Земледелие... может быть установлено по довольно большому количеству разнообразных орудий, связь которых с земледельческим процессом бесспорна: серпы, зернотерки, жернова, песты и другие изделия. Кроме того ...случаи находок остатков злаков»⁸⁴. Наиболее полный перечень таких оснований приводит С.В. Киселев при описании хозяйства андроновской культуры. 1) «Прежде всего находки в двух землянках каменных мотыг». 2) «Находка бронзового

⁸⁴ Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Л., 1935. С. 69.

серпа в женском погребении. Найденная каменная литейная форма, приспособленная для одновременной отливки трех серпов такого типа, свидетельствует о большой потребности у местного андроновского населения в этих сельскохозяйственных орудиях». 3) Находки на жертвенном холме «остатков сожжения хлеба в виде пережженных зерен и стеблей пшеницы. Такое повторенное несколько раз применение пшеницы в культовом обряде говорит в пользу значительности роли андроновского земледелия». 4) «Находки на всех алексеевских землянках зернотерок и курантов к ним». Указываются также связанные с земледелием особенности андроновской культуры: «оседлость, проявляющаяся не только в жилище, но даже в плоскостности сосудов, появление деревянных конструкций и характерные черты идеологии (в религии — культ солнца и жертвы хлебом, в искусстве — геометрический и меандровый орнамент)»⁸⁵.

С середины 1930-х гг. появляется в печати целый ряд работ, авторы которых, преимущественно историки, исследуют различные аспекты истории архаического земледелия, сельскохозяйственных орудий труда и аграрных отношений. Часть этих исследований связана с Институтом истории науки и техники. Однако авторы этих работ имплицитно, но достаточно четко дистанцируются и от стадильности, и от автохтонности, и от социологизма предшествующих лет, дистанцируются от стиля ГАИМК начала 1930-х годов.

А свою официальную историю группа, кажется, завершила в 1931 г., когда сектор подвергся очередной организационной перестройке. В отчетах сектора за 1932 г. говорится о работе трех «бригад»: «бригада родового общества... родового общества ...и разложения родового общества»⁸⁶.

⁸⁵ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Л., 1949. С. 59.

⁸⁶ СГАИМК. 1932. № 11-12. С. 74.

И.Н. Ионов

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ КРИТИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

На рубеже XX–XXI вв. произошли драматические события, повернувшие как макроисторический, мир-системный, так и постмодернистский дискурсы к оставленной, казалось бы, идее цивилизации. Возникла теория Р. Робертсона о глокализации, т.е. порождении локальных (в т.ч. цивилизационных) идентификаций и специфических местных форм культуры в результате универсализации связей между людьми¹. В то же время Ф.Р. Анкерсмит, рассуждая о «возвышенном» историческом опыте, спроецировал эти проблемы на историю европейской цивилизации, акцентируя ее способность к переживанию исторических травм и стратегиям припоминания или забвения утраченного прошлого².

Однако это возвращение происходит в амбивалентной, неоднозначной ситуации. Например, у Анкерсмита эпоха «падения метафоры» связывается с метафорическим же восприятием фрейдовского понятия «ужасного». Для него «ужасное и травматическое прошлое должно... стать частью современного нравственного мира»³. Но вспомним, что еще Ю. Кристева писала о сходном понятии «отвратительного» как пределе, отталкиваясь от которого обычно происходит смыслообразование и выстраивается новый, упорядоченный образ реальности⁴. Получается, что, во-первых, метафора не умерла, а

¹ *Robertson R.* Globalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / Ed. by C.M. Fetherstone, S. Lash, R. Robertson. Langham, 1995. P. 25-44.

² *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М., 2007 (2005). С. 469, 480-484. Он прямо опирался на идеи О. Шпенглера (С. 423-427).

³ Там же. С. 480.

⁴ *Кристева Ю.* Силы ужаса. Эссе об отвращении. Харьков; СПб, 2003. С. 37-38.

во-вторых, метафора отвратительного/ужасного может дать импульс различным познавательным стратегиям, говоря словами Анкерсмита, обретению как «прекрасного», так и «возвышенного» исторического опыта (ведущих к созданию, соответственно, историцистских и мифологических, уникальных образов прошлого).

Еще сильнее противоречия в постколониальном дискурсе, опирающемся на идеи Э.В. Саида⁵, которые служили для трансляции постмодернистских идей в профессиональную историографию. Ориентация на деконструкцию мифологических построений (прежде всего «белых мифологий»), создание виртуальной истории вечного симметричного диалога, позволяющей мыслить «третий мир» как равный прочим, на создание мультикультуралистского языка, на котором можно описывать альтернативы современному капитализму, сменяется «деколониальным поворотом», многое в котором напоминает об антиколониализме, афроцентризме и индеанизме с их позитивным восприятием империй прошлого (в частности, Древнего Египта и империи Инков)⁶. Тупик империи обозначается в том числе в развитии постмодернистского дискурса⁷. Цивилизационные представления в этом сложном контексте приобретают также амбивалентный характер: они перестраиваются в соответствии с идеалом диалога, но отчасти возвращаются к старым имперским формам.

Постколониальный дискурс и идея цивилизации

В постколониальной критике классических цивилизационных представлений большое значение имело преодоление универсализма, эссенциализма, холизма, детерминизма, сциентизма, асимметричности исторических и географических моделей, проявлявшейся в идее центральности Европы и совокупности допущений или предположений о сущности Нового времени (Modernity), связанных с предпосылочным знанием об истории, науке и технологии. Эта европейская система знания и верований, по мнению постколониальных

⁵ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.

⁶ History after the Three Worlds: post-Eurocentric Historiography / Ed. by V. Bahl, A. Dirlik, P. Gran. Lanham, 2007. P. 3-11; Mignolo W. The Idea of Latin America. Maldon, Oxford, Carlton, 2005. P. XII; Globalization and Decolonial Opion / Ed. by W. Mignolo, A. Escobar. L., N.Y., 2009.

⁷ Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, 2000.

критиков, была создана для того, чтобы объяснить и описать отношения колонизаторов и колонизируемых в форме, приемлемой для колонизаторов, так как она изначально обосновывала идею превосходства Запада, идею его цивилизаторской миссии, благодаря которой колонизируемые получали возможность возвыситься до его уровня⁸.

В методологическом плане подверглись критике такие познавательные стратегии, как объективизм, редукционизм, эволюционизм, теория модернизации, бинаризм, модель центр-периферия, которые также играли роль механизмов обоснования колониальной структуры доминирования. В постколониальном дискурсе деконструкция модели центр-периферия имела целью подорвать идею о справедливости колониальной власти, а попутно отрицала образ культуры как однородной совокупности ценностей и предполагала номиналистский образ культур как синкретических формаций, исторически сконструированных и подлежащих исправлению. Образ Иного подвергся переадресации. Периферия, которая в глазах центра выступает как «граница, маргинальное, неклассифицируемое, сомнительное» может теперь рассматривать сам центр как «двусмысленный, неопределенный, недетерминированную амбивалентность»⁹. В то же время обрели новый позитивный смысл понятия инаковости, гибридности, субъективности. Представление о субъекте пересекается с понятием диалога, который предполагает и, более того, невозможен без Иного. Гибридность наряду с креолизацией и транскulturацией рассматриваются как произвольный результат колониального смешивания народов и культур, а также как креативные, приводящие к *культурному катализу* производные этих «обменов»¹⁰.

В этом контексте большое значение имело переосмысление понятия «цивилизация», которое прочно связывалось с «цивилизаторской миссией» Запада и считалось основой европоцентристской и колониальной риторики. В постколониальной критике утвердилось представление о том, что понятие «цивилизованный» возникло в английском языке на рубеже XVI–XVII вв. наряду с понятием «нецивилизованный» (*uncivilized*, означавшим «существующий на низ-

⁸ Post-colonial Studies: the Key Concepts / Ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L., N.Y., 2000. P. 41-42.

⁹ Ibid. P. 21-25; 13, 37.

¹⁰ Ibid. P. 12, 36.

шей стадии культуры», 1588; «принадлежащий к дикарям или имеющий признаки дикаря», 1614), и оправдывавшего таким образом колониальную практику. «Сделать воспитанным (*civil*). Вывести из состояния варварства; научить полезным искусствам (*arts of life*), просветить и сделать утонченным» (1601)¹¹. Понятие «цивилизация» ассоциировалось также с понятием «современность» (*modernity*) в рамках антитезы современный/традиционный.

Особой критике подверглись дихотомии дикий/цивилизованный и варварство/цивилизация, которые однозначно воспринимались как тропы идеализации и унижения. Понятие «дикарь» как унижительное приписывалось исключительно западной культуре, которая стремилась утвердить собственные нормы и одновременно обозначить все неевропейское как примитивное и низкое. Оно являлось прямым обоснованием права на колониальные захваты. Подчеркивалось, что понятие «местный» (*native*) в колониальном контексте автоматически перерождалось в понятие «дикарь»¹². Критика этих дихотомий практически до конца стирала разницу между понятиями «цивилизационный» и «цивилизаторский». При этом в позитивном смысле трансформировалось понятие *присвоение*, которое предполагает восприятие некоторых аспектов имперской культуры, использование их зависимой культурой для артикуляции своих собственных социальных и культурных идентичностей (в том числе цивилизационной), противостояния доминирующему имперскому дискурсу, его политическому и культурному контролю¹³.

Цивилизация и цивилизаторство в истории науки

Отношение европейских историков к постколониальной критике неоднозначно. Отчасти она принимается, особенно в ее моральной составляющей. Но резко негативное отношение постколониальных критиков к идеям цивилизации, эволюционистского историзма, любым формам исторической иерархии вызвало попытки сбалансировать эту критику и отстоять хотя бы часть местной традиции истории цивилизаций. Примером такой стратегии стала книга историка империализма и глобализации Ю. Остерхаммеля «Расколдовывание

¹¹ Ibid. P. 209.

¹² Ibid. P. 5, 158, 209; *Du Cille A. SkinTrade*. Cambridge, 1996.

¹³ *Post-colonial Studies*. P. 19.

Азии: Европа и азиатские империи в XVIII в.» (1998), которая дает, в отличие от однозначно негативной у Саида и особенно у постколониальных критиков 1990-х гг., сложную и противоречивую картину этого процесса. В книге описывается процесс перехода от позитивного (цивилизационного) изучения стран Азии в контексте эпохи Просвещения к спекулятивному (цивилизаторскому) постулированию негативных свойств Востока в рамках колониального дискурса. При этом в центре внимания ориентированного сциентистски и универсалистски историка находится противоречивый и сложный процесс научного изучения Азии европейцами, взаимодействие философских и идеологических моделей с конкретным научным знанием¹⁴. Он стремится ограничить сферу господства колониального дискурса рамками, заданными у Саида (XIX–XX вв.), резко отделив эпоху Просвещения, XVIII – начало XIX вв. как время формирования историзма. Этот процесс расценивается в целом позитивно. Остерхаммель не принимает теории Саида, которую он называет «моделью аутического дискурса», видит в нем антиисторическую проекцию постмодернистского цинизма на описание прошлого, в т.ч. неприятие идеи диалога цивилизаций. Сам дискурсивный анализ, использованный Саидом, позволяет, по его мнению, анализировать только риторические стратегии, раскрыть только одну сторону исторического описания — его сконструированность, т.е. он останавливается на предпосылочном знании (*Vorwissen, Vorverständnis*). Но этот анализ ничего не говорит о познавательной стороне дела, о полезности знания и зачастую огульно отрицает реальные исторические открытия. Фактически это лишь способ противопоставления чужих описаний — собственным описаниям, разница между которыми лежит в области самосознания автора. Но в рамках лингвистического поворота Ю. Остерхаммель считает естественным взять под защиту инаковость своего (европейского) автора, который выступает как Чужой, Другой для постколониального критика. В сущности, для него это две стороны одной познавательной стратегии¹⁵.

Образ Востока до 1830 г., по мнению историка, воспринимался европейцами как образ позитивного Другого, с которым возможно

¹⁴ *Osterhammel J. Die Entzauberung Asiens: Europa und asiatischen Reiche im 18. Jahrhundert. München, 1998.*

¹⁵ *Ibid.* S. 21, 23, 24.

ассоциировать представление о разуме, рациональности и цивилизации. В этой истории «дикарям» и «варварам» отводилось такое же место, как и цивилизованным народам. «Варварство» не противопоставлялось «цивилизации». Однозначно дискриминирующие понятия («примитивные» или «естественные» народы) еще не были распространены. Рассуждения о «грубости» дикарей не мешали признавать за ними способность к развитию¹⁶.

Для Остерхаммеля это означает, что мыслители эпохи Просвещения не принадлежат к колониальному дискурсу. В их произведениях отсутствовал европоцентризм. Явной чертой последнего считается только наличие резких бинарных оппозиций (Запад — Восток, цивилизация — варварство). Только оно связано с вытеснением образа Другого из поля познания, с превращением его в инструмент самоидентификации. Наличие подробной шкалы уровней цивилизации ученый считает предпосылкой недопущения подобных бинарных оппозиций, исключающей противопоставление народов. Поэтому, хотя К.Ф. Вольней мог писать о том, что египетские мамлюки остановились в развитии в XII в., а остальная часть Египта еще в X в., это не означало, что такая ситуация останется вечной. По мнению Остерхаммеля, это была прото-модернизационная теория¹⁷. В отношении к теории модернизации и иерархическим версиям теории истории он явно дистанцируется от постколониального дискурса.

Одним из важнейших направлений науки эпохи Просвещения была критика колониализма, достигшая высших своих проявлений в работах Г.Т. Рейналя, Д. Дидро и Э. Берка. Ю. Остерхаммель приводит слова М.Ж.А. Кондорсе, который в 1793 г. писал, что однажды история будет преследовать европейцев «за их предприятия и их падение в Африке и Азии, где политика торговых монополий связана с предательством и пренебрежением к народам с другим цветом кожи и другой верой». Отмечу, что сам Кондорсе говорит при этом о зыбкости успехов Просвещения, о чем не упоминает Остерхаммель¹⁸.

Для европейцев эпохи Просвещения, по мнению Остерхаммеля, был в целом характерен релятивизм, представление о принципиальном равенстве всех цивилизаций, легитимности всех политических

¹⁶ *Ibid.* S. 394.

¹⁷ *Ibid.* S. 21, 400.

¹⁸ *Ibid.* S. 400-401.

систем, что свойственно Э. Кэмпферу, Э. Берку, И.Г. Гердеру и И. Канту. В более слабой форме это убеждение разделялось основной частью мыслителей Просвещения. У. Джонс еще в 1787 г. характеризовал цивилизацию как «обычаи и предрассудки данной нации». Европейцы стремились к диалогу, их виртуальные разговоры с китайцами или письма тамиллов могут рассматриваться как форма самокритики¹⁹. Остерхаммель проводит резкую границу между историей *цивилизаций* Ф.А. Вольтера, Э. Гиббона, А.Л. Шлецера, А. Фергюсона и особенно И.Г. Гердера, который подчеркивал значение собственного смысла и собственной ценности каждой культуры — и идеологией *цивилизаторства*, которую он считает проявлением совершенно иной ветви в развитии мысли²⁰. Даже у Ш. Монтескье, чьи работы будут использованы в XIX в. для оправдания колониальной политики, Европа и Азия еще не встроены в линейно-стадиальные схемы, в ней различаются *цивилизации Азии*; хотя его теория универсальна, она не нормативна, а дескриптивна, эмпирична, она даже имеет анти-философско-исторический, компаративный характер. Эта теория не предписывает правила роду человеческому, а исходит из этнографических данных, она культурно убедительна²¹.

К концу XVIII в. постепенно проступают тенденции «надменности» Европы и «низведения» Азии, пик которой Остерхаммель ассоциирует с первыми десятилетиями XIX в. Универсализм и унитарность, оцениваемые им позитивно, постепенно уходят. Неотъемлемыми чертами Востока провозглашаются деградация, дегенерация, стагнация. «Варварство» противопоставляется «цивилизации»²². «Шкала цивилизаций» только к 1830 г. превращается в «шкалу рас». Именно в это время крупнейшие теоретики колониальных держав Англии и Франции (а не Германии) создают представление о превосходстве Европы над всем миром, и это самосознание, основанное на ощущении избранности, переходит в идеологию распространения

¹⁹ Ibid. S. 64-84, цитата на S. 396.

²⁰ Ibid. S. 394.

²¹ Ibid. S. 311.

²² Ibid. S. 16-18, 385-406.

прогресса и цивилизации (*Sendungsideologie*), являющуюся основой представления о собственной *цивилизаторской* миссии²³.

Образ Азии как континента «восточных деспотий» создавался в контексте не исторических, а философско-исторических построений²⁴. Главной его чертой было соединение объективных (пространственных, климатических) характеристик Азии и ее отличающегося от Европы политического строя, которое придавало последнему самоочевидный и неизменно негативный характер. Это было следствием стремления «философствующих историков» понять не только «форму», но и «принцип» общественного строя, а следовательно сделать знание универсально значимым, научным. Но при этом происходило упрощение образов азиатских обществ. Моделью восточного государства стал, например, гарем²⁵. Но в эпоху Просвещения этот идеальный тип, как подчеркивает Остерхаммель, отражал не столько реальность, сколько *умозрительную возможность*. Лишь в XIX в. эта версия истории постепенно вырождалась в нормативную схему. Ее распространение облегчалось тем, что востоковедение как специальная научная дисциплина еще не существовало²⁶.

Надо отметить, что взгляд на историю общественной мысли и исторических идей сформировался у Ю. Остерхаммеля под большим влиянием позитивного образа Германии XVIII в., которая не участвовала в колониальных захватах и обладала передовой исторической и социальной теорией, где рано зародился романтизм, а потому отличалась особым восприятием неевропейских народов. Взаимодействие немцев с соседними народами (прежде всего славянскими) он считает основанным на стратегии культурного диалога, очевидным в идеях И. Канта, А.Л. Шлецера, исследователя восточного права И.Г.Л. Козегартена, а особенно Г. Форстера и И.Г. Гердера. Именно поэтому представление об исламе как «не создавшем никакой собственной цивилизации» появляется у Ф. Шлегеля только в 1828 г.²⁷

Что сближает Остерхаммеля с постколониалистами, это стремление различать нормативное и научное знание, культурный диалог

²³ Ibid. S. 397, 400.

²⁴ Ibid. S. 284-289.

²⁵ Ibid. S. 310-311.

²⁶ Ibid. S. 21, 295-296.

²⁷ Ibid. S. 21, 394.

и идею распространения цивилизации (*Sendungsideologie*), составлявшую основу представления о цивилизаторской миссии Запада²⁸. Отмечу, что Остерхаммель не спорит с Саидом на его собственном поле, он лишь стремится «отыграть» у своего знаменитого предшественника классический для немецкой философии и историографии XVIII век, с которым связано его собственное самосознание как историка. Для этого он проводит деконструкцию построений Саида, выделяя в исследованиях XVIII в. предпосылочные схемы (подвергаемые критике) и фактическое знание.

Новые принципы сравнительной истории цивилизаций

Наибольшее влияние постколониальная критика оказала на методологический аппарат теории локальных цивилизаций. Несмотря на верность универсализму, в более поздней работе Остерхаммель подчеркивает: стремление «подвести историю под несколько общих принципов» бесперспективно. Выступая против географического, биологического или культурно-менталистского редукционизма и субстанционализма, он утверждает, что цивилизационная специфика подразумевает различия не в сущности или природе культур, а «неопределенную и неточную связь» в мере проявления тех или иных культурных, психологических, ментальных особенностей. Господствующей при этом становится не тотальная, холистская, а дифференцированная, частичная, конвергентная, симметричная версия сравнительного описания, учитывающая общие черты и различия цивилизаций, отдельных регионов, институтов, уровней и секторов, помещая их в горизонт «нормальной» исторической науки²⁹.

Это непосредственно связано с более внимательным отношением к постколониальному дискурсу и негласными заимствованиями из него. Хотя Остерхаммель утверждает, что культурный релятивизм — это своего рода «закрытый космос», он «не создает пространства для убедительной транскультурной точки зрения»³⁰ (т.е. почвы для оберегаемого историком идеала всеобщей истории), он

²⁸ *Ibid.* S. 400.

²⁹ *Osterhammel J.* *Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich.* Göttingen, 2001. S. 8-9, 15, 18, 49, 54.

³⁰ *Ibid.* S. 18.

использует свою сциентистскую и объективистскую позицию в т.ч. для критики Саида за субстанционализм, т.е. несоответствие неклассическим познавательным принципам. Эссенциализация Иного у Саида, по мнению Остерхаммеля, базируется на интуитивистской основе — самоочевидном видении, озарении, порождающем догматизм эпигонов, что не оставляет места для самокритики. Это учение имеет главной функцией самоидентификацию за счет демонизации власти Запада, поэтому не может быть релевантно познавательным задачам исторической науки, особенно с учетом ранних претензий Саида на монополию мусульман изучать исламскую культуру³¹.

В конце концов, привычная резкость инвектив Остерхаммеля в адрес Саида снижается, дается высокая оценка его самоиронии и самокритике, неприятию эссенциалистской реификации в других культурах, его выходам за пределы теории власти-знания М. Фуко, его учению о предпосылочном знании, создающем основания для «культуры непонимания» и «права на собственное непонимание»³².

Примечательно, что отстаивая свою позицию, Остерхаммель провозглашает величие европейского идеала цивилизации, как его трактовал Д. Юм, понимая под ним свободу безнаказанной борьбы гражданина против бюрократии³³. Он не отбрасывает прогрессизм и европоцентризм, но исследует их исторически, указывая, в частности, на разницу между эксклюзивным европоцентризмом XIX в., противопоставлявшим «цивилизацию» и «варварство», и инклюзивным нерасистским европоцентризмом в США второй половины XX в., утверждающим всепроникающий характер модернизации. Историк оптимистично полагает, что аналитичность и эмпиризм, холизм и парциализм, конвергенция и дивергенция (т.е. проявления классического и неклассического знания) могут сосуществовать на основе принципа дополнительности, причем в рамках профессиональных норм исторического знания изучение конкретных черт остается доминирующим³⁴. Он признает значение в сравнительной истории цивилизаций принципов микроистории, выступая против «сведения микроистории к макросхемам», но убежден, что умерен-

³¹ Ibid. S. 256, 259.

³² Ibid. S. 262-265.

³³ Ibid. S. 89.

³⁴ Ibid. S. 57-58, 60-61, 63, 66-67, 82, 87, 178, 205-206.

ный скепсис по поводу цивилизационных макронарративов может помочь повысить их познавательное значение³⁵.

Исследователю цивилизаций как медиатору в пространстве и времени, утверждает Остерхаммель, свойственна не монологическая, а диалогическая, *двойная компетенция*, которая позволяет осуществлять разнообразные познавательные стратегии³⁶. Он признает, что у него нет «программы» или «новой парадигмы» изучения сравнительной истории цивилизаций. Неевропейская история для него — скорее проблема, чем поле ее решения³⁷. А история цивилизаций — лишь один из подходов, «который только тогда может быть полезен, когда отдаешь себе отчет в опасности эссенциализации культурных понятий». Важнейшая область сравнительной истории — история культурного трансфера позволяет рефлексировать смысловое содержание концептов и его изменения. В этой области нет еще адекватного предпосылочного знания, учения о методе и элементарного нормативного набора (канона) тем³⁸. Между тем в условиях глобализации европоцентризм окончательно изжил себя и есть потребность в переориентации на «глобальный горизонт проблем». Отсюда невозможность по старинке использовать при формировании современных образов стран и цивилизаций бинарные классификации (Европа/Неевропа) или холистские образы, которые неизменно ведут к ошибкам и фальсификациям. Остается неясным, что же можно считать «европейским» или «современным», если не замыкаться на идее прогресса. В этом смысле революционными являются сравнительные исследования Д. Гуди о европейской семье и Ш.Н. Айзенштадта о неевропейской современности³⁹.

Для Остерхаммеля, в отличие от Саида, западная традиция истории цивилизаций ущербна лишь отчасти и не потому, что связана

³⁵ Ibid. S. 7.

³⁶ Ibid. S. 206.

³⁷ Ее исследователи — это, как правило, эксперты-страноведы, они часто не понимают логику исторического исследования. Ibid. S. 47, 178.

³⁸ Ibid. S. 9-16.

³⁹ Ibid. S. 49. *Patterns of Modernity. Beyond the West* / Ed. by S.N. Eisenstadt. N.Y., 1987; *Goody J. The Oriental, the Ancient and the Primitive: Systems of Marriage and Family in the Preindustrial Societies of Eurasia*. Cambridge, 1990.

с «власть-знанием», которое может быть «эмпирически верным»⁴⁰. Когнитивная функция цивилизационного знания не противостоит идентификационной: ведь потребность в стабилизации своей идентичности свойственна сейчас не только Европе или Западу, но и Китаю, Японии, Среднему Востоку⁴¹. Поэтому он стремится использовать работы А. Дж. Тойнби, У. Мак-Нила, Ф. Броделя⁴².

Так сложилась концепция, трансформирующая нормы профессионального исторического знания, учитывающая постколониальную критику, но дающая шанс западным историкам сохранить свое наследие и ценности. Однако ее паллиативный и синкретический характер (прежде всего из-за парадоксального сочетания классических и неклассических познавательных принципов) оставляет место макроисторическим схемам и сциентистским оценкам в духе XIX в.

Анализ развития современной теории цивилизаций в России

Только в этом контексте можно понять содержание широко известной на Западе, но незаслуженно игнорируемой в России книги Ю. Шерер «Культурология. Россия в поиске цивилизационной идентичности». Ю. Шерер, пожалуй, единственный западный специалист, которому действительно интересна история развития цивилизационной самоидентификации и особенности теории цивилизаций в России. Она ведет в Школе высших социальных исследований в Париже семинар на эту тему и обладает достаточной квалификацией для того, чтобы судить о предмете (Шерер владеет русским языком, работает в институте, созданном Ф. Броделем, и к тому же является директором Центра Марка Блока в Берлине).

В своей книге и сопутствующих ей статьях она резко (на взгляд большинства заинтересованных лиц, незаслуженно резко) критикует формы преодоления постсоветского кризиса исторического сознания в России, явившиеся результатом краха марксистской картины истории, новые формы исторического сознания и «цивилизационный подход» к истории. Фактически эта критика сводится к упрекам всех направлений отечественной философии истории (как националистов, так и либералов) за формирование под видом цивилизационной

⁴⁰ *Osterhammel J. Geshichtswissenschaft... S. 259.*

⁴¹ *Ibid. S. 260-261.*

⁴² *Ibid. S. 54, 177-178.*

религиозной, государственнической *имперской идентичности*, за превращение прошлого в объект спекуляций и реанимацию окончательно устаревших эпистемологических подходов⁴³.

Наиболее сильными являются последние главы книги, в которых автор повторяет постколониальные аргументы об устарелости схемы Восток-Запад, которая не может считаться адекватной задаче построения современной исторической идентичности, о ее связи с имперскими формами самосознания, что убедительно доказывается повсеместными следами присутствия в историософии России 1990-х гг. евразийских влияний. Это заставляет «культурологов» подменять конкретное изучение истории, внимание к эмпирически проверенной информации о прошлом дилетантским системотворчеством и смыслотворчеством, игрой с такими примитивными логическими схемами, как бинарные конструкции (А.С. Ахиезер, И.В. Кондаков), а также с неисторическими универсалиями (А.А. Пелипенко, А.И. Фурсов). Об этом же свидетельствует противопоставление культурологии «узкоспециализированному западному знанию» (А.А. Пелипенко) и существующему языку науки (И.Г. Яковенко). Тем самым она превращается в специфически «русскую науку». Исходя из того, Ю. Шерер решительно отказывает «культурологии», которую она маркирует неизменно отрицательно, в научном статусе и связывает ее с тенденцией к примитивизации существующей научной традиции и банализации созданных ею понятий⁴⁴.

Заполняя идеологический вакуум, «новая парадигма» создавалась на базе устаревших, марксистских по происхождению и связанных с имперским дискурсом XIX в. эпистемологических принципов, таких как детерминизм, универсализм, эссенциализм, методологический и онтологический холизм (идеал синтеза), антиномизм, принципиальный редуccionизм. При этом экономический редуccionизм марксизма у «культурологов» заменен культурным и даже уже — религиозным и мифологическим. Лишь отсутствием представлений о научном методе, «дилетантизмом и эклектизмом» Шерер объясняет «произвольное соединение» этих эпистемологических принципов с заимствованными у религиозных философов «Серебряного века»

⁴³ Scherrer J. Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003. S. 125.

⁴⁴ Ibid. S. 127-152, 135, 100, 174.

историческим пессимизмом, интуитивизмом, организмичностью, аффектированностью, примитивизированной герменевтикой, в рамках которых изучение «менталитета народа» (а не истории ментальностей, как в современной науке) порождает умозаключения по поводу «сущностей» и «внутренней природы» цивилизаций России, Востока и Запада. Поэтому методологически, а зачастую и в области онтологии «культурология» во всех ее проявлениях, по мнению автора книги, противостоит идеалу модерна⁴⁵.

Вместе с тем Ю. Шерер критикует «культурологов» за отрыв от традиции западного научного знания, игнорирования достижений как антропологического поворота (и его немецкой формы — *Kulturalismus*), так и культурного поворота, новой культурной истории. Важнейшую роль в развитии «культурологии» Шерер отдает истории цивилизационных представлений (прежде всего публикациям в сборниках статей «Цивилизации»), в центре которых неизменно оказываются такие фигуры, как Н.Я. Данилевский в качестве создателя теории локальных цивилизаций, представитель «философии жизни» О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, который выступает прежде всего как религиозный мыслитель (создатель «теологии истории») и американский социолог С. Хантингтон, приобретший широкую известность после публикации статьи «Столкновение цивилизаций?». Главное, что объединяет примитивизированные, по мнению Шерер, трактовки их работ — это философема о великом будущем России. С. Хантингтону в дискуссии, проведенной журналом «Общественные науки и современность» в 1995 г., ставят в заслугу его прогноз о том, что «в XXI в., после проигранной Россией холодной войны и обретения идентичности она войдет в “цивилизацию” и что Россия принадлежит к наиболее значительным мировым цивилизациям»⁴⁶.

Особенно ярко идея грядущего доминирования России фиксируется у Н.Я. Данилевского, который пережил переоценку в постсоветское время. Как инструмент утверждения этой философемы служит критика им европоцентризма, утратившая позитивную роль (европоцентризм перестал быть актуальным для научного знания), но сохранившая идеологическую роль как реваншистская доктрина для

⁴⁵ Ibid. S. 8, 30, 69-70, 98, 118, 121, 177, цитаты на S. 171, 174.

⁴⁶ Ibid. S. 117, цитата на S. 109.

страны, потерпевшей поражение в «холодной войне». Его антиуниверсализм, по мнению Шерер, может служить в конце XX в. исключительно утверждению геополитических оснований исторического мышления. Это имперское мышление проявляется в форме идеи доминирования православия, представленного как исторический выбор России, над католичеством и самодержавия — над демократией. «Таким образом Данилевский стал праотцом геополитики, которая (в России — *И.И.*) была введена в свои права культурологией»⁴⁷.

Пока что этой критике трудно что-либо противопоставить, хотя некоторые утверждения звучат резковато. Странно, однако, что автор применяет чисто сциентистские и объективистские критерии к идентификационному знанию, которое служит не столько для получения новой информации, сколько для структурирования познавательного поля. Тем самым она выстраивает свою критику почти на тех же основаниях, которые критикует, и занимает порой (прежде всего в отношении интерпретации соотношения понятий «культуры» и «цивилизации») узко-германскую позицию, которая представляется таким же «аборигенным знанием», как отечественная культурология. Парадоксальным образом, сциентизм Шерер, роднящий ее позицию с точкой зрения Й. Рюзена, которую она развивает⁴⁸, мешает ей увидеть позитивные черты таких же сциентистских построений, но базирующихся на других эпистемологических основаниях.

С точки зрения постмодерниста, например, положение в российской теории вовсе не представлялось бы таким трагичным. Ф.Р. Анкерсмит, например, писал о подобных метафорах, что они «позволяют нам организовать мир (или наше знание о хаотическом многообразии мира)», сделать «знакомым» то, что в этом мире изначально воспринимается как странное и незнакомое». Вследствие этого такая метафора «является более продолжением научных когнитивных идеалов, нежели находится в оппозиции к ним»⁴⁹. С другой стороны, историческая мифология — это самый обычный инструмент преодоления исторических травм, порожденных такими разрывами в истории, как например, Французская революция. По-

⁴⁷ Ibid. S. 55, 105, 112, цитата на S. 107.

⁴⁸ Ibid. S. 7; *Rüsen J. Kulturologie — ein neues Konzept für altes Denken?*

⁴⁹ *Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры.* М., 2009. С. 34-35, 37.

пытка выработки цивилизационной формы исторического самосознания в данном случае совершенно не случайна, так как именно «цивилизации... реагируют на коллективную травму»⁵⁰.

Универсализм и сциентизм Ю. Шерер, мешают ей понять, что травмой, пережить которую не могут многие из «культурологов», является вовсе не распад СССР, как она утверждает, а Октябрьская революция 1917 г., которая превратила дореволюционную реальность в самостоятельный, отделенный от нас объект, вызвав резкую ностальгию по прошлому⁵¹. В этом контексте становится понятным, почему практически все существующие версии «цивилизационного подхода» родились в России *не после, а до* 1991 г. Об этом говорят известные факты: стремление к возрождению религиозной философии «Серебряного века» проявилось задолго до краха СССР — в ходе написания в 1960-е гг. знаменитого 5 тома «Философской энциклопедии», прежде всего во взглядах С.С. Аверинцева и его единомышленников⁵². Именно в этой среде зародился интерес к творчеству О. Шпенглера, а также Н.Я. Данилевского, взгляды которого оценивались и оцениваются учеными этого направления (в частности Е.Б. Рашковским, лучшим исследователем А.Дж. Тойнби в России) весьма негативно. Цивилизационный подход пропагандировали и развивали в марксистской мысли ученые, физически не дожившие до распада СССР, такие как И.М. Рейснер (1899–1958) и М.А. Барг (1915–1991). В 1991 г. эта традиция дополнилась разнообразными формами мифологизации истории СССР, нормативный образ которой оказался выброшен за пределы исторического времени, причем отношение к нему было очень разным⁵³.

Не случайно в среде «культурологов», которых Шерер объединяет, взгляды на империю, православие, интерпретации «русской

⁵⁰ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 480, 483.

⁵¹ О логике этого процесса см. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология. С. 380-394.

⁵² См.: Философская энциклопедия. М., 1970; Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Иностранная литература. 1968, № 1; Рашковский Е.Б. Данилевский // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

⁵³ Об этом подробнее см. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 500-503.

идеи» весьма различны. Сам образ «культурологии» как идеологизированного эрзац-знания получается на этом фоне не очень убедительным. Это эссенциалистский, объективистский образ, который позволяет утверждать, что автор лучше знает мотивации «культурологов», чем они сами. Это похоже на образ «отвратительного Иного», при помощи которого традиционно осуществлялось смыслополагание в рамках историцистских построений⁵⁴. «Культурологи» и другие неприятные Шерер ученые (А.Т. Фоменко, В.М. Межуев, П.С. Гуревич, Ю.С. Степанов, А.Г. Дугин, И.В. Кондаков, Б.С. Ерасов, А.С. Ахиезер, И.Г. Яковенко и др.) превращаются из субъектов в единый нерасчленимый объект исследования, от одного элемента которого можно произвольно умозаключать к другому, т.е. в отношении их реализуются те самые стратегии дивергенции, иерархизации и, в конечном счете, доминирования, против которых возражали постколониальные критики и Остерхаммель. Но это ставит саму Шерер под удар, как и указывал Остерхаммель.

Проблемы развития и восприятия реалий современной отечественной «культурологии» многообразны. Одна из них, непосредственно связанная с постколониальной проблематикой, состоит в том, что обращение к православной и отчасти имперской традиции многими в России воспринималось, как у В. Миньоло, в *деколониальном* духе. При этом не учитывалось, что и власть большевиков, и власть царей имела имперский, колониальный характер. Власть большевиков часто переживалась интеллигенцией в 1960–1980-е гг. как власть завоевателей, кучка которых сумела покорить огромную страну. Отсюда легенды о роли немецкого золота в организации Октябрьской революции. Обращение к культуре «Серебряного века» воспринималось в этом контексте как возвращение украденного бесценного наследия. Игнорировалось то, что хорошо выразил А.М. Эткинд: «Империя осваивала народ изнутри... Интеллигенция и бюрократия понимали “народ” как объект культурного воздействия, радикальной ассимиляции, агрессивного преобразования... феномены колониализма в России имели преимущественно внутренний характер. Все это делалось не в отношении заморских дикарей, а в отношении собственного народа... Русские революции были актами деколонизации

⁵⁴ Крестева Ю. Указ. соч. С. 37-38.

“народа”... закончившимися новой, беспрецедентной по масштабу попыткой имперского завоевания собственного народа»⁵⁵.

Пытаясь вернуть насильственно отнятое культурное достояние и критикуя Октябрьскую революцию, российская интеллигенция в 1960–1990-х гг., как правило, не понимала, что это может быть предлогом для формирования идеологии третьего имперского, цивилизаторского похода на Россию. Стремясь к новым формам исторического познания и новым способам самоидентификации, российские историки (в т.ч. вполне «просвещенные») не учли до конца опасности стратегии мифологизации образа истории в процессе обновления предпосылочного знания, возрождения старых и весьма вирулентных форм исторического воображения. Это и дает в конечном счете Ю. Шерер некоторое законное право сделать в их отношении весьма неллицеприятные выводы.

* * *

Говоря о перспективах дальнейшего развития макроисторических исследований, необходимо обратиться к конкретному опыту взаимодействия западных и местных, аборигенных культур (прежде всего в Австралии и Канаде), обобщенный в книге Д. Айвижна «Постколониальный либерализм» (2002). В ней признаются неудовлетворительными рационалистские, сциентистские, объективистские схемы взаимодействия различных культур и принципов мироустройства (например, принципов эффективности и справедливости). Для развития диалога внутри стран и в международном масштабе становится необходимым дополнить идеал просвещенческого рационализма либеральным юридическим идеалом процедуры. Только согласование образов мира, прежде всего ментальных карт, может помочь преодолеть убежденность постколониальных критиков в том, что либерализм сущностно связан с колониализмом, выстроить целостный образ мира и истории, приемлемый для всех⁵⁶.

⁵⁵ Эткнд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 59-60.

⁵⁶ Ivision D. Postcolonial Liberalism. Cambridge, 2002. P. IX, 28-29.

В.А. БАЧИНИН

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

**КОНСТРУКЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ
ОГЮСТА КОНТА**

1

Историческая социология, как дочернее ответвление от общей социологии, унаследовала от «родительницы» характерный дух позитивизма-секуляризма. На протяжении последних полутора столетий ранний, а затем зрелый модерн приучили историко-социологическое сознание к определенным формам ментальной деятельности, позволяющим демонстративно игнорировать проблемы трансцендентно-сакральной детерминации исторического процесса. Но, несмотря на очевидные заслуги тех, кто трудился и трудится в русле парадигмы академического секуляризма, всё же хочется задать вопрос: а является ли это направление самодостаточным? В полной ли мере движение в этом русле удовлетворяет теоретические интересы тех, кто трудится на поприще исторической социологии?

Несомненно, подобные вопросы правомерны лишь только при наличии некой альтернативной модели историко-социологического дискурса, которая имеет в своем содержании нечто, достойное внимания ученых. Следует сразу подчеркнуть, что такая модель действительно существует. Ее следовало бы назвать даже не моделью, а парадигмой, ибо ее древность, культурно-историческая устойчивость, значительность и влиятельность таковы, что этого статуса она вполне заслуживает. Речь идет о библейско-христианской парадигме, прописанной в первую очередь в исторических и пророческих книгах Ветхого Завета, позднее принявшей вид дескриптивно-аналитической традиции, маркированной третьим элементом известной триады «Афины-Рим-Иерусалим» и отчетливо представленной в классической и современной (преимущественно католическо-протестантской и частично православной) исторической теологии.

Если задаться вопросом о том, на какие *религиозные* основания опирается историческая социология, то большинство современных социологов с нотами негодования в голосе поспешат парировать: «Ни на какие! Поскольку она в них не нуждается!» Но тогда возникает еще один вопрос: «А на какие *исторические* основания опирается историческая социология?» Если секулярное историко-социологическое сознание ограничит перечень своих социальных, культурологических, мировоззренческих, методологических и прочих предпосылок рамками последних полутора-двух веков и поставит у собственного истока знаковую фигуру Огюста Конта, то будет вполне резонным возразить: а на какие культурно-исторические основания опирался в своем творчестве сам Конт? И здесь мы неизбежно должны будем вспомнить не только триаду «Афины-Рим-Иерусалим», библейско-христианскую духовную традицию и колоссальный интеллектуальный опыт, накопленный исторической теологией прошлых столетий, но и о многом другом, составившем питательную почву, на которой произрос контовский «Курс позитивной философии» и всё ветвистое древо западной социологии — политической, экономической, правовой, исторической и т.д. Но почему современные специалисты по исторической социологии не склонны упоминать об этом интеллектуальном наследии, без которого сегодня не было бы многих дисциплин, в т.ч. социальной истории и исторической социологии? Оно преспокойно существует, но не для тех исторических социологов, которые работают в русле секулярной парадигмы. Для них его как бы нет. Но для мыслителей, работающих в иной ментальной плоскости, в ином мировоззренческом измерении, оно — реальнейшая из реалий. Это, прежде всего, те, кто в своих трудах позиционировали себя как христиане, а в глазах академического большинства фигурировали в качестве «традиционалистов» и «консерваторов». Среди них обнаруживаются имена Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, Е.В. Спекторского, П. Тиллиха, К. Шмитта, Ж. Маритэна, К. Барта и многих других. Следует признать, что этих мыслителей, философов, теологов, писателей, несмотря на их «религиозные предрассудки», отличают такие черты, как ярко выраженный социальный темперамент, отчетливая социологическая ориентированность их исторического сознания и

всего строя аналитического мышления. О том, что они совершили на познавательном поприще, о принадлежащих им трудах нельзя сказать, что это неизвестная историческая социология. Нет, она широко известна и пользуется не меньшим признанием, чем ее секулярная сестра. Но, увы, в тех ученых кругах, где господствует академический секуляризм, ее не то, чтобы подвергают дискриминации, но о ней нередко просто забывают упоминать.

2

Конт, исторически разъединивший в своей концепции теологию, метафизику и науку, разведший их по разным эпохам, фактически упразднил Бога. Выразив недоверие первым двум и присудив их к поражению в интеллектуальных правах, он приложил немалые усилия для доказательства их несовместимости с наукой, с принципами просветительского рационализма, с нормативами научной объективности. Он прямо говорил о неуместности присутствия теологии и метафизики в секулярном мире, где, по его мнению, только наука имеет право безраздельно властвовать.

Можно строить разные предположения касательно тех мотивов, которые двигали Контом при создании его концепции, но что можно утверждать твердо, так это то, что он одним из первых в Европе встал на путь *деконструирования* интеллектуальной истории. В процессе ее расчленения на три стадии-состояния, он осуществил реформатирование того материала по истории западной духовной культуры, который имелся в его распоряжении. Мотивационные структуры его теоретического сознания фактически подчинились действию созданного им же самим механизма целевой детерминации: концептуальные контуры будущего позитивистского метода, колеблющиеся в его творческом воображении, сыграли роль целевой причины, направлявшей движение его мысли. Не слишком утруждая себя критикой теологии и метафизики, Конт просто уподобил их обременяющему балласту и сбросил с «корабля современности». Новая теоретическая программа, являвшаяся преемницей просветительской концепции модернизации, стала в глазах Конта проектом интеллектуального прорыва культуры, освободившейся от пут теологии и метафизики, в пространство беспрецедентной свободы, а также проектом выдвижения цивилизации, сделавшей ставку исключительно на науку, к новым рубежам прогресса.

Даже если признать правомерным выделение в интеллектуальной эволюции трех составляющих — теологической, метафизической и научной, то принять предложенную Контом схему их исторической сменяемости довольно затруднительно. Если внимательно присмотреться к тому, что происходило после Конта в интеллектуальной сфере XIX–XX вв., то говорить о том, что теология и метафизика совершенно выпали из актуального дискурсивного пространства и передали свои права науке, нет никаких оснований. Теология и метафизика продолжали существовать и развиваться. В теологии за последние два века появилось значительное число выдающихся имен, чьи труды придали ей второе дыхание в условиях экспансии секуляризма. Это А. Ричль, А. фон Гарнак, Дж. Эдвардс, М. Келер, Э. Биллинг, Д. Бонхёффер, К. Барт, П. Тиллих, Р. Бультман, братья Нибуры и др. В метафизике аналогичный по временному охвату список имен выдающихся мыслителей мирового уровня выглядит еще более внушительным. Поэтому говорить о том, что наука вытеснила теологию и метафизику, нет никаких оснований. Все три направления интеллектуальной деятельности продолжали существовать, развиваться и даже взаимодействовать. Теология и метафизика, не желавшие следовать контовским предначертаниям и покидать историческую сцену, оказывали весьма сильное сопротивление релятивистским и редукционистским усилиям позитивистского мышления. В результате между конструкцией Конта и реальной практикой интеллектуальной жизни образовался серьезный разрыв, который в конечном итоге и привел к вытеснению учения основателя позитивизма на периферию современного дискурсивного пространства. Его теория оказалась замкнутой на самой себе, неся внутри своей конструкции серьезные методологические изъяны редукционистского характера. Вот лишь некоторые из них:

- редуцирование мировой интеллектуальной истории к элементарной, трехступенчатой модели «западоцентристского» характера;
- редуцирование всех идеальных устремлений культурного сознания к системе не выходящих за пределы здравого смысла положительных знаний как вершине духовных исканий и пределу человеческих устремлений;
- редуцирование духовной жизни человека к рассудочной жизни интеллекта, интересующегося исключительно посторонней действительностью и пренебрегающего трансцендентной реальностью;

- редуцирование содержания интеллектуального мира к идеям и принципам, вписывающимся в пределы сциентистски ориентированного мировоззрения;
- редуцирование системы социологической науки к функциональному инструменту по исследованию ограниченной сферы только тех реалий, которые вписываются в идентификационный реестр позитивистского сознания.

Но еще Вл. Соловьев отметил, что основные теоретические положения Конта носят не критический, а догматический характер, и что это поставило его концепцию на весьма низкий уровень по сравнению с концепциями ведущих мыслителей нового времени. Общий аподиктический стиль рассуждений Конта, предпочитавшего постулировать, а не логически выводить большую часть своих тезисов, любившего сворачивать предполагаемые логические цепочки возможных доказательств в лапидарные теоретические формулы, также оказался отмечен печатью редуционизма.

И хотя Конт настаивал на своем праве обвинять теологию и метафизику в духовном, интеллектуальном истощении, его собственная модель нового интеллектуализма сама оказалась поражена духовной дистрофией. И он довольно быстро это понял, предложив подкрепить свои художественные схемы изрядной долей религиозности, правда, особого, секулярного свойства.

3

Конт задумал предложить современникам вместо христианской религии с ее поклонением триединому Богу (Богу-Отцу, Богу-Сыну и Богу-Святому Духу) собственную религиозную систему, центральное место в которой занимал бы новый объект поклонения — человеческий род. Не ограничившись превознесением науки, Конт пришел к выводу о том, что истинным итогом духовных исканий человеческого рода должна быть всё-таки религия, но не традиционная, устаревшая, а модернизированная, опирающаяся на новейшие, сугубо научные интеллектуальные основания, отвечающая духу секуляризма, пронизанная антихристианским настроением, соединяющая в себе то, что многим казалось несоединимым, — атеизм с верой.

Основатель позитивизма сознавал, что его детище не самодостаточно, что прогресс науки, культуры, всей социальной жизни, опирающийся только лишь на голый рационализм, не имеет полных гарантий успеха, что его следует, во что бы то ни стало, уравнове-

сить религиозными компонентами, отыскав в общей конструкции определенное место и для религиозных идей. И Конт фактически изобретает свою модель секулярной религии без Бога, без Христа. Этот нетривиальный шаг указывает на него как на секулярного мессию, грезящего о спасении цивилизации и об устройстве нового миропорядка, как на амбициозного реформатора, опирающегося не на обветшавшее христианство, а на новейший позитивизм. В этой своей роли Конт оказался в числе целого ряда интеллектуалов XIX века, мечтавших найти замену христианству. Ф. Ницше, Л.Н. Толстой¹ и другие радикалы оказались впоследствии всего лишь продолжателями этой линии контовских исканий².

В книге «Система позитивной политики, или Трактат о социологии, устанавливающий религию Человечества» (1854) Конт проводит мысль о великой созидательной роли *секулярной религии* и помещает на место христианства созданную им конструкцию — «позитивную религию человечества», возведенную в статус «единственной действительной и совершенной». Пытаясь выбить клин клином, избавиться от одной религиозной системы посредством учреждения другой, Конт предлагает заменить любовь к Богу любовью к обоготворенному человечеству, учреждает новый культ с секулярными обрядами, соединив в «святой троице» новой религии три предмета поклонения — Великое Существо (человечество), Великую Сферу (пространство) и Великий Фетиш (землю). Самого себя Конт провозглашает первосвященником новой религии, учреждает девять новых «таинств», пишет «Позитивистский катехизис» (1851), утверждает новые названия месяцев по именам языческих богов и

¹ В середине XIX в., во время Крымской войны молодому офицеру-аристократу, начинающему литератору Льву Толстому пришла в голову дерзкая мысль — посвятить свою жизнь основанию новой религии. Существуют разные объяснения мотивационной подоплеку столь неординарного замысла, но не исключено, что на русского писателя, несмотря на его неоднозначное отношение к основателю позитивизма, повлиял пример Огюста Конта. Европейская и российская публика успела к тому времени познакомиться с результатами контовской попытки, и реформаторский опыт французского мыслителя стал достоянием гласности и предметом заинтересованного внимания.

² Своеобразный опыт контовского интеллектуально-религиозного творчества отдаленно напоминает имевшие место в России на рубеже тысячелетий попытки заказного конструирования национальной идеи.

героев. Он пытается пророчествовать о будущей великой миссии ученых, которые станут проповедниками и священниками новой, позитивистской церкви, и горделиво заявляет, что к 1860 г. позитивизм станет господствующим религиозным учением, которое он, соединивший в себе дарования Аристотеля и апостола Павла, будет проповедовать в соборе Парижской Богоматери.

Однако органического синтеза рационализма с религиозностью у Конта не получилось, а возникла искусственная конструкция, в которой просветительско-позитивистская рассудочность соседствовала с неоязычеством. Последующая судьба нового культа подтвердила полную нежизнеспособность «религии человечества»³.

Упразднив Бога и трансцендентную реальность, развенчав христианскую религию, вычеркнув из культурно-исторического родословия теологию и метафизику и создав, как ему казалось, обширное пространство интеллектуальной свободы, Конт тем самым обосновал позицию методологического либертинажа. Предполагалось, что ничем не обремененный человеческий разум сможет совершить впечатляющий прорыв вперед, поскольку отныне не оставалось никаких препятствий для превращения свободы в основу нового социального порядка, где позитивисты всех стран могли бы объединиться во всемирную федерацию, способную установить на земле вечный мир.

Масштабами непомерных амбиций, уверенностью в своей исключительной миссии, любовью к эффектным декларациям Конт ни-

³ Конт двинулся в направлении, об опасности и бесперспективности которого предупреждал еще св. Августин, утверждавший, что источник ересей заключен в неумении, неспособности, нежелании человека отличать Творца от творения. Поставив на место Творца Его творение, т.е. человека, Конт, говоря языком классического христианства, встал на путь богоборчества. Если же его акцию охарактеризовать в современных терминах, то он осуществил акт деконструкции, придав теоцентрической картине мира антропоцентрический характер. В сложном переплетении причин, детерминант и мотиваций, которые заставили Конта устремиться в этом направлении, присутствовали и некоторые лично-биографические предпосылки. 13-й псалом из Ветхого Завета начинается словами: «И сказал безумец в сердце своем: "нет Бога"» (Пс. 13,1). К Конту эти слова имеют самое прямое отношение, поскольку основатель позитивизма и родоначальник социологии не был психически здоровым человеком, страдал нервными расстройствами и недугами, временами приводившими его к опасной границе безумия и самоубийства.

чуть не уступал Фридриху Ницше. Направления их творческой деятельности, сопровождавшейся разрушением многих базовых ценностно-смысловых структур классической культуры, во многом совпадали. При этом для Конта «Бог умер» раньше, чем для Ницше. Но одновременно для него «умер» и человек, превращенный из «образа и подобия Божия» в естественное, органическое образование, в «политическое животное», мыслящее категориями позитивистского редукционизма-релятивизма и не ведающее абсолютных начал бытия.

Создав позитивистский метод, Конт совершил интеллектуальную революцию, не менее значительную, чем та, которую осуществил Ницше. И лишь отсутствие у его текстов ярко выраженных литературных достоинств не позволило им состязаться в популярности с «Заратустрой» и другими текстами Ницше. Вместе с тем, следует признать, что его проект оказался более удачным и перспективным, чем проект Ницше. После смерти Конта его идеи стали обретать всё более широкую популярность. Почти сразу в числе их сторонников оказались известные интеллектуалы: Г. Бокль, И. Тэн, Э. Ренан, Ч. Ломброзо, К. Бернар, Э. Дюркгейм и др. Под прямым воздействием позитивистской парадигмы совершилось действительное вхождение западного мира в фазу радикального переустройства, итогом которого стало его новое состояние, получившее название модерна.

В контовском проекте не было вызывающего имморализма и брутального атеистического напора, которые отталкивали от Ницше многих интеллектуалов. И хотя Конт тоже не признавал за христианством культурно-исторической значимости, не желал замечать его вклада в духовную жизнь цивилизованного мира, он, в отличие от Ницше, выглядел достаточно умеренным, вполне добропорядочным реформатором, не поражающим умы современников вызывающей дерзостью сногшибательных декламаций.

4

Согласно Конту, интеллектуальная история человечества увенчивается новой дисциплиной, которую он поначалу назвал *социальной физикой*, а затем переименовал в *социологию*. В контовской иерархии научных дисциплин она заняла наивысшее место царицы наук, была вознесена над математикой, астрономией, физикой, химией, биологией и наделена статусом носительницы высшей мудрости. Вместе с тем, она сохраняла родственные узы с естественными

науками, пользуясь методом наблюдения, заимствованным у них, с той лишь разницей, что предмет ее внимания иной — социальные организмы, их жизнь, развитие, функционирование внутри различных общественных целостностей. Кроме наблюдения, в распоряжении социологии имелись и другие методы — экспериментальный, исторический и компаративный.

Вооружив ее этим, самым совершенным по тем временам, методологическим инструментарием, Конт надеялся, что социология не станет страдать отвлеченной спекулятивностью своих построений и не уступит своими аналитическими возможностями точным дисциплинам. Он также полагал, что социология по мере своего взросления будет становиться вполне практической наукой, способной непосредственно влиять на общественную жизнь и социальный порядок. Надежды, возлагаемые Контом на социологию, позволяли ему видеть в ней мощное идеологическое орудие, стоящее в одном ряду с моралью и религией и способное играть в интеллектуальной, духовно-практической жизни человечества примерно ту же роль, какую в христианскую эпоху играла теология.

Главенствующей стратегией социологического познания должен был стать *реализм*, позволяющий усматривать в социальных объектах то, что не зависит ни от исследователя и особенностей его мировосприятия, ни от трансцендентных фикций. Социологам предстояло наблюдать, исследовать, описывать в первую очередь реалии, доступные чувственному восприятию. Ко всему же прочему, в т.ч. к тем объектам, с которыми имели дело теология и метафизика, они обязаны были относиться с бдительным недоверием и подозрительностью. Ни обыденные мнения толпы, ни религиозные домыслы клерикалов, ни метафизические спекуляции философов не должны были препятствовать составлению научно-объективных характеристик тех объектов, которые интересовали социологию.

Конт проделал значительную работу по конституированию социологии как сугубо секулярной дисциплины. Он изъяснил массив социальных знаний, составивших содержание социологической теории, из богословского-метафизического контекста, внутри которого они существовали в период «эмбрионального» развития новой науки. Дезавуировав теологию и метафизику, он отнял у них «лицен-

зии» на право легитимного присутствия в том же ареале интеллектуального пространства, где существовала и социология.

Тот выход, который предложил Конт и который подчинился логике элементарного отрицания, только на первый взгляд выглядел простым. В действительности за этой внешней прямолинейностью демонстративного негативизма скрывалось нечто более сложное. Конт не стал апологетом плоского атеизма, а пошел по пути дальнейших религиозных исканий, завершившихся созданием собственной конфессиональной конструкции. И это обстоятельство позволяет предположить, что и его социологический проект вполне мог бы в дальнейшем двинуться в том же направлении и развернуться по сходному сценарию в принципиально иную конструкцию, не лишенную религиозных оснований. Разумеется, это только предположение, но оно возможно именно потому, что в мировоззренческих и методологических структурах молодой социологической науки содержались предпосылки для подобных трансформаций. Элиминация религиозных компонентов оставила явные пробелы в семантической конфигурации социологического дискурса, которые были на виду, и любой, не слишком ангажированный атеизмом аналитик понимал, что рано или поздно их надо будет заполнять соответствующими конструктами. И если это не произойдет на ранних этапах развития социологии, то требуемую содержательную реконструкцию придется проводить с многолетним запозданием, уже после того, как социологическое сознание переживет серию тяжелых кризисов.

Происходившее в эпоху Конта укрепление позиций секуляризма не было свидетельством того, что духовные, интеллектуальные ресурсы христианства и христианской картины мира исчерпаны. Оно лишь указывало на существование девиантной траектории развития культуры и цивилизации, на их способность отклоняться от классической траектории, отчетливо прописанной в христианском социально-историческом богословии. Секуляризм, подобно змию, искушавшему Адама и Еву, соблазнял человеческое сознание обещаниями невиданных приобретений и побед, ожидающих людей, вступивших на путь безверия и богоборчества.

Конт сделал всё, чтобы при помощи позитивистской методологии вынуть из основания социологии краеугольный камень — ее морально-религиозную составляющую. В результате образовался ис-

ходный разрыв между социологией и духовностью, социологией и культурой. Из-за этого социология с самого начала оказалась за пределами высших смыслов и главнейших ценностей бытия и, как следствие, лишилась сопротивляемости brutальным нажимам мощных социальных систем этатистского характера. Она могла успешно развиваться в условиях цивилизованных общественных отношений, при наличии развитых демократических институтов. Но там, где эти институты трансформировались в авторитарные и тоталитарные, она, лишенная нравственно-религиозного стержня, деформировалась и превращалась под внешним социальным нажимом в совокупность идеологизированных, сервиллистских конструкций. Странясь христианства, не имея ни сил, ни желания противостоять богоборческим амбициям позитивизма, она обрела вид одной из тех систем, которые Э. Дюркгейм называл «машинами разрушения религии».

5

Конт, вставший на путь деконструкции интеллектуальной истории не подозревал, что тот же самый методологический инструментарий может быть повернут против него. Социологии вполне можно придать вид антипода «континанства», поскольку в нее может быть возвращено всё то, от чего Конт пытался избавиться позитивные науки, в том числе и социологию, — их религиозно-теологические, философско-метафизические и нравственно-этические составляющие. Децентрированной Контом модели культуры можно вернуть теоцентрический характер, а библейские законы, не допущенные им в социологию из-за их «ненаучности», вернуть на ее территорию в качестве базовых аксиологических и нормативных оснований.

Сегодня при всей полноте критического отношения к Конту, нет никакого смысла спорить с Дюркгеймом, оценивавшим концепцию родоначальника социологии как «бесконечно плодотворную». Она действительно сыграла роль корневища, давшего множество разнообразных побегов, а затем и теоретических плодов. Вместе с тем, с исторических высот XXI столетия, невозможно не видеть те изъяны, которые в свое время серьезно деформировали контовскую модель интеллектуальной истории и отняли у нее те качества, которые могли бы придать ей еще большую продуктивность.

Почти два столетия, прошедшие после формулирования закона трех стадий, позволяют утверждать, что главные надежды Конта не

оправдались. Науке не удалось ни разрушить, ни вытеснить теологию и метафизику из мирового интеллектуального пространства. Нынешняя секулярная социология, отчетливо сознающая свое пребывание внутри постмодернистского культурного пространства, не знает, что ей делать с классическим интеллектуальным наследием, представленным в теологическом и метафизическом дискурсах. Переварить его целиком она не в состоянии и потому довольствуется выборочным цитированием отдельных классических текстов. Составляемые ею коллажи из отдельных семантических фрагментов чаще всего свидетельствуют о духовном бессилии, о неспособности выстроить концептуальные связи между классикой и постмодерном.

Строго говоря, Конт не создал социологию интеллектуальной истории, а всего лишь конституировал одну из ее возможных, частных моделей. Этот его шаг был, конечно же, незаурядной акцией в научном мире и приуменьшать ее значение нет никаких оснований. То, что его социологическое понимание интеллектуальной истории оказалось сциентистски ориентированным, и потому ограниченным, свидетельствует лишь о том, что Конт был одновременно и сыном, и пленником своего времени. Последнее обстоятельство и не позволило ему выйти за рамки постпросветительского рационализма в понимании природы социологического знания и исторической динамики интеллектуального развития человечества. Но и этот недостаток сегодня вполне можно рассматривать как достоинство контовской позиции. Отодвинув в сторону (не навсегда, как ему казалось, а лишь на время) теологические и метафизические идеи, Конт тем самым невольно подсказал будущим исследователям важные направления возможных теоретических разработок. Они, забытые современниками Конта, продолжали существовать, подобно заброшенным штольням. И когда, спустя время, стали появляться аналитики, желавшие провести изыскательские работы в этих некогда отвергнутых направлениях, то, к удивлению многих, обнаружилось, что кажущийся возврат назад, к традиционному теоцентризму не является буквальным повторением пройденного. В отличие от движения в привычном направлении методологического атеизма, где возможности новых находок и открытий успели за время модерна значительно оскудеть и исчерпаться, контрсекулярная методология позволяет выйти на перспективные магистрали развития социо-

гуманитарного знания. И это в полной мере относится к современной исторической социологии, которая обладает всем необходимым для того, чтобы перейти с секулярных позиций на контрсекулярные и стать *исторической теосоциологией*.

В силу сложившихся обстоятельств секулярная историческая социология оказалась вовлечена в исследование институциональных структур, макросоциальных механизмов, обеспечивающих динамику общественно-исторического развития цивилизационных систем. Что касается антропосоциологического фермента, то он представлен в ее дискурсе достаточно скромно; по крайней мере, очевидна его отнесенность на задний план.

Историческую же теосоциологию отличают следующие существенные особенности. Во-первых, в предметное пространство историко-социологического анализа включается религиозная составляющая, которая рассматривается не как нечто периферийное, но как существенная реальность, без учета которой невозможно аутентичное понимание важнейших социально-исторических явлений и процессов. Во-вторых, в качестве главной, определяющей детерминанты всех макросоциальных изменений в истории общества предполагается трансцендентный субъект — Бог, в распоряжении Которого имеется бесчисленное множество антропосоциальных механизмов и посредством которых Он воздействует на общественно-историческую динамику⁴.

Пауль Тиллих полагал, что между вопросами «откуда» и «куда» располагается масштабный комплекс теологических проблем. Он так характеризовал проблемное поле теологического дискурса, в центре которого пребывает историческая реальность: «Теологическое об-

⁴ Секулярная социология (общая и историческая) вытеснила Бога за пределы своего дискурса, и в результате социум превратился из медиатора между Богом и человека в первичную данность. Это дало основание некоторым социологам (Р. Коллинз) заявить, что общество — это фактически и есть бог, правящий всеми людьми и имеющий над ними абсолютную и безраздельную власть (См. главу «Социология Бога» в кн.: *Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию*. М., 2004). Таким образом, обнаруживается возможность рассматривать секулярную историческую социологию как результат мировоззренческой и одновременно методологической подстановки, когда на месте Бога оказался самый масштабный из макросоциальных субъектов, наделенный многими из тех качеств, которые присущи Богу.

суждение истории должно, ввиду его особенного вопроса, иметь дело со структурой исторических процессов, логикой исторического знания, амбивалентностями исторического существования, смыслом исторического движения»⁵.

Историческая теосоциология является, по сути дела, исторической теoантропосоциологией, поскольку *человек социальный* присутствует в ее построениях и как *человек религиозный*. Его конфессионально детерминированные мотивационные структуры имеют ярко выраженную социальную направленность, что позволяет субъектам активно участвовать во всех социальных трансформациях.

То видение социально-исторической реальности, которое присуще представителям данного направления, опирается на несколько мировоззренческих принципов. Прежде всего, это принцип содружества мировоззренческого теoцентризма с методологическим социоцентризмом. Это также принцип содружества веры и разума в решении важнейших мировоззренческих проблем, без размышлений над которыми невозможен плодотворный труд на поприще исторической социологии⁶. Историко-социологический разум, соотносящий свою деятельность с интенциями веры, обретает неплохие условия для своей познавательной-аналитической активности. Существенно расширяется поле его зрения. Ценностная, семантическая и нормативная окраска интересующих его реалий утрачивает свою размы-

⁵ Тиллих П. Систематическая теология. Т. 3. М.; СПб., 2000. С. 264.

⁶ Папа Иоанн Павел II, глубокий аналитик проблем духовности, в том числе вопросов научного творчества, отмечал, что многие ученые и ныне считают, что строго научный характер исследования и признание существования Бога составляют прекрасное целое. Подмечая огромную сложность и вместе с тем удивительную гармонию действительности, ученые обнаруживают, что признание трансцендентности не вредит целям их научно-исследовательской работы, побуждая выходить за пределы собственного «я». Понтифик утверждал, что теологический взгляд на вещи совершенно необходим для решения актуальных проблем человеческого бытия. Разум, надеющийся наиболее полно выразить свою природу, должен придерживаться нескольких основных принципов. Первый из них гласит: человеку предстоит совершить путь, которого он не может избежать. Второй принцип утверждает, что на этот путь нельзя вступать с гордыней, т.е. полагать, что цель может быть достигнута исключительно собственными, сугубо человеческими силами. Третий принцип призывает разум признать высшую трансцендентность Бога, управляющего миром (см.: *Иоанн Павел II (Кароль Войтыла)*. Сочинения. Том II. М., 2003. С. 224-225).

тость, неопределенность и, напротив, обретает в свете абсолютных библейских критериев завидную отчетливость. Скажем, при свете этих критериев уже невозможны описания гомосексуальных связей римских легионеров или феминистских амбиций российских социал-революционерок как этически индифферентных социальных фактов.

Следует также сказать о принципе содружества социологической теории с социальной теологией, означаящем, что теоретическая платформа социально-исторического богословия может выступать как «независимая переменная», а историческая социология – как «зависимая переменная». В практическом смысле это означает, что социолог, даже если он является в методологическом отношении продвинутым авангардистом, не считает для себя предосудительным брать некоторые теоретические уроки у теолога-традиционалиста.

Таким образом, к перечню сопредельных дисциплин, влияющих на развитие исторической социологии, таких, как социальная философия и социальная история⁷, добавляется еще и *социальная теология*. Но для того, чтобы воспринимать ее толерантно и с необходимой степенью серьезности, социологическое сознание не должно держаться за атеистические предрассудки эпохи модерна. Позиция непримиримого, воинствующего атеизма может в данном случае заблокировать плодотворную аналитическую интенцию, обещающую исторически-социологическому сознанию весьма нетривиальные результаты познавательных усилий.

Подобная мировоззренческая переориентация социологического сознания ни в коем разе не перечеркивает необходимости в должном внимании к эмпирической составляющей историко-социологических исследований, не приуменьшает их роли и значения. Речь в данном случае идет только о мировоззренческом развороте профессионального сознания и самосознания. Так корабль или самолет изменяет направление движения, но при этом все его бортовые системы продолжают работать в прежнем режиме. Сама же смена курса предполагает, что социологическому сознанию начнут открываться новые проблемные ареалы и неожиданные аналитические ракурсы, которые при соблюдении прежней траектории движения оставались бы за пределами его внимания.

⁷ Романовский Н.В. К итогам «круглого стола» по исторической социологии // Социс. 2006. № 7.

Если исходить из предположения, что каждый исторический социолог есть некое подобие такого лайнера, и что лайнеров, по понятным причинам, достаточно много, то вполне резонным выглядит утверждение о ценности презумпции свободы профессионального выбора. Если кто-то желает двигаться своим прежним курсом и трудиться в русле секулярного историко-социологического дискурса, то это его право. Но если для кого-то заманчивой окажется перспектива обнаружения новых исследовательских горизонтов, существующих в плоскости теосоциологической парадигмы, то и ему не следует чинить препятствий. Важно, чтобы никто не загонял себя в слишком узкие рамки теоретических односторонностей. У всех перед глазами печальный пример исторического развития позитивистской социологии, которая добровольно лишила себя возможностей свободных интеллектуальных полетов над социальным миром. В итоге ее апологеты стали похожи на тех свифтовских человекоподобных существ, чьи позвоночники устроены таким образом, чтобы ходить, низко пригнувшись к земле. Будучи не в состоянии выпрямиться, поднять голову и взглянуть ввысь, они привыкли довольствоваться обзором лишь брэнной, сугубо материальной, приземленной части того социального мира, в котором человеку дано существовать.

Историческую социологию вполне можно сравнить с птицей, у которой два крыла — секулярное и конфессионально-теологическое. И они оба нужны ей в равной степени. Кому-то может показаться, что каждое из направлений существует автономно, само по себе, но это совсем не так. Они — только части единого целого, и оба вместе служат одному, общему делу углубления нашего понимания прошлого и настоящего, мира и самих себя.

ИНТЕРВЬЮ

Г.Н. КАНИНСКАЯ

ИСТОРИК ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ И О СЕБЕ

ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ ЦЕНТРА ИСТОРИИ
ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК ПАРИЖА
ПРОФЕССОРОМ Ж.-Ф. СИРИНЕЛЛИ

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении нескольких веков французская историография если не доминировала в мировой истории, то являлась одним из ее «становых хребтов». Верно и то, что отечественным историкам всегда была присуща «особая чувствительность» к французской исторической школе и ее мэтрам. В нашей стране не только сложилась плеяда именитых франковедов, таких как А.З. Манфред, А.В. Адо, В.П. Смирнов, М.Ц. Арзаканян и др., которые не могли не касаться французской историографии при написании своих трудов по истории Франции, но выделяются среди них и те, кто целенаправленно, как, например, В.М. Далин, А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный и др. концентрировался на научном анализе французской исторической мысли. К этому ряду специалистов следует добавить имена Л.П. Репиной, А.О. Чубарьяна и др., которые в различного рода изданиях, написанных на историографические сюжеты, неизменно останавливались на их французской составляющей. Наконец, поскольку начиная с последней четверти XX века исторические дискуссии стали в значительной мере интернациональными, и появилась возможность свободного обращения идей и книг, российский читатель может самостоятельно ознакомиться с творчеством выдающихся французских историков благодаря переводам их сочинений на русский язык.

Имя Жана-Франсуа Сиринелли не ново для отечественных гуманитариев. Его неизменно упоминают в числе французских зачинателей культурной истории, которым к тому же принадлежит заслуга привнесения ее в виде комплексной программы обновления на почву политической истории. Предпринятое им, совместно с коллегой-

единомышленником Ж.-П. Риу, коллективное четырехтомное издание «Культурная история Франции» (от античности до современности), для которого сами они написали отдельный том, посвященный XX веку и озаглавленный «Времена масс»¹, по мнению Ж. Ле Гоффа, можно считать «манифестом культурной истории»². В настоящее время Сиринелли является вице-председателем Ассоциации по развитию культурной истории во Франции. В его послужном списке, датированном апрелем 2009 г.³, помимо уже перечисленных, значатся и такие должности: председатель Комитета по истории Франции, председатель комитета по истории при ЮНЕСКО, директор «Исторического журнала»⁴. В этом списке перечислены 17 работ по политической и 14 работ по социальной и культурной истории Франции XX века. Отметим, что перечень этот далеко неполный, ибо в нем указаны лишь монографии или коллективные труды и нет ссылок на многочисленные статьи. Между тем одна из его статей, посвященная французским правом, была опубликована и в нашей стране, во «Французском ежегоднике» за 2003 г. Отдельные произведения Сиринелли переиздавались, часть их переведена на испанский, итальянский, польский, венгерский, корейский и китайский языки.

Автор данной публикации, неоднократно работая приглашенным профессором в Институте политических наук Парижа (сокращенно его называют во Франции «Сьянс-по») имела возможность участвовать в руководимых Ж.-Ф. Сиринелли семинарах разного уровня, где в процессе изучения истории современности (или, по нашему, новейшей истории) применялись методы культурной истории⁵. Без малого пятнадцатилетний срок знакомства и (с разными

¹ Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. Histoire culturelle de la France. Vol. 4. Le temps des masses. Le vingtième siècle. P.: Seuil, 1998.

² См. об этом, например: Бессмертный Ю.Л. Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994-1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4.

³ Из CV, присланного лично Ж.-Ф. Сиринелли автору.

⁴ С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте: <http://www.histoire-politique.fr>

⁵ До 2003 г. это были семинары DEA (Диплом углубленного изучения), на которых в течение двух лет слушатели готовились к переходу в статус докторантов (в российском варианте — аспирантов) и, по сути, начинали работу над темой диссертации, а также методологические семинары для докторантов. По-

временными интервалами) сотрудничества натолкнул автора на мысль о том, чтобы во время пребывания в Париже в научной командировке в Доме наук о человеке в мае 2009 г. взять у Сиринелли интервью по актуальным историческим проблемам. Охотно согласившись на беседу, Сиринелли подарил автору одну из последних своих книг «Понять французский XX век»⁶, предложив позаимствовать для ответов на заданные вопросы часть материала из ее введения (с. 7-54), потому что суждения, высказанные им там, напрямую вписывались в тему разговора. Таким образом, подготовленный к печати текст состоит как из собственно вопросов автора и ответов на них Ж.-Ф. Сиринелли, так и выдержек из вышеназванной книги.

* * *

Г.К. Повлияла ли и каким образом на Ваш профессиональный выбор Ваша семья, и как проходил этот выбор?

Ж.-Ф. С. Дальние предки мои были выходцами из мелкобуржуазного сословия, оба деда были учителями, а отец — профессором, специалистом по древнегреческой цивилизации. Прямо отец никогда не влиял на мой профессиональный выбор, но, вероятно, все же, что его личный пример и те университетские ценности, которые он в моих глазах собою олицетворял, — все это опосредованно повлияло на мое решение стать профессором. Подчеркну, что я никогда не пожалел о сделанном выборе, несмотря даже на то, что, к моему глубокому сожалению, очевиден тот факт, что в современном французском обществе статуса профессора, равно как и вообще престиж высшей школы частично утратили свою значимость.

Из книги. Невзирая на то, что мое дипломное сочинение было посвящено античному периоду, выбранная мною тема свидетельствует о том, что уже тогда, в начале 1970-х гг., я хотел изучать историю XX века. По сути, меня интересовал не столько временной отрезок, сколько взаимовлияние политической и культурной истории. Работа моя была посвящена взаимоотношениям правителей эпохи

сле 2003 г. семинары DEA уступили место также двухгодичным магистерским семинарам, а методологические семинары стали называться докторантскими. Это были семинары, которыми Ж.-Ф. Сиринелли руководил сначала с Ж.-П. Риу, затем с А. Слама; теперь он их ведет совместно с М. Лазаром.

⁶ *Sirinelli J-F. Comprendre le XX-e siècle français. P.: Fayard, 2005.*

эллинизма и литературы, а именно: каким образом, опираясь на практику меценатства, эти правители сумели поставить культуру на службу во славу себе. В этом исследовании уже явно проступали проблемы современности: место и роль деятелей науки и культуры в общественной жизни... Исходя из этого, видно, что скачок от Александрии последних веков до нашей эры к Франции XX века был не мимолетным порывом, а сознательным выбором, возможно, своеобразным подтверждением моей предрасположенности к антропологическому повороту... Хронологически этот скачок был сделан в 1972–1973 гг., в учебном году моей подготовки к сдаче агрегационного экзамена по истории в университете Париж-Х-Нантер. В то время этот университет блистал в области политической истории, поэтому предложенная для агрегационного конкурса тема звучала так: «Франция с 1934 по 1958 гг.». Без сомнения, год, проведенный в Нантере, еще больше укрепил мой интерес к французской истории XX века. Однако в этом прославленном университете, где в русле политической истории главное внимание концентрировалось на изучении партий, роли политических лидеров, общественного мнения, меня больше всего привлекали иные сюжеты. И когда осенью 1973 г. встал вопрос о выборе темы диссертации, к тому же, учитывая, что это был период, когда идеологические течения еще не прозвучали в полную силу, мое внимание было обращено к изучению места в общественной жизни людей культуры и циркуляции в обществе политических идей. Это то, что затем назовут интеллектуальной историей, но в то время по этой теме еще не существовало ни семинаров, ни произведений обобщающего характера. Особенно это относилось к истории XX века, в которой исследователям открывалась целина... Таким образом, уже в проекте темы диссертации, намеченном мной после сдачи экзамена на агрегацию, культурная история присутствовала в зародышевом состоянии (с. 8-10).

Г.К. Добавим от себя, что тема диссертации Ж.-Ф. Сиринелли называлась «Каньяры и нормальенцы⁷ двадцатых годов. Политическая история поколения интеллектуалов (1919–1945)». Она была вы-

⁷ «Каньярами» на студенческом слэнге называют учащихся специальных годовичных подготовительных классов для поступления в высшие учебные заведения. «Нормальенцы» — это выпускники одного из престижных высших учебных заведений Франции — Высшей нормальной школы социальных наук.

полнена под руководством Р. Ремона, защищена в 1986 г. и опубликована в виде монографии в 1988 г.

Из книги. В то же время, когда готовилась к публикации моя диссертация, ее издатель Э. Винь предложил мне написать многотомный труд под названием «История правых во Франции»⁸. Этот проект сразу же меня прельстил... Мой интерес был тройным. С одной стороны, мне казалось чрезвычайно важным продолжить переосмысление событий стремительно развивавшегося XX века в целом, не исключая возможности на этом фоне перекинуть с межвоенных лет на его вторую половину начатое мною в годы работы над диссертацией изучение интеллектуалов... С другой стороны, доскональное изучение сюжета требовало погружения в историю двухвековой давности. Именно перекрещивание событий на протяжении такого длительного срока делало этот проект притягательным: достоинство культурной истории стало очевидным, когда я искал ответы на многочисленные вопросы из истории XX века, ибо через сравнительно-историческую и хронологическую перспективу она позволила проследить взаимовлияние многочисленных событий. Наконец, третья причина, побудившая меня заняться этим захватывавшим, но требовавшим долгих лет усилий проектом, заключалась в том, что изучение интеллектуалов сделало возможным найти нужные ответы на вопросы о процессе распространения идей и политической мысли в обществе, о том, как они либо поглощаются им, либо отвергаются (с. 23-24).

Г.К. В 1998 г. в двух номерах российского журнала «Новая и новейшая история» была опубликована статья Ж. Ревеля под названием «История и социальные науки во Франции на примере эволюции школы “Анналов”», в которой затрагивалась тема лингвистического или постмодернистского поворота в историографии. Ж. Ревель указывал на то, что этот поворот привел к появлению культурной истории как одного из методологических подходов на исследовательском поле истории. В своей статье он упоминает Вас как одного из наиболее убежденных приверженцев этого направления в струк-

⁸ Сошлемся на этот труд в том виде, в каком его прислал в послужном списке Ж-Ф.Сиринелли автору: *Histoire des droites en France*, 3 vol., tome I (*Politique*), II (*Cultures*) et III (*Sensibilités*), Paris, Gallimard, 1992. Rééd. du tome I, Gallimard, coll. "Folio", 1995. Réédition en collection TEL, Gallimard, 2006.

туре историописания. Там же Ж. Ревель называет имена тех Ваших коллег, кто не принимает культурной истории, и приводит их критическую аргументацию в ее адрес. Как бы лично Вы прокомментировали сложившуюся в этой связи ситуацию во французской историографии? И какие изменения произошли с момента публикации вышеназванной статьи?

Ж.-Ф.С. Последние двадцать лет поистине ознаменовались взлетом культурной истории во французской исторической науке. Я очень рад этому, ибо считаю, что этот взлет вдвойне обогатил французскую историографию. Культурная история выступает одновременно и как область знания, и как способ видения. Этим я хочу сказать, что в процессе исторического исследования культурная история выполняет двуединую функцию. С одной стороны, она представляет собой дисциплину, выступающую как самостоятельный раздел историографии, в котором анализируются представления людей о самих себе и об окружающем их мире. Это то, что я определяю как «чисто культурная история» и в качестве дополнительных пояснений подчеркну, что в данном ракурсе она концентрируется на выяснении циркуляции смысловых конструкций какого-либо данного общества. С другой стороны, обратившись к изучению циркуляции смыслов, культурная история выходит за пределы ее собственного исследовательского поля и способствует обогащению взглядов историков из других областей этой науки. Это значит, например, что, благодаря подходам культурной истории, политическая история до такой степени глубоко обновилась, что можно уже говорить о культурной истории политики.

Из книги. В одном из своих текстов, опубликованном в 2001 г., я предложил базирующееся на этих принципах определение культурной истории... В докладе на конференции 2004 г. в Серизи, названном «Современная культурная история», я пояснил это определение как «двухуровневая история» (с. 23)... Историк, пытающийся воссоздать прошлое и реконструировать былую реальность, прекрасно осознает всю сложность этого занятия и, более того, представляет, что осязать их невозможно. Поэтому культурная история, пытаясь уловить реалии и находясь в то же время под их воздействием в процессе восприятия-отражения, де-факто оказывается в центре любого историографического исследования (с. 25-26).

Г.К. Несмотря на обилие в нашей стране публикаций, посвященных постмодернизму, культурной, интеллектуальной истории, в которых, казалось бы, расставлены все точки над *i* в том, что касается этих направлений в мировой историографии, хотелось бы услышать Ваше личное мнение по поводу методологической и концептуальной разницы между ними.

Ж-Ф.С. *Постмодернизм* — это изначально англосаксонское определение, и во Франции лишь немногие историки им оперируют. Это и не мой случай, поэтому я не стану рассуждать о постмодернизме. Напротив, очень актуальна во Франции проблема выяснения семантической разницы между понятиями «культурная» и «интеллектуальная» история. В строгом смысле слова, в широком плане, понятие культурная история поглощает понятие истории интеллектуальной. Ведь последняя понимается, как производство систем структурированных мыслей, поэтому, когда речь заходит о коллективном в историческом процессе или о более глобальной интеллектуальной конфигурации, сложившейся в обществе на данный момент, она охватывается культурной историей. Хотя сегодня некоторые историки стремятся придать интеллектуальной истории автономный статус в рамках исторической дисциплины. В принципе, это нельзя не приветствовать, но в то же время хочется надеяться на то, что при этом не будет оспариваться прочность связей между интеллектуальной и культурной историей. К тому же следует напомнить, что двадцать лет тому назад именно интеллектуальная история служила матрицей истории культурной. Поэтому, в свою очередь, это обстоятельство подчеркивает неразрывную обратную связь — культурной истории и интеллектуальной.

Из книги. В середине 1980-х гг. ...мне стало ясно, что XX век, несомненно, является веком ангажированных интеллектуалов, но изучения лишь их одних недостаточно для понимания десятилетиями происходивших процессов исторического развития. Многие мыслители жили в этом веке, но его история не держится лишь на них одних... Ограничение только интеллектуальной историей ведет если не к тупику, то к научному риску в деле реализации проекта по переосмыслению французского XX века (с. 15-16). Между тем сама по себе интеллектуальная история служит существенным дополнением к его пониманию (с. 22). Применение к политике метода куль-

турной истории позволяет объяснить кризисы и волнения, выйдя за пределы, безусловно, необходимого анализа принципов законности политического режима, но тем не менее, сконцентрировавшись главным образом на принципах легитимности... Этот XX французский век должен быть, таким образом, рассмотрен как история соучастий и разделяемых чувств... Те, кто приобщился к общественной жизни, сам одновременно зависит в своих действиях от мыслительных процессов, происходящих в окружающем их мире. Только в этой зависимости никогда не доходят до восприятия реальности, воспринимая лишь ее отражение. Таким образом, в конечном итоге, это восприятие-отражение и определяет виды действий. Поэтому культурная история, и вместе с ней политическая история, в историографическом плане сосредотачивают внимание одновременно на мыслительной и действенной активности. Иными словами, степень зрелости политических фигур зависит не только от точных политических расчетов и стройных доктрин. К ней примешиваются, помимо всего, менее изученные представления из области восприятия внутреннего мира политики. И чтобы получить об этом представление, следует расширить культурную историю политики за счет привнесения на ее почву антропологических методов. Таким образом, в культурной истории соединятся два методологических подхода. Во всяком случае, перед историком стоит очень сложная задача определить, каким образом отражаются на политическом поведении эти разрозненные представления о том, как быть, действовать, мыслить, чувствовать (с. 30-31).

Г.К. Полагаете ли Вы, что в настоящее время существует разница между национальными историческими школами? О каких различиях могли бы Вы сказать?

Ж.-Ф. С. Мой ответ будет неоднозначным. Безусловно, за последние двадцать лет ситуация сильно изменилась. Происходящая в мире «социокультурная глобализация» сблизила больше, чем когда бы то ни было прежде, национальные исторические школы. Это прекрасно видно на международных конференциях, во время которых со всей очевидностью проявляются схожесть и совместимость историографических подходов. К тому же стоит подчеркнуть в качестве характерного симптома то, что отныне каждой национальной историографии свойственно признавать такое понятие, как «мировая ис-

тория». В то же время, правомерным остается и тот факт, что любая национальная историография есть продукт собственных традиций и исторического наследия. А это, по крайней мере, на сегодня, позволяет утверждать, что национальные историографии сохраняют свои особенности. Более того, нельзя забывать о том, что в разных исторических школах в некоторые понятия не всегда вкладывается одинаковый смысл, что подчас вызывает сильные историографические разночтения. Это напрямую относится к понятию «культурная история». Дело в том, что широкое толкование слова «культура» нередко приводит национальные историографии к разным представлениям о том, что следует вкладывать в рамки культурной истории.

Г.К. Что Вы можете сказать об эволюции французской историографии за последние 30 лет? В какой стадии развития находятся в настоящее время крупные историографические школы Франции? Какие новые тенденции и концепции появились, и какие Вы лично разделяете?

Ж-Ф.С. За тридцать последних лет французская историография сильно изменилась. В первой половине 1970-х гг. еще широко доминировала социальная история, а в ее рамках развивалась так называемая «ментальная история». Сегодняшний историографический пейзаж предстает глубоко изменившимся. Если говорить о произошедшей эволюции в самых общих чертах, то следует упомянуть о ее двух главных проявлениях. Во-первых, возродилась политическая история, а во-вторых, развилась культурная история. При этом политическая история, десятилетиями считавшаяся наименее привлекательной и плодотворной в числе других отраслей исторического знания, существенно обогатила новыми сюжетами свое исследовательское поле, привнеся в него также и новые методы. Что касается культурной истории, то во французской историографии она сейчас переживает бум и достигла пика своего расцвета как учебная дисциплина во многих университетах. Как это затрагивает меня лично? Я ощущаю себя в профессиональном плане стоящим на пересечении этих двух подходов, потому что принимал участие в развитии культурной истории и всеми силами содействовал возрождению политической истории путем обогащения ее методологического арсенала приемами, заимствованными у молодой культурной истории.

Из книги. Эти аналитические подходы чрезвычайно важны, потому что они затрагивают совместное бытие: не только агоры, где разворачивается политическая борьба и сталкиваются политические культуры, но и в более широком плане остального Города, где организуется конфликтным или консенсусным способом социальное существование; если на поверхности политические культуры вскрывают проявления политического сознания, то с помощью более глубокого их анализа в дискурсивном плане мы выходим на то, что в них скрыто. За тем, что скрыто, прослеживается взаимодействие многочисленных факторов и событий, обеспечивающих функционирование Города, и повседневное сосуществование в нем своих и чужих... Историк должен постоянно размышлять над соотношением единичного и общего, индивидуального и коллективного (с. 32, 36). Историк новейшего времени, в отличие от коллег, занимающихся другими периодами, призван отдавать себе отчет в том, что на его практическую работу влияют изучаемые события. Он непосредственно вовлечен в общественную игру под названием «история и память»... Отсюда следует, что надо быть осторожным, ибо, если историк новейшего времени не будет контролировать свою память, то он попросту исказит и лишит смысла свой труд... У новейшей истории существуют свои принципы: ей как исторической дисциплине присущ определенный исследовательский периметр — и в то же время на практике она развивается экстенсивно. Эта история развивается, таким образом, по мобильной шкале времени... Мы видим также, что эта временная мобильность не ограничивается только хронологическими рамками: приход нового поколения историков привносит другой эталон для измерения соотношения между прошлым и настоящим. Другими словами, временной отрезок, с которого начинается новейшая история, не может быть установлен указным порядком: он представляет собой видоизменяющийся участок, который обрабатывают историки разных возрастов, прибегающие к тому же к разным способам обработки (с. 42-43).

Г.К. Если Вас попросить назвать несколько наиболее почитаемых Вами историков, кого бы Вы вспомнили в первую очередь?

Ж.-Ф. С. Французская историческая школа была и остается весьма плодотворной и богатой на знаменитые имена. С этой точки зрения очень трудно установить в ней пальму первенства среди уче-

ных, а если все же постараться, то надо отметить, что в этом деле все равно нельзя достигнуть полной справедливости. Кроме того, я специалист по новейшей истории, поэтому мне трудно сделать это применительно к историкам, изучающим другие периоды (античный, средневековый и новый) и прославившим своим творчеством самостоятельные французские исторические школы. Если вернуться к новейшей истории, а в ее пределах — к истории политической и культурной, то хотелось бы выделить следующих знаменитостей. В первую очередь надо отметить, что главным специалистом, стоявшим у истоков возрождения политической истории, был Рене Ремон, скончавшийся в 2007 г. Заслуга его в том, что он объединил вокруг себя историков разных поколений, которые, вслед за своим мэтром, тоже поспособствовали этому возрождению. В 2010 г. в Сьянс-по пройдет научная конференция, посвященная анализу творчества и роли Р. Ремона в историографии.

На изучение истории XIX века глубоко повлияли два других историка, теперь уже на пенсии: Морис Агюлон и Алэн Корбен. И это не только потому, что оба они имели массу учеников и последователей, но и потому, что каждый из них существенно и с разных сторон обогатил французскую историческую школу.

Из книги. Постепенно работы Мориса Агюлона, Алэна Корбена и других специалистов по истории XIX века позволили вписать этот век вровень с предыдущим. Автор «Марианны» (Агюлон. — Г.К.), в частности, четко сформулировал свою мысль о том, что история репрезентаций не является прерогативой специалистов по дореволюционному времени. Это утверждение, блестяще реализованное на практике в его произведении и в трудах других авторов, позволило свершиться историографическому перевороту: мало-помалу историческая антропология вышла за пределы периода до 1789 г. и дошла в хронологическом измерении до 1914 г. Заслуга этих специалистов по истории XIX века не только в том, что они обогатили историческое знание, но и в том, что они открыли новое окошко, позволившее пролить дополнительный свет на имеющееся знание (с. 48).

Ж.-Ф. С. В области политической истории должен быть отмечен Пьер Розанвалон, являющийся в настоящее время профессором Коллеж де Франс. С его творчеством связано появление в рамках

политической истории особого направления, получившего название «концептуальная история политики».

Г.К. Будучи профессором (и я отлично помню семинары, на которых мне неоднократно удалось побывать у Вас в Сьянс-по), какие методические приемы предпочитаете Вы использовать, чтобы привлечь внимание студентов?

Ж-Ф.С. Я полагаю, что форма преподавания варьируется в зависимости от аудитории. Для студентов первых курсов на общих лекциях, когда идет простой монолог профессора, важно пробудить у них интерес к исторической дисциплине, дать им «почувствовать историю». Далее, и это, на мой взгляд, касается обучения во всех странах, наиболее плодотворной формой для пробуждения исследовательской инициативы студентов служат семинары. Мы во Франции опираемся на такой методический формат как при обучении в магистратуре, так и в рамках возглавляемой мной в Сьянс-по лаборатории — Центре истории⁹. Следует помнить, что процесс превращения в исследователя зиждется на двух опорах: непосредственной передаче знания и усвоении правил руководства доводами. Справедливость этого утверждения становится тем более очевидной, если учесть, что университарий или студент в первую очередь сам послужит в будущем агентом передачи знаний как эстафеты новым поколениям. Поэтому всегда важно заботиться о смене поколений.

Г.К. Какие возможности в профессиональном плане открываются сегодня для французских историков, и какие подходы предполагаете Вы развить в Ваших предстоящих научных трудах?

⁹ По поводу семинарских занятий, о которых говорит Ж.-Ф. Сиринелли, следует сделать некоторые пояснения. Организованы магистерские и докторантские семинары сходным образом: на них чередуются выступления самих слушателей с профессорами-руководителями (как правило, их два) и приглашенными профессорами, в т.ч. и иностранными. Различия в том, что магистерские проходят раз в месяц и на них на год намечается общая тема, в русле которой слушатели выбирают сюжет для доклада во втором полугодии, соотнося его с темой своего будущего диссертационного исследования. В первом семестре перед магистрантами выступают научный руководитель и приглашенные профессора, которые рассказывают о своих научных изысканиях, вписывая их в тему семинара. В докторантских семинарах в течение года выступают лишь руководители и приглашенные профессора, а также те слушатели, которые либо только что защитили диссертации, либо уже подготовили ее текст к защите.

Ж.-Ф. С. В пределах исторического знания, на которые распространяется моя сфера научных интересов, на мой взгляд, для французских историков вырисовываются две исследовательские перспективы. С одной стороны, так как я изучаю события, относящиеся к тому, что мы называем «настоящее время», первая перспектива диктуется непосредственно самим ходом времени, с течением которого постоянно расширяются границы исследовательского поля. Образно говоря, следуя за развитием реальной жизни, нужно поближе причалить к историческим берегам современности. Хотя дистанцию в тридцать лет все же следует соблюдать, учитывая, что доступ к архивным документам возможен лишь спустя такой срок с момента прошедших событий. Так что, я думаю, что отныне можно и нужно работать над изучением того, что происходило в нашем обществе в 1970–1980-е годы. С другой стороны, исходя из своих личных научных пристрастий, позволю себе заметить, что весьма актуальной в историографическом плане остается перспектива насыщения политической истории событиями культурной истории. Опираясь на этот метод в попытке понять и объяснить исторические явления, историк призван также задаваться решением крайне важных вопросов антропологического характера.

Из книги. На переднем фланге новейшей истории находятся отныне 1960-е гг. И процесс такого деления отнюдь не носит механического характера, он обусловлен в первую очередь тем, что эти годы служат водоразделом во французском XX веке... Середина 1960–1980-х гг. представляет собой «Решающее двадцатилетие» нашей национальной истории, зародившееся в недрах «Славного тридцатилетия» и выжившее после его исчезновения. И пришло время его изучать (с. 43-44).

Г.К. Полагаете ли Вы, что вокруг Вас и Ваших коллег существует школа культурной истории, и над какими темами вы работаете?

Ж.-Ф. С. Всегда трудно говорить о себе. Если говорить о форме исторического познания, которой я руководствуюсь и которую хочу развивать, я позволю себе отослать читателя к вступлению моей книги «Понять французский XX век», где я обрисовал свой интеллектуальный и научный путь. В настоящее время в Сьянс-по с моими коллегами мы пытаемся развивать культурную историю в чистом виде, во-первых, а также культурную историю политики, во-вторых.

Наша цель — превратить Сьянс-по в полюс притяжения для этих двух исторических дисциплин. Лично я работаю над изучением исторического отрезка времени, датируемого 1965–1985 гг. и ставшего периодом крупнейших изменений в жизни современной Франции.

Из книги. Представляется, что размах метаморфоз, происшедших во французском обществе за годы «Решающего десятилетия», 1965–1985, был настолько велик, что исторический отрезок времени, существовавший до них, можно назвать «миром, который мы утратили», и к его анализу уже вполне применим историко-антропологический метод. Иначе говоря, под влиянием упомянутых изменений по одну сторону разделительного историографического хребта расположился период от начала XX в. и до 1960-х гг. ...В частности, Франция межвоенного времени, политическая история которой уже досконально изучена, требует переосмысления с помощью этого метода. Многообещающим исследовательским полем может стать как период 1919–1939 гг., так и IV Республика... Одним из важнейших показателей изменений 1960-х гг. был взлет нового поколения, нареченного «дети бума» и повзрослевшего в течение следующих десяти лет. Смена поколений происходила и прежде, но до этих «детей бума» ни одно поколение французов не было современниками таких стремительных перемен... На примере исследования этого сюжета прекрасно проступает важность применения метода культурной истории. А еще больше необходимость его применения диктуется тем, что сердцевину XX века составляет массовая культура (с. 50-51).

В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

С.Ю. МАЛЫШЕВА

ДОСУГОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

КАЗАНЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.*

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России процессы урбанизации, складывания потребительского общества, массовой культуры и рынка развлечений вели к разграничению сфер труда и отдыха горожанина, к расширению последней (за счет нормирования и сокращения рабочего дня, введения календаря праздничных и нерабочих дней) и ее качественному изменению. Сфера досуга горожанина быстро развивалась, предлагая все больше разнообразных форм отдыха, раздвигая границы дозволенного и одобряемого как для отдельного индивида, так и для различных социальных групп.

При изучении городской жизни правомерно использовать термин «хронотоп/хронотопы досуга» для характеристики пространственно-временных рамок коммуникационных процессов в ситуации досуга. Время досуга, имеющее, в соответствии с теорией хронотопа М.М. Бахтина, преимущественное значение в этом «тандеме»¹, в данной статье практически не будет затрагиваться. Речь пойдет о специфике досугового пространства провинциального города (иерархии пространств, их «диалоге» и «конflikте» и пр.), о жизни в этом пространстве горожан, их отношении к сфере отдыха. При изучении досугового пространства высвечивается такая значимая черта

* Исследование проведено в рамках стипендии Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (ФРГ, Дюссельдорф) AZ 12/SR/06, тема «Досуговая культура российского провинциального города второй половины XIX в.».

¹ Бахтин называл хронотоп «преимущественной материализацией времени в пространстве». *Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике) // Эпос и роман. СПб., 2000. С. 9, 185.*

хронотопов городского досуга, как диалогичность. О ней говорил М.М. Бахтин (в литературоведческом контексте): «Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях... Общий характер этих взаимоотношений является *диалогическим* (в широком понимании этого термина)».

Пространство досуга провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. отличала иерархичность и сегрегированность. Она обуславливалась не только оппозицией мира городских слобод, рабочих предместий и районов (Minimal City, по меткому определению Т. Колтона²) с их убогой инфраструктурой досуга, и элитарного городского центра (Monumental City), средоточия благоустроенных очагов культурного отдыха. Иерархичность была свойственна внутренней структуре досуговых пространств как Minimal City, так и Monumental City, подразделявшихся на публичные, частные и пограничные — групповые (национальные, сословные, профессиональные и пр.). Однако оппозиция различных частей досугового пространства, даже их «конфликт» предполагали все же в целом диалогический характер их взаимодействия.

Досуговое пространство провинциального города рассматривается на примере Казани — крупного губернского города, с довольно пестрым (в национально-конфессиональном и культурном, социально-классовом и сословном и в др. отношениях) населением, со смешанной «географической идентичностью» (Восток-Запад). Столь же смешанной была его «идентичность» и в отношении провинциальности и столичности: выступая в качестве провинциального города перед лицом российских столиц, Казань имела также многие качества столичного города.

1. Публичные досуговые пространства: общедоступность и сегрегация

К публичным досуговым пространствам можно отнести городские сады и парки, культурно-просветительные и зрелищно-

² Colton T.J. Moscow. Governing the Socialist Metropolis. Cambridge; Mass.; L., 1995. P. 251, 325, и др. Колтон подчеркивал, что эти противоречия, характерные для дореволюционных российских городов, были унаследованы советскими городами первых десятилетий.

развлекательные заведения — музеи, выставки, галереи, библиотеки и читальни, театр, цирк, кабаре и варьете, ипподром, циклодром, игорные дома; к концу рассматриваемого периода — и электротeatры (кинематографы), чайные, кондитерские, трактиры и рестораны, а также различные городские клубы и собрания. К таковым, бесспорно, относятся и городские площади (пространство торжеств и празднеств, а также ярмарок и базаров), традиционно воспринимаемые не просто утилитарно, а как места локализации многочисленных развлечений. И, наконец, рекреационные загородные пространства, которые в данной работе не затрагиваются. Инфраструктура досуговых пространств в рассматриваемое время активно развивалась, однако это развитие происходило довольно неравномерно.

Казань, расположенная на слиянии рек Волги и Казанки, являла собой причудливое сочетание городских ландшафтов. Социально-сословный, национально-конфессиональный, профессиональный состав жителей различных городских частей определял их культурное своеобразие и специфику досуга отдельных городских районов. Высокая, гористая часть города с каменными домами классического стиля, широкими площадями и улицами, Кремлем, университетом, большим количеством православных церквей и монастырей, официальными учреждениями, была средой обитания преимущественно русской и русскоязычной городской элиты: дворянства, состоятельных горожан и интеллигенции. Эти городские кварталы располагались в 1-й и отчасти в 3-ей частях города (в административно-полицейском отношении Казань делилась на шесть частей). Плотность досугового пространства была здесь наиболее интенсивной.

На городских площадях центра города разворачивались важнейшие городские празднества и торжества. Это, прежде всего, Ивановская площадь перед Кремлем и городской думой с установленным в 1895 г. памятником императору Александру II (скульптор В.О. Шервуд), и Театральная площадь. На Ивановской площади совершались молебны в дни важнейших православных праздников или тезоименитств членов императорского дома. Через нее проходили соединенные крестные ходы из казанских церквей и монастырей (площадь находилась неподалеку от кафедрального собора в Кремле, в котором совершались главные церковные службы), парады войск

гарнизона³. На месте Театральной площади еще в начале XIX в. располагался «экзерциргауз» (военная площадь с манежем для обучения войск гарнизона). В начале XX в. она, хотя и реже, чем Ивановская, фигурирует как место парадов и смотров⁴. В государственные праздники и в честь побед русского оружия⁵, центр города украшали национальными флагами и иллюминацией, пихтовыми гирляндами.

Центр города изобиловал садами и парками. Сады в 1-й части продолжали один другой, как бы передавая друг другу «зеленую эстафету» — Банноозерский садик (его пространство с 1880-х гг. занял цирк П.А. Никитина) около Кремля и прежде соединенный с ним Черноозерский сад. Последний тянулся параллельно находившейся кварталом выше центральной улицы города, Воскресенской, и был одним из самых любимых мест прогулок горожан. Здесь в 1890-х гг. по вечерам играла музыка, летом и зимой работал ресторан Ожегова с бильярдом, кегельбаном и тиром, зимой заливался каток, и казанцы с удовольствием катались на коньках. Через дорогу от Черноозерского сада, на Николаевской площади, был разбит в 1891 г. Николаевский сквер, украшенный три года спустя фонтаном. Недалеко от сквера располагались сады, окружавшие городской театр: находившийся напротив здания театра Державинский сад, разведенный в 1871–1872 гг. на месте бывшего плаца, с памятником Державину, а

³ Так, в день Крещения (6 января) через Ивановскую площадь в кафедральный собор стекались крестные ходы со всего города, а после молебна и водосвятия на реке Казанке на этой площади происходил парад войск гарнизона (см., например: Камско-Волжская речь. 1916. 8 января). В день Воздвижения Честного и животворящего Креста Господня (14 сентября) на Ивановской площади также совершался молебен (см., например: Камско-Волжская речь. 1913. 13 сентября). В «Славянский день» 22 мая 1916 г. на Ивановской площади также состоялся молебен и сбор средств в пользу разоренных войной славян (см.: Камско-Волжская речь. 1916. 22 мая).

⁴ Так, в честь прибытия в Казань великой княгини Марии Павловны — председательницы Императорского Российского пожарного общества, — в мае 1913 г. на Театральной площади был подготовлен смотр городских пожарных обозов (см.: Камско-Волжская речь. 1913. 12 мая).

⁵ Например, в честь празднования взятия Эрзерума и Трапезунда в 1916 г.: Камско-Волжская речь. 1913. 30 янв., 17 февр.; 1916. 7 и 9 февр., 10 и 22 апреля, 5 и 14 мая, 24 мая, 21 июля.

также находившийся позади театра Театральный сад⁶. Черноозерский и Державинский были наиболее посещаемыми садами в этой части города. Правда, каждый из них имел «свою» публику. Вход в Черноозерский сад был бесплатным, и соответственно, состав гуляющих более демократичным (здесь гуляли представители разных городских сословий, в т.ч. низших), а в Державинском прогуливались в основном представители «чистой» публики (интеллигенция, чиновники, студенты, гимназисты)⁷. Ряд общественных и частных городских садов располагались поблизости, в 3-ей части города. Наиболее популярными из них были разведенный в 1869-70 гг. общественный Лецкой сад, частные Панаевский сад и сад Николаи (назывался последовательно садом Износковским, Александровским, Николаи, наконец, сад «Эрмитаж»). В этих садах, преимущественно платных, жизнь, особенно летом, была ключом: работали рестораны, летние театры, летние помещения казанских клубов и обществ⁸.

Впервые газовое (1874 г.), а затем и электрическое освещение улиц (1897 г.) также появилось в центре города. Некоторые его обитатели с 1874 г. наслаждались такими благами цивилизации, как водопровод, с 1888 г. могли звонить друг другу по телефону, а с 1899 г. могли прокатиться на трамвае⁹.

Рост со второй половины XIX в. количества и популярности публичных досуговых пространств в немалой степени был связан с развитием городской инфраструктуры и коммуникаций. В 1860 г. местный дворянин свидетельствовал: «...все в Казани было в первобытном состоянии. Мостовые содержались в таком виде, что ломали экипажи, тротуары, в свою очередь, ломали прохожим ноги. По ночам на улицах царил непроницаемая тьма. Кое-где по ним мелькали тусклые и вонючие фонари, заправленные маслом»¹⁰. Понятно, что

⁶ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н. П. Загоскина. Казань, 2005. С. 640-645.

⁷ Ключевская Е. Казанские сады прошлого столетия // Татарстан. Казань, 1997. № 6. С. 24.

⁸ Алиев И. Место встречи — сад «Эрмитаж» // Казанские истории. Казань, 2007. № 5. С. 8.

⁹ Молодость древнего города. Казань, 1978. С. 35-36.

¹⁰ Суворов П.П. Записки о прошлом. Ч. 1. М., 1898. С. 44.

необходимость возвращаться домой по разбитым и темным дорогам, освещая путь ручным фонарем и подвергаясь риску нападения грабителей, заставляла многих горожан отдавать предпочтение вечернему досугу в частном, домашнем, а не публичном пространстве. Появление освещения на центральных улицах подвигло горожанина на активное освоение публичных досуговых заведений, а также способствовало увеличению времени досуга. Темное время суток, которое прежде горожане коротали в домашнем кругу, либо посвящали сну, теперь можно было провести в развлечениях и удовольствиях, которые сулили «огни большого города». Не зря в своих рекламных объявлениях владельцы увеселительных заведений настоятельно подчеркивали освещенность этих досуговых пространств, что должно было создать им дополнительную привлекательность в глазах потенциальных потребителей услуг¹¹. Разумеется, расширению досуговых возможностей способствовало и появление в 1899 г. городского общественного транспорта — трамвая.

Однако развитие городской инфраструктуры и коммуникаций имело двоякие последствия. Способствуя демократизации сферы досуга и сближению хронотопов, оно, с другой стороны, в определенной мере закрепляло дистанцию между ними. Так, появление уличного освещения только в центре города значительно углубило различия и конфликт между досуговыми пространствами центра и периферии, которая по-прежнему утопала вечерами во мраке.

В центре города располагались важнейшие очаги культурной жизни, культурно-просветительные и развлекательные учреждения. На Театральной площади в 1853 г. было построено здание Дворянского собрания¹², клуб которого был открыт для дворян, иностранцев и «почтенного купечества» (наиболее богатое, знатное и влиятельное купечество, которое было в состоянии оплатить членский

¹¹ Так, завлекая горожан на дачу Серебряниковой на загородное гулянье «Чертов угол», газетное объявление сулило им «большой бриллиантовый фейерверк» и заверяло, что «дача будет иллюминирована разноцветными фонариками и стаканчиками». См.: Казанский телеграф. 1893. 28 апреля.

¹² НАРТ. Ф. 350. Оп. 1. Д. 964. Дело о приеме губернским предводителем дворянства Нейковым дворянского дома в свое владение. 19 января 1857 г. – 12 апреля 1908 г.

взнос в 25 руб.)¹³. В этом аристократическом центре города действовали и другие клубы. Вслед за дворянством и купечеством ими стремились обзавестись и прочие городские слои: Русское соединенное собрание, бывшее своеобразным «разночинским клубом», который посещали большинство профессоров и многие студенты университета¹⁴, Военное собрание, чьи балы и танцевальные вечера особенно славились в Казани¹⁵, Общество служащих в правительственных и общественных учреждениях с его Новым клубом¹⁶. Эти клубы были досуговыми центрами прежде всего для казанского дворянства, военной и гражданской интеллигенции, чиновничества.

Уже с середины XIX в. появляются любительские клубы, связанные с практическими интересами (сельское хозяйство, рыболовство, пчеловодство, охота¹⁷), а в конце XIX в. — различные спортивные общества. Общество любителей конного спорта (1867) зимой и летом устраивало бега, собиравшие массы казанцев¹⁸. В 1885 г. на Воскресенской улице было основано Общество любителей шахматной игры (Шахматный клуб). Это был чисто мужской клуб, в котором не практиковались ни танцевальные, ни семейные вечера¹⁹.

¹³ Спутник по Казани. С. 484.

¹⁴ Флерин Н.Ф. Быт студентов Казанского университета в 70-х гг. Воспоминания // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. 1930. Кн. 5. С. 899. Русское соединенное собрание просуществовало с 1872 по 1891 гг.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8704. Л. 12.

¹⁵ Оба клуба находились на центральной Воскресенской улице.

¹⁶ Общество возникло в 1900 г., Новый клуб, находившийся вначале на М. Лядской, в 1913 г. обзавелся собственным зданием поблизости от старого. Зорин А.Н., Ключина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 457.

¹⁷ Казанское общество охоты (1868), Общество любителей правильной охоты (позже — Казанский отдел Императорского общества охоты), Казанское общество любителей птицеводства (1893), Казанское общество садоводства (1908), Общество козоводства, Общество рыболовства и рыбоводства (1902), Казанское общество пчеловодства (1904) и др. См.: Зорин А.Н., Ключина Е.В. Указ. соч. С. 458-462.

¹⁸ Зимний ипподром находился на озере Кабан, а летний — на Арском поле, на участке, приобретенном Обществом у города. См.: Зорин А.Н., Ключина Е.В. Указ. соч. С. 462-463.

¹⁹ Спутник по Казани. С. 486.

Весьма примечательна традиция клубов и обществ обзаводиться, по мере возможности, двумя помещениями — зимним (как правило, в центре города) и летним (в городской или реже — в загородной, рекреационной зоне). И дело не только в том, что пространство помещений клубов со временем становилось тесным. И не только из стремления разнообразить досуговую жизнь своих членов и нежелания «терять» их на время летнего отдыха многие сословные и любительские клубы обзаводились летними помещениями, перенося в теплое время года свои собрания в рекреационные зоны города. Так, Русское соединенное собрание, желая поддержать свое пошатнувшееся положение, обзавелось летним помещением в Износковом саду, в котором был театр оперетты и сцена местного общества любителей сценического искусства. Летнее помещение в Панаевском саду имел Шахматный клуб²⁰. Купеческий клуб с мая открывал свое летнее помещение в саду «Русская Швейцария»²¹. Вероятно, традиция иметь два помещения (зимнее и летнее) соответствовала представлениям о «правильном» досуге. Клубный досуг в какой-то мере был «домашним досугом» в общественном пространстве, и на него экстраполировались традиции как светской жизни дворянства (зимой — город с балами, маскарадами, вечерами, летом — поместье, усадьба с летними забавами), так и подражавших ему средних слоев, практиковавших летом дачный отдых.

В центре располагался также Городской театр, возникший еще в 1791 г. и обзаведшийся в 1852 г. каменным зданием (оно, впрочем, часто сгорало и перестраивалось). Его пятиярусный зрительный зал вмещал на рубеже веков до 1150 зрителей²². Летние театры тоже в основном возникали в городских садах центра города. Напротив здания Городской думы помещался Городской музей, открытый для публики в 1895 г. Городская библиотека, созданная в 1846 г. и открытая в 1865 г. в здании городской управы, и большинство частных и принадлежавших учебным заведениям библиотек²³ также распола-

²⁰ Там же. С. 485–486.

²¹ Татарская энциклопедия: В 5-ти т. Казань, 2006. Т. 3. С. 525.

²² Спутник по Казани. С. 441–442.

²³ К началу XX в. в Казани работали более 30 общественных библиотек. См.: Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1998. С. 76.

гались в «аристократической» части города, где жили представители высших слоев, интеллигенция, служащие. Состав книг был ориентирован на потребности образованного читателя; некоторые библиотеки брали залог за пользование книгами или даже плату, что могли себе позволить далеко не все потенциальные читатели. К тому же время работы библиотек было рассчитано на распорядок дня служащего, учащегося, но не рабочего и мастерового²⁴. Книжные магазины также традиционно располагались на центральных улицах, поближе к состоятельной и интеллигентной публике: в 1898 г. в Казани официально числилось девять книжных магазинов, находившихся практически на одном «пяточке» городского центра²⁵. Лишь в начале XX в. в «аристократической» части города и вблизи ее появились народные читальни. В частности, открытые городским комитетом попечительства о народной трезвости две библиотеки-читальни — имени Н.А. Некрасова в доме Чарушина в Собачьем переулке (ныне ул. Некрасова) и в доме Дряблова (ныне ул. М. Джалиля)²⁶.

Новые формы культурного досуга также появлялись, прежде всего, в пространстве городского центра. Так, первые сеансы синемаатографа Люмьера состоялись в Казани в здании городского театра 2-14 мая 1897 г., причем, проходили в сопровождении симфонического оркестра, а с открытием летнего сезона сеансы перемещаются в летний театр сада Панаева. Когда в 1908 г. в городе появляются первые постоянные электротeatры, специально приспособленные для кинематографа, то они также локализируются в «аристократической части». Из трех десятков киноустановок (8 электротeatров и около 20-ти киноустановок в гостиницах, ресторанах и трактирах) абсолютное большинство электротeatров и большинство киноустановок в других помещениях находились в центре города и только

²⁴ Наиболее демократичная в этом отношении городская публичная библиотека лишь полгода (осенью и зимой) была открыта с 17 до 20 ч. В остальное время она открывалась только в 10 утра и закрывалась в 5 вечера, а то и в 2 часа дня. См.: Спутник по Казани. С. 414-417.

²⁵ Семь из них находились на Воскресенской и прилегающей Гостиннодворской улицах, два остальных — поблизости, на Большой Проломной и на Рыбнорядской улицах. См.: НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 15. Л. 23об.-24об.

²⁶ Там же. Д. 55. Л. 49-49об.

четыре располагались в ресторанах и гостиницах Устьинской пристани и одна киноустановка в Адмиралтейской слободе²⁷.

Расположенную ниже «аристократической» части (в административно-полицейском плане, это в основном, 2-я городская часть, и отчасти 4-я), преимущественно русскую, торгово-купеческую, мещанскую и ремесленную часть города отличали каменные и деревянные дома попроще, характерные торговые лабазы. Подражая дворянству и интеллигенции городского центра, элита проживавшего здесь купечества, торговослужащих и ремесленников активно создавала собственные досуговые центры. В 1859 г. был утвержден устав Казанского купеческого клуба, а в 1861 г. клуб открыл свои двери. В Купеческом клубе, имевшем зрительный зал со сценой, танцевальный зал, ресторан, буфет, библиотеку и читальню, проводились балы и маскарады, танцевальные и благотворительные вечера, детские праздники, отмечались торжественные события и празднества²⁸. В 1886 г. в Казани возник еще один клуб, созданный по сословно-профессиональному признаку — клуб «Вспомогательного общества приказчиков»²⁹, для которого купцами было приобретено здание на ул. Рыбнорядской с целью «развлечений и культурного развития» приказчиков³⁰. В 1895 г. создали свой клуб Ремесленное собрание на Большой Проломной улице казанские ремесленники³¹.

В этой части городского пространства предпринимались попытки «облагородить» досуг представителей низших городских слоев. 2 июня 1893 г. на углу набережной протоки Булак и Кузнечной улицы была создана первая чайная Общества трезвости для народ-

²⁷ Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917 гг.). Казань, 2007. С. 27, 35, 51, 53 и др.

²⁸ Купеческий клуб был открыт на Большой Проломной улице (Спутник по Казани. С. 485), а с 1908 г. находился на пересечении Вознесенской и Поперечно-Вознесенской (совр. ул. А. Островского и К. Наджми), ныне здание Казанского театра юного зрителя: Татарская энциклопедия. Т. 3. С. 525.

²⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 33. Л. 2. Вспомогательное общество приказчиков было создано в 1866 г. См.: Казанский биржевой листок. 1869. 16 января.

³⁰ Глухов-Ногайбек М. Казанский ретро-лексикон. Первый опыт родословно-биографической и историко-краеведческой энциклопедии. Казань, 2002. С. 258.

³¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8704. Л. 1, 5, 9, 12, 13.

ных масс города, с библиотекой и комнатой заседаний Общества трезвости и Комиссии народных чтений, с народной читальней, аудиторией для вечерних и праздничных народных чтений³². В начале нового века была открыта библиотека-читальня им. Н.В. Гоголя в доме Николаи на Вознесенской ул. (ныне ул. Островского)³³.

Площади этой части города были важнейшими торговыми центрами, местами народных гуляний и развлечений в дни больших праздников. Здесь устанавливались балаганы, карусели, качели, другие увеселительные сооружения. Такими местами народных гуляний становились, например, Николаевская и Рыбнорядская площади. Находившиеся «на границе» между престижной, дворянской частью города и более демократической, торгово-купеческой, они привлекали внимание жителей и состоятельных кварталов. А располагавшаяся под Кремлем у Булака весенняя ярмарка («весенняя биржа», называемая татарским населением «Ташаяк») была своеобразным «пограничьем», где с удовольствием проводили время горожане не только разных социальных слоев, но и разных национальностей. Особенно много бывало на этой ярмарке татар.

Садов и парков в этом районе не было. Практически единственным во 2-й части был небольшой Мокринский садик, разбитый недалеко от железнодорожного вокзала. Однако в этой части города располагалось немало значных мест, в которых искали сомнительных удовольствий представители низших и средних слоев горожан. Так, 2-я часть, вернее, находившаяся в ее составе Мокрая слобода, во второй половине XIX в. была одним из двух районов Казани, где были наиболее плотно сосредоточены публичные дома и подпольные бордели (вторым районом были Пески в 4-й части города, в Суконной слободе), где процветала и одиночная проституция, всегда находившая спрос среди «гулявших» здесь мастеровых и солдат из расположенных неподалеку казарм. В Мокрой слободе круглосуточно торговали вином, занимались ростовщичеством и скупкой вещей. Кроме того, вблизи упомянутой столовой Общества трезвости, находился район, где «гуляли» как мастеровые, так и представители городского «дна» (т.н. голяки и ночлежники). В конце 1890-х гг. цен-

³² Казанский телеграф. 1893. 20 мая, 2 июня, 3 июня.

³³ НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 55. Л. 49-49об.

тром этих «безобразий» была гостиница «Россия», расположенная на городской протоке Булак вблизи т.н. Толкучего рынка и городских ночлежек. Казанский полицмейстер, объясняясь с губернатором в 1898 г. по поводу жалоб постояльцев этой гостиницы, писал, что обитатели расположенных поблизости ночлежек и приютов, получив даровое питание в столовой Общества трезвости, расходятся по поденным заработкам. Добыв копейки, они пропивают их в сравнительно дешевой гостинице «Россия», а когда заканчиваются деньги, идут на соседний Толкучий рынок и продают свою одежду. Пропив и ее, кланчат деньги у прохожих и постояльцев. Полицмейстер предлагал закрыть трактиры в этом районе вообще, т.к. «в этой местности вращается народ бедный и слабый к спиртным напиткам, которого одна вывеска трактира соблазняет на выпивку»³⁴.

«С тылов» четыре казанские городские части окружали расположенные на этом же и на противоположном берегу реки Казанки (это 6-я городская часть) рабочие слободы — Суконная, Адмиралтейская, Ягодная, две Игумновы, чьи узкие, напоминавшие деревенские, улицы, небогатые жилища и мрачные заводские здания и бараки резко контрастировали с ландшафтом городского центра³⁵.

Здесь инфраструктура досуга была слабо развитой. Фактически, как и в селах, центром общественно-культурной жизни оставались православные храмы. Редким явлением можно считать создание в рабочих слободах клубов: речь идет о Военном собрании порохового завода в Пороховой слободе³⁶ (его членами состояли все офицеры и классные чиновники завода³⁷), и о значившихся в 1908 г. в списке казанских клубов «Собрании служащих при Алафузовской фабрике

³⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11447. Л. 3-4.

³⁵ Перепись населения 1897 г. зафиксировала наличие 11 присоединенных к городу слобод — Академической, Суконной, Архангельской, Новотатарской, Адмиралтейской, Большой и Малой Игумновых, Ягодной, Гривки, Козьей, Кизической. В них проживало тогда в общей сложности более 30500 чел. (примерно 24% населения Казани). (Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год). Исторически слобод в Казани было намного больше. См.: Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. Казань, 2001.

³⁶ Спутник по Казани. С. 486.

³⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2979. Л. 46.

и заводе» и «Адмиралтейском соединенном собрании»³⁸. Но это были сословные клубы для представителей военной и гражданской интеллигенции, вынужденных по роду службы проживать в рабочей части города. Правда, усилиями благотворителей-промышленников кое-где создавались очаги культурного досуга, специально предназначенные для проживавших здесь рабочих. В частности, бесплатные народные библиотеки: открытые в 1896 г. в Пороховой слободе библиотека для рабочих порохового завода³⁹, в 1895 г. в Адмиралтейской слободе библиотека-читальня на Московской улице в доме городского общественного управления⁴⁰, в 1900 г. в Ягодной слободе на ул. Архангельской в доме Торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов — народная библиотека-читальня для рабочих-татар Алафузовской фабрики⁴¹. Весьма показательна пространственная привязка народных библиотек-читален и на рабочих окраинах, и в центре либо к месту работы читателя (завод), либо к церкви, либо к одному из немногих в России обществ, которые пытались влиять на качество народного досуга (Общество трезвости).

Самым известным из созданных для рабочих благотворительных очагов культуры стал Алафузовский театр в Адмиралтейской слободе, построенный в 1898–1900 гг. на средства купца и промышленника И.И. Алафузова как «народный дом» и училище для рабочих. В этом здании был клуб, где ставились спектакли на русском и позже — на татарском языке, проводились танцевальные вечера, литературные чтения, читали лекции преподаватели Казанского университета, демонстрировались «туманные картины»⁴².

В рабочих слободах было немного площадей, становившихся центрами празднеств (за рекой Казанкой — Пороховская площадь в Пороховой слободе, Николаевская площадь в Ягодной слободе (в советское время — площадь Петрова), Адмиралтейская площадь в

³⁸ Там же. Л. 7, 45.

³⁹ Принадлежала жене директора порохового завода, генерала Лукницкого — М.М. Лукницкой. См.: НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 15. Л. 25об.

⁴⁰ Учреждена приходским попечительством Боголюбской церкви. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10082. Л. 1, 18, 25.

⁴¹ НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 55. Л. 49-49об.

⁴² Татарская энциклопедия. Т. 1. С. 99; Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. С. 158.

Адмиралтейской слободе), и парков, бывших местами народных гуляний и воскресного отдыха. Практически единственным за рекой Казанкой был Андреевский сад в Адмиралтейской слободе. В «плебейской», 4-й части городских садов не было вообще, если не считать ботанического сада Казанского университета (с 1830-х гг.) на берегу озера Кабан (но считалось, что он находится уже в пригородной, рекреационной местности, на берегу пролива, соединяющего о. Ближний Кабан с Дальним (Средним) Кабаном).

Силами местных органов либо на средства купцов и промышленников (получавших от этого определенный доход) в этих районах города в большие праздники (как правило, на Рождество, Святки и на Масленицу) строились временные сооружения для развлечения народа и гуляний (горки, карусели, качели). На озере Кабан на Масленицу ставились холщовые балаганы, нехитрые развлечения в которых (вроде кривляния паяцев или «музыки», состоявшей из барабана и флейты) привлекали толпы простого народа⁴³. Более «утонченные» развлечения иногда привлекали и «чистую» публику. Так, в декабре 1875 г. петербургский купец Г.Г. Тальквист построил на зиму горки для публичного катания в конце Адмиралтейской слободы, у павильона на мосту конно-железной дороги⁴⁴. Кататься приезжали и жители других районов, в т.ч. студенты Казанского университета, жившие на съемных квартирах в центре. Адмиралтейская слобода обрела привлекательность как место прогулок горожан из центра Казани и в весеннюю пору: отсюда, с волжских пристаней, приехавшие на извозчиках горожане любовались картинами ледохода, а в здешних ресторанах и трактирах замерзшие казанцы могли «обогреться, напиться чаю, выпить пива и что-нибудь съесть»⁴⁵.

Досуговое пространство слобод отличало большое число легальных и нелегальных заведений, в которых некоторые группы горожан практиковали социально неодобряемые формы досуга. Речь идет, прежде всего, о публичных и игорных домах и притонах. Так, улица Пески в Суконной слободе была одним из двух мест локализации наибольшего числа дешевых публичных домов, существовав-

⁴³ Казанский биржевой листок. 1869. 9 марта.

⁴⁴ НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1183. Л. 1-2.

⁴⁵ Флерин Н.Ф. Быт студентов Казанского университета... С. 900.

ших с 1860-х гг.⁴⁶, услуги которых находили широкий спрос среди мастерового и студенческого населения, солдат из располагавшихся неподалеку казарм. Городские власти сознательно поддерживали существование значных мест в слободах, предпочитая, чтобы «дома» самого низкого пошиба находились подальше от городского центра и были сосредоточены как можно компактней, что облегчало контроль за ними. Недаром, в ходе полицейской переписки по поводу просьбы жителей Песков о выселении публичных домов с их улицы, пристав 4-й части Казани подчеркивал, что «улица Пески, исключительно, назначена для публичных заведений»⁴⁷.

За озером Кабан и частично за Булаком, отделявшими русскую часть города от татарской, взгляду путешественника представал необычный мир Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод с яркими красками деревянных и каменных домов, узорчатых мечетей, пестротой восточного базара, колоритно одетыми жителями. Татарские слободы официально составляли 5-ю городскую часть, но фактически охватывали и часть 2-ой. В отличие от русского, татарское общество Казани до начала XX в. не имело собственных общественных и досуговых зданий⁴⁸, за исключением мечетей. Татарское население было организовано в махалли («особые социальные сообщества на конфессиональной основе», «регулирувавшие межличностные, межгрупповые взаимоотношения»); каждая из них относилась к одной из девяти мечетей: «Марджани», «Апанаевской», «Бурнаевской», «Голубой», «Галеевской», «Усмановской», «Сенной», «Казаковской», «Азимовской»⁴⁹. Состоятельное татарское купечество селилось в основном в Закабанье, а во второй половине XIX в. — и за Булаком, где традиционно жили мещане и ремеслен-

⁴⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 9об.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁴⁸ *Надырова Х.Г.* Архитектурно-пространственная организация Старо-Татарской слободы в конце XVIII-начале XX вв. // Старо-Татарская слобода — от прошлого к будущему: Материалы научно-практич. конф. Казань, 28 февраля – 1 марта 2000 г. / Отв. ред. Н.Р. Галеев. Казань, 2001. С. 196.

⁴⁹ *Салихов Р.Р.* Актуальные проблемы и перспективы изучения истории Старо-Татарской слободы // Старо-Татарская слобода... С. 18-19.

ники⁵⁰. Функция мечети была не только религиозной; мечеть играла роль информационного центра, места общения, «клуба» махалли⁵¹.

Роль своеобразных клубов, где собирались, беседовали и вели деловые переговоры татарские мужчины, выполняли чайханы в татарской части города, особенно на Сенном базаре (Сенной площади), который считался не только ее торговым, но и культурным центром⁵². Важную функцию в общественной, культурной и досуговой жизни татарских слобод выполняла Юнусовская площадь в Закабанье (пересечение улиц Екатерининской и Поперечной, ныне — Тукаевской и Ф. Карими). Вначале задуманная тоже как торговая, она стала своеобразным административным центром татарской части города, где проходили официальные церемонии и торжества. Так, в 1913 г. именно Юнусовская площадь стала центром торжеств мусульман города, связанных с общегосударственным празднованием 300-летия Дома Романовых⁵³. Площадь имела и повседневно-досуговое значение для обитателей слободы. К началу XX в. она стала площадью-сквером из четырех садов⁵⁴, различавшихся по социальному, гендерному и функциональному назначению:

«...благородные татарочки, светские девицы ходили на свидания к своим женихам в сад Любви, в центре которого стоял красивый фонтан, богато украшенный вазонами, окруженный узорными ажурными решетками. Вокруг цвели клумбы, тихо переливались воды фонтана, переговариваясь с решетками и цветами. Воздух сада состоял из вздохов, шепота и неровного дыхания влюбленных сердец. ...Светские девицы ходили на свидания с прислугами, которые ждали их в саду Печали, названном так, может быть, потому, что разговоры во время ожидания вели бедные женщины о несчастьях, болезнях и печалях в своих семьях. ...Сад Танцев. Под солнечными лучами дети бегали босиком по желтому булыжнику мостовой ...и только искры летели из-под ног танцующих людей. ...Светские благородные муж-

⁵⁰ Нугманова Г.Г. К вопросу о границах Старо-Татарской слободы // Татарские слободы Казани: Очерки истории. Казань, 2002. С. 77-78.

⁵¹ Салихов Р.Р. Указ. соч. С. 18-19.

⁵² Фатхуллова Э.Ш. Старо-Татарская слобода в контексте развития татарской культуры // Татарские слободы Казани... С. 181.

⁵³ Камско-Волжская речь. 1913. 7, 8, 10, 19 февр.

⁵⁴ Надырова Х.Г. Указ. соч. С. 196.

чины выходили из мечети и шли в сад Майдан, где они устраивали деловые встречи, советовались между собой по важным делам»⁵⁵.

Заметим, однако, что такой «универсализм» площади во многом был вынужденным, так как иных общественных парковых зон в татарской части города практически не было.

В начале века культурная жизнь татарского общества интенсифицируется, и возникает необходимость в светских общественных пространствах. Но поскольку таковых не было, их функции нередко выполняли доходные дома и номера. В 1907 г.⁵⁶ представители татарской интеллигенции, предпринимателей и духовенства создали и зарегистрировали культурно-просветительское общество «Восточный клуб» («Общество мусульман г. Казани»), призванное обеспечить досуговые потребности казанских мусульман. В Восточном клубе ставились самодеятельные спектакли, проводились литературно-музыкальные вечера, читались лекции⁵⁷, в 1908 г. была создана татарская библиотека клуба, выступала созданная в 1907 г. татарская театральная труппа «Сайяр» (Передвижная)⁵⁸. Клуб размещался сначала в номерах «Булгар» (угол улиц Московской и Евангелистовской), потом в частном доме М. М. Апанаевой на Евангелистовской улице⁵⁹. Первая татарская публичная библиотека, названная «Китапханаи Исламия», обосновалась в 1906 г. в угловом здании издательского и книготоргового комплекса братьев Каримовых на углу улиц Екатерининской и Евангелистовской (ныне Тукаевская и Татарстан)⁶⁰. Книжные лавки (их в 1898 г. было 9) располагались в основном на Московской улице вблизи татарской части города и на Сен-

⁵⁵ Биктимирова Н. Четыре сада Юнусовской площади // Казань. 1993. № 1. С. 70; Айдарова-Волкова Г. Бесценный опыт // Казань. 1999. № 9-10. С. 17; Фатхуллова Э.Ш. Старо-Татарская слобода в контексте развития татарской культуры. С. 184-185.

⁵⁶ По другим данным — 21 декабря 1906 г.: Салихов Р.Р. Актуальные проблемы и перспективы изучения истории Старо-Татарской слободы. С. 20.

⁵⁷ Миннуллин К.М. Роль Восточного клуба в изучении татарского народного песенного искусства // Старо-Татарская слобода... С. 209-211.

⁵⁸ Гайнуллин М.Х. Татарская литература XIX в. Казань, 1975. С. 276-277.

⁵⁹ Благов Ю. К истории «Восточного клуба» // Татарстан. Казань, 1997. № 5. С. 78-79.

⁶⁰ Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог-справочник. Казань, 1993. С. 230.

ной площади в татарской части Казани. 7 из 9 книжных лавок принадлежали татарским крестьянам, мещанам, купцу⁶¹. Логично заключить, что лавки, владельцами которых были татары, предназначали свой товар, прежде всего, татарскому читателю.

Татарская часть города не была лишена «злачных мест» и трактирных заведений. О существовании здесь «татарского кабака» еще в середине XIX в. (где подавалась, правда, не чистая водка, запрещенная исламом, а т.н. «бальзам» — настой трав на вине) упоминалось в материалах по Казанской губернии, собранных офицерами Генштаба⁶². Но особенно активно трактирные заведения открываются в начале XX в. Одно из них, Юнусовское подворье, упоминается в романе Атиллы Расиха «Ямашев»: «С утра до поздней ночи, не стихая, гудят номера подворья, хлопают двери — в одни заходят, в другие выходят, и в каждой комнате — своя развеселая, угарная жизнь»⁶³. В начале XX в. в татарской части города существовали и публичные дома, с татарками-владелицами и чисто татарским «персоналом» — в основном из татарских деревень. Татарский поэт и публицист Г. Тукай в своих поэтических произведениях с негодованием писал о мире татарских публичных домов в Закабанье, упоминал в статьях и названия этих заведений — «Коза Маги», «Подвал Фатыма», «Хусни с собакой», «Девочки публичных домов»⁶⁴.

Таким образом, публичные досуговые пространства были распределены по территории города весьма неравномерно, и плотность их размещения сильно различалась в зависимости от статуса района и от назначения того или иного досугового пространства. Так, очаги культуры и искусства в основном размещались в самой престижной части города, где проживала наиболее состоятельная и образованная часть населения. Заведения с сомнительной репутацией размещались, как правило, на окраинах, подальше от мест проживания «чистой публики» и поближе к потенциальным потребителям их услуг.

⁶¹ НАРТ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 15. Л. 23об.-24об.

⁶² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 8. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 219.

⁶³ Казань в художественной литературе / В. Аристов, А. Каримуллин, В. Климентовский. Казань, 1977. С. 266.

⁶⁴ См.: Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Казань, 1961. С. 224.

Публичность досугового пространства не всегда означала общедоступность: существовали групповые публичные пространства, сегрегированные по национально-конфессиональному, сословному, профессиональному, гендерному и прочим признакам. Один из ярких примеров — казанские клубы: Дворянский, Военный, Купеческий, Восточный, Шахматный и пр., суммы членских взносов и уставы которых отсекали доступ к членству в них представителей низших городских слоев, солдат, женщин, учащихся средних учебных заведений, а правила ограничивали появление на мероприятиях клубов «посторонних» лиц, поскольку существовала система приглашений и поручительства членом за приглашаемых гостей.

Сегрегация внутри публичного досугового пространства, призванная не допустить в те или иные его части представителей отдельных групп населения, осуществлялась при помощи разных рычагов. Один из них — административный. Например, выработанные в губернии в 1895 г. «Правила относительно соблюдения порядка и приличия учениками вне стен учебного заведения и вне дома» строго запрещали учащимся средних учебных заведений посещать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерские, бильярдные, молочные, некоторые другие публичные и увеселительные места (в т.ч. ряд городских садов). Посещение театра и публичных библиотек допускалось только с разового разрешения начальства учебного заведения, время нахождения учеников вне дома было жестко ограничено⁶⁵. Приказом по Казанскому военному округу от 29 ноября 1884 г. нижним чинам, состоявшим на действительной службе, был запрещен вход в заведения, производившие «раздробительную продажу крепких напитков»⁶⁶. Однако и учащимися, и солдатами эти грозные запреты спокойно нарушались. Уставы практически всех клубов (даже клуба велосипедистов) зафиксировали запрет женщинам состоять членами этих досуговых объединений. Дамы могли быть приглашены членом клуба на танцевальный или иной вечер, для чего требовалось купить билет (впрочем, во многих клубах доступ на вечера был довольно легок). Исключение составляло Казан-

⁶⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9747. Л. 2, 4.

⁶⁶ Там же. Д. 5721. Л. 105.

ское фотографическое общество (создано в 1895 г.), устав которого зафиксировал, что его членами «могут быть лица обоего пола»⁶⁷.

Были и другие рычаги, например, экономический (ценовой): повышенная плата за вход в престижные рестораны, даже за вход в городские сады и парки в определенные дни и часы, дифференцированная плата за проезд в разных частях городского прогулочного трамвая. Так, цены на билеты в городской театр в 1870-х гг. варьировались от 25 копеек («верхние места», раек) до 7 рублей (за литературную ложу)⁶⁸. Чуть позже, когда появились электротeatры, эта дифференциация осуществлялась и там: билет в 3-й ряд в 1915 г. стоил 10 коп., а в ложу бельэтажа — 4 руб.⁶⁹. Цены на пароход, курсировавший летом по озеру Кабан, делились на два класса: в будни билет в первый класс стоил 15 коп., во второй — 10 коп., а в праздники, соответственно, 20 и 15 коп. Существовали и своеобразные «социальные» билеты: дети до 10 лет, «деревенские и нижние чины» платили по 5 коп.⁷⁰ Бесплатный вход в некоторые досуговые пространства, его социальная недифференцированность нередко вызывали недовольство более обеспеченных и привилегированных слоев населения, не желавших смешиваться с «простой» публикой. Так, автор письма в казанскую газету, комментировавший открытие нового загородного гулянья на Дальнем Кабане, презрительно замечал: «Вход на «Пикник» бесплатный, и, по всей видимости, благодаря этому обстоятельству нам пришлось встретить там деревенский *лапоть*»⁷¹.

Сегрегация осуществлялась и при помощи «дресс-кода». В городские сады оборванцев в лохмотьях и просто плохо одетых не пускала полиция. М. Горький в рассказе «Двадцать шесть и одна» (1899 г.), вспоминая свою казанскую жизнь 1880-х гг. и работу в пекарне, подчеркивал разный «статус» таких работников хлебопекарного дела, как крендельщики и булочники. Говоря о более высоком статусе булочников, он писал: «они по праздникам и в свободное от работы время одевались в пиджаки и сапоги со скрипом, двое из них имели гармоники, и все они ходили гулять в городской сад, — мы

⁶⁷ Там же. Д. 9728. Л. 17. С. 4.

⁶⁸ НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 440. Л. 12об.

⁶⁹ НАРТ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 1.

⁷⁰ Казанский телеграф. 1893. 8 мая.

⁷¹ Там же. 25 июня.

же носили какие-то грязные лохмотья и опорки или лапти на ногах, нас не пускала в городской сад полиция...»⁷². Бедные и плохо одетые студенты нередко не появлялись на балах и вечерах в дворянских домах, даже если имели на то право по принадлежности к сословию. А многие студенты вообще стеснялись появляться плохо одетыми вне студенческого сообщества. Так, мемуарист писал, вспоминая свое студенчество в 1870-х гг., что «многие студенты, из застенчивости и неимения приличного костюма, не вели знакомств с горожанами, а проводили время в товарищеской компании»⁷³.

Однако суровость «сегрегационных» мер смягчалась многочисленными исключениями и послаблениями, имевшими характер почти что нормы. К началу XX в. по мере демократизации и гомогенизации досугового пространства сегрегация еще ослабевает, а рычаги ее регулирования оказываются все менее действенными.

2. Частные досуговые пространства

К частным досуговым пространствам относилось, прежде всего, пространство частного дома, квартиры (собственной или снимаемой). Недостаток досуговых публичных пространств в определенных частях города (например, рабочие и ремесленные слободы), отсутствие собственных групповых публичных пространств у некоторых категорий городского населения (татары-мусульмане) — значительно повышали значение частных досуговых пространств. Эта гипертрофированная роль домашнего пространства способствовала преобладанию и лидированию в структуре досуга указанных категорий населения такой формы отдыха, как гостевание (прием гостей и походы в гости), характерной для традиционных культур.

Частное пространство было довольно закрытым, что признавал даже закон, снисходительно позволяя практиковать в домашнем пространстве такие формы досуга, которые не разрешались в публичном. Так, законы Российской империи запрещали азартные игры в карты и другие игры в публичном пространстве (другой вопрос — лукавая трактовка того, что является азартной игрой, и фактическое разрешение карточных игр в сословных клубах). Игра же в домашнем и дружеском кругу разрешалась «если игра игроку служила за-

⁷² Горький М. Собрание сочинений в 16 тт. Т. 3. М., 1979. С. 408.

⁷³ Флерин НФ. Быт студентов Казанского университета... С. 899.

бавою или отдохновением посреди своей семьи и с друзьями и притом она не принадлежит к числу игр запрещенных, то вины нет»⁷⁴. «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1857 г. регулировал вопросы «благочиния» отдельно для «домашних забав и увеселений» и для «общенародных». Отмечалось, что «домашние забавы и увеселения тогда только подлежат надзору полиции и воспрепятствуются ею, когда в оные входит что-либо, законам противное»⁷⁵.

Степень закрытости частного досугового пространства зависела от целого ряда факторов. В отношении Казани одним из значимых факторов был национально-конфессиональный. Речь идет о специфике мусульманского частного досугового пространства. Татарская архитектура дома была ориентирована «внутрь», внутреннее пространство закрыто от посторонних глаз. Находившееся внутри замкнутого квартала — махали, специфически организованное досуговое домашнее пространство включало, помимо того, особую закрытую зону внутри этого «закрытого» дома — женскую половину, где проводили свой досуг женщины семьи и их гости.

Карл Фукс, врач, профессор Казанского университета, автор одной из первых книг о казанских татарах и их быте (1844), рассказал об одной из таких «вечеринок» богатых татарок — о пирушке накануне свадьбы⁷⁶. Он подчеркивал, что был обязан своеобразным «присутствием» в женском досуговом пространстве только тому, что вылечил хозяйку дома от болезни, а также своему искусству уговаривать: в итоге, его спрятали в соседней комнате и позволили смотреть в дырочку на ширме. Кроме того, в качестве своеобразной «заложницы» соблюдения приличия и для успокоения совести хозяйки на торжество была приглашена русская жена Фукса. Думается, что одной из причин, почему хозяйка дома согласилась тайно нарушить закрытость женского досугового пространства мусульманского жилища, было и то обстоятельство, что Фукс был немцем, т.е. предста-

⁷⁴ Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. СПб., 1857. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С. 85-86.

⁷⁵ См.: Свод законов Российской империи. Изд-е 1916 г. Т. 14. Устав благочиния и безопасности. Пг., 1916. Ст. 296. С. 60.

⁷⁶ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. Труды, документы, воспоминания, исследования. Казань, 2005. С. 177-181.

вителем совсем иной культуры. Он не подчинялся мусульманским традициям, поэтому не мог их и нарушить, как не мог нарушить «святость» женской половины дома, поэтому рассматривался в качестве меньшей потенциальной опасности, чем мужчина-татарин.

Закрытое частное пространство досуга семьи, отдельного горожанина позволялось нарушать лишь родственникам, близким друзьям, приглашенным. Иллюзию открытости производили домашние досуговые пространства, с одной стороны, низших, с другой — высших слоев населения. В отношении низших слоев эта иллюзия создавалась широким распространением досуговой формы гостевания. Однако доступ в досуговые пространства представителей низших слоев довольно жестко регулировала традиция и представления о поведении в будничное и праздничное время, восходившие к сельской культуре. Бытовавшая в среде широких слоев населения мысль о том, что «незванный гость хуже татарина», в полной мере отражала эту традицию. Т. Бернштам, изучавшая повседневную жизнь русской общины XIX – начала XX в., отметила, что посетитель, пришедший без приглашения в будничное время, не удостоивался угощения, поскольку не считался гостем⁷⁷. В отношении некоторых домов богатых и знатных горожан, интеллигенции иллюзия «открытости» досугового пространства могла создаваться во время пышных балов и званых вечеров, регулярно организуемых салонов и журфиксов. Действительно, число «вторгавшихся» в частное досуговое пространство в эти дни необычайно расширялось. Но, несмотря на обилие посетителей, их состав жестко контролировался во избежание допуска «чужака». Состав гостей контролировался специальными приглашениями, рассылаемыми заблаговременно, а также системой докладов и «контролем» прислуги на входе. И не только прислуги: нередко хозяева сами встречали гостей. Так, описывая бал в доме казанской дворянской семьи, П. Боборыкин замечал, что «хозяин дома, по обыкновению, торчал у входа в гостиную, говорил каждому “enchanté!”...»⁷⁸. «Естественный отбор» посетителей обуславливался и самими формами досуга: присутствие на литературно-

⁷⁷ Бернштам Т. . Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Л., 1988. С. 210.

⁷⁸ Боборыкин П.Д. В путь-дорогу. Роман в 6 кн. СПб., 1864. Кн. 4. С. 51.

музыкальных чтениях, беседы в салонах интеллигенции требовали наличия определенного интеллектуального и культурного ценза.

Некоторым нарушением частного досугового пространства можно считать лишь традицию поездок с поздравлениями в частные дома в праздничные дни: краткие визиты поздравляющих принимали вне зависимости от того, вхож визитант в дом или нет. Однако в зависимости от статуса и социально-профессиональной принадлежности визитантов принимали по-разному. Историк В.И. Адо вспоминал, что в начале XX в. приходивших поздравить с Пасхой посетителей в доме его отца, крупного казанского чиновника, принимали «по ранжиру». Родственников, знакомых, сослуживцев — «людей родительского круга» — принимали в гостиной и столовой, усаживали за стол, потчевали. Священника и дьякона, совершавших в гостиной молебен, после молебна также приглашали к столу, а почтальону, дворнику и швейцару, не приглашая присесть, подносили водку и закуску и денежный подарок, причем, почтальона принимали через парадный вход, а двух других — через черный ход⁷⁹.

Частное, домашнее досуговое пространство могло, при определенных условиях, трансформироваться на некоторое время в публичное. Речь идет о бытовавшей, особенно среди городских мещан, практике «сдачи» своего дома или квартиры под проведение вечеринки, гулянки с платным входом по «билетам». Архивные документы фиксируют многочисленные случаи такой «сдачи» помещений в Казани в конце XIX – начале XX вв.: так, в октябре 1893 г. провизор Бергман сдал квартиру на ночь за 10 руб. для студенческой вечеринки, в октябре 1895 г. вдова мещанина Ю.В. Шпакштейн сдала свою двухкомнатную квартиру на всю ночь за 5 руб. для той же цели. И на той, и на другой вечеринке гуляло более 100 чел. (причем, вся семья Шпакштейн, включая ее сыновей-гимназистов, вынужденно присутствовала на этой вечеринке)⁸⁰. На вечеринке в квартире мещанки С. Владимировой в ноябре 1892 г. гуляло более 150 чел.⁸¹. Такая практика вызывала порицание властей, неизменно указывавших квартирным владельцам или съемщикам, что недопустимо предос-

⁷⁹ Адо В.И. Вспоминая прошлое... Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7. С. 47-48.

⁸⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9235. Л. 1-1об.; Д. 9971. Л. 1-1об.

⁸¹ Там же. Д. 8998. Л. 2-2об.

тавлять свое жилище для «незаконных» соборищ, каковыми являлись такие вечеринки. Практика сдачи/съема частных помещений под вечеринку была следствием такого новшества в хронотопе досуга средних и низших городских слоев, как расширение сферы досуга за счет ночных часов — от заката до рассвета — в подражание «элитной» привилегии дворянства развлекаться до утра⁸² (эта подражательная тенденция усиливалась по мере демократизации досуговой культуры во второй половине XIX – начале XX в.).

3. «Фронтир» и нарушение границ повседневного пространства в ситуации досуга

Один из интересных аспектов проблемы «конфликта/диалога» досуговых пространств — нарушение границ «своего» повседневного обыденного пространства в ситуации досуга, выход за фронтир. Исследователи, обратившие внимание на эту «охоту к перемене мест», считали перемещение в пространстве досуга попыткой разорвать замкнутость временного будничного цикла⁸³. Частным случаем нарушения обыденного пространства можно считать проведение досуга представителями разных социальных или национальных слоев непосредственно на фронтире.

Своеобразным «фронтиром», на котором проводили досуг жители разных районов города, представители различных социальных и национально-конфессиональных групп, были городские базары (на Николаевской, Рыбнорядской и др. площадях) и сезонные ярмарки (Весенняя биржа, или Ташаяк), нередко располагавшиеся на границе районов. Фронтиром между русской и татарской частями города было озеро Кабан. Ф.И. Шаляпин писал: «С одной стороны Кабана — тихая Татарская слобода и огромная фабрика Крестовниковых, а с другой стороны — Пески, где всю ночь напролет пьют, дерутся. А между этими противоположностями — спокойное, темное пространство...»⁸⁴. Именно на этой границе между татарской и русской час-

⁸² Об этом см.: *Дуков Е.* Ночь и город // От заката до рассвета: Ночь как культурологический феномен: Сб. ст. СПб., 2005. С. 14.

⁸³ См., напр.: *Егоров Б.Ф.* Труд и отдых в русском быту и литературе XIX в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 323-324.

⁸⁴ *Шаляпин Ф.И.* Страницы из моей жизни. Пермь, 1961. С. 40.

тями Казани, на льду озера Кабан, традиционно проводились кулачные бои: дрались «татары» против «русских»⁸⁵. Поведение на этом фронтире было четко регламентировано негласными правилами кулачных боев и неукоснительно соблюдалось обеими сторонами.

Нарушения границ досугового пространства практиковали все слои. Представители высших городских слоев искали развлечений в бедных кварталах; горожан из низших слоев любопытство приводило в досуговую сферу богатых кварталов. Одной из форм свободного времяпрепровождения представителей низших городских слоев были драки за территорию в кварталах их проживания⁸⁶. Жители русских частей города отправлялись в «тихую татарскую слободу» за восточной экзотикой и мнимым покоем и благолепием. А представители татарского населения отправлялись в русские части города в поисках развлекательных заведений, запрещенных в татарских слободах. И это был не только, например, театр, но трактиры и публичные дома, даже специальные татарские публичные дома, размещавшиеся с конца 1850-х гг. до начала XX в., ввиду противодействия татарской общины, в русской части города (в Мокрой слободе).

Примечательно отношение мусульманской общины к нарушению ее представителями границ «своего» досугового пространства и проведению запрещенных досуговых форм вне его. Так, у татарской театральной традиции долгое время не было собственного пространства, ввиду религиозных запретов ислама она возникает довольно

⁸⁵ На стороне «русских» — мастеровых Суконной слободы, — мальчишкой дрался на льду озера Кабан и будущий великий певец Шаляпин. (Там же. С. 40-41). Впрочем, принципы разделения «сражающихся сторон» в городах были разными. Кроме «национального», довольно нередок был «территориальный» — по районам города, и даже принцип «социальный» — «городские против деревенских», как описано в воспоминаниях И.А. Слонова о кулачных боях в Коломне на льду Москвы-реки, или в воспоминаниях М. Горького о нижегородских воскресных кулачных боях — против нижегородцев дрались крестьяне окрестных деревень и рабочие ассенизационных обозов. См.: *Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы (Полвека назад)*. М., 1914. С. 23-25; *Горький М. В людях* // Собр. соч. в 16-ти т. Т. 9. М., 1979. С. 220.

⁸⁶ Одну из таких драк 1880-х гг., в которой он случайно участвовал, — между матросами и алафузовскими рабочими, не поделившими пространство одного заведения, — описал М. Горький. *Горький М. Мои университеты* // Собр. соч. в 16 тт. Т. 9. С. 373.

поздно. Однако интересно, что эти запреты не мешали татарам и даже татаркам посещать русские спектакли в русском театре в первой половине XIX в.⁸⁷. Одной из причин отсутствия открытой негативной реакции мусульманского духовенства на эти посещения (помимо того, что «нарушителями», как правило, были члены богатых, знатных и влиятельных татарских семейств, либо представители передовой интеллигенции) была пространственная удаленность «места нарушения» от традиционного повседневного и досугового пространства татарских слобод. Попытки же в начале XX в. создать *татарский* театр на своей повседневной территории и в пространстве своей собственной национальной культуры встречали бурное сопротивление как татарского духовенства, так и немалой части татарского общества — именно ввиду религиозных запретов ислама.

К началу XX в. под влиянием становления потребительского общества и предпринимательской инициативы в сфере досуга наблюдались тенденции гомогенизации и демократизации досугового пространства города, размывания границ между его частями. К примеру, к началу XX в. идет активная экспансия трактирных и иных развлекательных заведений в районы города, где прежде их было мало. Так, русские трактиры и пивные появляются в большом количестве и в татарских частях города. Русские трактиры посещались татарами и раньше. Еще Карл Фукс в 1844 г. отметил усилившееся «в течение последних 20 лет» «...сильное стремление их к русским трактирам, где познакомились они с европейской роскошью и пьянством». Однако раньше это «стремление» сдерживалось традицией и боязнью публичного осуждения мусульманским духовенством и обществом. Неодобряемое и в обычное время, посещение трактира в дни мусульманских праздников могло дорого обойтись «нарушителю». Фукс отмечал, что «во время Рамазана, т.е. поста, Татары днем не являются в трактир, но в сумерки идут туда толпами. Многие молодые люди посещали бы в это время трактиры и днем, если бы не боялись, по их самолюбию, подвергнуться насмешке от своей братьи»⁸⁸. По свидетельству Фукса, застигнутому в Рамазан в кабаке

⁸⁷ Об этом см.: Спутник по Казани. С. 444; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 8. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 230.

⁸⁸ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. С. 147-148.

мулла назначал наказание — его мазали сажей и гоняли в таком виде по улице. Увеличение числа трактиров (в 1884 г. в Казани насчитывалось около трехсот питейных заведений, одно на 490 жителей или почти на 15 домов⁸⁹), вкуче с происходившим сближением моделей досугового времяпрепровождения горожан и ослабеванием средств контроля конфессиональных сообществ за поведением их членов, вело к тому, что посещение этих заведений стало вполне обыденным досуговым поведением татарских мужчин. В 1911 г. Г. Тукай отмечал: «люди, которые всего лет 10-15 назад приходили по вечерам домой, подсаживались к разостланной скатерти с кипящим самоваром, к детям, радующимся возвращению отца, брали обеими руками ломоть калача, разламывали его с молитвой на устах и, держа в руке блюдце с чаем, с треском откусывали сахар, — теперь эти люди в те же часы сидят в пивных, куда идти противно даже свиньям, и грызут завалящие сухари. И по какой бы улочке ни шли они домой, всюду манит их зелено-желтая вывеска: Не иди туда, милый, вернись сюда, На каждой улице русские трактиры»⁹⁰.

Однако, одновременно с гомогенизацией досугового пространства города, наблюдалась и другая тенденция — специализация отдельных городских районов по тем или иным досуговым предложениям. Так, развитие инфраструктуры города, борьба за улучшение качества досуговой инфраструктуры теснили публичные дома (особенно низшего пошиба) с их насыщенными мест на окраины. «Мокринские притоны» с их обитателями были потревожены в конце XIX в. строительством железной дороги, но на первых порах уцелели⁹¹. Зато бордели с т.н. «Дегтярки» (ул. Дегтярная, практически на границе 4-ой, «плебейской» части города и «аристократической» 1-ой) в начале XX в. были выселены вглубь 4-й части, на берег озера Кабан⁹². Наличие на окраинах форм развлечений, отсутствующих в

⁸⁹ Талантов В., Лукина М. Gran Premio за радение о трезвой Казани // Казань. 2005. № 7-8. С. 244.

⁹⁰ Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. С. 141. Кстати, и сам Тукай признавался в письмах к друзьям-писателям в грехе пьянства и в посещении трактиров. (Там же. С. 242, 247).

⁹¹ См.: Казанский телеграф. 1893. 19 августа.

⁹² В начале 1960-х гг. об этом свидетельствовал в беседе с историком Б.Ф. Султанбековым бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

центре, привлекали туда представителей «высших» и «средних» городских классов, жителей «аристократической» части Казани. Созерцание ледохода традиционно происходило на волжских пристанях в Адмиралтейской слободе, куда съезжался «весь город». В то же время, улучшавшееся материальное положение «низших классов», рост их культурных запросов и формирование новых общепринятых стандартов досуга стимулировали освоение ими досугового пространства городского центра, в котором в большинстве своем были сконцентрированы «очаги культурного досуга», и где по большей части развивались и самые демократичные новые формы досуга — скажем, просмотр кинофильмов в «электротئاتрах». Разумеется, ввиду этого «досуговые миграции» в различные части города отнюдь не прекращаются, а даже усиливаются.

Эти миграции породили целый ряд проблем. Одной из самых серьезных была проблема соответствующего поведения в досуговых пространствах. Она, впрочем, была не нова. Например, много беспокойства respectable горожанам — представителям дворянства, купечества — доставляли студенты, часть которых в первой половине XIX в. была вхожа в их досуговые пространства, ввиду дворянского происхождения, либо характера мероприятия, подразумевавшего свободный вход (например, маскарады в Дворянском собрании), либо ввиду известного либерализма по отношению к студенчеству хозяев домов, где давались балы и вечера. В известном романе П.Д. Бобрыкина о жизни казанского студенчества 1850-х гг. описана ситуация, когда после скандала на маскараде в Дворянском собрании, устроенном нетрезвыми студентами (они приставали к знатной даме, пытаясь снять с нее маску), с ними во время бала в одном казанском дворянском доме отказались танцевать барышни-дворянки, заявив, что не танцуют со студентами. Оскорбившиеся студенты демонстративно покинули бал, а на другой день вечером остановили четырехместный возок с отказавшими им «аристократками» и заставили их сделать с ними два тура польки по снегу⁹³.

По досуговому поведению казанские студенты были одной из самых мобильных групп населения: они легко и непринужденно пересекали границы досуговых пространств и нередко чувствовали

⁹³ Бобрыкин П.Д. В путь-дорогу. Т. 2. Кн. 3. С. 51-67.

себя «своими» как на дворянском балу, так и в самых низкопробных трактирах-«дешевках» и в публичных домах на Песках. Местные власти и полиция весьма снисходительно относились к «шалостям» студиязусов. Впрочем, эта «мягкость» не находила понимания у центральной власти. Так, в 1866 г., пеня губернатору на очередное попустительство студенческим «шалостям» в городском театре (освистали артистов, а при попытке вывести их из театра оказали сопротивление полиции), канцелярия Министерства внутренних дел настоятельно напоминала, что студенты являются «как и прочие жители города, дворянами, сыновьями купцов, мещан и прочих», а значит, должны вести себя соответственно званию, а наказывать их, как людей образованных, надо строже, чем других горожан⁹⁴.

В начале XX в. размывание границ досуговых пространств и усилившиеся «досуговые миграции» еще более обострили проблему коммуникации горожан. Теперь в одних и тех же пространствах сталкивались стандарты «нормального» досугового поведения представителей различных слоев населения. Так, 6 сентября 1911 г. Комиссия городской управы, заведовавшая городскими садами и парками, жаловалась в своем докладе Казанской городской думе, что, несмотря на развешанные во всех парках плакаты с просьбами соблюдать порядок, этот порядок постоянно нарушается, особенно в Андреевском садике в Адмиралтейской слободе и в Черноозерном саду в центре города. «Рабочие близлежащего завода Свешникова и другая публика позволяют себе не только ходить по газону, но даже лежать на нем и прочее», — сетовала Комиссия, отмечая, что то же самое происходит и в других городских садах и парках. Комиссия предлагала думе издать обязательное постановление, которое воспрещало бы горожанам рвать в городских садах и парках цветы, мять траву, выгуливать собак, ездить на велосипедах и т.д.⁹⁵

Конфликтные ситуации рождались не только из-за столкновения разных представлений о допустимом/недопустимом поведении, стандартов поведения в одних и тех же досуговых пространствах. «Конфликт пространств» наблюдался и в связи с изменением структуры городского досуга к концу XIX – началу XX вв. Новые формы

⁹⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 393. Л. 14-14об.

⁹⁵ НАРТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 281. Л. 269-270.

досуга не всегда одобрительно встречались большинством горожан ввиду принципиального неприятия нового, из-за боязни, из зависти к тем, кто мог себе позволить практиковать эти новые формы, и т.д. К тому же, они, как правило, занимали то пространство городского центра, в котором практиковались привычные формы досуга.

Скажем, появление в конце XIX в. в городском пространстве прогулочных и спортивных велосипедов вызывало порой самые негативные отклики горожан, находившие отражение и в газетных заметках, и в фельетонах. На улице они позиционировались как источники опасности для жизни и здоровья жителей: «...Задавили бабу, / Но не сильно, нет!/ Кто же это сделал? / Да велосипед!». Высказывались мнения и о негативном влиянии велосипедов и увлечения ими на качество досуга горожан, особенно молодежи. Автор стихотворного фельетона, укрывшийся под псевдонимов «Невидимка и К^о», озвучил это мнение таким образом:

«Гимназист уроки
Очень плохо знает,
Своего Тацита
Он под стол бросает.
Что ж тому причиной?
Знаете вы? Нет?
Ах, причина эта –
Он, велосипед!!
Юноша томится
Места не находит,
На часы все смотрит,
Дома тенью бродит...
Он влюблен? И рвется
На свиданье? Нет!
Он идет не с «нею»,
С ним — велосипед!»⁹⁶.

Важный момент в этом неприятии составляло нежелание видеть велосипед в привычном досуговом пространстве, в частности, в пространстве городских садов и парков. Когда городские власти после долгих дискуссий разрешили велосипедистам ездить только по периметру (!) городских садов, послышались возмущенные голоса, что велосипедистам вообще надо запретить ездить по дорожкам город-

⁹⁶ Злоба дня // Казанский телеграф. 1893. 31 октября. Примечательно, что само слово «велосипед» автор писал неизменно закавыченным.

ских садов и мешать отдыху прогуливающихся казанцев⁹⁷. В данном случае, любители традиционной формы досуга, пеших прогулок в городских садах, не желали делиться пространством с любителями новой формы досуга — прогулок на велосипедах. Так что стремление создать в Казани зимний и летний циклодромы в немалой степени было обусловлено и желанием образовать новое «групповое» пространство, предназначенное только для нужд практикующих эту новую форму досуга и «сочувствовавших» им.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства являлись его неотъемлемыми характеристиками. Нараставшие процессы гомогенизации и демократизации этого пространства протекали непросто и довольно противоречиво. Постепенное сближение моделей досугового времяпрепровождения различных городских слоев создавало условия для все более свободного и непринужденного пересечения границ досуговых пространств. Но, несмотря на размывание этих границ, они все же не перестали существовать, в немалой степени из-за того, что идея «своего» и «чужого» пространства была глубоко укоренена в ментальности горожанина. Иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства привычно воспроизводилась горожанами даже в ситуации выхода за его пределы, например, в дачных поселках и других рекреационных зонах вокруг Казани. Так, в 1908 г. перекочевавшая на летние дачи на станции Васильево «чистая публика» создала досуговое клубное объединение — «Общество благоустройства дачной жизни»⁹⁸, предназначенное для весьма узкой категории дачников. Этот клуб тут же начал создание и соответствующих пространств (курзал для досуговых мероприятий, купальня и пр.). Иерархичность и сегрегированность городских досуговых пространств в немалой степени способствовали консервации множественности досуговых моделей, которые практиковались представителями разных городских слоев, несмотря на нарастающие тенденции сближения досуговых практик.

⁹⁷ Излюбленное место велосипедистов // Казанский телеграф. 1893. 29 августа.

⁹⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2979. Л. 9, 46.

Г.С. ЧУВАРДИН

«НЕМЕЦКО-ШВЕДСКОЕ» ДВОРЯНСТВО В ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из приоритетных областей современной отечественной исторической науки является анализ процесса образования элит, причем наиболее острая дискуссия разворачивается в отношении военно-политической элиты России императорского периода. Базовые индексы элитарности чаще всего связываются со степенью близости того или иного представителя определенной социальной группы к Престолу, что кажется очевидным в условиях абсолютной монархии. Именно группа приближенных к Престолу лиц формирует последующие круги элиты. Возражения по поводу происхождения и социального статуса — «элитарности по праву рождения» — уместны, но данные параметры все-таки не играют решающей роли. Примером может служить превосходство представителей менее знатной по происхождению немецкой группы во власти перед «коренной» российской аристократией. Еще один индекс можно обозначить как «заслуги» на военном или гражданском поприще. Но и здесь решающим фактором остаются личные симпатии или антипатии монарха.

Очевидным «клубом политической и военной элиты» в России была Свита Его Императорского Величества, формируемая на основе «Высочайшего Благоволения». Средоточием элиты, формирующей периферийные ее сегменты, а также группы полуэлиты, безусловно, являлись генералитет и российская императорская гвардия.

Высшие эшелоны государственной власти царской России имели так называемый «закрытый характер» и формировались под воздействием «фактора военного мундира». Значимость этого параметра для анализа специфики ментальности военного чиновника Российской империи достаточно четко комментирует военный министр генерал Куропаткин: «Военный мундир действительно уже давно стал особо почетным в русской земле...». Это в свою очередь приве-

ло к тому, что «каждый носитель даже одной фуражки с кокардой считался в деревне *власть имущим*»¹. Консервативный характер властной модели, обозначившийся еще в XVIII в., сохранился до начала XX в., а обособленность усилилась после революции 1905–1907 гг., когда и без того крайне нелюдимый Николай II окончательно замкнулся в рамках оставшихся верными ему гвардейских частей и «отгвардейских» структур военно-политической элиты.

Офицеры-гвардейцы имели некоторое преимущество даже перед генералитетом (дань традициям Петра I), так как чин флигель-адъютанта чаще всего получали в гвардии. Был значителен процент генералов, в том числе и генерал-лейтенантов, не имеющих никакого отношения к Свите Его Императорского Величества. Для сравнения приведем следующую статистику: Свита Николая I составляла 540 человек. При этом через звание флигель-адъютанта за период правления вышеуказанного императора прошло около 258 человек, из которых около 80% составляли выходцы из гвардии (отсутствует информация по 11 чел.)². Численность генералитета к концу правления Николая I составляла 937 человек³.

В правление Николая II число генералов на действительной службе колебалось от 1386 в 1900 г. («строевых» — 661 чел.) до 1598 в 1913 г. («строевых» — 821 чел.). При этом в Свите Николая II в 1900–1903 гг. было: генерал-адъютантов — 53 (в т.ч. 6 особ императорской фамилии, герцог Лейхтенбергский и принц Ольденбургский), из которых 2 носили звание «состоящих при Особе Его Императорского Величества»; Свиты Его И.В. генерал-майоров и контр-адмиралов — 12 (из них 2 особы императорской фамилии); наконец, флигель-адъютантов — 33 (в т.ч. 7 особ императорской фамилии, герцог Александр Георгиевич Лейхтенбергский — офицер л.-гв. Гусарского Его В. полка и принц Петр Александрович Ольденбургский — офицер л.-гв. Преображенского полка). Общее число лиц Свиты Его И.В. составляло 98 чел. В указанный период 28 флигель-адъютантов служили в гвардии (по двум информация отсутствует).

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 431–433.

² См.: Милорадович. Список лиц С. Их Имп. Величеств с царствования Петра Великого по 1886 г. Киев, 1886. Дополнения 1891 и 1895.

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 318.

В подтверждение можно привести наблюдения генерал-майора Е.И. Мартынова. Он отмечал, что в пореформенной России есть три пути проникновения в военную элиту империи. Это, во-первых, служба в «одном из дорогих гвардейских полков» (при этом генерал подчеркивает приоритетность этого пути), во-вторых, по линии генерального штаба. Евгений Иванович отмечает: «...более ловкие офицеры генерального штаба пристраиваются к одной из центральных петербургских канцелярий и благодаря этому попадают в генералы на 4-6 лет раньше своих товарищей, командовавших своими полками. Затем некоторые из военных бюрократов, пролавирировав еще некоторое время между разными военными штабами, снова возвращаются в строй, сразу занимая там крупные должности». Но самый короткий путь в высшую военную элиту оказывается связан с придворной службой. Генерал резюмирует: «Фешенебельный ресторан, петербургская канцелярия и дворцовая приемная — вот где изготавливается большинство русских военачальников»⁴.

С Николая I выстраивается жесткий вектор передачи власти по линии «отец – старший сын», обусловленный законотворчеством Павла I⁵. Окончательно оформляется имперская идеология и принципы верности Престолу и Отечеству. Николай I приближает новых людей, а его сыновья и внуки в дань памяти отцу и деду продолжают держать этих людей, их детей и внуков подле себя. При этом степень близости определяется возможностью поступления в престижные военные и светские учебные заведения, прежде всего Пажеский корпус⁶ и императорскую гвардию. Последняя вплоть до начала Первой мировой войны оставалась мощным трамплином для успешной карьеры. Близость определялась также назначением адъютантом к одному из великих князей или лиц, приближенных к престолу, и, наконец, назначением в Свиту — получением флигель-адъютантского звания. В последующем карьера такого человека была обеспе-

⁴ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // Политика и стратегия. М., 2003. С. 67-68.

⁵ «Учреждение об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г.

⁶ Так на отрезке 1894–1914 гг. в полки 1-ой пехотной и 1-ой и 2-ой кавалерийской гвардейских дивизий из Пажеского Корпуса было выпущено 32,9% офицеров. См.: Чувардин Г.С. Старая гвардия: социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел, 2002. С. 265.

чена. Генерал Е.И. Мартынова замечал: «Какая-либо высокая особа получает командную должность. Вокруг нее тотчас же формируется круг приближенных — своего рода маленький двор: один прекрасно рассказывает анекдоты, другой веселый собутыльник, третий удобен для разных домашних поручений, четвертый просто приятен во всех отношениях. Поднимается по иерархической лестнице высокая особа и вместе с нею возвышаются ее приближенные, пока желающие из них не пойдут на высокие военные посты»⁷.

В рассматриваемый период императорская гвардия составляла существенный компонент российской армии. На 1900–1901 гг. из 209 полков полевой пехоты гвардия была представлена 12 полками, сформированными в три дивизии. Кроме этого, из 24-х стрелковых бригад имелась одна гвардейская стрелковая бригада в составе 4-х стрелковых полков. В регулярной кавалерии было 10 гвардейских полков и 55 армейских. Имелся один жандармский гвардейский эскадрон и 5 армейских. Наконец, полевая пешая артиллерия была представлена 3 гвардейскими бригадами из 52 бригад и 5 гвардейскими батареями конной артиллерии из 28 батарей. В целом на начало XX в. гвардия насчитывала приблизительно 44 полка и подразделения (приблизительно 3% от общей численности армии)⁸.

Отдельные аспекты высшего командного состава императорской гвардии рассматривались⁹, однако проблема в целом остается малоизученной. Исследование офицерского корпуса императорской гвардии на всем отрезке ее существования позволяет открыть многие страницы отечественной истории. Одним из важнейших компонентов анализа императорской гвардии является этноконфессиональная составляющая ее офицерского корпуса. В Российской импе-

⁷ Мартынов Е.И. Указ. издание. С. 68.

⁸ Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров. Ч. I. М., 1902. С. 1-8.

⁹ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698–1801. М., 1995; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998; Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003; Федорченко В.И. Двор российских императоров. М., 2004; Он же. Свита российских императоров. Т. 1-2. М., 2005; Он же. Российский императорский дом и европейские монархии. М., 2006; Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001; Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России. М., 2009.

рии начала XX в. конфессиональный признак имел решающее значение. К 1897 г. число православных достигло 87,3 млн. человек, что составляло около 69,5% населения страны. Именно посредством православия как господствующей государственной религии, трансформировавшейся к концу XIX в. в систему мировоззрения и форму идеологии¹⁰, сглаживались многие межнациональные противоречия.

Национальный фактор имел второстепенное значение. Значительное число подданных Российской империи, особенно в интересующей нас дворянской среде, стремилось принять православие для успешного осуществления своих карьеристских установок. Отметим интернациональный характер русского дворянства (особенно в аристократической среде), мало считавшегося с национальным фактором внутри своей замкнутой корпоративной среды. Ведущая роль православия обуславливалась и тем, что, главой русской православной церкви являлся сам император¹¹. Кроме того, император был державным шефом подавляющей части гвардейских полков. Так, Александр III, еще будучи цесаревичем, был державным шефом л.-гв. 3-го стрелкового Финского батальона, л.-гв. Донской казачьей конноартиллерийской Имени Наследника Цесаревича Александра Александровича батареи, л.-гв. Атаманского полка и вторым шефом л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Кавалергардского, Конного, Кирасирского Его Величества, Гусарского Его Величества, Казачьего, Уланского Его Величества, 1-ой Артиллерийской бригады и Конноартиллерийской бригады¹². Такова же ситуация и при Николае II. Все это в конечном итоге не могло не влиять на поведение большинства русских дворян, занимающих ответственные государственные посты, в том числе и старших офицеров императорской гвардии.

¹⁰ Характеризуя современность М. Хайдеггер указывает: «...христианские церкви осовремениваются, перетолковывая свое христианство в мировоззрение» (*Хайдеггер М.* Время картины мира. СПб., 2004. С. 14).

¹¹ С.С. Ольденбург писал: «...Русский Царь был не только главой государства: он был в то же время главой русской православной церкви». (См. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая I. Т. 1. Белград, 1939. С. 16.)

¹² Полный послужной список Наследника Цесаревича Александра Александровича 188 г. // Сборник документов РГИА. Фонд Великого Князя Александра Александровича. М., 2002. С. 543.

Отправная точка анализа — группа полковников как переходное звено из XIX в XX в. (ряд гвардейских полковников принимал участие еще в войне 1877–78 гг.). Согласно П.А. Зайончковскому, в пореформенный период постоянно росло число «генералов-немцев». К началу Первой мировой войны их процентный состав имел следующий вид: генерал-майоров — 7,3%, генерал-лейтенантов — 9,9% и полных генералов — 16,5%. Историк резюмирует: «Значительный рост немцев среди высшего генералитета говорит, бесспорно, о симпатиях императорского дома к лицам этой национальности»¹³.

Анализ конфессиональной принадлежности по гвардии и армии, отмеченных в штатных расписаниях 1903–1905 гг., дает следующую картину: 84,4 % полковников, служащих в армейских частях исповедовало православие и около 7% — лютеранство¹⁴.

В полках императорской гвардии православие исповедовало 78,7% полковников, лютеранство — 21,3%.¹⁵ Эта цифра почти в два раза превышает процент по общим показателям, таким образом, оказалась на конфессиональном уровне длительное время проводившаяся политика «онемечивания» отдельных гвардейских полков¹⁶. При этом не учитывается общее число русифицированных немцев в гвардии, родственники/дальние родственники которых продолжали жить за границей. По понятным причинам в русской армии могли служить преимущественно подданные Российской империи. В 1880 г. был издан указ, ограничивающий поступление немцев, выходцев из Германии и Пруссии, на русскую военную службу в качестве офицеров. Таким образом, значительный процент немцев-протестантов поступал на военную службу из Ост-Зеи. Следует отметить тот факт, что к середине XVIII в. в состав Российской империи были включены территории Прибалтики, на которых проживало

¹³ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 31.

¹⁴ Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905. С. 19.

¹⁵ Был проведен анализ «Послужных списков» и «Списков по старшинству...» следующих фондов РГВИА (Российский Государственный Военно-исторический архив). Ф.ф. 2584, 2577, 2576, 2581, 2583, 2588, 3543, 3544, 3547, 3545, 3549, 3551, 3591.

¹⁶ Среди солдат процент православных был еще ниже, по подсчетам того же П.А. Режепо, 75% от общего числа (данные того же года).

в соответствии с привилегированными дворянскими списками-мартикулами: в Лифляндии 172, Эстляндии — 127 и на острове Эзель — 25 дворянских фамилий¹⁷. Получив свою «маленькую Германию», российские императоры пустили остзейских баронов в различные институты государственной власти, в том числе и в армию.

Выделим «наиболее православные» (1-я группа) и «наиболее протестантские полки» (2-я группа). К 1-ой группе можно отнести: в кавалерии — л.-гв. Кавалергардский, л.-гв. Гусарский Его Величества полки, а в инфантерии — л.-гв. Преображенский и л.-гв. Егерский полки¹⁸. Ко 2-ой: в кавалерии — л.-гв. Конный, л.-гв. Кирасирский Ея И.В., л.-гв. Конно-Гренадерский и л.-гв. Драгунский полки, а в пехоте — л.-гв. Семеновский и, с некоторыми оговорками, л.-гв. Измайловский полк¹⁹. В артиллерии — л.-гв. 2-ю артиллерийскую бригаду, в которой на отрезке 1905–1913 гг. отмечено от 10 до 16 лютеран²⁰.

К началу XX века в Российской империи прослеживаются несколько вариантов «классического» протестантизма. Из них выделяются следующие направления: евангелическо-лютеранское (лютеранское), евангелическо-аугсбургское, реформаторское разных видов. Значительное число немцев, «остзейцев» и шведов оказалось в рядах русской армии и в императорской гвардии еще в XVIII в. Большая часть из них, становясь русскими поданными, принимала православие: например, Корфы, Витгенштейны (родственники Гогенцоллернов), Энгельгардты, Бенкендорфы, Врангели и др. Но значительная часть сохраняла протестантское вероисповедание.

Русские императоры охотно принимали немцев и шведов на военную службу. «Пронемецкая политика» объяснялась высокой исполнительностью и дисциплиной немецкого и шведского элемента²¹, службой не столько государственно-политической абстракции, име-

¹⁷ И это без учета дворянских родов Курляндии.

¹⁸ РГВИА. Ф.ф. 3545, 2583, 3591.

¹⁹ РГВИА. Ф.ф. 3543, 3547, Ф. 3551, 2595.

²⁰ Полковники Ден А.А., фон-Аккерман Александр Федорович; штабс-капитаны Гук Георгий Алексей-Карлович; Фон-Дитмар Генрих-Эмануэл-Николай Владимирович; Вестмарк Владимир Августович; Шнейдеман Георгий Вильгельм Эдуардович; Заддэ Артур Яковлевич из потомственных почетных граждан; фон-дер-Ховен Александр Рейнгальдович; Фехнер Федор Юлиевич и др. (см.: РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 7).

²¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 276.

нуемой Россией, сколько непосредственно Престолу и лично императору²². В немцах на русской службе (их приток при Александре III был ограничен, и поэтому целесообразнее говорить об «остзейском дворянстве») в первую очередь ценился «врожденный солдат». Содержание данного архетипа достаточно четко сформулировал идеолог прусского юнкерства Ф.А.Л. Фон дер Марвиц. Он писал, что все немцы (речь идет о дворянской аристократии) «рождаются солдатами и должны служить всю свою жизнь, за исключением старших сыновей, которые заботятся об отце, если он стар и немощен»²³. Есть небезосновательное указание на то, что остзейское дворянство позиционировало себя в первую очередь как носителя аутентичного «германского (прусского) духа» на русской почве. Протестантизм, в отличие от православия, отрицал внешнюю сторону служения, подразумеваемая в церкви собрание «свободных верой» общинников, что в целом обуславливало специфику поведения офицеров-протестантов в определенных полках гвардии²⁴.

Потомков представителей таких фамилий шведского происхождения, как Кнорринги, Лоде, Линдгрены, Нироды, Энкели, Маннергеймы, Тигерстедты, Левстремы и других, встречаем в составе императорской гвардии начала XX в. Так, в л.-гв. Семеновском полку, который был одним из самых «немецких» в гвардейской пехоте, в 1900 г. из 22 представителей немецко-шведского элемента 6 было шведского (или датского) дворянского достоинства (то есть 27,3%) — все принадлежали к лютеранской церкви (см. таб. 1):

²² А.Е. Пресняков отмечал, что еще император Николай I «говаривал»: «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам». *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 265.

²³ *Marwitz F.A.L. von der.* Ein markischer Edelmann im Zeitalter der Betreibungskreige. Hrsg. Von F. Meusel. Berlin, 1913. Bd. II. S. 157.

²⁴ Одним из отличий реформаторской церкви от лютеранства являлось оформление первой как пресвитерианской и синодальной — реформаторские общины были независимы даже от себе подобных. В Петербурге начала XX в. было несколько таких общин, которые посещали и гвардейские офицеры. В реформаторской общине наблюдалось более строгое соблюдение «чистоты веры» и «истинной духовной иерархии». После Петра I значительное число немцев-протестантов оказалось в России, позднее, с присоединением Финляндии, в России оказалось определенное число шведов-протестантов.

Таблица 1

Наличие офицеров шведского (датского) дворянского достоинства в л.-гв. Семеновском полку²⁵

№	Фамилия, имя, отчество, титул	Первое упоминание о фамилии, подданство	Конфессиональная принадлежность
1.	Энкель Оскар Карлович	XVIII в., шведское	лютеранское
2.	фон-Сиверс Федор Яковлевич	XV–XVI вв., датское	евангельско-лютеранского
3.	Майдель Роман Карлович, барон	XVI в., шведское	лютеранское
4.	Левстрем Эрнст Лаврентьевич	XVIII в., шведское	лютеранское
5.	Лоде Владимир Гармольдус Фрольпольд Эдуардович	XII в., датское	лютеранское
6.	фон-Сиверс Яков Яковлевич	XV–XVI вв, датское	евангельско-лютеранского

Офицер л.-гв. Семеновского полка П. Шостаковский отмечал, что наряду со шведами значительный процент в полку составляли немцы, происходившие из Пруссии: «В полку 17 немецких баронов, родственники которых служили в прусской гвардии»²⁶.

Большинство представителей немецко-шведского элемента стремились получить высшее военное образование — окончить Николаевскую академию Генерального Штаба. Например, в л.-гв. Конном полку окончившие академию представители этой группы составляли 75%,²⁷ в л.-гв. Семеновском полку — 50% (у семеновцев один «остзеец» окончил Военно-Юридическую Академию)²⁸, в л.-гв. Егерском полку — 42%²⁹, в л.-гв. Драгунском полку — 29%³⁰. Стремление получить высшее военное образование, способствовавшее последующей успешной военной карьере, было связано с трудным материальным положением, в котором находились «шведы»³¹ и «остзейские бароны», а служба в «старой гвардии» требовала значи-

²⁵ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2595.

²⁶ Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 47.

²⁷ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д.д. 3239, 3145, 3147, 3152.

²⁸ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д.д. 2595, 2756, 2822.

²⁹ РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д.д. 195, 198, 228.

³⁰ РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д.д. 12, 16, 55.

³¹ См.: Вейо Мери. К.-Г. Маннергейм маршал Финляндии. М., 1997. С. 30.

тельных материальных затрат. Даже такой «образцовый кавалергард», как барон К.-Г. Маннергейм, отмечал свою «бедность» для службы в полку, которая со временем стала одной из причин перевода в действующую армию³².

Представители данной группы отличались от остальных групп гвардейских офицеров сдержанностью, воспитанностью, холодностью, переходящей порой в чопорность, умением держать дистанцию. А. Бенуа отмечал в знакомых гвардейцах-«остзейцах» следующие черты: «Оба (барон К. Деллингсгаузен и граф Н. Ферзен) были... типичными “остзейцами”, оба сильно белокуры, оба говорили по-русски правильно, но с легким немецким акцентом, оба были отлично воспитаны и изысканно вежливы... граф Ферзен строго сохранял всегда дистанцию, что и соответствовало его характерно германской, абсолютно прямой осанке, его высокому росту и “аполлоническому” сложению». А. Бенуа также специально отмечал, что «остзейцы» никогда «не впадали в сплетни»³³.

Представителям данной группы была свойственна высокая преданность правящей династии, с которой они связывали свои нравственные и моральные идеалы. В их сознании сложился устойчивый, связанный со средневековьем, стереотип «рыцарской чести». Приведем признания семеновского офицера-«остзейца» А.А. фон-Лампе: «Страна, которая приютила моих предков, стала для меня настоящей Родиной, и настолько, что я, как умирающий гладиатор, гибну, но шлю ей последний привет и питаюся одной надеждой — мое проклятие победителю приведет его к поражению и, таким образом, я, умирая, достигну цели — освобожу Родину... Родине я дал все...»³⁴.

Совсем иначе выглядели представители данной группы, перешедшие в православие, постепенно «обрусевшие» и воспринимавшиеся как «свои». В л.-гв. Конном полку состава 1902 г. из 19 представителей шведско-немецкой группы только 7 являлись протестантами (лютеранами), остальные 12 были православного вероисповедания, что составляло 63%. Среди них были такие «откровенные по происхождению немцы», как барон Н.А. Врангель (датского происхождения, XII век), герцог Г.Н. Лейхтенбергский, граф Ф.М. Нирод

³² Маннергейм К.-Г. Мемуары. М., 1999. С. 18.

³³ Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. I-III. М., 1993. С. 110.

³⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 179.

(шведского происхождения, XVI в.), барон С.К. Фелейзерн, граф А.П. Беннигсен, барон П.Ф. Мейендорф, барон В.А. фон-дер-Пален³⁵. Представители данной группы, как и их «русские собратья», порой совершали крайне неблагоприятные поступки — среди них было значительное число «дамских угодников», бретеров и пьяниц, на что указывают «порицания», получаемые отдельными гвардейскими офицерами. В том же полку из 33-х офицеров, получивших различной степени порицания в промежутке между 1908–1912 гг., 17 чел. оказались немцами или «остзейцами», что составило 51,5%. Из них 14 являлись православными и только 3 — лютеранами (2 штабс-ротмистра и 1 корнет)³⁶. Примеры походов «обрусевших «остзейцев» приводит в своих воспоминаниях В. Трубецкой³⁷.

В гвардейской артиллерии к началу XX в. наиболее высок был процент исповедующих протестантизм разных толков в л.-гв. 2-й артиллерийской бригаде. Из 57 офицеров (не учитываются 6 генералов) в 1910 г. 7 чел. принадлежали к лютеранскому вероисповеданию (1 полковник и 6 офицеров прочих званий)³⁸. Для сравнения — в л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде из 70 офицеров 6 чел. (включая командира полка) принадлежали к лютеранской вере. Примечательно, что и 2-й гвардейской артбригадой командовал немец, генерал-майор Александр Федорович фон-Гилленшмидт (уроженец Лифляндской губернии)³⁹, но уже его отец перешел в православие.

Не столь существенным был процент немцев и шведов в гвардейских стрелковых частях (за исключением л.-гв. 3-го Финляндского стрелкового батальона). Так, в л.-гв. 1-м Стрелковом ЕВ батальоне из 31 офицера в 1899 г. 5 являлись протестантами (из них 1 генерал)⁴⁰. К 1905 г. число лютеран уменьшилось до 4 человек, при этом все они имели звание подпоручиков⁴¹. Наконец, к 1910 г. теперь уже в л.-гв. 1-ом Стрелковом ЕВ полку не остается ни одного лютеранина. Схожая ситуация наблюдается в л.-гв. 4-ом Стрелковом Импера-

³⁵ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3239.

³⁶ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3245.

³⁷ Трубецкой В. Записки кирасира // Россия воспрянет. М., 1996. С. 464.

³⁸ РГВИА Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 37об.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ РГВИА Ф. 2587. Оп. 2. Ед. хр. 154. Л. 16.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 161. Л. 26.

торской фамилии батальоне (с 1910 г. в л.-гв. 4-ом Стрелковом Императорской фамилии полку). В полках 2-ой бригады 2-й л.-гв. дивизии прослеживается тот же механизм ротации немецко-шведского элемента офицерской среды, что и в 1-ом и 4-ом стрелковых батальонах/полках. Так в л.-гв. Павловском полку в 1895–1897 гг. насчитывается 7 лютеран из 83 наличествующих офицеров, а в 1909–1910 гг. число лютеран сокращается до 1-го человека из 79 офицеров⁴². В л.-гв. 2-м Стрелковом Царскосельском батальоне в 1899–1900 гг. из 28 человек 2 лютеранина, причем один из них генерал⁴³. Та же ситуация сохраняется в 1907–1910 гг.⁴⁴ Интересно, что батальоном/полком в 1905–1914 гг. командовали офицеры немецко-шведского происхождения, предки которых (на отрезке прадед-дед) перешли в православие в XIX в. — Свиты Е.И.В. генерал-майор П.А. Дельсаль, генерал-майор Д.Н. Пфейфер и полковник Д.К. Седергольм.

В гвардейских казачьих частях (л.-гв. Казачий Его Величества и л.-гв. Атаманский Его И. Высочества Наследника Цесаревича полки) в начале XX в. количество лютеран никогда не превышало 1–2 человека. В л.-гв. Сводно-Казачьем полку лютеран вообще не числилось.

«Остзейцы»-протестанты славились особым «рвением и исполнительностью». Это были зачастую настоящие профессионалы своего дела, глубоко впитавшие в себя дух средневековых воинов-наемников: «... служили они преимущественно в войске, потому что к нему чувствовали тяготение, будучи потомками рыцарских родов (Тевтонский и другие ордена)»⁴⁵. Пример подобного рода являет офицер л.-гв. Кирасирского Ея И.В. полка Эдвин Иоган Иоганович Линдгрэн, которого В. Трубецкой вспоминал как «службиста в полном смысле слова», как «педанта до мозга костей», как «практичного, хозяйственного, всегда добросовестного и трезвого»⁴⁶.

Хотя процент представителей римско-католической церкви в гвардии был крайне незначительным, тем не менее мы встречаем их практически во всех полках гвардии (см. таб. 2):

⁴² РГВИА Ф. 2581. Оп. 1. Д. 727.

⁴³ РГВИА Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Д. 241. Л. 14об.

⁴⁵ Российские офицеры. // Военно-Исторический журнал. № 2. 1994. С. 44.

⁴⁶ Трубецкой В. Указанное издание. С. 114–115.

Таблица 2

Наличие офицеров католического
(римско-католического) вероисповедания
в российской императорской гвардии 1900–1914 гг.⁴⁷

№	Фамилия, инициалы, титул	Полк, в котором служил офицер	Национальная принадлежность
1.	де-Броэль-Платерн Ю.-Ф.А., граф	л.-гв. Кавалергардский полк	Немец
2.	фон-Гротгус Г.Г., барон	л.-гв. Кавалергардский полк	немец («остзеец»)
3.	Тышкевич С.В., граф	л.-гв. Конный полк	Поляк
4.	Велопольский А.С., граф	л.-гв. Гусарский Е.В. полк	Поляк
5.	Велопольский К.С., граф	л.-гв. Гусарский Е.В. полк	Поляк
6.	Абаковский А.И.	л.-гв. Семеновский полк	Поляк
7.	Погоржельский К.С.	л.-гв. Семеновский полк	Поляк
8.	Копец К.К.	л.-гв. Павловский полк	немец («остзеец»)
9.	Госевский А.К.	л.-гв. Павловский полк	Поляк
10.	Яблонский П.И.	л.-гв. Павловский полк	поляк, сын австрийского подданного, принявшего подданство Российской империи ⁴⁸
11.	Гинтылло Л.Б.	л.-гв. Павловский полк	французские корни
12.	Винчи Ф.И.	л.-гв. Павловский полк	итальянские корни
13.	Исарлов И.Л.	л.-гв. Конно-Гренадерский полк	? — уроженец Тифлисской губернии
14.	Наполеон принц Людовик	л.-гв. Уланский Ея В. полк	француз (из французского царствовавшего императорского дома)
15.	Принц Бурбонский Х.К.	л.-гв. Гродненский гусарский полк	из царского дома Бурбонов испанской линии
16.	Осецкий К.В.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
17.	Тупальский К.-В. В.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
18.	Глембоцкий И.М.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
19.	Здроевский М.Ю.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
20.	Окулич В.А.	л.-гв. Измайловский полк	Поляк
21.	Солини К.И.	л.-гв. 2-й стрелковый батальон	Поляк
22.	Шифнер А.М.	л.-гв. 2-я артиллерийская бригада	немец («остзеец»)

⁴⁷ РГВИА Ф.ф. 3545, 3543, 3544 3591, 3551, 3552, 2581, 2584, 2577, 2588.

⁴⁸ РГВИА Ф. 2581. Оп. 2. Д. 707. Л. 8.

Как видно, в данной группе большинство составляют офицеры польского происхождения. Необходимо отметить, что после ряда волнений и двух восстаний в Польше в XIX в. польская католическая церковь, подпитывающая национально-освободительную борьбу, оказалась «вне закона». Русская армия фактически отказалась от услуг польского служилого дворянства, и наличие поляков-офицеров, исповедующих католицизм, было исключением из общих правил. Даже в так называемой «варшавской гвардии» процент католиков был крайне низок. Например, в л.-гв. Гродненском Гусарском полку в 1906–1910 гг. из 47 офицеров только 1 был католиком⁴⁹. А в л.-гв. Уланском Его И.В. полку — 2 чел.

«Тяжелая кавалерия» императорской гвардии в силу мощных традиционных установок могла пойти на такое исключение: в полках продолжали служить офицеры, «генетически» связанные с историей данных частей. Так, в л.-гв. Конном полку сложилась устойчивая традиция принимать потомков следующих фамилий: князей Сангушевых, графов Тышкевичей, Ходкевичей и Довгелло. В исследуемый период мы встречаем только графа С.В. Тышкевича. Из данных фамилий «польской аристократии» за весь период существования л.-гв. Конного полка в нем служило всего 35 человек⁵⁰. Такой же редкостью было и наличие немцев-католиков (хотя к этой группе никаких предубеждений не существовало). Схожая ситуация прослеживается и в л.-гв. Драгунском полку. В 1899–1914 гг. в полку служило 11 офицеров римско-католического вероисповедания, причем только один из них может быть идентифицирован как «немец» (генерал-майор А.-И.-Г.Е. Ризенкамф⁵¹), остальные имели польское происхождение (Тупальский, Глембоцкий, Осецкий, Здроевский, Главацкий, Валицкий и др.). Думается, что это объясняется тем, что значительное число немецких дворянских родов, особенно мелких, перешло после Реформации в протестантизм. Католическую веру сохранили, пожалуй, лишь «оголтелые ортодоксы», воспринимавшие таковую как неотъемлемую часть своей родовой традиции.

Таким образом, к началу Первой мировой войны представители немецко-шведских дворянских фамилий занимали значительное ме-

⁴⁹ РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53.

⁵⁰ История лб.-гв. Конного полка. Париж, 1961. С. 10.

⁵¹ РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

сто и играли существенную роль в структуре российской императорской гвардии (а по крупному счету и военной элиты)⁵². Это касается не только рядовых офицеров отдельных гвардейских полков, но и высшего командного состава Гвардейского корпуса. На первом этапе войны сложилась парадоксальная ситуация. Отдельные гвардейские полки были укомплектованы *более чем на 30%* офицерами немецко-шведского происхождения, исповедующими разные вариации протестантизма. Так как в большинстве престижных гвардейских полков значительный процент составляли немцы, то «немцам» приходилось воевать против «немцев». Думается, что изучение рефлексии *офицера-немца* на войну против своей исторической родины заслуживает пристального внимания и дальнейшего исследования.

После начавшейся германофобии, получившей юридическую базу уже в сентябре 1914 г. (например, московская городская управа 4 сентября запросила сведения обо всех австрийских и немецких подданных — служащих городских предприятий, а 9 сентября приняла постановление о прекращении приема подданных воюющих с Россией государств на работу в органы управления⁵³, что тут же, по замечательной русской традиции, было перенесено на «православных немцев»), происходит стремительное вымывание «немецкого» элемента, в том числе и из гвардейских частей. В конечном итоге это крайне негативно сказалось на боеспособности гвардейских частей, дисциплина в которых стимулировалась, в первую очередь, офицерами-службистами немецко-шведского происхождения.

⁵² Палеолог С.Н. Около власти. М., 2004. С. 30-50.

⁵³ Гатагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. № 10. 2002. С. 19.

А.П. СКОРИК, Р.Г. ТИКИДЖЬЯН

ПЕРЕХОД К НЭПУ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОНА

К началу 1921 г. политика «военного коммунизма» вызвала острейшее недовольство населения Советской России, справедливо возмущавшегося непомерной бюрократизацией, ломкой товарно-денежных отношений, милитаризацией труда, постоянными масштабными реквизициями. В конце концов, против большевиков, опьяненных победой в Гражданской войне и игнорировавших интересы граждан РСФСР в попытке реализовать иллюзорную идею «мировой революции», выступили даже балтийские матросы, считавшиеся верной опорой революционной власти. Кронштадтское восстание в феврале 1921 г. стало последним событием, заставившим СНК и ЦК РКП(б) пересмотреть основы ранее избранного ими социально-экономического курса. Как известно, на X съезде компартии в марте 1921 г. В.И. Ленин провозгласил замену продовольственной разверстки натуральным налогом. Это была первая в системе мер, направленных на отказ от политики «военного коммунизма» и переход к новой экономической политике, имевшей целью стабилизировать экономику и успокоить большинство населения.

Казалось, все понятно еще со школьной скамьи: нэп начинается в 1921 г. и прерывается в конце 1920-х. Однако в реальной истории все далеко не так, как зафиксировано на бумаге. Для истории процесс выбора является довольно мучительным. Как и в судьбе отдельной личности, выбор — это метания, переживания, отход от позиций и т.д. Большую страну нельзя одновременно повернуть, ибо это не солдатская шеренга. Хотя многие, в том числе и большевики, так думали и пытались действовать. Ленинская партия настолько мифологизировала исторический процесс, что до сих пор многие мифы живут в социальной памяти. В качестве такого сохранившегося сегодня мифа можно рассматривать переход к нэпу.

Действительно, в отечественной историографии утвердилась историческая матрица в отношении датировки новой экономической

политики, согласно которой ее начало относится к марту 1921 г., а завершение (точнее, слом, осуществленный насильственными методами) — к ноябрю 1929 г. С формальной точки зрения, указанная датировка не вызывает возражений: нэп был провозглашен в марте 1921 г., а о его сломе и переходе к политике сплошной форсированной коллективизации свидетельствовало появление известной сталинской статьи «Год великого перелома» в ноябре 1929 г. Однако в истории нередко между декларациями и практикой существует временной разрыв. Причем не обязательно в этом случае слова предшествуют делам; вполне могло случиться так, что официальные заявления лишь освящали уже произведенные действия, как это случилось с тем же «великим переломом», основанным на «чрезвычайных хлебозаготовках» 1927–1928 гг. Данное обстоятельство само по себе придает условность практически любой периодизации.

Периодизации нэпа вовсе не является исключением. Это хорошо заметно с позиций таких, новых для отечественной исторической науки, направлений познания минувшей реальности, как историческая антропология и региональная история (история провинции, новая локальная история). Как отмечают В.С. Измозик и Н.Б. Лебина, опираясь на результаты анализа повседневной жизни советских горожан, периодизация новой экономической политики представляет собой «весьма упрощенный образ действительности 1920-х гг., с точки зрения истории людей»¹. Исследователи правомерно утверждают, что заметные положительные изменения в повседневной жизни населения и освоение им «нэпа на ментальном уровне» приходится отнюдь не на 1921 г., а на середину 1922 г.² Основания для сходных обобщений предоставляет и анализ ситуации с позиций региональной истории на социально-экономическом и общественно-политическом уровнях, что и позволяет скорректировать историческую картину постконфронтационного бытия.

Ограниченные рамками статьи, мы рассмотрим лишь процесс перехода к новой экономической политике (оставив «за скобками»

¹ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Нэп: уточненная хронология (историко-антропологический аспект) // Россия в XX веке: Сб. статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, проф. В.А. Шишкина / Под ред. В.М. Ковальчука. СПб., 2005. С. 63.

² Там же. С. 63, 79.

ее завершение) для уточнения начальной даты данного процесса на основе региональных материалов Донской области, что отнюдь не случайно. Ведь территории Дона заметно отличались от Центральной России, Урала или Сибири этнокультурной спецификой (в частности, наличием здесь донского казачества), а также длительностью и ожесточенностью гражданского противостояния, завершившегося лишь в 1922 г. Материалы Дона с наибольшей полнотой свидетельствуют о неоднозначности реализации новой экономической политики и, в частности, о затрудненности, растянутости перехода к ней.

В качестве ведущих критериев, сигнализирующих о реализации новой экономической политики (или, напротив, о декларативности заявлений о ней, не подкрепленных реальными действиями), выступают, очевидно, критерии социально-политические и социально-экономические. Иными словами, о начале реализации нэпа на Дону должны свидетельствовать смягчение политики большевистского режима в отношении казачества и крестьянства и определенное потепление отношений между властью и указанными социальными группами (что выражалось, прежде всего, в затухании вооруженного противостояния), а также первые признаки позитивных тенденций в экономике, в первую очередь, — в сельском хозяйстве, которым занималось подавляющее большинство населения Дона.

Предваряя анализ, подчеркнем общеизвестный факт сопротивления множества членов РКП(б) переходу к новой экономической политике, которую они рассматривали как отказ от завоеваний революции и реставрацию капиталистических порядков. Напротив, политика «военного коммунизма» приветствовалась многими членами компартии, поскольку полностью соответствовала их коллективной психологии, основанной на нетерпимости к инакомыслию, склонности решать возникшие проблемы путем насилия, стремлении «быстрее шагнуть» к новому обществу и пр. В итоге не только возникла ситуация конфликта между руководством РКП(б) и массой ее членов, но и противоречие между официальными декларациями и практикой их реализации. В резолюциях и решениях высших органов компартии говорилось о нэпе, а среднее и низшее звенья партийных функционеров, как и рядовые партийцы, в своей деятельности упорно придерживались военно-коммунистических методов, уже опробованных на практике и понятных пламенным революционерам.

Отмеченные особенности в полной мере проявились и на Дону. Готовность донского руководства приступить к реализации нэпа проявилась далеко не сразу, отнюдь не в марте 1921 г. Собственно, сам В.И. Ленин в речи о замене продразверстки натуральным налогом 15 марта 1921 г., ознаменовавшей переход к нэпу, прямо заявил о возможности замедления такого перехода (как и о региональной специфике сценариев воплощения нэпа в жизнь): «мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем? Не раньше урожая, т.е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае»³.

Понятно, что вождь РКП(б) имел в виду практическую замену продразверстки продналогом, которая была возможна лишь после сбора нового урожая летом–осенью 1921 г.; до этого же властям следовало проводить разъяснительную работу о новой экономической политике. Но, по сути, его слова стали пророческими: местное руководство не спешило отказываться от военно-коммунистических методов работы. В частности, едва ли не в полной мере сохранялись насильственные, принудительные методы сбора налогов с населения. Некоторое время сохранялась даже привычная продразверстка, хотя и в несколько видоизмененном виде.

В.И. Ленин в мае 1921 г., через два месяца после провозглашения перехода к нэпу, признавал: «на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятой»⁴. Специалисты, анализировавшие действия местных властей (в т.ч. и на Дону), обоснованно утверждают, что «ни весной, ни даже летом 1921 г. не существовало реальной экономической свободы, этой важнейшей составляющей нэпа»⁵, что «чрезвычайные методы работы и после перехода к нэпу воспринимались руководством [Донской] области как норма жизни»⁶. Показательно, что политуправление Северо-Кавказского военного округа

³ Ленин В.И. Доклад [X съезду РКП(б)] о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. // Ленин В. . Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1974. С. 65-66. (Далее – ПСС).

⁴ Ленин В.И. Доклад [X Всероссийской конференции РКП(б)] о продовольственном налоге. 26 мая 1921 г. // Ленин В. . ПСС. Т. 43. М., 1974. С. 299.

⁵ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 65.

⁶ Донская история в вопросах и ответах / Под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицына. Т. I. Ростов н/Д., 1997. С. 236-237.

только 23 июня 1921 г. предписало всем заведующим библиотечными базами частей и учреждений округа «немедленно изъять всю изданную до марта 1921 г. литературу по продовольственным вопросам, как несоответствующую новой экономической политике», закончив эту операцию к 1 июля⁷. Как видим, устаревшие руководящие материалы для местных продработников были изъяты отнюдь не в марте–апреле 1921 г., а лишь через три месяца после ленинской речи о замене продразверстки натуральным налогом. Возможно, руководство Донской области не торопилось с соответствующим распоряжением просто потому, что до начала уборочной кампании имелся довольно большой резерв времени. Но вполне вероятно, что большевистские функционеры на Дону сознательно саботировали указания своего партийного вождя, искренне надеясь на отказ от перехода к небольшевистскому нэпу (и тогда старая литература о принципах и правилах сбора продразверстки была бы востребована).

Хотя руководящие материалы по продразверстке и были изъятые из библиотек, это мало отразилось на руководстве в селах и станицах, которое по старой памяти применяло для сбора продналога методы давления на крестьян и казаков. Даже в апреле 1924 г. (через три года после ленинских деклараций на X съезде компартии) партработники Шахтинско-Донецкого окружкома РКП(б) признавали, что «нужен был большой нажим», чтобы собрать продналог, «пришлось стать на путь репрессий»⁸. В ряде случаев сохранялись чрезвычайные органы, призванные контролировать деятельность донских хлебобобов. В региональной историографии советского периода с непонятным восторгом сообщалось, что «созданные в начале 1921 г. Донпосевкомом окружные, волостные и станичные посевкомы осуществляли руководство посевной кампанией, помогали организовать ремонт сельскохозяйственного инвентаря и заготовку семян»⁹. Таким образом, посевкомы, т.е. чрезвычайные органы по руководству севом (а то и по принуждению к севу), спокойно существовали и в рамках нэпа. Характерно, что сталинский режим возродил

⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 99. Л. 57.

⁸ ЦДНИ РО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

⁹ *Иванов В.И., Чернопицкий П.Г.* Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Ростов н/Д., 1971. С. 41.

эти чрезвычайные органы (под названием *посевные тройки*) в период осуществления сплошной форсированной коллективизации, когда производственная активность колхозников и единоличников, как и качество сельхозработ, были близки к нулевой отметке.

Больше того, руководители Донобласти пытались сохранить и продразверстку, которая привлекала их не только простотой и удобством, но и тем, что содействовала, по их мнению, классовому расслоению крестьянских сел и казачьих станиц (как говорили участники I Донской областной партконференции в начале июня 1920 г., при продразверстке «неимущие будут говорить, что [хлеб] должны дать те, которые имеют больше хлеба, между ними создастся рознь», и это поможет расслоению казачества¹⁰). Наиболее известным фактом является решение III Съезда Советов Дона в июне 1921 г. В полном соответствии с принципами «демократического централизма», съезд дал исключительно положительную оценку новой экономической политике. Тем не менее, одоблив переход к нэпу, съезд принял, по существу, антинэповское решение о сборе с сельского населения Донской области «единовременного хлебного наряда» в размере 643 тыс. пудов (первоначально наряд был больше, но его снизили из-за волны возмущения хлеборобов). Естественно, это решение было расценено населением (или, как сообщалось в советской литературе, разного рода контрреволюционерами, эсерами, меньшевиками) как видоизмененная разверстка¹¹. Точно так же оценивают «единовременный хлебный наряд» исследователи постсоветского периода¹².

Как видим, даже летом 1921 года руководство Донобласти не проявляло стремления отказываться от военно-коммунистических методов реализации аграрной и налоговой политики; в ряде случаев такие методы сохранялись на протяжении последующих месяцев и даже лет. Более того, представители власти пытались сохранить продразверстку как центральный элемент аграрной политики времен «военного коммунизма».

Сходная ситуация складывалась и применительно к социально-политическим отношениям. В советской историографии утверждалось, что «введение новой экономической политики внесло успокое-

¹⁰ ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 81.

¹¹ Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 42.

¹² Донская история в вопросах и ответах. С. 245.

ние в среду крестьянства и трудового казачества»¹³. Однако все было не так просто и не столь идеально. Отношения между большевиками и донскими хлеборобами нормализовались далеко не сразу после провозглашения перехода к нэпу. Более того, в 1921 г. эти отношения даже ухудшились. Возмущение земледельцев Дона насильем власти и тяжестью налогообложения переросло в открытые вооруженные выступления, настолько распространенные, что их вполне можно трактовать как продолжение Гражданской войны. Причем, несмотря на успокоительные заявления большевистского руководства, «наибольшего развития повстанческое движение достигло к лету — началу осени 1921 г.»¹⁴, то есть ко времени сбора того самого пропагандируемого натурального налога.

О том, что жители Дона далеко не сразу ощутили перемены к лучшему в связи с объявлением нэпа, свидетельствует и история возникновения полумифической тайной организации — «Донской повстанческой армии». В октябре 1921 г. военными властями была предпринята попытка задержать в хуторе Ясыреве некоего Уварова, члена одной из повстанческих групп. Уварову удалось бежать (позже все-таки его поймали), но в брошенной им во время бегства одежде красноармейцы и сотрудники ВЧК обнаружили любопытные документы, повествовавшие о существовании «Донской повстанческой армии». На документах имелись подписи «командующего армии» Орленка и «начальника штаба армии» Хохуленко¹⁵. Так, совершенно случайно, представители советско-партийного руководства на Дону узнали о существовании еще одной повстанческой организации, до этого никак себя не проявившей. Впрочем, данная организация существовала, большей частью, в воображении ее создателей, число ее участников, видимо, измерялось единицами и никаких антисоветских действий они не успели (или не могли) предпринять.

Наиболее интересны данные об организаторах «Донской повстанческой армии», времени и мотивах ее создания. В ходе расследования удалось установить, что за псевдонимом Орленок скрывался казак, уроженец станицы Великокняжеской (впоследствии переиме-

¹³ Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. II (1921–1971 гг.) / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1973. С. 24.

¹⁴ Донская история в вопросах и ответах. С. 245.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 384. Л. 23, 23об.

нованной в Пролетарскую) Захарий Филиппович Абрамов, а под фамилией Хохуленко — мещанин из г. Полтавы, Шемполонский Константин Ефимович. Пикантность ситуации придавал факт, что и Абрамов, и Шемполонский прошли обучение в «Красной Академии Генерального Штаба», т.е. являлись красными командирами. Больше того, на момент задержания Абрамов занимал должность начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии, выполнявшей задачи по искоренению политического бандитизма на Дону¹⁶.

Оказалось, что «Донская повстанческая армия» была сконструирована Абрамовым и Шемполонским (естественно, на бумаге) в июне 1921 г., т.е., формально, в период нэпа. Одним из мотивов создания повстанческой организации являлось то, что красные командиры никак не ощущали перемен к лучшему, которые должна была принести новая экономическая политика. Объясняя причины своих антисоветских действий, Абрамов на допросе сказал буквально следующее: «наша Республика, несмотря на все старания правительства... экономически гибнет. Это можно констатировать из общего положения страны и в особенности Поволжья и Дона, где катастрофическое положение усилилось еще и стихийным бедствием — недородом». О том же рассказывал следователям и Шемполонский, утверждавший, что целью «Донской повстанческой армии» было «дать жизненные формы стране»¹⁷. В этих словах выражена вся крестьянская боль исторической эпохи переходного периода.

Прекращение повстанческого движения и ликвидация политического бандитизма на Дону произошли только весной 1922 г. Лишь в это время «прекратились налеты озверевших конников на станицы и села, кровавые расправы над коммунистами, комсомольцами, активистами. Не разрывали больше ночную тишину ожесточенные перестрелки, не полыхали зарева пожаров от подожженных бандитами сельсоветов»¹⁸. Впрочем, и впоследствии сохранялись основания для возникновения активного вооруженного противостояния между властью и определенной частью населения Дона, в первую очередь, казачеством. Произошедшие во время гражданской войны «трагиче-

¹⁶ Там же. Л. 25.

¹⁷ Там же. Л. 32об, 33об.

¹⁸ Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.) / Отв. ред. Е.Н. Осколков. Р. н/Д., 1988. С. 185.

ские события в Донской области прочно остались в памяти крестьянских защитников советской власти и еще долго подпитывали антиказачьи настроения, что, в частности, проявилось в годы нэпа и мешало большевикам осуществлять свои благие намерения, выраженные в лозунге «лицом к казачеству»¹⁹.

Наконец, далеко не сразу после провозглашения либерального правительственного курса улучшилось состояние сельского хозяйства на Дону. Справедливы утверждения, что «замена разверстки натуральным налогом, переход к товарно-денежным отношениям были понятны крестьянину и казаку» и «создавали мощный стимул для развития сельскохозяйственного производства»²⁰. Действительно, среди крестьянства и казачества Дона после официальных деклараций о ликвидации военно-коммунистического варианта аграрной политики распространились настроения, выраженные словами одного из хлеборобов: «хотел только 5 десятин засеять, а теперь постараюсь и, может, 8-10 оборурую»²¹. Однако на самом деле в 1921 и даже в 1922 г. состояние аграрного производства на Дону было крайне сложным. Это было обусловлено не только сильнейшей засухой 1921 года, но и, как мы уже отмечали, тяжестью налогообложения и приверженностью местного руководства военно-коммунистическим методам работы с населением. Ведь власть, которая должна защищать своих приверженцев, воевавших за нее в самые смутные времена Гражданской войны, помогать встать на ноги в послевоенное время, продолжала обдирать их как липку. Получалось: «пиши долг на двери, а получать будешь в Твери».

В 1922 г. посевная площадь в Донской области уменьшилась даже по сравнению с отнюдь не легкими 1920–1921 гг.²². 1922 год был совершенно обоснованно назван «наиболее кризисным» для сельского хозяйства Дона²³. Даже на протяжении последующих лет в

¹⁹ Перехов Я.А. Идеологическая составляющая политики государства по отношению к казачеству (1917–1927 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей. Вып. 2. Ростов н/Д., 2008. С. 269.

²⁰ Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева и С.А. Андропова. Ростов н/Д., 1970. С. 45.

²¹ Сквозь ветры века. С. 184.

²² Донская история в вопросах и ответах. С. 246.

²³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д., 1997. С. 52.

ряде районов и округов Дона позитивные тенденции в сфере аграрного производства были почти незаметны. Так, в Шахтинско-Донецком округе в 1916 г. посевная площадь составляла 827 тыс. десятин, в 1923 г. — 395,4 тыс. десятин, в 1924 г. — 379,4 тыс. десятин; лишь в 1925 г. площадь запашки начала расширяться, составив 442,8 тыс. десятин²⁴. Иными словами, в области производственных отношений результаты нэпа на Дону сказались не в 1921 г., а не ранее 1923 г.

Итак, проведенный анализ событий на Дону позволяет заключить, что с позиций исторической регионалистики (так же, как и с точки зрения историко-антропологического подхода), новая экономическая политика как историческая реальность, а не как официальные большевистские декларации, должна быть отнесена отнюдь не к марту 1921 г. (и вообще не к этому году), а точнее, к 1922–1923 гг. Нормализация социально-политической обстановки (свертывание повстанческого движения, ликвидация политического бандитизма) на Дону произошла не в 1921 г., а лишь весной 1922 г. Еще хуже обстояли дела в сфере базисного для Дона аграрного производства. Здесь положительнее тенденции отчетливо наметились не в 1921 г. и даже не в 1922 г., а уже в следующем, 1923 г.

Таким образом, переход к нэпу на Дону растянулся как минимум на два года. Кстати, точно такая же ситуация сложилась и на Ставрополье²⁵. Инерция «военного коммунизма» оказалась слишком велика, она ощущалась в реально-социально-экономической практике по всей стране, что собственно и признавали большевистские вожди. Переход к нэпу затянулся, но в каждом российском регионе при наличии этой общей исторической тенденции существовали свои местные особенности, свои индикаторы новых общественных настроений («в верхах» и «в низах»), свои исторические коллизии партийно-политической и вооруженной борьбы, свои локально определенные точки отсчета в историческом процессе перехода к нэпу.

²⁴ ЦДНИ РО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.

²⁵ Шпаков В.О. Крестьянство и власть в период социального конфликта 1917–1923 гг. (на материалах Ставрополья). Автореф. дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 27.

И.В. ГОНЧАРОВА

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1920-х ГОДАХ

В переломные эпохи на волне политической и культурной трансформации крестьянского мира повседневная жизнь выступает как детектор жизнеспособности реформ. В повседневности остается то, что созвучно имеющимся моделям поведения, ценностному ряду. Повседневность, консервативная по сути, быстро отмечает все наносное и чужеродное, и в этом плане она «глубиннее» событийной истории, она определяет во многом и политическую конъюнктуру. Изучение крестьянской повседневности 1920-х гг. помогает пролить свет на проблемы модернизации, раскрестьянивания деревни¹.

В результате революции, гражданской войны произошло обеднение деревни, натурализация отношений. Деревня была для власти в 1920-е гг. исходным материалом для экспериментов, своеобразной «почвой» для идеологической экспансии, внедрения «нового быта». При этом сельская среда не выступала пассивным объектом преобразований, скорее являлась экспериментальной площадкой, переделывающей и самих преобразователей. Наблюдается сложный культурный диалог: прямое влияние большевиков на деревню и

¹ С развитием историко-антропологического направления стали разрабатываться проблемы российской повседневности после 1917 г. (*Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1930-е гг. // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. СПб., 2003. *Осокина Е.И.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993), в том числе и в локальном ракурсе (*Гатауллина И.А.* Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. Казань, 2007. *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М., 2009). Социально-психологический аспект затрагивается в региональных исследованиях Центрального Черноземья. См.: *Загорский П.В.* Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928–1934. Воронеж, 1995. *Есиков С.А.* Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.). Тамбов, 2005.

опосредованное влияние деревни на большевиков, адаптация большевистской политики к условиям преобладающей аграрной среды.

В деревнях Черноземного Центра бросались в глаза разорение, и запустение. Казалось, время в забытых богом местах среднерусской равнины повернулось вспять, все резко постарело и осунулось: одинокие курные «черные» хаты, топившиеся без труб, так что дым просачивался сквозь всю соломенную крышу. Окна домов без стекол, заклеенные всякого рода тряпьем, забитые досками или замазанные глиной. Стекла были роскошью и указывали на социальную принадлежность — поповский дом. Множество сгоревших домов и остатки пожарного обоза свидетельствовали о частых пожарах, охватывавших всю округу. Такой увидели Никольскую волость Курской губернии наблюдатели из Москвы в 1923 г.²

Бедность деревенских жителей была обусловлена не только «темным прошлым» дореволюционного и военного времени. Встать на ноги крестьянам не давала и новая налоговая политика. Множественный продналог, пусть и не был очень обременителен, но весьма раздражал своими разнообразными формами, одновременными сроками уплаты, а на местах он усугублялся местным налогоотворчеством, поэтому в отдельных деревнях встречалось до 16 видов различных налогов. Крестьяне роптали не только на налоговую систему, но и высокий уровень цен: «Жить бы хорошо при Советской власти, кабы не драли двух шкур, а то земельку без аренды дали, а за это товарищи продналог берут и за пуд соли три пуда ржи»³. В 1923 г. для покупки 1 пуда чугунного литья или ситцевого платья курскому крестьянину необходимо было продать 15 пудов ржи — воз хлеба. А шерстяной костюм на рынке «тянул» на 3-4 воза хлеба. Орловский крестьянин за пару сапог должен был отдать до 100 пудов ржи, пуд соли приравнивался к 6-7 пудам ржи, пуд керосина — 10, а свита из бобрлика и вовсе была разорением — 200 пудов ржи⁴. Это данные 1923 г., разгара «кризиса цен», в дальнейшем ситуация на рынке несколько выправилась, но большевистская «смычка» с городом продолжала означать для деревни «перекачку» средств и не оставляла шансов крестьянам улучшить свой архаичный быт.

² Яковлев Я. Деревня как она есть. М., 1924. С. 8-9.

³ Там же. С. 68.

⁴ ГАОО. Ф.П-1. Оп. 1. Ед. хр. 717. Л. 6.

Слабую материально-техническую базу и низкий культурный уровень как основные факторы «санитарного пейзажа села» Центрального Черноземья выделяет приват-доцент С. Субботин в 1928 г. в статье в журнале «Хозяйство Центрального Черноземья»⁵. Крестьяне жили в крохотных избах, среднего размера 30 кв.м на семью приблизительно из шести человек, высотой 2-3 метра, включая соломенную крышу (68,2%), которая в неурожайные годы помогала прокормить скот. В 69 случаях из ста в воронежских деревнях встречались однокомнатные избы, в Тамбовской деревне этот показатель возрастал до 80. Более половины изб имели земляной пол, деревянные полы составляли только 46%. При среднероссийской санитарной норме жилищной площади 8 кв.м на человека в этом регионе приходилось не более 5 кв.м, при том, что до половины внутреннего пространства избы занимала русская печь. Оставшийся клочок внутреннего помещения крестьяне часто делили с необходимой живностью — телятами (63,8%), ягнятами (42,5%) или курами (20,5%)⁶.

Убогость жилья дополнялась крайне скудным набором мебели и домашней утвари. На 10 дворов в воронежской деревне приходилось по 12 столов и стульев, 14 скамеек, 3 шкафа и 9 кроватей. Во многих домах люди спали на нарах, на печи, выручали известные с глубокой древности лавки и палаты. 67,8% обследованных крестьян сохраняли еще средневековую традицию спать вместе всей семьей. Совместным было и использование индивидуальной посуды. Иначе как можно было разделить на жителей 10 дворов (более 60 человек) 22 миски, 12 кружек, 63 ложки, 19 стаканов, 13 ножей, 9 вилок, 24 чугунок и 19 ведер? С личной гигиеной у жителей черноземной глубинки, по всей видимости, были серьезные проблемы. Несмотря на традиционное мнение о популярности бани в русских деревнях, здесь ее посещали только 11,1% жителей, половину сельчан признались, что купались только в реке, оставшиеся мылись дома. Неудивительно, что почти у половины населения были обнаружены вши.

Показатели низкого санитарно-гигиенического уровня, вши тем не менее были не самой большой опасностью. На первом месте среди заразных заболеваний стояла малярия (22 случая из 1000) — ре-

⁵ Субботин С. Социально-гигиеническая оценка современного села в Центрально-Черноземной области. 1928. № 2.

⁶ Там же. С. 105-106.

зультат заболоченности территории — и грипп. Смертельную опасность представляли рецидивы сифилиса и туберкулеза, букет социальных болезней дополнялся дизентерией и сибирской язвой. И конечно, на первом месте стоял трудно поддающийся официальной статистике алкоголизм. Только в Воронежской губернии в 1926 г. власти обнаружили около 7 000 «заведений для самогона», командированные в курскую деревню отмечали «самогонные заводы» чуть ли не в каждой избе. Оставляло желать лучшего и питание населения. В скудном рационе крестьян явно не хватало животных жиров, недостаток мяса и приверженность постам приводили к тому, что больше половины годового количества мясной пищи поглощалось крестьянами за 4-6 недель в апреле и декабре. О сбалансированном витаминном и минеральном составе пищи не могло быть и речи.

В неурожайные годы в черноземную деревню возвращался голод. В качестве иллюстрации можно привести пример орловской деревни в 1924 г. Урожайность была меньше обычного в 3-4 раза. Следствием стало резкое падение уровня жизни крестьянства. Отчеты губкома и политические сводки, направленные в ЦК, рисуют картину страшного разорения. Цены на хлеб росли с каждым днем. Население осталось без запасов зерна и питалось суррогатами с примесью картофеля, свеклы, жмыхов, крапивы и т.п. В восьми пораженных недородом волостях Малоархангельского уезда до 80% жителей совершенно не имели хлеба. В наиболее пострадавшем Елецком уезде источником питания служили отбросы Казацкого крахмало-паточного завода. Голоду сопутствовало развитие нищенства, воровства и увеличение смертности. В Ливенском уезде население продавало все, что можно: живой и механический инвентарь, домашнее имущество, озимые посевы на корню. В Дмитровском уезде, по сведениям медицинского пункта, от недоедания заболело до 100 человек в месяц, а смертность возросла на 35%⁷.

«Жизнь у нас подходит к концу. Урожай был плохой; хлеба нет, скотину кормить нечем, безработица страшная, некоторые сидят по целым неделям почти не евши, словом, не жизнь, а каторга, а тут еще продналог тянут, давай, да и кончено», — писал красноармеец

⁷ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1235. Л. 41-43. Отчет Орловского губкома за январь-март 1925 г.

своему товарищу в город⁸. Г.И. Ушаков из Малоархангельского уезда направил письмо в «Крестьянскую газету» (оно не было опубликовано): «Особенно плохо живется сейчас, когда иссякли все суррогаты, какими можно было питаться. Стоящие на хлеб цены 2 руб. 50 коп. — 3 руб. за пуд совершенно не под силу населению из-за безденежья. За бесценок спускаются все вещи, какие только можно продать, кончая тряпьем. Есть много случаев, что крестьянин, взяв в кооперативе плуг для пашни, на другой день вез на базар его ... и продавал за 12-14 рублей только потому, что в кооперативе дают плуг в кредит до осени за 19 рублей. На вырученные деньги покупает 4-5 пудов муки и едет домой, благодаря кооперативу, что этим кредитом он спасен от голодной смерти, не считаясь с тем, что осенью придется свести в уплату за взятый плуг 20-25 пудов хлеба (Разве это не кабала?)». Ушаков описывал, как за получением хлеба в 15-20 фунтов (20 фунтов были месячной нормой в голодном 1920 году) на станцию Змиевка приходили толпы голодающего населения, но всех страждущих удовлетворить было нельзя⁹.

Нищета, сложная эпидемиологическая ситуация, однообразное недостаточное питание, а в неурожаи и систематическое недоедание усугублялись слабым медицинским обслуживанием населения. Минимальным радиусом охвата медицинской помощью населения в тот период в российском масштабе считались 7 кв.км. В тамбовской губернии этот показатель составлял 20 кв. км, в орловской — 18, в целом по области колебания были от 18 до 25 км, более чем в три раза превышая допустимую норму. На амбулаторный участок приходилось в среднем 20 000 сельских жителей, народным Комиссариатом здравоохранения устанавливалась норма больничных коек из расчета 1 койка на 500 человек, в черноземном регионе этот показатель был выше в 4 раза — 1 койка на 1 992 человека. Согласно российским меркам, один врач должен был обслуживать 7000 человек, в орловских селах к услугам одного врача должны были прибегать 21 400 человек, в воронежских — 13 643, в тамбовских — 15 900 и курских — 18 223. Расходы на здравоохранение не были приоритетными статьями бюджета области, средний расход на душу населения составлял в конце 20-х гг. 1руб. 16 коп. Таким образом, не будет

⁸ Там же. Л. 32.

⁹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 462. Л. 16.

преувеличением говорить о практическом отсутствии медицинской помощи на селе в 20-е гг. Следствием этого была высокая смертность, особенно детская: в 1928 г. из 100 родившихся детей умирало 19,4%, т.е. каждый пятый ребенок¹⁰.

Власти считали корнем всех бед не экономическую и технологическую отсталость, архаичные способы производства и выкачивающую средства политику, а аграрную перенаселенность региона и видели выход в переселении и отходничестве. При этом Субботин признавал, что «картина отхода была кошмарная. Шли в поисках работы иногда за десятки и сотни верст пешком, в лучшем случае ютились в товарных вагонах и баржах, долго стояли в пути, питались одним черствым хлебом, взятым из дому, очень часто возвращались с рынков без работы, иногда с работы с очень небольшим запасом денег, но весьма истощенные и подчас награжденные венерической болезнью, которые заносили в свои семьи, в свое село»¹¹. Такой выход оборачивался порочным кругом новых проблем.

Облик деревни представляется беспросветным и в силу низкого образовательного и культурного уровня. «Если у дома нет окон и дверей — значит школа», — писал Я. Яковлев в книге «Деревня как она есть»¹². В одной из таких школ, попавшихся на пути московской комиссии, церковный сторож поместил своих корову и лошадь. Отец Александр сетовал, что некогда хорошая в «церковно-приходское» время школа, после того, как отошла «к этому... как его... народному образованию, опустела она, окна оказались побитыми, двери выставленными, — ну мы ее и взяли под лошадь и корову»¹³. Дети в селе обучались грамоте у жены дьяка, педагогические услуги которой оплачивались крестьянами по полтора пуда ржи в месяц — сумма, «о которой школьной учительнице не мечтать»¹⁴.

Повысить образовательный уровень деревни другими способами было маловероятно: печатные издания сюда проникали крайне редко и скудно. В пяти обследованных селах только один человек получал газету — бывший купец, «имеющий монополию на знание

¹⁰ Субботин С. Указ. соч. С. 110-113.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Яковлев Я. Указ. соч. С. 8.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 97.

мероприятий Советской власти, авторитетное разъяснение ее намерений, декретов и постановлений для крестьян всей волости». Новые издания заметно выросли в цене. До революции кадетское «Современное слово» стоило 45 копеек, цена примерно полпуда ржи. В 1923 г. месячная подписка на «Известия» обходилась крестьянину в 4 пуда ржи, а выпуск «Бедноты» обходился в 25 миллионов рублей. У крестьян преобладали книги религиозного содержания, принадлежащие в основном баптистам, другие грамотные, составляющие исключение, читали «что попадает под руку (если не искирят)»¹⁵.

Информационный голод в деревне, где радио было доступно в лучшем случае двум-трем ответственным партработникам, чиновники пытались компенсировать самостоятельным «просвещением» в уездах. Правда, губернские центры пресекали «самодеятельность» в идеологической сфере в силу того, что инициатива на местах оборачивалась чаще всего «полнейшим внутренним хаосом». В 1923 г. на заседании пленума Орловского губкома председатель приводил в качестве подобного примера выдержку одной из лекций: «Лектор, член или руководитель ячейки, говорит, что сначала в обществе существовал матриархат, так было долго, много сотен лет, вплоть до тех пор, покуда появился на свет Маркс, и, когда появился Маркс, ему существующий строй не понравился и он завел патриархат»¹⁶. В Елецком уезде «профессионалисты» издали журнал. «Когда мы здесь почитали, — комментировали в Орле, — у нас волосы дыбом стали... один товарищ объясняет международное положение: “Французская буржуазия захватывает сейчас Рурскую область, чтобы погубить германский пролетариат и через германскую территорию войти в территориальное касательство с Советской Россией”». Губком насчитал в журнале около 500 опечаток, не увидел ни одной полезной статьи, а на заявленную в конце журнала претензию «являться культурным убежищем для всех трудящихся всего уезда» ответил: «Вместо того чтобы создавать такое убежище, по нашему мнению, лучше никаких культурных убежищ не создавать»¹⁷. Таким образом, местные партийцы, по большей части выходцы из крестьянства, не могли встать в авангарде просвещения черноземной глу-

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАОО. Ф.П-1. Оп. 3. Ед. хр. 85. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 12.

бинки. Есть основание доверять комиссии из Москвы, обследовавшей деревню в Курской губернии и определившей носителями идеологической власти в селе местного священника и кулака.

Вместе с тем, было бы неверно утверждать, что в повседневной жизни деревни ничего не изменилось. Повсеместно новые веяния преломлялись о старые традиции. Воздействовать на жизнь деревни советская власть старалась путем усиленной пропаганды, вводя новые праздники и памятные даты. Активно проводимые кампании внедряли в сознание назойливые штампы и лозунги, содержание которых усваивалось подчас весьма своеобразно, и как следствие, образовывался странный коктейль из обрывков разных идей, отрывочных мыслей. Иллюстрацией служит заметка в «Орловской правде» 12 октября 1923 г. о постановлении исполнительной власти Дмитровского уезда: «Президиум уездного исполнительного комитета постановил устраивать базары, приурочивая их к революционным праздникам, а устройство базаров на церковные праздники запретить. Так и нужно: это будет способствовать революционизированию нашего быта»¹⁸. Метаморфозы нэпа — базары революционизируют быт — пример адаптации сознания обывателя к новой идеологии. Впрочем, наслоение новой символики на толщу старых религиозных представлений характерно было и для агентов новой власти. Яковлев излагает разговор с деревенским священником: «С кротким сиянием в глазах рассказал нам отец о том, как у него просили однажды коммунисты ячейку освятить, что некий коммунист читает у него апостола в церкви, что, кроме Красной армии, и “прочие” у него в доме стоят очень часто»¹⁹.

Крестьянская ментальность отторгала элементы нового быта, чуждые ее общинному духу, или же воспринимала символику новой идеологии сквозь призму традиционных религиозных воззрений. Показательны попытки большевиков заменить обряд крещения «октябринами». Корреспондент «Орловской правды» 11 декабря 1924 г. укорял ячейку Малоархангельского уезда за то, что она не удовлетворяет «запросы крестьянства в области нового быта». Крестьянин Хазов решил устроить «октябрины», но ячейка стала процедуру затягивать, после чего он решил: «Ни крестить, ни “октябрить” не бу-

¹⁸ Орловская правда. 12 октября 1923 г. С. 3.

¹⁹ Яковлев Я. Указ. соч. С. 15-16.

ду; родился человек, ну и пускай живет»²⁰. В орловской глубинке замена старых обрядов новыми могла встречать сопротивление: «Один из молодых прошлой осенью попробовал октябрить своего ребенка, так за период от осени до весны грызли все до того, что весною должен был перекрестить своего ребенка, но и тут встретилось затруднение: поп отказывался и лишь перекрестил после того, как парень в ногах у попа повалялся».²¹ Наблюдатели курской деревни отметили характерный для крестьянской психологии момент. Один из опрашиваемых крестьян признался: «А что до пропаганды, то я ее не слушаю; терпеть я ее не могу, а этих, которые пропагандируют... Подсядет и пропагандирует... не знаю, чтобы сделал с ним...». Член комиссии понял, что дело здесь не в новых призывах, а в раздражающей идеологической экспансии. «Что он (крестьянин. — *И.Г.*) понимал под словом пропаганда — не понять было, но сразу чувствовалось, что здесь таится глубокая ненависть зажиточного мужика к тому, что навалило на него из города и расшатывает его исконную, от дедов, сто лет живших, идущую жизнь»²².

Одним из ориентиров будущего было провозглашаемое большевиками понятие «социализм», в котором воплотились все оттенки невиданного ранее стремления к новой жизни на фоне осознания несправедливости существовавшего общественного устройства. В этой вековой мечте слились разноплановые ожидания светлого времени, которые в крестьянской среде облекались в конкретно-материальные формы. В черноземной глубинке, крестьяне, почти изолированные от «большой» политики, если бы не визиты за продналогом и агитация, смутно разбиравшиеся в том, что происходило в центре, тем не менее, как отмечали московские наблюдатели, имели достаточно «точное» представление «насчет суцилизмы». «Сулили нам суцилизацию по всей России, а после сулили суцилизацию губернскую. Потом уездную, тепереча сулят волостную. А мы сумлеваемся. Землемеры за эту “суцилизацию” 20 вагонов хлеба требуют!»²³. Так, понятие «социализм» у крестьян препарировалось в землеустройство, абстракция опосредовалась уровнем житейских

²⁰ Орловская правда. 11 декабря 1924 г. С. 5.

²¹ ГАОО. Ф.П-1. Ед. хр. 1238. Л. 56.

²² Яковлев Я. Указ. соч. С. 27.

²³ Там же. С. 128.

проблем и локализовалась в традиционном вопросе землепользования. Аналогично заземленным было и представление о коммунизме, ассоциирующееся с «коммуной»: «При коммуне нет жен, все общее. Если бы согнать баб в коммуну, то вот была бы чертовщина»²⁴.

Таким образом, на крестьянскую повседневность Центрального Черноземья в 1920-е гг. влияли как традиционные бытовые устои и психологические установки, так и результаты проводимой большевиками аграрной политики, обернувшейся оскудением черноземной деревни, ее обнищанием и натурализацией хозяйственных отношений. Факторами, определяющими деревенскую повседневность, были тяжелые материальные условия как следствие пережитой революции и гражданской войны, архаичные бытовые модели, низкий уровень жизни и общей культуры, неграмотность населения, доставшиеся от дореволюционного прошлого, а также внедрение властью новых ценностей и символики, разрушающих устоявшиеся стереотипы крестьянского мировосприятия. Крестьянская ментальность этого периода представляла собой сложный сплав старых религиозных патриархальных представлений и обрывков новых идей.

²⁴ Там же.

Т.А. ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВА

ОБРАЗ КОРОЛЕВЫ КРИСТИНЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕТЕРА ЭНГЛУНДА

*«Она была рождена во власти с властью и для власти».
«Достижение личного суверенитета было её конечной целью».
«Без сомнения, она была женщиной с очень дурной славой,
самой восхваляемой, самой оклеветанной, самой прославляемой
и самой презираемой в Европе того времени».
P. Englund. Silvermasken, S. 50, 85, 15.*

До XX в. шведские историки не уделяли большого внимания личности королевы Кристины. О времени, когда она была у власти, немного писали авторы многотомных трудов по истории Швеции, прежде всего Андерс Фрюксель (1795–1881) с его «Рассказами из шведской истории». Основатель шведской исторической науки Нового времени Эрик Густав Гейер (1783–1847) в «Истории шведского народа» посвятил периоду правления Кристины 70 страниц, из которых только последние полстраницы касаются времени после ее отречения¹. И только в XX в. ученые всерьез заинтересовались личностью королевы Кристины, той психологической загадкой, которую она представляла. Вопрос ставился следующим образом: почему она сделала то, что сделала? Нильс Анлунд в 1931 г. опубликовал статью об отречении королевы от шведского трона, Курт Вейбулл написал несколько исследований, в которых королева Швеции показана талантливым политиком, интеллектуальному и религиозному развитию Кристины посвятил две книги литературовед Свен Стольпе².

¹ Переход Кристины из лютеранства в католичество, по мнению Гейера, «сделало ее навсегда чужой для бывшей родины». *Geijer E.G. Svenska folkets historia. Kristina. I Samlade skrifter. Sjätte delen. Stockholm, 1927. S. 163.*

² *Anlund N. Drottning Kristinas tronavsägelse. Några randanteckningar // Personhistorisk tidskrift. 1931. № 3. S. 196-214; Weibull C. Drottning Christina. Studier och forskningar. Stockholm, 1931. Drottning Christina — Studier och efterforskningar. Stockholm, 1934; Drottning Christina och Monaldesco. Stockholm, 1936; Drottning Christina och Sverige 1646–1651. En fransk diplomat berättar. Stockholm, 1970 и др.; Stolpe S. Drottning Kristina. Den svenska tiden. Stockholm, 1960; Drottning Kristina. Efter tronavsägelsen. Stockholm, 1961.*

На сегодня библиография работ (и не только шведских авторов, но и гуманитариев из Европы и Америки, насчитывает более тысячи названий. «Серебряная маска» Петера Энглунда³ совсем не последняя по времени работа в этом ряду⁴. И все же «Серебряная маска», ставшая девятой книгой, вышедшей из-под пера Энглунда⁵, по многим причинам достойна отдельного рассмотрения, так как ее автор занимает особое место в шведской историографии.

Место Петера Энглунда в шведской историографии

П. Энглунд (род. 4 апреля 1957 г.) получил классическое историческое образование в Уппсальском университете, где он, кроме истории, изучал археологию и теоретическую философию⁶. В 1989 г. Энглунд защитил диссертацию по идеологии шведского дворянства XVII в. (научный руководитель Рольф Тоштендаль). Труд, написанный по теме диссертации, «Ветхий дом. Представления дворянства об обществе периода великодержавия»⁷, вторая книга Энглунда.

Первая вышла годом раньше — «Полтава: рассказ о гибели одной армии»⁸, и сразу сделала ее автора знаменитым. Книга была переведена на несколько языков, в т.ч. на русский⁹. Вслед за первыми двумя последовали другие исследования и сборники эссе, которые главным образом затрагивали проблемы войны и мира в Швеции и Европе, а также такие острые темы XX в., как мировые войны, нацизм и сталинизм. Кроме того, Энглунд много выступал на страницах крупнейших газет по вопросам истории и культуры. Он рабо-

³ *Englund P.* Silvermasken — en kort biografi över drottning Kristina. Stockholm, 2006. 183 s.

⁴ В 2008 г. профессор высшей школы Кристианстада Мари-Луиз Родэн опубликовала биографию королевы Кристины: *Rodén M.-L.* Drottning Christina. En biografi. Stockholm, 2008.

⁵ В 2008 г. свет увидела десятая книга П. Энглунда «Красота и горесть боя»: *Englund P.* Stridens skönhet och sorg. Stockholm, 2008. В этой работе в 212-ти коротких главах автор рассказывает историю Первой мировой войны как бы изнутри, через призму 19-ти человеческих судеб.

⁶ Еще в гимназии он приобрел профессию воспитателя детского сада, затем добровольно отслужил 15 месяцев в армии, после чего завершил свое довузовское образование трехлетним гимназическим курсом гуманитарного профиля.

⁷ *Englund P.* Det hotade huset. Adliga föreställningar om samhället under stormaktstiden. Stockholm, 1989.

⁸ *Englund P.* Poltava: berättelsen om en armés undergång. Stockholm, 1988.

⁹ *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995; М., 2009.

тал в Уппсальском университете и в Институте драмы (Dramatiska institutet), где занимал должность профессора нарратологии.

В 2002 г. Энглунд стал членом Шведской Академии¹⁰, в которой он занял кресло под номером 18, освободившееся после смерти одного из крупнейших историков Швеции XX века Эрика Лённрута. С июня 2009 г. Энглунд является постоянным секретарем Шведской Академии, в обязанности которого входит объявлять имя очередного лауреата Нобелевской премии в области литературы.

В период становления Энглунда как ученого историческая наука Швеции прошла через увлечение материализмом, познакомилась с работами историков школы «Анналов» и начала перенимать предложенные ими методы исследования, признала необходимость применения достижений общественных наук, прежде всего социологии, в исторических исследованиях. Произошло вхождение теоретических концепций в шведское научное историческое поле.

Уже в докторской диссертации Энглунда встречаются сноски на книги авторов, придерживавшихся марксистских взглядов на развитие истории, в том числе и на таких советских историков, как А.Я. Гуревич и Б.Ф. Поршнев. Часто ссылается Энглунд и на представителей школы «Анналов». Заметно влияние синтезирующего подхода и веберовской социологической традиции.

Особо следует отметить историзм работ Энглунда. Рассуждает ли автор о событиях изучаемой эпохи или дает конкретные характеристики историческим деятелям, он всегда проникнут пониманием законов развития и ментальности людей того времени, знаком с традициями и обычаями представителей различных слоев общества.

Совершенно очевидно, что Энглунд в ходе написания «Серебряной маски» проработал значительное количество источников, хотя, по его собственному признанию, еще на начальном этапе работы над книгой он «освободился от иллюзии сделать крупное научное завоевание»¹¹. Проработанные и обдуманые материалы входят в

¹⁰ Шведская Академия (Svenska Akademien) была основана 5 апреля 1786 г. Густавом III по образцу Французской академии с целью содействия развитию шведского языка и литературы. Восемнадцать членов Академии избираются пожизненно главным образом из числа писателей и поэтов. С 1901 г. Академия присуждает Нобелевскую премию в области литературы.

¹¹ *Englund P. Silvermasken. S. 175.*

оценочную часть повествования, но подробно не разбираются, а зачастую и вовсе не называются. Сноски присутствуют, но их немного и в них не указываются страницы.

Было бы неверно, характеризуя позиции Энглунда в науке, ограничиться критериями, применяемыми только по отношению к историческим и обществоведческим дисциплинам. Феномен Энглунда нельзя объяснить без привлечения такой гуманитарной науки, как литературоведение, ибо он в полной мере может рассматриваться и как писатель-прозаик. И не только потому, как указывает Йоран Хэгг в работе «Двадцать один современный классик», что «в романских и англосаксонских странах даже мемуары, эссе, биографии, философия и история принадлежат "литературе"»¹², но, главным образом, потому, что в трудах Энглунда наличествуют элементы, присущие художественной литературе. Его отличает блестящий стиль, легкое «золотое перо». При этом он никогда не оставляет позиции профессионального историка, строго следящего за достоверностью используемого материала. Энглунд не ограничивается последовательным изложением событий, не морализирует, не навязывает свою точку зрения, а анализирует и сопоставляет факты, предоставляя читателю самостоятельно делать выводы. Одновременно его искусная манера повествования немного обманчива, ибо вселяет в читающего уверенность, что это он сам приходит к окончательному заключению, хотя на деле к нему умело подводит именно автор.

Стиль работ Энглунда вообще и «Серебряной маски» в частности действительно во многом принадлежит художественной литературе. Автор вживается в обстоятельства описываемой эпохи, пытается объяснить мотивы поступков исторических деятелей, мыслит за своих героев. Как создатель биографии королевы Кристины Энглунд занимает типичную для художественной прозы позицию «всезнающего» рассказчика, что позволяет ему переходить на точку зрения любого героя своего повествования и от его лица комментировать события и давать характеристики другим действующим лицам. И хотя все персонажи Энглунда являются историческими личностями, именно автор обладает всей полнотой знаний о них.

¹² Hagg G. Tjugoen moderna klassiker. Stockholm, 1995. S. 140.

Здесь налицо некоторые элементы психологической прозы: портреты действующих лиц, их жесты, мимика, костюм, интерьер, в котором происходят описываемые события; незначительные детали, на которые обращает внимание автор, являются ключом к пониманию характера героев. Энглунд так описывает внешность великого французского философа и математика Рене Декарта, специально приехавшего для встречи с королевой Кристиной в Стокгольм (и там же скончавшегося в феврале 1650 г.): «Красивый курчавый парик, изящно расшитые перчатки и модные узконосые туфли»¹³.

«Серебряную маску», строго говоря, нельзя назвать романом, ибо Энглунд ничего не выдумывает, все факты выверены по источникам и научной литературе, здесь нет вымышленных героев и диалогов. Но с помощью косвенной речи автор, наглядно и живо описывая действие, вплотную приближается к диалоговой форме подачи материала: «Она шла прямо сзади него и тихо спросила, нет ли у него письма для нее. Он, не поворачивая головы и не делая каких-либо могущих разоблачить его жестов, подтвердил, что таковое имеется. Она тотчас же приказала ему никому ничего не говорить» (S. 41).

В произведении присутствуют авантюрно-приключенческое начало и элементы жанра детектива, фрагментарность текста и временная инверсия, а также другие признаки художественной прозы. Автор играет стилями, есть даже приёмы музыкально-ритмической прозы с выделением отдельной строкой какой-то важной мысли или действия. Например, после сплошного текста вдруг появляются две строки, написанные как поэтические строфы:

«Отречение касалось чего-то совсем иного.

Отречение касалось чего-то намного более личного» (S. 39).

А в качестве заключения идет лишь одно предложение: «Центральным в беседах было как раз это — соотношение веры и знания» (S. 46). И затем — всего два слова отдельной строкой, перебивающей предыдущее повествование:

«Кристина вмешалась» (S. 63).

Для литературоведов Энглунд, несомненно, является писателем. Во втором томе «Шведских современных писателей» есть глава об Энглунде, написанная Элисабет Гуммессон, в которой он харак-

¹³ *Englund P. Silvermasken. S. 34.*

теризуется как один из самых популярных писателей Швеции: «Петер Энглунд дал нам новый взгляд на историческое творчество — оказывается можно писать для широкого круга читателей, не поступаясь академическими требованиями правильности и точности»¹⁴.

Взгляд П. Энглунда на королеву Кристину

Королева Кристина — эта, как ее называли «Северная Минерва», — была единственной женщиной на шведском троне, не считая короткого времени, когда после смерти Карла XII королевой стала его сестра Ульрика Элеонора (1719–1720).

Последний представитель династии Васа королева Кристина родилась 8 декабря 1626 г. Она была правнучкой основателя этой династии Густава I и дочерью прославленного короля великодержавной Швеции Густава II Адольфа, боровшегося за укрепление лютеранской веры в Европе. После гибели Густава II Адольфа в 1632 г. Кристина стала королевой Швеции еще до того, как ей исполнилось шесть лет. Достигнув совершеннолетия (в 1644 г.) Кристина самостоятельно правила Швецией¹⁵ девять с половиной лет (до 6 июня 1654 г.), когда в Уппсальском дворце торжественно отреклась от трона. После этого она сразу же покинула Швецию. Её переход в католическую веру произошел сначала тайно в канун Рождества 1654 г. в Брюсселе, а затем открыто и официально в Инсбруке в ноябре 1655 г. Оставшуюся часть жизни Кристина Александра — так она звалась после обращения — в основном провела в Риме (более 33 лет), где и скончалась в Палаццо Риарио 19 апреля 1689 г. в возрасте 62-х лет и была похоронена в соборе Св. Петра.

Историки, писавших о времени правления королевы Кристины (1644–1654), главным образом интересовали причины ее отречения от трона, а не ее деятельность как главы страны. Жизнь Кристины после того, как она покинула Швецию, изучена еще меньше и в основном искусствоведами, которые писали о ней как о меценате и покровительнице искусств. Образ Кристины как бы распадается на

¹⁴ *Gummesson E. Peter Englund // Svenska samtidsförfattare. B. 2. Lund, 2000. S. 42.*

¹⁵ Вопреки традиции официальная коронация имела место не в Уппсале, а в Стокгольме (20 октября 1650 г.).

две части, что создает странное впечатление, будто существовали две Кристины — одна до отречения, а другая — после.

П. Энглунд прослеживает жизненный путь королевы от рождения до смерти, уделяя серьезное внимание ей как личности, причем личности в высшей степени противоречивой¹⁶. Кристина претерпела несколько «метаморфоз», и одной из них был переход в католическую веру. Однако в цепи событий ее жизни самым значительным и важным превращением оказалось сотворение собственной индивидуальности, «персоны», по словам Энглунда, заложницей чего Кристина оставалась на протяжении большей части своей жизни: «Она подобна узнику, заключенному в этой *персоне*; вероятно, можно было бы сказать, что она срослась со своей ролью, если бы речь шла не о маске, в которой играют, а затем сбрасывают по собственному усмотрению; нет, это было образом жизни»¹⁷. И, наконец, последняя «метаморфоза» — превращение в «благочестивую» Кристину.

Историк показывает Кристину в контексте естественнонаучной революции XVII в.¹⁸. Общеизвестным фактом является высокая образованность шведской королевы (она была очень начитана, знала восемь иностранных языков), хотя именно П. Энглунд отмечает аутодидактичность Кристины, что, в свою очередь, и послужило причиной ее желания пригласить к себе ученых мужей из Европы для пополнения собственных знаний и шире — для превращения своего двора в центр знаний и науки «самого высочайшего качества»¹⁹. В начале 1650-х годов Стокгольм стал средоточием интеллектуалов и ученых. Подобное имело немного аналогов в Европе того времени, не говоря уж о географически удаленном северном королевстве.

Как уже отмечалось, все авторы, писавшие о королеве Кристине, пытались ответить на вопрос, почему она отреклась от трона²⁰.

П. Энглунд отвергает точку зрения некоторых историков о том, что Кристина сделала это только по религиозным соображениям. Он

¹⁶ *Englund P. Silvermasken. S. 15.*

¹⁷ *Ibid. S. 143.*

¹⁸ *Ibid. S. 29.*

¹⁹ *Ibid. S. 32.*

²⁰ Можно, конечно, постараться уйти от решения этой непростой задачи, как это элегантно сделала М.-Л. Роден, написав, что нам не дано узнать ответ, так как сама Кристина этого не хотела. *Rodén M.-L. Op. cit. S. 117.*

указывает на то, что решение отречься на четыре-пять лет предшествовало смене веры (Энглунд датирует это «внутреннее решение» 1652 годом²¹.) А вопрос о влиянии Декарта и французского посла в Стокгольме Шаню на оба эти решения королевы автор полагает и вовсе некорректным, ибо подобная версия предполагает пассивность самой Кристины, которая в этом случае должна быть уподоблена пустому сосуду, каковым она, конечно же, не являлась²².

История перехода Кристины из протестантизма в католичество кроется в ее «интеллектуальном и религиозном кризисе» и, как думает Энглунд, смена веры была не целью, а лишь средством достижения заветной мечты²³. Целью же являлось обретение личного суверенитета. Конфликт между здравым смыслом и чувством, свойственный многим думающим людям того времени, привел Кристину к компромиссу — «религии по собственному усмотрению»²⁴, а затем, после долгих размышлений, и к мысли об обращении. Решающим оказался тезис ее собеседников-иезуитов о том, что католическая религия не вступает в противоречие со здравым смыслом, она, религия — над ним, ибо и здравый смысл имеет свои ограничения²⁵. Зёрна синкретизма, брошенные учителем Кристины Юханнесом Маттие, упали на благодатную почву.

Забегая вперед, Энглунд обозначает и такую незатрагиваемую другими тему, как разочарование Кристины в католицизме²⁶.

Очень важным для понимания личности королевы являются также ее отношение к власти и ее политические способности. Энглунд вслед за Куртом Вейбуллем достаточно высоко оценивает Кристину-политика. Знаменитое долгое заседание риксдага 1650 г., на котором королева добилась назначения наследником шведского престола отвергнутого в свое время в качестве претендента на роль ее мужа кузена Карла Густава с дальнейшим наследованием ему по мужской линии, было, по определению Энглунда, «политическим шедевром Кристины». Ею были достигнуты властные позиции почти

²¹ *Englund P.* Silvermasken. S. 46.

²² *Ibid.* S. 39.

²³ *Ibid.* S. 49.

²⁴ *Ibid.* S. 31.

²⁵ *Ibid.* S. 46.

²⁶ *Ibid.* S. 40.

абсолютистского характера, которых «никогда не имел её отец, и о которых родоначальник династии Густав Васа мог только мечтать»²⁷. Энглунд считает, что после отъезда из Швеции Кристина вовсе не собиралась покидать мировую арену и политику²⁸. Оставляя трон одной из могущественных стран Европы, она сохраняла нерастраченным желание власти²⁹.

Много внимания уделяет Энглунд рассмотрению темы о стремлении Кристины быть независимой и самостоятельной. В этом, вероятно, кроется и причина ее отказа выходить замуж, рожать наследников и даже решения отказаться от престола и сменить веру. Ее неукротимый инстинкт свободолюбия, по словам Энглунда, лежит в основе происшедших в ней изменений: «от помолвки до идеала девственности, от королевского трона до отречения, от протестантизма до католицизма, от ортодоксии до свободомыслия, от Стокгольма до Рима». «Возможно, — пишет он, — лучше всего эта мысль была сформулирована ею на одной из медалей, которую она заказала в Италии: “Я родилась и жила свободной. Я умру освобожденной”»³⁰.

В деле Мональдеско (Gian Rinaldo Monaldesco) Энглунд разоблачает те слухи, которые возводили этого итальянского дворянина, находившегося на службе у королевы и позднее казненного по ее приказу, в ранг ее любовника. К тому же автор легко парирует обвинения в жестокости в адрес королевы тем, что полагает неоспоримой и доказанной виновность Мональдеско в предательстве и шпионаже в пользу другой страны. Энглунд напоминает, что Кристина была с юридической точки зрения суверенным монархом и в этом качестве обладала полной властью над своими подданными, да и исторический контекст того времени наполнен аналогичными примерами. Вместе с тем Энглунд подчеркивает, что этим поступком Кристина обнаружила свою ограниченность как политика³¹. Однако он приводит также и несколько примеров ее удачных политических акций³². Несмотря на то, что некоторым грандиозным планам не суждено

²⁷ Ibid. S. 65.

²⁸ Ibid. S. 71.

²⁹ Ibid. S. 50.

³⁰ Ibid. S. 86.

³¹ Ibid. S. 99.

³² Ibid. S. 102.

было свершиться, Кристина сохраняла свое политическое влияние и находясь в Риме. В частности неоспорима ее решающая роль в вопросе выбора Папы Клементя IX в 1667 г. Ее мечта о крупной и героической роли в европейской политике продолжала жить³³.

Петер Энглунд отмечает никем до него не рассматриваемые черты в образе Кристины — ее терпимость к взглядам других, ее неафишируемую материальную помощь ученым и их детям³⁴.

Наконец, интересен взгляд Энглунда на Кристину как на женщину: «Она оставалась всю жизнь женщиной, не любившей женщин, и предпочитавшей общество мужчин»³⁵. По мнению Энглунда, она имела проблемы с сексуальной идентичностью. Многие, как отмечает историк, указывают на то, что она испытывала беспокойство и даже страх перед сексом³⁶. Многие, писавшие о ней, видели в ее умелом гарцевании верхом на лошади, ношении мужского платья во время путешествий, быстрой ходьбе и т.п. проявление неженского начала. На эту тему распространялись слухи, имели хождение нелепые домыслы. Пикантной темой, которой касаются далеко не все авторы, являются нежные чувства Кристины к Эббе Спарре, красивейшей женщине своего времени, ставшей позднее супругой брата знаменитого Магнуса Габриеля Делагарди. В анализе этого сюжета Энглунд также не покидает позиций историзма, которые диктуют ему менее скандальные, более прозаические и, возможно, более достоверные объяснения интимных отношений двух женщин. Так, он напоминает читателям, что в холодных каменных помещениях той эпохи люди имели обыкновение согревать постель теплом тел своих слуг или, как в нашем случае, близких друзей. Однако характер тесной дружбы Кристины и Эббы не был раскрыт до конца никем. По словам Энглунда, именно эта женщина была единственным человеком из покинутой Швеции, без которой Кристина «томила» и «скучала»³⁷.

И все же свою истинную любовь Кристина встретила в Риме. Непростые, наполненные драматизмом отношения с кардиналом

³³ Ibid. S. 109, 119.

³⁴ Ibid. S. 35, 36.

³⁵ Ibid. S. 121.

³⁶ Ibid. S. 128, 130.

³⁷ Ibid. S. 129.

Дечо Аццолино (1623–1689), всего на полтора месяца пережившего Кристину, длились до ее последних дней. Интеллектуальный уровень, страсть к политической интриге, вкус к власти, общие интересы и дела превратили королеву и кардинала в близких, нужных друг другу людей: «Любовь выростала из их духовного родства»³⁸.

Особую роль в книге играет театральное действо. «Серебряная маска» начинается с описания внешнего вида мадридского уличного театра, готовившего постановку в 1656 г. первой пьесы о королеве Кристине, написанной Кальдероном. Театральность, во многом присущая всей жизни Кристины, отражается в лексике книги Энглунда. Он часто употребляет слова «роль», «спектакль», «сцена». В приводимых им обильных цитатах из эпистолярных и других произведений Кристины, которые, в свою очередь, являются украшением работы Энглунда, имеется выдержка из письма королевы к французскому дипломату Шаню, где есть такой пассаж: «В тот момент, когда я готова завершить мою роль, с тем, чтобы уйти с подмостков сцены, меня мало волнуют аплодисменты»³⁹.

Автор представляет свою героиню как персонаж театральной драмы. Кроме того, Кристину, если следовать за Энглундом, режиссировала свою жизнь после отречения от престола, превратив ее в театральную постановку с собой в главной роли. Ее увлечение театром перешло в театрализацию собственного бытия: «Нетрудно усмотреть театральную жилку в натуре Кристины в ее слабости к преувеличениям, в ее склонности к драматическим сценам и в ее игре ролями»⁴⁰. Одновременно Энглунд отмечает театральную ментальность описываемого в книге времени⁴¹.

Значительное место в своем труде Петер Энглунд отводит рассмотрению выдающихся литературных способностей королевы Кристины, выразившихся в сочинении ею автобиографии, эссе, афоризмов, максимов (1 300) и других произведений. Автор отмечает ее роль в создании научных академий в Швеции и в Италии. Однако наибольшее внимание уделяется вкладу Кристины в развитие театра, ее неподдельному интересу к музыке (она сама училась пению, об-

³⁸ Ibid. S. 131.

³⁹ Ibid. S. 68.

⁴⁰ Ibid. S. 19.

⁴¹ Ibid. S. 120.

ладала приятным меццо-сопрано). В то же время в изобразительном искусстве она была не слишком искушена и принадлежала к числу собирателей-дилетантов⁴².

«Серебряная маска» П. Энглунда принадлежит перу историка, умеющего одновременно писать интересно, образно и научно. Он виртуозно владеет искусством рассказа, при этом никогда не покидает почву твердой, невымышленной исторической реальности, воссозданной на базе серьезного изучения разнообразных источников. Он всегда высказывает интересные суждения о важных проблемах, связанных с героями повествования и эпохой, в которой они жили.

К какому же из разделов исторической науки может быть отнесена книга П. Энглунда? На наш взгляд, она находится на стыке современной политической истории, освободившейся от идеографической самоограниченности и впитавшей достижения социальной истории, а также интеллектуальной истории, взявшей все лучшее от истории идей, между которыми сохраняются прозрачные границы.

Однако, как было отмечено выше, для оценки данного автора и его трудов недостаточно критериев только исторической науки. В случае с П. Энглуном необходимо вооружиться литературоведческим инструментарием.

Произведения Петера Энглунда, вне всяких сомнений, созданы ученым, умеющим, в силу своих природных дарований и высокого профессионализма, блестяще сочетать методы исторического исследования и приемы художественной литературы. Труды Энглунда являют собой классический пример междисциплинарного подхода в области гуманитарного знания.

⁴² Ibid. S. 163.

Л.Р. ХУТ

ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

Рецензируемая работа¹ представляет собой учебное пособие для студентов исторических факультетов, изучающих курс «Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки». Её автор, Андрей Борисович Соколов, — декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории Великобритании и российско-британских отношений, современной зарубежной историографии и теории обучения истории. Написать рецензию, не ограничивающуюся формализованным набором «достоинств и недостатков» данного труда, меня побудил текст, не типичный для изданий подобного рода. Текст, который приглашает к диалогу, потому что сам это пространство диалога создает: в каждой строчке слышны авторские интонации, нет назидательности и безапелляционности, а главное — видно уважительное отношение к студентам как к младшим, но все равно коллегам по «ремеслу».

Пособие включает введение, 12 глав и итоговый тест. Главы структурированы по «национально-хронологическому» (терминология автора. — *Л.Х.*) принципу. Введение и каждая глава снабжены библиографическими списками на русском и английском языках. Списки, как правило, составлены тщательно и добросовестно, с включением, в том числе, публикаций самого автора². Сильная сторона пособия — вопросы и задания к главам, «которые ориентированы не на простое воспроизведение прочитанного, а носят творческий характер, требуют внимательного прочтения текста, концен-

¹ *Соколов А.Б.* Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. Учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 242 с.

² *Соколов А.Б.* Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002; *Он же.* Интервью с Х. Уайтом // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2005. № 14; *Он же.* Интервью с Р. Козеллем // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2005. № 15; *Он же.* «Будущее немислимо без прошлого...». Интервью с профессором Й. Ролфсом // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007. № 3.

трирования на отдельных деталях, исторической интуиции» (С. 5), а также итоговый тест, на вопросы которого, при всей нелюбви к подобному рода способам проверки знаний, я отвечала с интересом.

Все мы хорошо помним, с каким «священным трепетом» перед необъятностью предлагаемого материала и его изначальной неумолимостью приступали в студенческие годы к изучению огромных учебных пособий по историографии нового и новейшего времени, созданных большими авторскими коллективами как бы специально для того, чтобы на всю жизнь привить выпускникам стойкую неприязнь к самому слову «историография». В этом смысле автор идет другим путем и скорее продолжает традицию историографических пособий, представленную хорошо известными в преподавательской среде работами И.Я. Биска³ и коллектива авторов в составе Л.П. Репиной, В.В. Зверевой и М.Ю. Парамоновой⁴.

Ненавязчивые ремарки, разбросанные по всему тексту, вводят читателя в круг проблем и терминологию современной исторической науки, анализируются ли «стратегии историописания» (С. 7), «источник как “след” прошлого» (С. 7) или речь идет об «образах прошлого» (С. 8), «истории снизу» (С. 91), «знаниевой парадигме» (С. 92). Буквально с первых страниц текста автор активно употребляет термин «дискурс» и производные от него слова и словосочетания, типа: «дискурсивные поля» (С. 4), «дискурсивный подход», «современный дискурс», «религиозный дискурс» (С. 6), «дискурсивный анализ» (С. 7), «историографический дискурс» (С. 38), «дискурс о слепоте» (С. 39), «дискурс о марксизме» (С. 57), «дискурс о колониализме» (С. 65), «колониальный дискурс» (С. 66), «идеологический дискурс» (95), «дискурсивный поворот» (С. 131), «соперничество дискурсов», «дискурс террора» (С. 181), «вид дискурсивной практики» (С. 187). Наиболее высокая частота использования термина и его производных, естественно на тех страницах пособия, где речь идет о М. Фуко: «дискурсивные рамки», «дискурсивная практика» (С. 175), «дискурсом, существующими правилами, контекстом» (С. 176), «дискурс о сексе», «дискурс о сексуальности», «фор-

³ Биск И.Я. История исторической мысли в новое время (Западная Европа: XVIII – 90-е годы XIX вв.): учеб. пособие. Иваново, 1983.

⁴ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М., 2004.

ма дискурса», «традиция дискурса», «религиозный дискурс», «медицинский дискурс» (С. 177) и т.д. Очевидна «неслучайность» этого словоупотребления, так как сам авторский текст дискурсивен изначально и по своей сути. Таким образом, термин «дискурс» в известном смысле является смыслообразующим ядром работы.

На страницах пособия взору читателя открывается настоящая «драма идей» (М.И. Бациер)⁵, какой, собственно, и является история исторической науки. Рассказывая о Ж. Бодене — крупнейшем представителе французской гуманистической историографии XVI в., автор не забывает упомянуть о том, что «он был одним из главных демонологов (гонителей ведьм) той эпохи», подчеркивая, что «в этом сказалось противоречивое влияние времени» (С. 19). Нельзя без трепета читать приводимые в пособии строки из воспоминаний дочери Н.И. Кареева о том, как уходил из жизни ее затравленный властью отец: «...он, уже в агонии, вдруг стал громко декламировать «Вакхическую песнь» А.С. Пушкина, начиная со слов «Ты солнце святое, гори!» и прочел ее до конца, закончив: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!». Это были его последние слова» (С. 207).

Приятно удивили вплетенные в канву текста не «затертые» цитаты из анализируемых сочинений историков — как правило, яркие и, как правило, к месту. Так, например, мы узнаем, что, по мнению Т.Б. Маколея, «Карл (речь идет об английском короле Карле I Стюарте. — Л. Х.) был не только самым бессовестным, но и самым талантливым притворщиком» (С. 43). А вот суждение Ж. Мишле о Марате: «Врач без больных, он принял Францию за больного и решил устроить ей кровопускание» (С. 45).

Многочисленны примеры сопряжения анализируемых текстов с контекстом, в котором они создавались: «В эпоху расцвета железнодорожного строительства Маркс называл революции «локомотивами истории» (С. 51). Или информация о том, что свою известную книгу «Американская политическая традиция и кто ее создал» (1948) Р. Хофстедтер «начал писать у постели смертельно больной жены, чем иногда объясняют ее тон и резкость оценок» (С. 134).

Автор актуализирует днем сегодняшним свои размышления о развитии историографии в предшествующие периоды. Так, характе-

⁵ Вопросы истории. 1994. № 1. С. 188.

ризуя творчество Дж. Вико, А.Б. Соколов приходит к выводу, что «для него (Дж. Вико. — Л.Х.) язык — не внешняя форма, в которую заключен «логос» (мышление), а фактор, определяющий мыслительные способности», и замечает в скобках, что «в этом ученый, кажется, предвосхитил теории XX века, приведшие к «лингвистическому повороту» (С. 23). Возникновение распространенной метафоры «внутреннего зрения», подразумевающей «особую способность историков видеть вглубь, улавливать такие движения, какие не могут быть заметны глазу простого смертного», и провозглашаемой «профессиональным качеством историка» (С. 40), автор связывает с творчеством одного из «великих слепых» — французского историка О. Тьерри и популярным «дискурсом о слепоте». Профессиональным историкам хорошо известно мощное влияние позитивистской парадигмы на историческую науку, в том числе в нашей стране. «Хотя позитивизм как фундамент исторических исследований подвергался все более нарастающей критике с начала XX века, а особенно с 1920–30-х гг., — отмечает по этому поводу А.Б. Соколов, — его и сейчас нельзя считать прошедшим этапом. Значительная часть историков и сегодня, осознанно или неосознанно, стоит на позитивистских позициях. Существует точка зрения: многие современные российские историки в условиях после падения советской марксистской идеологии стоят на позициях, которые можно определить как «смесь» марксизма и позитивизма». (С. 66).

По-новому посмотреть на основы ремесла побуждают будущих историков строки о том, что «в годы Французской революции Людовик XVI, в ожидании приговора, пытался найти утешение, перечитывая главы о Карле I из «Истории» Юма» (С. 23). Как захватывающий роман читаются страницы, повествующие о драмах жизни и судьбы известных историков, идет ли речь об О. Тьерри — «мученике науки» и, безусловно, ярчайшем представителе школы французских историков периода Реставрации, в ночь перед смертью продиктовавшем правку в одну из глав «Истории завоевания Англии» (С. 39), или о предсмертных словах историка кромвелевской революции С. Гардинера, что ему «не суждено дожить, чтобы увидеть кончину Оливера» (С. 79). А после авторской ремарки об «интереснейших мемуарах» прожившего «неординарную жизнь» (С. 35) Ф.Р. Шатобриана просто невозможно не прочитать «Замогильные

записки» яркого представителя французской консервативной историографии первой половины XIX в. Астрономический тираж «Монтайю» Э. Леруа Ладюри в 200 тыс. экз. упомянут как иллюстрация тезиса автора о том, что «труды профессиональных историков привлекают широкого читателя» (С. 174). Одновременно это ненавязчивый ориентир для чтения младшим коллегам — студентам.

Автор не упускает связь между академической историографией и практикой обучения истории: «обращение к вопросам преподавания истории помогает яснее оценить контекст, в котором происходило развитие историографии, ибо острота общественных дискуссий или государственное давление, как правило, сильнее, когда речь идет об обучении, особенно в школе» (С. 4-5). Складывание типа учебника, «ориентированного на то, что в наше время называют «знаниевой парадигмой», автор сопрягает с «влиянием методологии позитивизма» (С. 92). Господство позитивистской парадигмы в историческом образовании иллюстрируется словами героя романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена»: «Итак, все, чего я хочу, это факты. Учите этих мальчиков и девочек ничему другому, но только фактам. В жизни нужны только факты» (С. 67). Как диссонирует этот подход с пониманием роли знания и его функций в современном обществе! «Сократ полагал... что цель знания заключается в самопознании и саморазвитии; при этом результаты служат самому человеку. Оппонент Сократа, Протагор, утверждал, что цель знания — уметь сказать что нужно и как нужно... То, что мы теперь называем знанием, ежечасно доказывает свою значимость и проверяется на практике. Знание сегодня — это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов»⁶.

О тесной связи «между преобладающим направлением в исторических исследованиях и обучением истории в школах» (С. 105) мы узнаем в рубрике «Война учебников» главы, посвященной американской историографии первой половины XX в. О том, что «на философии Коллингвуда строится одна из современных методик школьного исторического образования, существующая в Англии и выражаемая принципом «делать историю» (С. 107), речь идет в главе

⁶ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 99.

по британской историографии первой половины XX в. «Поскольку в рамках такой парадигмы история не может «давать уроков», цель преподавания истории в школе видится в том, чтобы поставить учащегося в положение «маленького исследователя», который создает на основе использования источников, представленных в доступной форме, свою интерпретацию исторического события. Такой подход направлен не на запоминание фактов, а на развитие навыков исторического мышления, которое по своей сути является критическим. Цель школьного исторического образования, следовательно, заключается в развитии критического мышления, которое необходимо любому гражданину в демократическом обществе». (С. 110). В главе по американской историографии второй половины XX – начала XXI вв. есть рубрика «Обучение истории в школе: споры 90-х гг.». Раздел «Историография и школьная история» в главе «Британская историография во второй половине XX — начале XXI века» завершается знаковым выводом автора о том, что «споры о соотношении знаний (фактов) и умений имеют не только политико-идеологическую, но и методологическую и историографическую основу. Они проецируются на самый актуальный в современной методологии истории вопрос: существует ли реальная история» (С. 171).

В учебном пособии характеризуются исторические воззрения и вклад в науку представителей новейшей зарубежной историографии, либо вообще не упомянутых (Л. Хант, С. Шама, Э. Валлерстайн, П. Генифе, Ж. Ревель), либо упомянутых вскользь (К. Гинзбург, Р. Дарттон, Н. З. Дэвис, Х. Уайт, Р. Шартье) в известном учебном пособии московских авторов⁷. Между тем, любой профессионал скажет, что речь идет о блистательной когорте историков мирового уровня, чьи имена не просто на слуху, а сопрягаются с эпохальными поворотами в историографии и новыми исследовательскими направлениями. Кроме того, автор включил в текст отрывки из интервью, взятых им в свое время у Х. Уайта и Р. Козеллека. Это усиливает «эффект присутствия» и позволяет студентам постоять у «верстака» историка, по образному выражению А.Я. Гуревича, получить возможность постижения основ «ремесла» из первых рук.

⁷ Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие / Под ред. проф. И.П. Дементьева, проф. А.И. Патрушева. М., 2007.

Внимательное чтение, доставившее массу положительных эмоций, породило некоторые вопросы и соображения, которыми хотелось бы поделиться. Так как «в пособии рассмотрено развитие исторической мысли от эпохи Возрождения» и «наиболее известные труды по проблемам истории нового и новейшего времени стран Западной Европы и Америки» (С. 2) (в том числе — российская историография), представляется, что название пособия должно было быть несколько иным: «Введение в историографию *истории* нового и новейшего времени стран Западной Европы и США». Иначе получается, что речь идет только о западной традиции в осмыслении собственной истории в новое и новейшее время.

В самом начале автор предлагает «договориться об употреблении некоторых терминов» (С. 5) и далее ведет речь об отличиях понятий «течение», «направление», «школа» в историографии. Спору нет, это необходимо, но имело бы смысл в самом начале предложить студентам и определение термина «дискурс», одного из маркеров языка современного историописания. Между тем, автор ограничился лишь тем, что, говоря об «историографическом дискурсе о Французской революции» (С. 38), разъяснил в сноске, что «применение понятия «дискурс» в этом контексте уместно, т.к. «правила» обсуждения темы Французской революции вытекали из политической борьбы периода Реставрации». Много позже, в контексте разговора о постмодернизме в американской историографии, автор пишет, выделяя упомянутый термин курсивом: «Нет никаких абсолютных истин или понятий — все они возникли в том или ином *дискурсе*. Понятие дискурса стало одним из ведущих в постмодернизме. Обстоятельства и правила, а не разум и воля участников определяют обсуждение любых вопросов. Дискурсивный подход предполагает, что свободное манипулирование любого рода понятиями невозможно; в различных дискурсах одно и то же понятие может иметь разный смысл» (С. 131). Но вопрос, что же такое дискурс, все равно остается.

Не совсем, на мой взгляд, понятно выделение в отдельную главу темы «Марксизм и историография (середина XIX — начало XX вв.» (С. 50-64), в то время как предшествующая глава посвящена историографии первой половины XIX в., а последующая — историографии второй половины XIX — начала XX вв. Автора нельзя упрекнуть в предвзятом или некритическом отношении к марксизму. На-

против, все очень взвешенно и сбалансированно. Так, он пишет: «И через много лет после написания «Капитала» многие выдающиеся историки, придерживающиеся взгляда на историю с позиций глобализма, такие, как Ф. Бродель или Э. Валлерстайн, подчеркивали значимость марксовской истории капитализма» (С. 54). Тогда что это — признание особого значения марксизма в истории исторической мысли или, напротив, его «невписывание» в историографические концепты эпохи, в которую он возник и получил свое развитие?

Автор как бы размышляет вслух, что позволяет читателю быть «участником процесса». В то же время «оброненные» по ходу изложения материала, но недостаточно проясненные мысли (С. 15, 66, 87, 93, 231), оставляют вопросы, на которые хотелось бы получить ответ. Например, что стоит за фразой автора о том, что «в русле общей концепции научной революции труды историков-гуманистов рассматривались как разрыв с прошлой историографией. Концепция научной революции оспаривается, однако, рядом современных ученых под влиянием постмодернизма» (С. 15)? Или, допустим, почему Шпенглер называл деление на древний мир, средние века и новое время «невероятно скудной и лишенной смысла схемой» (С. 93)?

В некоторых случаях представляется более уместным включение в библиографические списки более поздних переизданий, в том числе самого недавнего времени, ставших библиографической редкостью работ Ф. Гизо, А. Токвиля, И. Тэна, Т. Карлейля, Г. Бокля, А. Матъеза и других историков XIX – начала XX вв.

Характеристика «Государя» Н. Макиавелли (С. 17, 18) мне показалась несколько однобокой. Ведь, помимо всего прочего, этот труд называли «Марсельезой» XVI столетия⁸, достаточно вспомнить венчающую его главу XXVI «Воззвание об овладении Италией и освобождении ее из рук варваров». Упоминание свободы совести как одного из основополагающих требований левеллеров (С. 20) следовало, на мой взгляд, сопроводить комментарием, что речь идет о «свободе» в рамках протестантизма.

Неудачна, на мой взгляд, цитата из Э. Бернштейна, в которой проводятся необоснованные параллели между партиями и их лиде-

⁸ Темнов Е.И. Макиавелли — политический писатель // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 30.

рами в двух европейских революциях — Английской и Французской (жирондисты — пресвитериане, якобинцы или монтаньяры — индипенденты, эбертисты и бабувисты — левеллеры) (С. 57). Хотя ее дезавуирует авторский комментарий о том, что «на уровне современных представлений о революции в Англии такой тезис трудно принять» (С. 57), цитата все равно врезается в память. Тем более, когда речь идет о том, что, по мнению Э. Бернштейна, «Кромвель был ее (Английской революции. — Л.Х.) Робеспьером и Бонапартом в одном лице, Маратом и Эбером был левеллер Джон Лильберн» (С. 57). Не лучше ли было ее вообще исключить? Так же и следующая цитата об истинных левеллерах (диггерах) как представителях «исключительно пролетарских интересов» (С. 57).

Анализируя творчество французского историка А. Токвиля, родоначальника теории континуитета в историографии Французской революции, А.Б. Соколов пишет, что, «рассматривая революцию как закономерное событие, Токвиль не считал ее неизбежной или необходимой — именно это и позволяет отнести его к консервативной историографии» (С. 72). Не заключено ли в этом утверждении некоторое упрощение воззрений оригинального французского мыслителя, автора не только «Старого порядка и революции», но и «Демократии в Америке»? Возможно, правильнее сказать — «праволиберальный» или «умеренно-либеральный»?

А.Б. Соколов называет Ж. Жореса «одним из первых историков-робеспьеристов (пользуясь предложенным М. Блоком делением на робеспьеристов и антиробеспьеристов)» (С. 59). В другом месте, характеризуя французскую историографию первой половины XX в., автор пишет: «В том числе и взглядами Матьеза были навеяны строчки в главе “Не судить, а понимать” в “Апологии истории” М. Блока, призывавшего “робеспьеристов” и “антиробеспьеристов” остановиться: “Так ли уж важно, каким был Робеспьер?”» (С. 121). Тут не совсем правильно расставлены акценты и есть неточности в цитировании. М. Блок в своей работе «Апология истории, или Ремесло историка», в параграфе первом «Судить или понимать?» главы четвертой «Исторический анализ», говорит об этом делении как затуманивающим суть проблемы, а не помогающем раскрыть драму 1793 г.: «...история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой

неточной из всех наук — бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями. Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, бога ради, попросту, каким был Робеспьер?!»⁹ Тут к месту, на мой взгляд, были бы две знаковых цитаты из «робеспьериста» Ж. Жореса. «Да, — писал автор «Социалистической истории Французской революции», — в нем уживались священник и фанатик, у него была невыносимая претензия на непогрешимость, гордыня ограниченной добродетели, тираническая привычка обо всем судить по мере собственного разума, и даже в своих личных страданиях — чудовищная сердечная черствость человека, одержимого идеей и в конце концов начинающего отождествлять себя самого со своей верой, интересы своего честолюбия — с интересами общего дела...». И в то же время: «Здесь, под жарким солнцем июня 1793 года, подогревающим вашу жестокую борьбу, я на стороне Робеспьера и в Якобинском клубе сяду на скамью рядом с ним»¹⁰.

По словам автора, «одним из обоснований изоляционизма была идея американской исключительности, сформировавшаяся в начале XX века и господствовавшая в историографии США в течение нескольких десятилетий» (С. 98). Формирование концепции американской исключительности началось с появления первых пуритан на восточно-атлантическом побережье Северной Америки. Недаром она стала одним из идейных обоснований американской экспансии еще в XIX в. Другое дело, что за время своего существования концепция получала то религиозное, то политическое обоснование¹¹.

Характеризуя современную американскую историографию (С. 128), автор упоминает о деятельности Американской исторической ассоциации (АИА), которая существует «более ста лет», а между тем, разговор об американской историографии начинается лишь в главе «Американская историография в первой половине XX века», в

⁹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. второе, доп. М., 1986. С. 80.

¹⁰ Цит. по: Галло М. Открытое письмо Максимилиану Робеспьеру о новых щеголях. Фрагменты книги // Иностранная литература. 1989. № 7. С. 190.

¹¹ См.: Дементьев И.П. Теория «американской исключительности» в исторической мысли США // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 81-102; Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура. М., 1993.

первых строках которой говорится, что «конец XIX – начало XX веков — время становления национальной историографии США» (С. 98). А где тогда «ранняя школа» в американской историографии и ее яркий представитель Дж. Бэнкрофт? И разве на пустом месте возникла в 1884 г. Американская историческая ассоциация?

Говоря о том, какое место в отечественном англоведении занял Н.А. Ерофеев, автор указывает, что, «как считают многие, лучшей книгой об Англии, написанной в СССР, стала последняя монография этого историка «Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1850 гг.» (1982)» (С. 220). Однако хронологические рамки этой книги очерчены конкретными событиями 1825 и 1853 гг. Причем «хронологический отрезок — от восстания декабристов до Крымской войны — избран не случайно. За эти три десятилетия отношения между обеими странами претерпели значительную эволюцию и из довольно дружественных превратились во враждебные»¹².

В качестве пожелания на будущее (ибо трудно представить, что столь ценное издание, востребованное в практике преподавания курса зарубежной историографии, не будет переиздаваться) от «заинтересованного» читателя позволю себе напомнить о желательности именного указателя, который только украсит пособие и станет хорошим «лоцманом» для студентов.

Сегодня много говорят об актуальности в современных условиях возвращения таких понятий, как «диалог», «гуманитарный», «гуманизация», «гуманистический», в их исторические контексты, о необходимости гуманитаризации современной системы образования. На мой взгляд, речь, прежде всего, идет о привитии обучаемым диалогического мышления, умения и способности слушать и слышать Другого в нашем взаимосвязанном и взаимозависимом мире. Но одно дело — говорить о диалогическом мышлении как о желательной перспективе, а другое — вносить конкретный вклад в процесс его формирования. Так как это сделал в своем учебном пособии педагог и историк по призванию — Андрей Борисович Соколов.

¹² *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М., 1982. С. 5.

Н.Ю. СТАРКОВА

А. ВОЛКОВ И СПАРТА

(В ТРАДИЦИЯХ ЖЕНСКОГО ДЕТЕКТИВА)

Несмотря на обилие и даже изобилие исторической печатной продукции последних 10-15 лет, появление каждого нового труда по истории древнего мира — до сих пор явление незаурядное. Специалисты с нетерпением ожидают новинок, обсуждают между собой планы издательств и готовящиеся к публикации исследования.

Историков, специализирующихся на изучении истории древней Спарты, в настоящее время в российской исторической науке не так много. Мы поддерживаем, по возможности, профессиональные и личные связи, участвуя в совместных исследовательских и образовательных проектах. Неожиданностью для всех стало появление в 2005 г. книги Александра Волкова «Спарта. Со щитом и на щите», опубликованной издательским домом «Вече» в серии «Таинственные места Земли». В аннотации подчеркивается, что очередная книга из этой серии знакомит читателей с народом и историей Древней Спарты. Ни слова об авторе, о жанре сочинения (научный, научно-популярный, популярный или еще какой-то...).

Первое впечатление — написано живо, спартанский материал интересен, текст сопровождают цитаты из сочинений античных авторов (с неизменным указателем авторства перевода). По ходу изложения приводятся фотографии пейзажей, остатков памятников истории и культуры, различных археологических артефактов.

Чтение увлекло, но в подсознании все время оставалась мысль — кто этот автор и как он это сделал? И вдруг (почти на уровне интуиции) пришла догадка — вот это мне где-то встречалось... Пришлось достать из архива собственноручный перевод монографии немецкого историка Карла Вебера, выполненный при подготовке кандидатской диссертации «Мессенские войны и их роль в становлении и развитии спартанского полиса»¹. В те далекие годы

¹ Работа выполнена под руководством д.и.н., проф. В.М. Строгоцкого и защищена в МГУ в 1994 г.

книга, посвященная феномену спартанского менталитета воспринималась особенно свежо. А. Волкову этот автор тоже известен, он даже на него сослался два раза на 350 страницах книги, подчеркнув, например, что «немецкий историк Карл Вебер, пытаясь дать читателю наглядное представление об атмосфере, царившей в Греции в последующие полвека после победы над персами, удачно сравнил это время (478–431 гг. до н.э.) с хорошо знакомым периодом истории — «холодной войной» между СССР и Западом»².

То, что представляется читателю далее — в общем-то материал для самостоятельной работы с текстом, причем искренне прошу прощения за несовершенный перевод монографии К. Вебера³.

В разделе книги А. Волкова «Терпандр и первые греческие хоры» упоминается, что в VII в. до н.э., по оценке искусствоведов, ни в одном из государств, возникших на территории европейской Греции, искусство — прежде всего музыка и поэзия — не достигают такого высокого уровня развития, как в Спарте⁴.

По мнению автора, пожалуй, самым знаменитым поэтом и музыкантом Спарты был Терпандр, уроженец острова Лесбос, лежавшего у берегов Малой Азии. Между 676 и 673 гг. до н.э. Терпандр занимает первое место на празднике в честь Аполлона Карнейского. Он основал в Спарте первую музыкальную школу. Его многочисленные ученики старательно учились играть на флейте и кифаре. Флейта похожа на кларнет, кифара задавала такт исполнению. Первоначально у кифары было четыре струны; по преданию,

Weber S. 46: Спарта была в VIII и VII столетиях одним из известных центров проведения музыкальных и поэтических состязаний, такого образа жизни, который находил воплощение в танцах и музыке.

Weber S. 47: Среди других знаменитостей в Спарте находился Терпандр с острова Лесбос, лежащего вблизи от малоазийского берега. Между 675 и 673 гг. до н.э. на празднике Аполлона Карнейского он получил первый приз за участие в музыкальном состязании. Терпандр основал в Спарте музыкальную школу, в которой обучал игре на флейте и лире. Он усовершенствовал музыкальный инструмент, и теперь звучала полная октава.

² См.: Волков А.В. Спарта. Со щитом и на щите. М.: Вече, 2005. С. 262.

³ Weber K. Der Spartaner. Enthüllung einer Legende. Dusseldorf-Wien, 1978.

⁴ См.: Волков А. Указ. соч. С. 31.

Терпандр добавил к ним еще три⁵. А. Волков подчеркнул, что в школе Терпандра занимались не только музыкой, но и хоровой лирикой. С легкой руки Терпандра хоры — и женские, и мужские — стали украшением Спарты. В состав хора входило от 7 до 50 чел. — как мужчины, так и девушки⁶.

Другим известным архаическим поэтом был Алкман, который тоже родился далеко за пределами Спарты. Если верить античным авторам, он происходил из Сард, что в Лидии — местности в Малой Азии. Алкман родился в неволе, но хозяин, восхищенный музыкальным талантом раба, отпустил его на свободу.

Его поэзия — зеркало, в котором отразилось спартанское общество в канун больших потрясений. Еще делятся пиры, еще празднично поют струны, еще поэты зовут не на бой, а на забавы, еще в Спарте весна, и пока не грянул гром...⁷

Автор оценил артефакты архаического периода: «В ранней Спарте была популярна и расписная керамика. Ее образцы свидетельствуют о веселом, жизнерадостном нраве спартанцев. Изделия из керамики лишь немногим уступают произведениям коринфских и афинских мастеров того времени. Здесь найдены уникальные терракотовые маски, предметы из бронзы, золо-

Weber S. 48.: Не только инструментальной музыке обучали в школе Терпандра в Спарте появилась и хоровая лирика. В таких хорах пело от 7 до 50 участников. Это были мужчины преимущественно старших возрастных классов и молодые девушки.

Weber S. 50-51: Алкман тоже родился не в Спарте. Возможно, это был раб, которому его господин дал свободу за его музыкальную одаренность.

Его поэзия — зеркало жизни в ранней Спарте. Со своей кифарой он воспел красоту окружающего мира. Но на переднем плане все же любовь, которая встречается в стихах в бесконечных вариациях. Творчество Алкмана — высший пункт развития архаической культуры Спарты, которую называли «город прекрасных хоров»...

Weber S. 57: Расписная керамика архаического времени способствовала радости жизни городских жителей. Здесь сцены охоты, они очень реалистичны.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же. С. 35.

та, слоновой кости, янтаря... Любимым мотивом художников была охота. Мы видим, как охотники преследуют вепрей, зайцев и других животных или возвращаются домой с богатой добычей. Сцены охоты-ее превратности, изображения бегущих животных — переданы очень реалистично»⁸.

А. Волков упоминает о том, что другая популярная тема вазописии — пиры. Столы непременно ломятся от яств. Рядом с пирующими сидят обнаженные женщины — гетеры. Да, в ранней Спарте знали толк в жизни. Как отмечают критики, сюжеты лаконской вазовой живописи весьма близки по духу поэзии Алкмана. В ранней Спарте гетер уважали — как музыкантов, которые игрой на флейте возбуждали аппетит у пирующих...

Продолжается описание лаконской керамики, для которой популярны были и мифологические сюжеты, например сцены из жизни Прометея или приключения Одиссея. Вообще же любимый герой спартанцев — Геракл. Сражается ли он с кентаврами, восходит ли на Олимп, любой эпизод его жизни становится предметом изображения¹⁰.

Был популярен и иной стиль — часто встречаются изображения животных: собак, лошадей, коз, кабанов, львов, ящериц, птиц, а также обезьян — с ними спартан-

Weber S. 58: Другие сцены представляют отдых спартанских господ. Это пиры с полными яствами. Ведь еще Алкман в своих стихах восхвалял хорошую пищу как важную жизненную ценность. На пирах рядом с господами куртизанки. Эти лаконские гетеры не были обычными проститутками, с которыми поддерживались лишь сексуальные отношения. Они исполняли стихи, пели под аккомпанемент лиры...

Weber S. 59: Наряду со сценами из повседневной жизни в Спарте на керамике встречаются и мифологические темы. Прежде всего это Геракл, отец Гераклидов и другие сюжеты об этом герое.

Weber S. 60: Само собой разумеется, что встречается «звериный стиль» (лошади, козы, собаки, львы, птицы и т.д.). Благодаря торговле с североафриканской Киреной спартанцы

⁸ Там же. С. 39-42.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Там же.

цы познакомились, торгуя с купцами из североафриканской Кирены. В то время жители Спарты вели оживленную торговлю также с городами Малой Азии, Ближнего Востока и Египта. Мебель и другие предметы, изображенные на лаконских вазах, напоминают те, что изготавливались в Ионии. В свою очередь, продукцию спартанских гончаров археологи обнаруживают при раскопках в Азии, Северной Африке, Центральной Европе¹¹.

Образ жизни спартанцев привлек внимание А. Волкова, так как в то время богатые спартанцы, пройдет еще несколько лет, и это будет немислимо, — владели кораблями, на которых доставляли свои товары в разные уголки Средиземноморья, а некоторые не гнушались даже пиратством. Сама же Артемида Орфия считалась покровительницей моряков¹².

Много внимания уделено истории раннего Олимпийского движения. В частности, А. Волков пишет, что жители Спарты рано начали принимать участие в Олимпийских играх. Их делегация почти всегда была самой многочисленной. Уже в 720 г. до н.э. победу на играх впервые празднует спартанский атлет. В 708 г. Лампис и Эврибат первенствовали в пятиборье и борьбе. Обе дисциплины тогда были только включены в программу Олимпийских игр. Пятиборье, или пентатлон, можно по

познакомились с обезьяной, и это тоже излюбленный мотив. Многие сосуды и вазы выполнены в типично восточном стиле, мебель и другие изображенные предметы показывают ионийское влияние. Спарта вела оживленную торговлю с Малой Азией и Передним Востоком. Нет сомнения в том, что в Северной Африке и Центральной Европе встречается продукция спартанского производства.

Weber S. 60: То, что станет невозможным позднее, имелось теперь. Богатые спартиаты снаряжали корабли. Алкман поведал о многочисленных стелах у храма Артемиды для защиты моряков.

Weber S. 62-63: Спарта стояла у самого истока Олимпийских игр. Первая спартанская победа — 720 г. до н.э. Атлеты осваивали все большее количество дисциплин. В 708 г. до н.э. Лампис и Эврибат успешно выступили в Пятиборье и на ринге. Обе дисциплины были новыми в Олимпийской программе, пентатлон считался труднейшим упражнением, таким же как в современных играх десятиборье — король атлетики.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Там же.

праву назвать самой сложной олимпийской дисциплиной, сравнимой с десятиборье в современной легкой атлетике¹³.

Делегация Спарты была так влиятельна, что могла диктовать волю другим атлетам, внося изменения в правила состязаний и регламент их проведения. В дни Олимпийских игр спартанцы диктовали свою волю даже в вопросах моды. Именно они первыми стали заниматься спортом не в набедренной повязке, а полностью нагими. Их соперники на первых порах смеялись над новой модой, но потом стали подражать спартанцам¹⁴.

А. Волков обратил внимание и на особенности спартанского полиса. Для остального греческого мира спартанская апелла (народное собрание) выглядела молчаливо-покорной толпой. Современные исследователи любят сравнивать собрание спартиатов с гитлеровским рейхстагом или Верховным Советом СССР, где все предлагаемые вождями решения также принимались единогласно. Свободное волеизъявление спартиатов было, как правило, такой же фикцией, как и право на выбор у советских депутатов или членов рейхстага¹⁵.

По поводу царей сказано: В VI в. до н.э. спартанские цари оказались под неусыпным наблюдением эфоров — строгих хранителей законов. Они стали сопровождать царей

Weber S. 65-66.: Руководитель спартанской делегации имел преимущества при учреждении правил соревнований, изменении регламента. Философ Платон в диалоге «Государство» написал, что спартанцы первыми предстали на олимпиаде обнаженными.

(Weber S. 187-188: Официально спартанское народное собрание выполняло двойные функции — совета общины города Спарты и государства Лакедемон одновременно. Герузия имела право вето. Иные исследователи поэтому сравнивают апеллу с рейхстагом времен гитлеровской диктатуры и парламентами социалистических стран. Во всех этих случаях «суверенная власть» — это просто фасад, за которым скрывается маленькая клика законодателей.

Weber S. 191: Эфоры становятся антиподами царей. Все свидетельствует о том, что спартанские цари даже в сражениях контролировались эфорами. Два из пяти со-

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 122.

даже на войне. Один английский историк сравнил эфоров с комиссарами, в свое время следившими в Красной Армии за каждым действием командиров¹⁶.

проводжали царей в походе. Один английский историк назвал их политическими комиссарами, которые следили за командирами в Красной Армии.

На этом сравнительно-текстологические упражнения можно и завершить, поскольку это все равно будет не точка, а многоточие...

Таким образом, напрашивается предварительный ответ на вопрос о том, как наш автор сделал книгу о Спарте. Но все дело в том, что это был бы слишком простой и поспешный вывод.

Не только на Карла Вебера опирался А. Волков, создавая свой образ античной Спарты. Дело в том, что автор ссылается по тексту на многочисленных предшественников, выказывая поразительную для неспециалиста эрудицию. И ссылается практически на *каждой* странице, правда без указания выходных данных, а зачастую и названий самих специальных исследований (и без страниц тоже).

Метод А. Волкова тоже достаточно оригинален — выбор наиболее ярких, подчас парадоксальных выводов и мнений корифеев мирового антиковедения. Список цитируемых авторов впечатляет.

На первом месте, естественно (для автора, владеющего немецким) — немцы. Среди них — отцы-основатели классического немецкого антиковедения XVIII–XIX вв.: Иоганн Иоахим Винкельманн, Карл Отфрид Мюллер, Ульрих фон Вилламовиц-Меллендорф¹⁷.

Неоднократно привлекаются в качестве своеобразных «экспертов» знатоки античной истории рубежа XIX–XX вв.: Эрнст Курциус, Георг Бузольт, Карл Юлиус Белох, Роберт фон Пельман, Ганс Дельбрюк, Эдуард Мейер и Ульрих Каршtedт¹⁸. К примеру, упоминается, что Э. Мейер, У. Каршtedт и В. Буркерт рассматривали илотию как форму крепостной зависимости¹⁹. Э. Курциус, будучи воспитателем наследника немецкого престола, не мог подробно не рассуждать об особенностях спартанского воспитания²⁰.

¹⁶ Там же. С. 131.

¹⁷ О них подробнее: *Старкова Н.Ю.* Притяжение древней Спарты: Учебное пособие по курсу «Источниковедение и историография античности». Ч. 2. Ижевск, 2002. С. 9-15.

¹⁸ Там же. С. 17-22.

¹⁹ См.: *Волков А.* Спарта... С. 145.

²⁰ Там же. С. 160.

В 1930–40-е гг. спартанская тематика была излюбленной для историков Германии, о чем упоминает А. Волков. К примеру, Хельмут Берве назван «одним из корифеев исторической науки в Третьем Рейхе»²¹. Нацистский историк Людвиг Энглерт, человек идеологически подкованный, писал о взглядах Платона и Аристотеля на Спарту: «Государство» Платона и «Майн Кампф» Адольфа Гитлера должны стать настольными трудами для любого немецкого педагога»²². Симпатизировал официальной идеологии и знаменитый исследователь модели античного воспитания Вернер Йегер, который остроумно заметил, что стихи Тиртея стали Библией для спартанцев²³.

В годы господства национал-социализма эмигрировал из Германии Виктор Эренберг, чье имя специалисты по праву относят как к немецко-, так и к англоязычной историографии. По ходу изложения на работы этого историка А. Волков ссылается неоднократно, упоминая его оценки Спарты как «псевдогорода», превращения союзников афинян в их подданных в рамках Афинской архэ, давая характеристику тирану Набису как не-коммунисту²⁴.

Во второй половине XX в. знатоками античной истории, включая спартанскую, были Херманн Бенгтсон и Дитлеф Лотце, а из самых современных работ упоминаются публикации Эрнста Балтруша, Изольды Курц, Биргитты Эдер и ряда археологов-классиков²⁵.

А. Волков опирается в своих очерках истории спартанского государства и на исследования антиковедов из других стран. По хронологии — это классики жанра французы Анри Валлон (исследование проблем античного рабства) и Фюстель де Куланж (исследование специфики античной гражданской общины).

Естественно, что не могли быть оставлены без внимания оригинальные трактовки одного из основателей цивилизационного подхода к истории, Арнольда Тойнби²⁶. А. Волкову известно место спартанского «космоса» в оригинальной типологии цивилизаций. Он приводит конкретно-исторический материал из трудов Тойнби, на-

²¹ Там же. С. 111.

²² Там же. С. 113.

²³ Там же. С. 169.

²⁴ Там же. С. 19, 264, 341.

²⁵ Там же. С. 44, 53, 62, 72.

²⁶ Там же. С. 71, 88, 160.

пример, в случае с оценкой последствий Второй Мессенской войны, которая «была одной из тех войн, в которых железо сковывает души тех, кто выжил»²⁷. А. Волков учитывает мнение Тойнби, как весьма авторитетное, еще неоднократно. Также в контексте культурологических подходов он ссылается и на выводы Андрэ Боннара.

Естественно, что в чести у специалистов (и у А. Волкова тоже) исследования англичан К. Краймс и Г. Мичелла (1950–60-е гг.)²⁸. К. Краймс в 1949 г. опубликовала обобщающий труд о Спарте, в котором отнесла государство к обществам феодального типа. Интригующий вывод был сделан английским историком об источниках, посвященных Второй Мессенской войне. Она написала, что «эпос Риана больше похож на роман с приключениями, разбойниками и любовными интригами, чем на историческую хронику»²⁹.

Упоминаются работы историков-классиков Е. Тигерштедта (Спарта как особый «космос») и М. Финли: «Покоренные мессенцы внушали страх как потенциальные мятежники», — писал Мозес Финли³⁰. По его же словам, вздумай афиняне отказаться от использования рабской силы, они бы жили в бедности³¹.

В 1970-е годы часть историков начала отдавать приоритет данным археологии перед письменной традицией. Среди «пионеров» гиперкритического подхода прошлого века — американец Честер Старр³². И его мнение приводит А. Волков, упомянув, что некоторые ученые считают предание о Мессенских войнах полностью легендарным, как, к примеру, американский историк Честер Старр³³.

Довольно большая группа работ зарубежных историков, изученная А. Волковым, посвящена феномену спартанской илотии. Так, упоминаются концепции П. Картледжа, Ж. Дюка, И. Гарлана³⁴. Среди пестрой мозаики мнений о Спарте и ее специфике автор исполь-

²⁷ Там же. С. 88.

²⁸ См. подробнее: *Старкова Н.Ю.* Притяжение... С. 39-41.

²⁹ См.: *Волков А.* Спарта... С. 87.

³⁰ Там же. С. 66.

³¹ Там же. С. 143.

³² См.: *Старкова Н.Ю.* Притяжение древней Спарты... С. 60.

³³ См.: *Волков А.* Спарта... С. 65.

³⁴ Там же. С. 145-148.

зовал и почти экзотические работы, как в случае с мексиканским исследователем М. Ласи в связи с реформами Агиса и Клеомена³⁵.

Остается вспомнить вслед за А. Волковым работы наших соотечественников — специалистов по античности вообще, и по Спарте в частности. Разброс их довольно широк как по хронологии появления (от В.Г. Васильевского до Л.Г. Печатновой), так и по специфике жанров: от художественной литературы о Мессенских войнах (Л.Ф. Воронкова) до обобщающих монографий Э.Д. Фролова, С.Г. Карпока и Л.П. Маринович. Безусловным авторитетом для А. Волкова стали работы Ю.В. Андреева о Спарте, что не может не вызывать искреннего уважения³⁶. Кроме того, автор использовал неспецифические для спартановедения исследования, включая труды социолога Питирима Сорокина, востоковеда И.М. Дьяконова и др.

Вот на таком основательном фундаменте А. Волков создал свой образ Спарты, «со щитом и на щите», который вышел весьма запоминающимся и притягательным, а учитывая микроскопические тиражи научных монографий, еще и более доступным для массового читателя. Естественное любопытство заставило поинтересоваться — нет ли на счету автора еще каких-либо исторических открытий. Как оказалось, за один год до появления «Спарты» автор опубликовал сразу три монографии о древневосточных цивилизациях все в том же издательстве³⁷. Безусловная польза от популяризации древней истории даже не обсуждается, здесь и так все ясно. Но вот тень древней Спарты не дает покоя с профессиональной точки зрения.

Таким образом, в результате небольшого частного расследования и был получен окончательный ответ на поставленный вопрос о том, как А. Волков написал собственную работу о Спарте. Для этого им был проделан весьма длительный и трудоемкий путь... И если бы в книге А. Волкова имелись ссылки на Карла Вебера...

³⁵ Там же. С. 335.

³⁶ На работы Ю.В. Андреева имеется более десятка ссылок. См.: *Волков А. Спарта...* С. 44, 70, 90, 140, 145, 149 и т.д.

³⁷ См.: *Волков А. Загадки Финикии*. М.: Вече, 2004; *Он же. Карфаген*. М.: Вече, 2004; *Он же. Хетты*. М.: Вече, 2004.

SUMMARIES

WRZOSEK W. Classical historiography as bearer of national (nationalist) idea

The author analyses the role of the mechanisms of collective consciousness and its deeply rooted stereotypes in defining the spontaneous anthropomorphic features of social groups. The former could not be verified or falsified; they are protected by axiological cover and are interpreted by historians as an object of metaphysical speculations. The latter have ethnic character, and attempts to overcome them are illusory.

TORSTENDAHL R. The return of Historicismus?

Neo-institutionalism and historical turn in social sciences

The author compares the classical German *Historismus* of the 19th c. with contemporary neo-institutionalism that studies ways through which traditional social institutions accumulate historical experience and use it to control the behavior of their contemporaries. The notions of collective learning and path dependence are analyzed.

TROITSKY JU.L. Historical comparative studies: epistemology and discourse

The author deals with the principles of choosing objects for comparative analysis, its epistemology and narrative modes. He studies the forms of prerequisite knowledge, and the epistemological dilemma of reading in and reading out. The author stresses the danger of symmetry and identity that could arise in the process of comparing. He singles out and evaluates naïve comparisons, as well as the positive and negative sides of the use of theoretical (comprehensive) model.

SOMOV V.A. The use of historical-psychological method in studying work motivation

The author analyses epistemological basis of studying historical motivations for work as human need that is being realized in the activity of separate individuals. He uses method of empathy and demonstrates those types of behavior that were condemned or accepted by the society at different times.

MEGILL ALLAN. Borders and the Nation-State: a Preliminary Communication

The author traces the emergency of modern frontiers' status and makes a distinction between modern and pre-modern frontiers. He opposes linear frontiers to frontiers between two zones (including the zones of dominance and its absence). Examples are — the American frontier, the problems of Alsace and Lorraine. The author emphasizes the need to take into consideration the role of the war between France and Prussia as well as of the French Revolution.

SOKOLOV P.V. 'Fragile authority of dialectics': Roger Bacon against Paris Averroists

The article is based on the analysis of the 'Opus Majus' by Roger Bacon and focused on the Franciscan's arguments used in his polemic against the formal logical discourse typical for scholastic disputations. Experience was not understood so much as a result of perceptions but rather it was personal spiritual experience combined with the experience of the divinely inspired Apostles.

SOFRONOVA L.V. The 'Convocation Sermon' by J. Colet: Reform, Reformation, Christian Renaissance

The author investigates the "Convocation Sermon" as the major source for understanding of peculiarities of the religious thinking of the English Renaissance. The recognition of the exclusive social position of clergy as an intermediary between the God and the people; the ascertaining of the discrepancy between the secular oriented clergy and its spiritual mission; an appeal for the Church' return to the missing ascetical and apostolic ideal, and strongly pronounced evangelism — those were the most inherent features in the ecclesiology of J. Colet.

SEREGINA A.YU. English translations of Catholic works in the late 16th – early 17th cc.

The article studies the publications of English translations of Catholic religious texts in 1559–1640. The author analyses the dynamics of publications, languages of original editions, genres of the texts as well as the groups of people connected with the translations — translators, publishers and patrons. The role of books in shaping and functioning of the English Catholic community is shown.

KOZHEVNIKOV V.A. 'Not like the invention of Boyan', or how 'God shows the path' to Prince Igor: the problem of the main idea in the 'Tale of Igor's Campaign'

The author presents a detailed textual analysis of the famous Russian epic poem of the 12th c. and called in question the traditional interpretation of it. In the author's opinion, the "Tale" was not a political appeal to Russian audience and does not call Russian principalities to unite in the face of common enemy but it was a moral treatise that tells one of the danger of personal ambitions and passions that lead one to catastrophe.

VISHLENKOVA E.A., FOMINA L.V.

The ideas of 'pure' and 'mixed Russians' in the Russian journalism of the 1760s.

The article deals with the shaping of Russian ethnic identity in the context of the ideas of 'nation' and 'race' that emerged in Western Europe in the 18th c. Following European tendencies Catherine II and Russian educated elite were interested in 'constructing' of ethnic identity even if the constructs hardly had anything to do with reality.

FROLOVA M.M. Moscow art class (1833–1843)

The article deals with the history of the Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture that started from the Art class in 1833. The author challenges the version accepted by the Soviet historiography (according to it the Class was organized by artists). It is shown that the Class was established by the members of Moscow nobility. The role of trustees and the Moscow authorities is demonstrated.

CHIGLINTSEV E.A. 'Schliemann of Ancient choreography': Antiquity in the work by Isadora Duncan

The article presents the study of transformation of 'classical theme in the work by Isadora Duncan: the ballerina's interest in Greek culture, adoption and interpretation of Ancient models, creation of a new dance rooted in modernist culture. The author

traces Duncan's gradual departure from Ancient images, her use of new Soviet mythology in an attempt to make art more accessible to unsophisticated viewers, and the submission of Duncan's work to the tendencies of mass culture.

REBANE LIJA. An unknown book binding by Kaspar Moizer

The article deals with the specific of German bookbinding in the 16th century and is focused on a book from the collection of the Dukes of Kurland. It is shown that versions of bindings' design depended on the book's purpose. A great deal of attention is paid to works by Kaspar Moizer and Jacob Crause and their distinct style.

MAKAROVA L.M. Antinazism in the East German Art, 1945–1955

The article shows the development of art in East Germany after the World War II — from various meanings to clichés — and point out to its characteristics — specific combinations of humanism and de-humanisation, involvement into politics, a view according to which it was possible to convert an uncompromising (antibourgeois) antinazism into socialism.

PHILIMONOV V.A. M.S. Kutorga and N.I. Kareyev: The specific of communication and problems of verification

The article is dedicated to the relations of the two distinguished Russian scholars in the context of their professional activity. The author presents the detailed analysis of the personal and professional life of M.S. Kutorga — a well-known specialist on Ancient history; his influence over N.I. Kareyev is emphasized.

SVESHNIKOV A.V., SVESHNIKOVA O.S. The Group of archaic agriculture: a forgotten episode of the history of Soviet academic life of the 1930s

The article presents the history of the State Academy of the history of material culture (STHMC). It was created in 1919 as a successor of the Imperial Archaeological commission. The authors draw attention to the works of the scholars in the fields of the archaeology of agriculture of archaic societies on the material from Siberia and other regions of Russia. It is shown that these works influenced the concept of historical formation that was of paramount importance for the Soviet historical thought.

IONOV I.N. Postcolonial criticism and the transformation of the ideas of civilization

The article traces the processes that have helped the history of civilizations to regain topicality. In 1990s civilization studies were criticized in the context of postcolonial discourse where it was linked with the discourse of domination and the ideology of civilizing. It is shown that contemporary authors prefer to preserve chronological and epistemological distance between themselves and the tradition of civilizing.

BACHININ V.A. Sociology of intellectual history. Construing and de-construing Auguste Comte

The author deals with the problem of interaction between secular positivist discourse of historical sociology and transcendental and sacral determination of historical process. The concept of the three stages of civilization is seen as a way to deconstruct in-

tellectual history that preceded Nietzsche's ideas and led to emergence of an artificial secular religion, to dogmatism and reductionism. Elimination of religious component left gaps in semantic configuration of sociological discourse. Restoration of moral and religious component is necessary in order to create historical theo-anthroposociology based on principled theocentrism and methodological sociocentrism.

MALYSHEVA S.YU. The recreation space in a provincial city: Kazan' in the late 19 – early 20th cc.

The article presents a study of Kazan's everyday life in a period of active social mobility and is focused on the organization of recreation space and on the demarcation of certain zones within the city that had been 'appropriated' by various social groups. A good deal of attention is paid to the interaction of ethnic recreation zones — 'Russian' and 'Tatar' districts and public places. It is shown that recreation zones for various social groups were often juxtaposed and enabled social diffusion.

CHOUVARDIN G.S. 'German-Swedish' nobility among the officers of the Russian Imperial Guard of the early 20th c.

The article is focused on the structure of Russian military elite of the early 20th c. The author analyses ethnic and confessional structure of the Imperial Guards. He points out that by the beginning of the World War I members of German and Swedish families played an important role in the Imperial Guard and Russian military elite.

SKORIK A.P., TIKIGIAN R.G. Transition to the NEP in the context of the local history of Don region

The authors look at the history of the Don region during the period of transition from the policy of 'war communism' to that of the NEP. It is demonstrated that the transition was long, difficult and was accompanied by political struggle, which sometimes turned into actual fighting.

GONCHAROVA I.V. The everyday life of peasants in the Central Chernozem region in the 1920s

The article presents the everyday life of peasants after the Revolution and the Civil War as defined by difficult material conditions, archaic life models, low standards of living. The authorities introduced new values and symbols that destroyed the stereotypes of the peasants' world image.

Дорогие читатели, вы можете подписаться на наше издание «Диалог со временем» в любом отделении связи России. Подписной индекс 36030 в каталоге Агентства «Роспечати».

ОБ АВТОРАХ

БАЧИНИН Владислав Аркадьевич — д.соц.н., проф., г.н.с. Социологического института Российской академии наук

ВЖОСЕК Войцех — проф. университета им А. Мицкевича, Познань, Польша

ВИШЛЕНКОВА Елена Анатольевна — д.и.н., г.н.с. Института гуманитарных историко-теоретических исследований, проф. кафедры наук о культуре государственного университета — Высшая школа экономики (ВШЭ)

ГОНЧАРОВА Ирина Валентиновна — к.и.н., доц. кафедры истории России Орловского государственного университета

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Алексеевна — к.и.н., доц. кафедры истории зарубежных стран Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского

ИОНОВ Игорь Николаевич — к.и.н., с.н.с. Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук

КАНИНСКАЯ Галина Николаевна — д.и.н., проф. кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

КОЖЕВНИКОВ Виктор Андреевич — с.н.с. Института мировой литературы Российской Академии наук

КУЗНЕЦОВ Андрей Александрович — к.и.н., доц., зав. кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского

МАКАРОВА Любовь Михайловна — д.и.н., проф. кафедры зарубежных стран в новое и новейшее время Сыктывкарского государственного университета

МАЛЬШЕВА Светлана Юрьевна — д.и.н., проф. кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования Казанского ГУ

МЭГИЛЛ Аллан — проф. университета Вирджинии, США

РЕБАНЕ Лиия — докторант Университета Хельсинки, отделение Истории искусств, руководитель музея Технического университета Таллина

СВЕШНИКОВ Антон Вадимович — к.и.н., доц. кафедры истории Омского государственного университета, зам. декана исторического факультета

СВЕШНИКОВА Ольга Сергеевна — к.и.н., ст. преп. кафедры социологии Омского государственного университета

СЕРЕГИНА Анна Юрьевна — к.и.н., с.н.с. Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук

СКОРИК Александр Павлович — к.и.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-российского государ-

ственного технического университета (Новочеркасского политехнического института)

СОКОЛОВ Павел Валерьевич — исследователь-стажер Института гуманитарных историко-теоретических исследований, преп. кафедры истории философии государственного университета — Высшая школа экономики

СОМОВ Владимир Александрович — к.и.н., доц. кафедры современной отечественной истории Нижегородского университета им. Лобачевского

СОФРОНОВА Лидия Владимировна — к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета

СТАРКОВА Надежда Юрьевна — к.и.н., доц., декан исторического факультета Удмурдского государственного университета

ТИКИДЖЯН Руслан Геннадьевич — к.и.н., доц. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Ростовской академии сервиса (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса

ТОШТЕНДАЛЬ Рольф — заслуженный (emeritus) профессор Уппсальского университета, Швеция

ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВА Тамара Алексеевна — к.и.н., доц., почетный доктор Уппсальского университета, директор Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович — к.и.н., доц. кафедры истории русской литературы историко-филологического факультета РГГУ, зам. директора института филологии и истории по методической работе и историческому образованию

ФИЛИМОНОВ Владимир Альбертович — к.и.н., доц. кафедры древнего мира и средних веков Сыктывкарского государственного университета

ФОМИНА Людмила Васильевна — аспирант исторического факультета Казанского государственного университета

ФРОЛОВА Марина Михайловна — к.и.н., с.н.с. Института славяноведения Российской академии наук

ХУТ Людмила Рашидовна — к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп)

ЧИГЛИНЦЕВ Евгений Александрович — к.и.н., доц., декан исторического факультета Казанского государственного университета

ЧУВАРДИН Герман Сергеевич — к.и.н., доц. кафедры истории России Орловского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Теории и методы исторической науки: по итогам конференции

<i>Войцех Вжосек</i> Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи.....	5
<i>Рольф Тоштендаль</i> Возвращение историзма? Нео-институционализм и “исторический поворот” в социальных науках.....	14
<i>Ю.Л. Троицкий</i> Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс.....	26
<i>В.А. Сомов</i> Применение историко-психологического метода при изучении мотивации труда.....	33

Историческое измерение политического

<i>Аллан Мегилл</i> Границы и национальное государство: предварительные заметки.....	42
---	----

История, религия, культура

<i>П.В. Соколов</i> «Хрупкий авторитет диалектики»: Роджер Бэкон против парижских аверроистов.....	59
<i>Л.В. Софронова</i> «Соборная проповедь» Дж. Колета: реформа, Реформация, христианский ренессанс.....	69
<i>А.Ю. Серегина</i> Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI – первой половины XVII веков.....	90

История идей, понятий, представлений

<i>В.А. Кожевников</i> «Не по замыслу Бояню», или как князю Игорю «Богъ путь покажетъ»: к проблеме главной идеи «Слова о полку Игореве».....	111
<i>Е.А. Вишленкова, Л.В. Фомина</i> Идеи о «чистых» и «смешанных русских» в отечественной публицистике 1760-х годов.....	141

Из истории искусства

<i>М.М. Фролова</i> Московский художественный класс: создание и основные вехи развития (1833–1843).....	157
<i>Е.А. Чиглинец</i> «Шлиман античной хореографии»: античность в творчестве Айседоры Дункан.....	183
<i>Ребана Лшия</i> О неизвестном книжном переплете работы Каспара Мойзера.....	190
<i>Л.М. Макарова</i> Антинацизм в изобразительном искусстве Восточной Германии (1945–1955)	211

Из истории науки

<i>В.А. Филимонов</i> М.С. Куторга и Н.И. Кареев: коммуникативная специфика и трудности верификации.....	223
<i>А.В. Свешников, О.С. Свешникова</i> Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х годов.....	236

Приглашение к дискуссии

<i>И.Н. Ионов</i> Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений.....	257
<i>В.А. Бачинин</i> Социология интеллектуальной истории: конструкция и деконструкция Огюста Конта.....	275

Интервью

<i>Г.Н. Канинская</i> Историк об историческом знании и о себе. Интервью с директором центра истории института политических наук Парижа профессором Ж.-Ф. Сиринелли.....	291
--	-----

В пространстве социальной истории

<i>С.Ю. Мальшева</i> Досуговое пространство провинциального города: Казань во второй половине XIX – начале XX вв.....	305
<i>Г.С. Чувардин</i> «Немецко-шведское» дворянство в офицерском корпусе российской императорской гвардии в начале XX века.....	337
<i>А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян</i> Переход к нэпу в проблемном поле локальной истории Дона.....	352
<i>И.В. Гончарова</i> Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х гг.....	362

Читая книги

<i>Т.А. Тоштендаль-Салычева</i> Образ королевы Кристины в интерпретации Петера Энглунда.....	372
<i>Л.Р. Хут</i> Пространство диалога.....	384
<i>Н.Ю. Старкова</i> А. Волков и Спарта (в традициях женского детектива).....	395
Summaries.....	405
Об авторах.....	409
Содержание.....	411
Contents.....	413

CONTENTS

Theories and methods of historical discipline

<i>Wojciech Wrzosek</i> Classical historiography as bearer of national (nationalist) idea.....	5
<i>Rolf Torstendahl</i> The return of <i>Historismus</i> ? Neo-institutionalism and historical turn in social sciences.....	14
<i>Yu.L. Troitsky</i> Historical comparative studies: epistemology and discourse.....	26
<i>V.A. Somov</i> The use of historical and psychological method in studying work motivation.....	33

Historical aspect of politics

<i>Allan Megill</i> Borders and the Nation-State: a Preliminary Communication.....	42
---	----

History, religion, culture

<i>P.V. Sokolov</i> 'Fragile authority of dialectics': Roger Bacon against Averroists.....	59
<i>L.V. Sofronova</i> The 'Convocation Sermon' by John Colet: Reform, Reformation, Christian Renaissance.....	69
<i>A.Yu. Seregina</i> English translations of Catholic works in the late 16 th – early 17 th cc.....	90

History of ideas

<i>V.A. Kozhevnikov</i> 'Not like the inventions of Boyan', or how 'God shows the path' to Prince Igor: the problem of the main idea in the 'Tale of Igor's Campaign'.....	111
<i>E.A. Vishlenkova, L.V. Fomina</i> The ideas of 'pure' and 'mixed Russians' in the Russian journalism of the 1760s.....	141

History of art

<i>M.M. Frolova</i> Moscow art class (1833–1843).....	157
<i>E.A. Chiglintsev</i> 'Schliemann of Ancient choreography': Antiquity in the work by Isadora Duncan.....	183
<i>Rebane Lija</i> An unknown book binding by Kaspar Moizer.....	190
<i>L.M. Makarova</i> Antinazism in the East German art, 1945–1955.....	211

History of historical discipline

- V.A. Philimonov*
 M.S. Kutorga and N.I. Kareyev: the specific of communication
 and problems of verification..... 223
- A.V. Sveshnikov, O.S. Sveshnikova*
 The Groupe of archaic agriculture: a forgotten episode in the history of
 Soviet academic life of 1930s..... 236

Debates

- I.N. Ionov*
 Postcolonial criticism and the transformation of the studies of the ideas of
 civilization..... 257
- V.A. Bachinin*
 Sociology of intellectual history. Construing and de-construing Auguste Comte 275

Interview

- G.N. Kaninskaya*
 A historian on historical knowledge and himself.
 Interview with J.-F. Sirinelli..... 291

Within the field of social history

- S.Yu. Malysheva*
 The recreation space in a provincial city: Kazan' in the late 19th – early 20thcc. 305
- G.S. Chouvardin*
 'German-Swedish' nobility among the officers of the Russian Imperial
 Guard of the early 20th c..... 337
- A.P. Skorik, R.G. Tikigian*
 Transition to the NEP in the context of the local history of Don region..... 352
- I.V. Goncharova*
 The everyday life of peasants in the Central Chernozem region in the 1920s 362

Reading books

- T.A. Torstendahl-Salycheva*
 The image of Queen Christina in the interpretation of Peter Englund..... 372
- L.P. Hut*
 The dialogue space..... 384
- N.Yu. Starkova*
 A. Volkov and Sparta (traditions of women's crime fiction writing)..... 395
- Summaries..... 405
 Contributors..... 409
 Contents..... 413